

И. С. Кудашев

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ**

Helsinki University Translation Studies
Monographs 3

Helsinki 2007

Helsinki University Translation Studies Monographs 3

Vol. 3. Igor Kudashev

Projektovanie perevodčeskikh slovarej special'noj leksiki

(= Designing LSP Dictionaries for Translators)

Supervisors:

Professor Inkeri Vehmas-Lehto, University of Helsinki

Professor Aleksandr Sergeevich Gerd, Saint-Petersburg State University

Examiners:

Professor Vladimir Moiseevich Leitchik, Pushkin State Russian Language Institute

Dr. Dr. h.c. Harry Walter, Ernst-Moritz-Arndt University of Greifswald

Orders:

University of Helsinki

Department of Translation Studies

P.O. Box 94 (Paraatikenttä 7), FIN-45101 Kouvola

Tel. +358 5 825 211

Fax +358 5 825 2251,

<http://www.rosetta.helsinki.fi>

© Igor Kudashev

ISSN 1459-3246

ISBN 978-952-10-4036-8 (paperback)

ISBN 978-952-10-4037-5 (PDF)

Cover picture: Vsevolod Kudashev, Igor Kudashev

HELSINKI UNIVERSITY PRINT

HELSINKI 2007

Аннотация

Принципы создания нормативных терминологических продуктов подробно описаны во многих руководствах, пособиях и даже международных стандартах, однако они не всегда применимы к словарям, ориентированным на перевод, поскольку последние существенно отличаются от нормативных словарей по объему, назначению и адресату.

У данного исследования три основные цели. Первой из них является инвентаризация, уточнение и пополнение терминологического аппарата, необходимого для проектирования переводческих словарей специальной лексики. Вторая цель состоит в выявлении, классификации и описании факторов, влияющих на выбор характеристик переводческого словаря специальной лексики и на процесс его создания. Наконец, третья цель заключается в выработке общих рекомендаций по проектированию и составлению переводческих словарей специальной лексики. Исследование основывается на анализе словарей, рецензий, лексикографической и терминоведческой литературы, а также на материалах нескольких словарных проектов и результатах переводческих опросов.

Детальный анализ понятия "словарь" позволил нам очертить круг основных проектируемых параметров словаря. К ним относятся: адресат словаря, его назначение, связь с другими произведениями, носитель информации, состав левой и правой частей словаря, состав и расположение дополнительных частей, средства компрессии информации, организация словаря и обеспечение доступа к информации.

Факторы, влияющие на параметры словаря и процесс его создания, предлагается разделить на собственно лексикографические и внешние. Первая группа факторов определяется потребностями пользователей, а вторая отражает реальные условия, в которых осуществляется словарный проект. Чтобы словарь наилучшим образом отвечал потребностям пользователей, при его проектировании следует исходить из собственно лексикографических факторов и искать компромисс между противоборствующими обстоятельствами.

При составлении словарей специальной лексики важно учитывать уровень знаний пользователей в выбранной предметной области, их общую языковую подготовку, владение языком для специальных целей и лексикографическую компетенцию. В диссертации рассматриваются потребности переводчиков в отношении словарей специальной лексики, а также роль словарей в процессе перевода специальных текстов. В работе подчеркивается важность планирования лексикографических продуктов, и детально рассматриваются многие практические аспекты проектирования переводческих словарей специальной лексики.

Abstract

The methodology of designing normative terminological products has been described in several guides and international standards. However, this methodology is not always applicable to designing translation-oriented terminological products which differ greatly from normative ones in terms of volume, function, and primary target group.

This dissertation has three main goals. The first is to revise and enrich the stock of concepts and terms required in the process of designing an LSP dictionary for translators. The second is to detect, classify, and describe the factors which determine the characteristics of an LSP dictionary for translators and affect the process of its compilation. The third goal is to provide recommendations on different aspects of dictionary design. The study is based on an analysis of dictionaries, dictionary reviews, literature on translation-oriented lexicography, material from several dictionary projects, and the results of questionnaires.

Thorough analysis of the concept of a dictionary helped us to compile a list of designable characteristics of a dictionary. These characteristics include target group, function, links to other resources, data carrier, list of lemmata, information about the lemmata, composition of other parts of the dictionary, compression of the data, structure of the data, and access structure.

The factors which determine the characteristics of a dictionary have been divided into those derived from the needs of the intended users and those reflecting the restrictions of the real world (e.g. characteristics of the data carrier and organizational factors) and attitudes (e.g. traditions and scientific paradigms). The designer of a dictionary is recommended to take the intended users' needs as the starting point and aim at finding the best compromise between the conflicting factors.

When designing an LSP dictionary, much depends on the level of knowledge of the intended users about the domain in question as well as their general linguistic competence, LSP competence, and lexicographic competence. This dissertation discusses the needs of LSP translators and the role of the dictionary in the process of translation of an LSP text. It also emphasizes the importance of planning lexicographic products and activities, and addresses many practical aspects of dictionary design.

СОДЕРЖАНИЕ

АННОТАЦИЯ	1
ABSTRACT	2
ВВЕДЕНИЕ	7
БЛАГОДАРНОСТИ	13
1. ПОНЯТИЙНЫЙ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ, НЕОБХОДИМЫЙ ДЛЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ СЛОВАРЯ	15
Лексикографическое определение понятия "словарь"	15
<i>Причины отсутствия универсального определения понятия "словарь"</i> ..	16
<i>Значение определения понятия "словарь" для теории и практики лексикографии</i>	20
<i>Признаки словаря как лексикографического произведения</i>	22
Определения понятия "словарь" в справочной и специальной литературе	23
Родовое понятие для понятия "словарь"	24
Видовые признаки понятия "словарь"	26
Связь с внешним носителем информации.....	28
Опубликованность	29
Фрагментарность и предназначенность для несплошного чтения	29
Лаконичность описания	32
Разделение на левую и правую части.....	33
Состав левой части словаря.....	36
Упорядоченность левой части	39
Содержание правой части.....	41
Функции словаря.....	43
<i>Определение понятия "словарь"</i>	47
Границы этапа проектирования словаря	48
Названия типов словарной информации.....	51
Названия элементов структуры словаря.....	56
2. КЛАССИФИКАЦИЯ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОВАРЯ И ПРОЦЕСС ЕГО СОЗДАНИЯ	66
Собственно лексикографические факторы	66
Внешние факторы	70
3. ЛЕКСИКОГРАФИРУЕМЫЙ МАТЕРИАЛ. ТИПЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ	73
Определение языков для специальных целей.....	73
Выбор национальных языков, ЯСЦ которых описываются словарем.....	75
<i>Выбор входных и выходных языков</i>	75
<i>Выбор количества языков</i>	77

<i>Выбор степени обратимости словаря</i>	81
ВЫБОР ЯСЦ, ОПИСЫВАЕМЫХ СЛОВАРЕМ	86
<i>Классификации ЯСЦ</i>	86
"Горизонтальные" классификации ЯСЦ	86
"Вертикальные" классификации ЯСЦ	88
<i>Факторы, влияющие на выбор ЯСЦ</i>	91
ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ ЯСЦ	93
<i>Общепотребительная лексика</i>	95
<i>Специальная лексика</i>	97
Собственная и привлеченная специальная лексика	97
Имена собственные, термины и номенклатура	100
Терминоиды	103
Лексика ЯСЦ, имеющая ограниченное употребление	105
Устаревшая лексика и неологизмы	108
Неалфавитные элементы ЯСЦ	110
Несубстантивные классы специальной лексики	111
Морфо-синтаксические классы специальной лексики	113
4. ПОЛЬЗОВАТЕЛИ СЛОВАРЕЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ	118
Пользователи терминологических продуктов	118
ПЕРЕВОДЧИКИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ПОЛЬЗОВАТЕЛИ СЛОВАРЕЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ	122
<i>Предметная и лингвистическая компетенция переводчиков специальной литературы</i>	126
<i>Лексикографическая компетенция переводчиков специальной литературы</i>	135
ПОТРЕБНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКОВ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ В ОТНОШЕНИИ СЛОВАРЯ ...	137
5. НАЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ	144
ОРИЕНТАЦИЯ НА РАЗЛИЧНЫЕ ЭТАПЫ ПЕРЕВОДА	145
ОРИЕНТАЦИЯ НА ПИСЬМЕННЫЙ ПЕРЕВОД VS. ОРИЕНТАЦИЯ НА УСТНЫЙ ПЕРЕВОД.....	150
ОРИЕНТАЦИЯ НА ПЕРЕВОД С ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА РОДНОЙ VS. ОРИЕНТАЦИЯ НА ПЕРЕВОД С РОДНОГО ЯЗЫКА НА ИНОСТРАННЫЙ	151
ОРИЕНТАЦИЯ НА ПЕРЕВОД С ОПРЕДЕЛЕННОЙ СТЕПЕНЬЮ СВОБОДЫ ПЕРЕДАЧИ ЕДИНИЦ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ	153
6. ВЫБОР НОСИТЕЛЯ ДЛЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ	155
7. ПРОЕКТИРОВАНИЕ СВЯЗЕЙ СЛОВАРЯ С ДРУГИМИ ИЗДАНИЯМИ	163
8. ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОСНОВНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ	169

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СЛОВНИКА.....	169
<i>Факторы, влияющие на формирование словника</i>	169
<i>Участники и методы формирования словника</i>	177
<i>Значимость различных классов общеупотребительной и специальной лексики для переводчиков специальной литературы</i>	180
<i>Формирование лемматизированного словника</i>	192
ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРАВОЙ ЧАСТИ.....	194
<i>Аспекты проектирования правой части</i>	195
Отношения между типами информации и способами их выражения.....	195
Типы информации	196
Детализация и глубина представления информации	198
Информационные профили единиц словника	199
Контрастивная информация	200
Средства выражения вторичной информации	201
<i>Значимость различных типов информации для переводчиков специальной литературы</i>	206
<i>Способы представления различных типов информации</i>	210
Информация о правописании	213
Информация о произношении	214
Информация о словообразовании	217
Информация о словоизменении.....	218
Информация о значении	225
Идентифицирующая информация.....	226
Дополнительная информация о понятии	250
Другие аспекты значения специальных единиц.....	254
Информация о системных связях.....	258
Информация о понятийных отношениях.....	258
Информация об омонимии и полисемии.....	263
Информация о синонимических отношениях.....	266
Информация о переводческих соответствиях	275
Информация об антонимических отношениях.....	287
Информация о сочетаемости	288
Информация о тематической принадлежности	294
Информация о хронологическом статусе.....	298
Информация об ареальном статусе.....	301
Информация об организационном и юридическом статусе	303
Информация о стилистическом и нормативном статусе.....	306
Информация о частотности и употребительности	308
Информация об этимологии	310
Источники словаря и информация о них.....	312
Выбор типов источников	312
Отбор текстов	318
Выбор участников и методов обработки информации.....	320

Информация об источниках словаря.....	322
Временная информация	328
Дополнительные корпуса	330
9. ПРОЕКТИРОВАНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ.....	332
Обложка и титульный лист.....	335
Вводная часть.....	339
<i>Предисловие</i>	340
<i>Правила пользования</i>	343
<i>Энциклопедические и языковые очерки</i>	346
Послекорпусная часть.....	347
<i>Приложения</i>	347
<i>Указатели</i>	350
ДРУГИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИ СЛОВАРЯ.....	354
10. ПРОЕКТИРОВАНИЕ СРЕДСТВ ЭКОНОМИИ И КОМПРЕССИИ ИНФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ СЛОВАРЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ.....	357
11. ПРОЕКТИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ОСНОВНОГО КОРПУСА ПЕРЕВОДЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ.....	364
ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ	365
ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПОРЯДКА СЛЕДОВАНИЯ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ	370
12. ПРОЕКТИРОВАНИЕ СРЕДСТВ НАВИГАЦИИ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ СЛОВАРЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ.....	378
13. ПЛАНИРОВАНИЕ СЛОВАРНОГО ПРОЕКТА. ПРОЕКТНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ	385
14. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	389
ЛИТЕРАТУРА.....	403
Источники на русском языке	403
Источники на других языках	421
Словари, энциклопедии, справочники и стандарты.....	434
ПРИЛОЖЕНИЕ. СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ И ДОКЛАДОВ СОИСКАТЕЛЯ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ	440
Публикации	440
Доклады.....	442

Введение

Данная диссертационная работа выполнена на Отделении переводоведения Хельсинкского университета под руководством профессора Инкери Вехмас-Лехто (заведующая кафедрой русского языка Отделения переводоведения Хельсинкского университета) и профессора А.С. Герда (заведующий кафедрой математической лингвистики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета).

Объектом исследования являются переводческие словари специальной лексики и процесс их проектирования. Термин "переводческий словарь" лучше подходит для целей нашей работы, чем более традиционный термин "переводной словарь". Внутренняя форма последнего имплицитно ориентирует на процесс перевода, но не на переводчиков как на основную целевую группу. Кроме того, прилагательное "переводной" может иметь значение "переведенный с другого языка" (ср. "переводная литература"). Под "переводческими словарями" мы понимаем словари, предназначенные для переводчиков и ориентированные на процесс перевода. Данный термин встречается в аналогичном значении в ряде работ (напр., Справочные издания 1982: 106; Борисова 1985, 1986, 1988). Вместо широко распространенного термина "терминологический словарь" мы предпочитаем использовать более точный термин "словарь специальной лексики", поскольку термины являются лишь одним из классов специальной лексики.

В центре нашего внимания находится наиболее характерный и многочисленный тип переводческих словарей специальной лексики – двуязычный бумажный отраслевой словарь, хотя в работе затрагиваются также проблемы других типов переводческих словарей специальной лексики.

Целями исследования являются:

- инвентаризация, уточнение и пополнение понятийного и терминологического аппарата, необходимого для проектирования переводческих словарей специальной лексики;

- выявление, классификация и описание факторов, влияющих на выбор характеристик переводческого словаря специальной лексики и процесс его создания;
- выработка общих рекомендаций по проектированию и составлению переводческих словарей специальной лексики.

Акцент в работе делается в первую очередь на собственно терминографических, а не лексикологических и терминоведческих проблемах.

Актуальность и важность исследования объясняются тем, что этап проектирования необходим для составления качественного словаря. Проектирование приобретает особое значение, если составлением словаря занимаются люди без лексикографической подготовки, как это часто бывает в случае словарей специальной лексики.

Наличие руководств и инструкций по составлению стандартов на термины и определения и нормативных (прескриптивных) терминологических словарей несколько снижает значимость проектирования для этого типа изданий. Вместе с тем руководства способны заменить собой проектирование лишь в том случае, если создаваемый словарь относится к описанному в руководстве типу, а условия и ресурсы словарного проекта соответствуют тем, из которых исходят авторы нормативного документа. На практике специфика описываемого материала, быстро меняющиеся информационные потребности пользователей и технические возможности неизбежно вносят коррективы в принципы создания и процесс работы над словарем, что предполагает отход от инструкций и самостоятельное проектирование.

Большинство переводческих словарей специальной лексики является дескриптивными (описательными). К сожалению, пособий по составлению дескриптивных словарей специальной лексики пока мало, они носят весьма общий характер и в них слабо освещены практические вопросы проектирования и составления словарей. Ограниченный характер этих пособий признают и сами авторы. Специального руководства по составлению переводческих словарей специальной лексики пока нет. Мы надеемся, что наша работа поможет заложить теоретический фундамент проектирования переводческих словарей спе-

циальной лексики, на основе которого станет возможной разработка практических инструментов, которые позволили бы как начинающим, так и более опытным терминографам проектировать новые словари в соответствии с уникальными условиями, возможностями и потребностями словарных проектов.

Материал и методы исследования. Помимо общенаучных, в работе применялись также следующие специфические для лексикографии методы:

- комментирование и критика текстов словарей;
- изучение концепций словарей и опыта словарных проектов;
- изучение рецензий на словари;
- опросы пользователей.

Ниже каждый из перечисленных методов рассматривается подробнее вместе с описанием материала, к которому он применялся.

Комментирование и критика текстов словарей предполагает, что лексикограф анализирует существующие словари, сравнивает их между собой, отмечает их достоинства и недостатки, ищет закономерности, делает обобщения и выдвигает предложения по усовершенствованию словарей (Денисов 1976: 8).

Основным материалом для нашего исследования послужили дву- и многоязычные словари специальной лексики, в которых представлены русский, английский и финский языки. Проанализировать всю массу существующих словарей не представлялось возможным, поскольку, например, одних только словарей с русским языком в 1970–1980-е гг. было опубликовано около полутора тысяч (Перевод научно-технической литературы 1986: 32–93). Нашу задачу в определенной степени облегчило то обстоятельство, что терминологические словари крупных издательств часто бывают однотипными, поэтому нет необходимости исследовать их все. Например, терминологические словари издательства "Русский язык", выпущенные в советское время, или словари финского Центра терминологической работы (Sanastokeskus TSK) практически не отличаются друг от друга по строению и принципам составления.

Большинство исследованных словарей было опубликовано в 1980–2000-е гг., однако мы сочли необходимым исследовать также некоторые более

старые словари, чтобы проследить эволюцию лексикографических традиций. Старейшие из исследованных нами словарей датируются 1950-ми гг.

Круг исследуемых произведений был ограничен наиболее характерным и многочисленным классом переводческих словарей специальной лексики – бумажными двуязычными отраслевыми словарями. Другие типы словарей, ориентированные на процесс перевода, – многоязычные, полиотраслевые, электронные – привлекались в качестве дополнительного материала.

В связи с тем что в одноязычной, особенно академической, и общеязыковой двуязычной лексикографии накоплен огромный опыт, релевантный и для переводческих словарей специальной лексики, вторичным материалом исследования послужили также авторитетные общеязыковые одноязычные и двуязычные словари.

При анализе словарей мы обращали внимание не только на собственно словарный материал, но и на элементы теории. Предисловие нередко является единственным местом, где авторы словаря делятся своим опытом, рассказывают о трудностях и особенностях того или иного словарного жанра или предметной области и обосновывают свои оригинальные решения.

Изучение концепций словарей и опыта словарных проектов. При написании диссертации мы пользовались материалами заседаний рабочей группы проекта по созданию Финско-русского лесного словаря (Хельсинкский университет, Центр обучения и развития "Палмения", Коуволла, 2003–2006 гг.), а в качестве вспомогательного материала привлекались такие материалы, как "Лингвистическая концепция терминологического банка данных машинного фонда русского языка (Проект)" (1989); "Концепция 'Металлургического энциклопедического словаря'" (1991) и описания концепций словарей в материалах конференций.

Систематическому анализу подвергся также личный опыт автора. В частности, мы ссылаемся на опыт составления "Финско-русского словаря по социальному обеспечению" (Kudashev 2000) и опыт работы в проекте по созданию "Финско-русского лесного словаря" (далее – ФРЛС). Последний словарь создан коллективом авторов под руководством профессоров Инкери Вехмас-Лехто и

А.С. Герда. Автор диссертации участвовал в разработке концепции указанного словаря, работал в качестве терминолога и отвечал за техническое сопровождение проекта. Автор также принимал участие в проектировании и создании "Англо-финско-русского словаря лексики программ соседства" в рамках проекта Common Language (Хельсинкский университет, Центр обучения и развития "Палмения", Коуволла).

Изучение рецензий на словари. В нашей работе мы учитывали результаты количественного анализа значительного количества рецензий на терминологические словари, приведенные в книге "Руководство по специализированной лексикографии" (Bergenholtz & Tarp 1995: 234), а также рецензии на русском языке, которые, скорее всего, не попали в сферу внимания авторов упомянутой книги. В качестве дополнительного материала привлекались также рецензии на общеязыковые словари (напр., Карпова 2004).

Опросы пользователей. В нашем исследовании используются данные нескольких анкетирований, протоколов и экспериментов.

В период с мая по сентябрь 2002 г. нами было проведено анкетирование финских и российских переводчиков специальных текстов. Опрос проводился с целью уточнения социологического портрета переводчика специальных текстов и выявления отношения переводчиков к различным типам терминологических словарей, типам терминологической информации и лексикографическим приемам. Анкета была составлена на финском и русском языках и распространялась в бумажном и электронном виде. В России чуть более половины опрошенных составили переводчики Всероссийского центра переводов научно-технической литературы и документации Федерального агентства по науке и инновациям (ВЦП), в Финляндии значительная часть ответов поступила от участников переводческого Интернет-форума Translat и читателей газеты Kääntäjä ("Переводчик"). Оставшуюся часть опрошенных составили коллеги автора. Всего в опросе приняли участие 67 переводчиков. Не все из опрошенных проживали в Финляндии или России (в частности, поступали ответы из Великобритании, Германии, Швеции и Швейцарии), и не у всех родным языком являлся финский или русский (указывались также шведский, латышский и билингвальные соче-

тания финский-английский и французский-английский). Тем не менее на основе выбранного языка анкеты опрашиваемых можно условно разделить на финских респондентов (45 человек) и российских респондентов (22 человека). Результаты этого анкетирования оформлены преимущественно в виде таблиц и встречаются на протяжении всей работы. В некоторых таблицах в результате округления общая сумма отличается от 100 % на одну сотую процента.

В качестве материала для сравнения используются также результаты трех известных нам опросов переводчиков относительно переводческих словарей, главным образом, терминологических. Это опрос Американской Ассоциации Переводчиков (American Translators Association), основные результаты которого представлены в журнале *Babel* (Good dictionaries 1978: 52–53); опрос переводчиков и научных работников, проводившийся "Всесоюзным центром переводов" (Шайкевич & Убин 1988: 112–118) и опрос пользователей многоязычных специальных словарей, проводившийся в 1992–1993 гг. "Брюссельским центром терминологии" (Centre de Terminologies de Bruxelles – Hermans 1995: 29–33). Для нашего исследования в определенной степени релевантны также результаты анкетирования, проведенного Дж. Томашчуком (Tomaszczyk 1979), хотя в нем основное внимание уделяется потребностям преподавателей и студентов языковых специальностей. В работе учтен также обширный материал о стратегиях и предпочтениях пользователей словарей, изложенный в книге *Using Dictionaries* (Atkins 1998), и описание одного лексикографического протокола (Tomaszczyk 1989).

Состав и структура работы. Работа состоит из Введения, тринадцати глав и Заключения. В Приложении приводится список публикаций и докладов соискателя по теме диссертации. В библиографии вначале приводятся источники на русском языке, а затем на других языках. В отдельный раздел выделены цитированные словари, энциклопедии, справочники и стандарты. Выходные сведения источников по возможности оформлялись в соответствии с оборотом титульного листа и традициями библиографического описания на соответствующих языках.

Благодарности

Пользуясь случаем, хочу выразить глубокую благодарность всем, кто так или иначе способствовал появлению этой работы.

Я очень признателен своим научным руководителям, Инкери Вехмас-Лехто (Inkeri Vehmas-Lehto) и Александру Сергеевичу Герду, за их мудрое и тактичное наставничество. Я многому от них научился и буду счастлив продолжать с ними сотрудничество и в дальнейшем.

Я благодарен переводческому отделению Хельсинкского университета (Helsingin yliopiston käännöstieteen laitos) и городу Коувола за обеспечение финансирования и создание необходимых условий для занятий научной деятельностью. Выражаю также признательность Фонду поддержки научных исследований Хельсинкского университета (Helsingin yliopiston tiedesäätiö), благодаря стипендии которого была завершена работа над лицензиатской (Koudachev 1999) и начата работа над докторской диссертацией.

Выражаю благодарность Центру обучения и развития "Палмения" Хельсинкского университета (Helsingin yliopisto, Koulutus ja kehittämiskeskus Palmenia, Kouvola) и программе Интеррег III А (ныне – программа соседства "Юго-Восточная Финляндия – Россия", Kaakkois-Suomi – Venäjä Naapuruusohjelma) за возможность принять участие в двух словарных проектах – проекте по созданию "Финско-русского лесного словаря" (Suomalais-venäläinen metsäsanakirjahanke) и проекте Common Language, целью которого является составление "Англо-финско-русского словаря лексики программ соседства". В процессе работы над этими словарями, с одной стороны, имелась возможность проверить свои теоретические изыскания на жизнеспособность, а с другой стороны, был приобретен бесценный практический опыт словарной работы, нашедший отражение и в диссертации.

Очень важной частью работы над диссертацией был сбор терминоведческих и лексикографических источников и общение с коллегами. Хочу поблаго-

дарить российских и финских терминоведов и лексикографов за их бесценную помощь, дружескую поддержку и доброжелательное отношение.

Большое спасибо финским и российским переводчикам, нашедшим время ответить на вопросы моей анкеты. Благодарю директора ВЦП (Всероссийского центра переводов научно-технической литературы и документации Федерального агентства по науке и инновациям) Ивана Ивановича Убина, поспособствовавшего организации опроса среди сотрудников возглавляемого им центра.

Выражаю признательность своим коллегам по Хельсинкскому университету за профессиональную и моральную помощь. Особо хочу поблагодарить коллектив русской кафедры, в частности, Елену Николаевну Титову, Пяйви Пасанен (Päivi Pasanen) и Юлию Экман, а также библиотекарей – Леену Этеляпяя (Leena Eteläpää) и Уллу Сеппяля (Ulla Seppälä).

Мне трудно подобрать слова, чтобы выразить благодарность своим родителям за их любовь и поддержку на протяжении всей моей жизни. К сожалению, этих строк не сможет прочесть мой отец, Станислав Иванович, безвременно ушедший из жизни в 2004 году. Светлая ему память. Моей маме, Елене Яковлевне, я желаю доброго здоровья и полноценного, давно заслуженного отдыха.

Сердечно благодарю своего брата Всеволода и родителей жены – Олега Тимофеевича и Ларису Васильевну Фроловых за помощь в дизайне обложки и моральную поддержку.

Я очень благодарен своей супруге Ирине Кудашевой за помощь и поддержку на протяжении всего процесса работы, за облегчение моей нагрузки в других проектах, а также за проверку рукописи диссертации. Ирина выступала в роли главного терминолога в обоих упоминавшихся выше словарных проектах и является убежденным практиком и прагматиком в словарном деле. В многочасовых спорах с ней, а также с многоопытными научными руководителями (и одновременно редакторами наших словарей) положения данной диссертации были проверены на прочность.

Финляндия, Коувола, 24.11.2006

Игорь Кудашев

1. Понятийный и терминологический аппарат, необходимый для проектирования словаря

Несмотря на то что человечество занимается составлением словарей уже на протяжении нескольких тысячелетий, лексикография как наука является достаточно молодой и ее понятийная система и терминология пока не устоялись (ср. Burkhanov 1998: 7; Табанакова 1999: 9; Hartmann 2001: 64). В данной главе будет рассмотрен, уточнен и дополнен понятийный и терминологический аппарат, необходимый для проектирования переводческих словарей специальной лексики.

Первый подраздел посвящен выработке лексикографического определения понятия "словарь". Это определение позволяет решить следующие задачи:

- выделить словари среди других типов справочных изданий и таким образом ограничить круг рассматриваемых произведений;
- выделить признаки словаря, которые важны для словаря как лексикографического произведения, и таким образом очертить круг собственно лексикографических задач, которые стоят перед проектировщиком словаря.

Во втором подразделе уточняются понятие "проектирование словаря" и границы этапа проектирования, в третьем – названия типов словарной информации, в четвертом – названия элементов структуры словаря.

Лексикографическое определение понятия "словарь"

По свидетельству исследователей, универсального и общепринятого определения понятия "словарь" в настоящее время не существует (напр., Burkhanov 1998: 65; Табанакова 1999: 132). Рассмотрим вероятные причины такого положения дел.

Причины отсутствия универсального определения понятия "словарь"

Бурное развитие практической лексикографии в XX веке, особенно во второй его половине, привело к тому, что первоначальный смысл, вкладываемый в понятие "словарь", значительно расширился, а привычное определение словаря как произведения, трактующего значение слова, начало размываться (Краулов 1981: 42). В назначении, содержании, структуре и даже способе существования словарей произошли существенные изменения.

Среди наиболее значительных перемен следует отметить появление в XX веке машиночитаемых носителей информации. Распространение электронных продуктов приводит к сближению различных типов справочных изданий, в связи с чем некоторые ученые предрекают постепенное трансформирование лексикографии в "науку о справочных изданиях" – *reference science* (Hartmann 2001: 5). Уже сейчас лексикографы начали проявлять интерес к таким объектам, которые раньше к словарям не относились: рубрикаторам, классификаторам, тарифно-информационным справочникам и т. п. (Герд 1981: 109; Герд 1997: 198).

Широкие возможности компьютеров в области поиска и сортировки информации, причем не только текстовой, уменьшают ограничения на предельную протяженность и характер знаков, описываемых в словаре. В компьютерных словарях фактически устраняется релевантность такого традиционного признака словаря, как "упорядоченность словника" (Лейчик 1999: 8).

Изменения произошли и в бумажных словарях. К традиционной единице лексикографии – слову – добавились другие объекты: словосочетания, устойчивые и идиоматические выражения, морфемы, семантические множители и т. д. (Городецкий 1973: 29). Изменилось и представление о входе в словарь. Сегодня им может быть не только слово, но и схема, рисунок, таблица на слово-доминанту (Герд 1997: 200). В бумажных словарях появились новые принципы упорядочения заглавных единиц – обратный алфавитный, частотный, специфические виды идеографического порядка.

Изменения произошли также в характере читательских запросов к словарям (напр., Dubois 1981: 248). Сегодня читатели ожидают получить от словаря ответы по самому широкому кругу вопросов, в связи с чем в словарях существенно возросла доля энциклопедической информации (напр., Киселевский 1977; Сафонкина 1983; Гак 1987). В результате этого и без того зыбкая граница между (филологическими) словарями и энциклопедиями начала стремительно таять. Многие издания стали представлять собой смесь словаря и энциклопедии. В качестве примера можно привести словари Oxford English Reference Dictionary 2002, Бернар & Колли 1994 и целый ряд других.

Содержание словарей изменилось настолько, что многие лексикографы готовы признать словарем любое справочное издание, имеющее словарную структуру. Так, Л. Згуста полностью соглашается с мнением Я. Малкиела, что слово "словарь" может быть достаточно свободно применено к любому справочному изданию, содержащему упорядоченный список слов или имен (Zgusta 1971: 198). А. Аль-Казими пишет: "...отличительным свойством словаря является теперь не содержание, а форма; важен не тип информации, предоставляемой изданием, а порядок организации этой информации, который обеспечивает пользователям легкий доступ к ней" (Al-Kasimi 1992: 574; перевод мой – И.К.; ср. Герд 1997: 202). А.С. Герд (1997: 196) считает, что различные виды информационно-справочников, построенных по алфавитному, идеографическому или смешанному принципам, следует относить к словарям. Несмотря на всю привлекательность данного подхода с точки зрения решения проблемы определения словаря, с его помощью не удастся объяснить, почему, например, "никто не станет называть телефонную книгу словарем" (Zgusta 1971: 197; перевод мой – И.К.), хотя она и имеет словарную структуру.

Несмотря на увеличение разнообразия словарных изданий и значительные изменения в их содержании и структуре, общественное сознание пока не привыкло к новому собирательному образу словаря. У широкой публики "словарь меньше всего ассоциируется с изменениями" (Atkins 1996: 515; перевод мой – И.К.). Очевидно, именно поэтому определения понятия "словарь" в современных (особенно англоязычных) толковых словарях и даже универсальных энциклопедиях

лопедиях практически ничем не отличаются от аналогичного определения в словаре Ноя Вебстера от 1828 г.:

A book containing the words of a language in alphabetical order, with explanations of their meanings ("Книга, содержащая слова языка в алфавитном порядке, с толкованиями их значений" – Н. Вебстер, 1828; цит. по: Денисов 1977: 215).

Подобные определения не учитывают изменений в содержании, структуре и способах существования словаря, о которых говорилось выше. Вместо этого они описывают своеобразный стереотип словаря, существующий в западной культуре. Признаки этого стереотипа таковы: алфавитный одноязычный толковый филологический словарь стандартного языка, имеющий преимущественно педагогическую направленность (ср. Geeraerts 1989: 294; Hartmann & James 1998: 41; Sterkenburg 2003: 4). Относительно словарного статуса справочных изданий, близких к стереотипу, сомнений не возникает. Однако по мере движения от центра к периферии задача становится все более сложной, причем неуверенность в отношении статуса многих типов справочных изданий возникает даже у опытных лексикографов.

Содержание понятия "словарь" варьируется также от одной лексикографической традиции к другой. Например, английские и французские толковые словари содержат значительное количество энциклопедических сведений, что совсем не характерно для толковых словарей русского языка. В западной лексикографии традиционные тезаурусы (типа тезауруса П.М. Роже) часто выделяются как класс лексикографических справочных изданий, соподчиненный с классом словарей (Hartmann 2001: 5), тогда как в советской/российской лексикографии тезаурусы вслед за Л.В. Щербой часто именуются "идеографическими словарями" и, соответственно, рассматриваются как разновидность словарей.

Нередко имеет место весьма вольное обращение с названиями различных типов справочных произведений. Многие издания, не имеющие отношения к словарям, тем не менее называются словарями, и наоборот, произведения за-

ведомо словарного характера могут не содержать в своем названии слова "словарь" (ср. Hartmann 1983: 7).

Еще одной причиной расплывчатости понятия "словарь" является тенденция к противопоставлению специфических видов словарей "обычному словарю". Так, например, в финском языке за (узко)отраслевыми терминологическими словарями небольшого формата и преимущественно нормативной направленности в последнее время прочно закрепилось название *sanasto* (букв. "список слов", "собрание слов"), и вполне возможно, что в недалеком будущем этот тип изданий будет восприниматься говорящими уже не как разновидность словаря (*sanakirja*), а как самостоятельный тип справочной литературы (ср. отрывок из рецензии на словарь мобильных средств связи: "*Matkaviestinsanasto ei ole perinteinen sanakirja, vaan terminologisen sanastotyön periaatteiden mukaisesti laadittu sanasto*" – "*Sanasto* по мобильным средствам связи не является традиционным словарем, а представляет собой *sanasto*, созданное в соответствии с принципами терминологической работы" – Junkkari 2002: 18; перевод мой – И.К.).

Нужно сказать, что многие исследователи сознательно избегают проблемы определения понятия "словарь". Например, если научный труд посвящен описанию традиционных типов словарных изданий, то вполне естественно, что авторы не желают заниматься проблемами статуса более редких, пограничных и даже маргинальных форм словарей (напр., Zgusta 1971: 197; Landau 1989: 5–6). Некоторые исследователи, по-видимому, не видят смысла в уточнении понятия "словарь" и отделении его от других типов справочных изданий, полагая, что границы между справочными изданиями скоро все равно сотрутся под натиском компьютерных технологий (ср. Hartmann 2001: 5). Другие ученые опасаются, что в условиях активной трансформации понятия "словарь" излишне строгие, "технические" определения словаря или отдельных его видов могут нанести ущерб развитию всей отрасли или отдельным видам словарных изданий (ср. Geeraerts 1989: 295). Некоторые вообще считают определение понятия "словарь" невыполнимой задачей (напр., Sterkenburg 2003: 3).

Таким образом, отсутствие универсального и общепринятого определения понятия "словарь" может быть объяснено, в частности, следующими причинами:

- расширение объема и содержания понятия "словарь", появление новых видов справочных изданий словарного типа;
- возникновение противоречий между обиходными стереотипами и научным представлением о словарях;
- различия в лексикографических традициях;
- вольное обращение с терминологией;
- тенденция к противопоставлению специфических типов словарей "обычному словарю";
- нежелание лексикографов заниматься проблемой определения понятия "словарь".

Между тем выработка лексикографического определения понятия "словарь" важна как для теории, так и для практики составления словарей, что мы и постараемся продемонстрировать в следующем подразделе.

Значение определения понятия "словарь" для теории и практики лексикографии

Несмотря на то что выработка определения понятия "словарь" связана с определенными трудностями, эта задача представляется нам одной из приоритетных для современной теоретической лексикографии. Лексикографическое определение понятия "словарь" необходимо для решения целого ряда вопросов.

Прежде всего, понятие "словарь" является центральным понятием лексикографии, без которого невозможно определить и саму лексикографию. Словарь является основным объектом теоретической и основным продуктом практической лексикографии, поэтому от того, как определен словарь, зависят границы

теоретической лексикографии, а также состав и характер лексикографической продукции.

Расплывчатость содержания понятия "словарь" не позволяет установить адекватное соотношение между объектами и сферой компетенции различных разделов лексикографии, в частности, между общей и терминологической лексикографией. Например, в 1970–1980-е гг. получила распространение точка зрения, согласно которой лексикография и терминография являются непересекающимися дисциплинами (напр., Riggs 1989; Rey 1990, цит. по: Burkhanov 1995: 53). В частности, декларируются следующие различия между лексикографией и терминографией (Bergenholtz & Tarp 1995: 10; Hartmann & James 1998: 139):

- лексикография занимается описанием общеязыковых слов, терминография – специальных;
- в лексикографических произведениях порядок слов алфавитный, в терминографических – идеографический;
- лексикография дескриптивна, терминография прескриптивна;
- лексикографические произведения ориентированы на неспециалистов, терминографические – на специалистов;
- лексикографические произведения предназначены для декодирования информации, терминографические – для кодирования.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что данная концепция несостоятельна (Burkhanov 1995: 52–53; Bergenholtz & Tarp 1995: 11), однако ее появление симптоматично и указывает на отсутствие консенсуса в отношении объекта и задач лексикографии и терминографии.

Вопрос об определении словаря важен и для установления границ терминографии. На основе существующих определений словаря трудно ответить на вопрос, являются ли словарными произведениями и относятся ли к компетенции терминографии такие ресурсы, как терминологические банки данных и базы знаний, информационно-поисковые тезаурусы или разговорники на специальные темы (такие как Смирнова 1977; Памухина и др. 1992; Краткий русско-

английский словарь-разговорник для делового человека 1991; В таможене 1993; Петров, Чупяткова & Корн 1993).

Отсутствие четкого определения словаря делает невозможным составление типологий словарей, поскольку последние должны основываться на существенных с точки зрения лексикографии признаках (ср. Буторова 2002: 57). Между тем создание научных классификаций и типологий словарей считается одной из важнейших задач теории лексикографии (напр., Hausmann 1989a: 979; Морковкин 1990: 30; Денисов 1993: 209; Гринев 1995: 6), а сами типологии могут использоваться в качестве инструмента проектирования словарных изданий.

Важность перечисленных задач убеждает нас в том, что, несмотря на все трудности, связанные с составлением научного определения понятия "словарь", работа по установлению объема и содержания этого понятия обязательно должна вестись. От успешности решения этой задачи во многом зависят перспективы развития теории и практики словарного дела и становление лексикографии как полноценной научной дисциплины. Лексикографическое определение словаря необходимо и для решения задач данного исследования. Выявление наиболее существенных с точки зрения лексикографии признаков словаря позволяет с гораздо большей полнотой и систематичностью описать задачи, стоящие перед проектировщиком словаря.

Признаки словаря как лексикографического произведения

Выявление существенных признаков словаря целесообразно начать с изучения существующих определений понятия "словарь". Это позволит нам составить предварительный список важнейших признаков словаря, который затем будет скорректирован с учетом реалий современной лексикографии.

Определения понятия "словарь" в справочной и специальной литературе

Определения словаря исследовались в источниках пяти типов, отражающих разные подходы к природе словарей:

- толковые и толково-энциклопедические общеязыковые словари, в которых обычно находят отражение общеязыковые стереотипные представления о словаре (БТС 1998; New Oxford Dictionary of English 1998; Cambridge Dictionary of American English – <http://dictionary.cambridge.org>, 24.08.05; Merriam-Webster Collegiate Dictionary OnLine, <http://www.m-w.com>, 24.09.05);
- универсальные энциклопедии, содержащие научные определения (БСЭ 1970, Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия Онлайн – <http://www.megakm.ru>, 24.08.05; Encyclopaedia Britannica OnLine – <http://www.britannica.com>, 24.09.05; The Columbia Encyclopedia – <http://www.bartleby.com>, 24.09.05);
- книговедческая литература, отражающая взгляд книговедов на словари (Якимович 1972а: 25; ГОСТ 7.60-90);
- лингвистические словари и энциклопедии, раскрывающие точку зрения языковедов на словари (Ахманова 1966/2004; Розенталь & Теленкова 1985; Лингвистический энциклопедический словарь 2002; International Encyclopedia of Linguistics 1992);
- словари лексикографических терминов и другая специальная литература по лексикографии, отражающая собственно лексикографический подход к словарям (Zgusta 1971: 197; Kipfer 1984: 175–176; Герд 1997: 202; Nordisk leksikografisk ordbok 1997; Hartmann & James 1998; Burkhanov 1998).

Рассмотрим, какое понятие считается в перечисленных источниках родовым для понятия "словарь" и какие признаки выделяются в качестве видовых.

Родовое понятие для понятия "словарь"

В качестве родового понятия для понятия "словарь" в перечисленных выше источниках указываются (по убыванию частотности):

- справочное издание, справочная книга, *reference work*, *reference book*;
- список, перечень, *list* (определенных единиц);
- книга, *book*;
- собрание (определенных единиц);
- сборник (определенных единиц);
- лексикографическое издание.

Начнем с понятий, упоминавшихся реже всего.

Определение словаря через "лексикографическое издание" кажется привлекательным решением, однако обычно наука определяется через изучаемый ею объект, а не наоборот. Если мы определяем лексикографию как "науку, занимающуюся изучением и составлением словарей", то мы не можем одновременно определить словарь как "издание, являющееся объектом и продуктом лексикографии", поскольку в этом случае образуется замкнутый круг. Имеются свидетельства того, что термины "справочное издание" и "лексикографическое издание" часто используются в теории лексикографии как синонимы (Burkhanov 1998: 197–198), поэтому можно отнести данное определение к тем, в которых словарь определяется через понятие "справочное издание".

"Сборник" определяется в словарях русского языка как "книга, представляющая собой собрание каких-л. литературных произведений, материалов, документов и т. п." (БТС 1998). В качестве примеров приводятся сочетания "сборник народных песен и пословиц", "сборник критических статей", "статистический сборник". Возможно, авторы определения словаря как сборника хотели подчеркнуть его фрагментарность, однако слово "сборник", по-видимому, ассоциируется с собранием более крупных текстов, чем словарные статьи. Поэтому это определение также можно причислить к тем, в которых словарь определяется как "справочное издание".

Несмотря на расширение значения слова "книга" и появление "электронных книг" (см., напр., Агеев 1997 – "Электронная книга: новое средство социальной коммуникации"), сегодня мы уже не можем утверждать, что книга – единственный возможный способ существования словарей. Поэтому определения, в которых словарь толкуется как "книга", следует признать не соответствующими современному уровню развития лексикографической практики.

В результате у нас остаются два основных кандидата на место родового понятия для понятия "словарь":

- справочное издание, состоящее из совокупности определенных единиц;
- список (собрание, совокупность, перечень) определенных единиц, расположенный на определенном носителе и используемый в качестве справочника.

В обоих случаях речь идет об одном и том же, а различие заключается лишь в том, с какой точки зрения рассматривается словарь. К сожалению, и в том, и в другом случае словарь определяется через понятия "справочное издание" или "справочник", а толкование этих понятий является прерогативой книговедения. Чтобы лексикографическое определение словаря не зависело от понятий другой науки, в качестве родового понятия для словаря можно принять более общее понятие – "произведение", а признаки словаря как справочного издания, если они актуальны с точки зрения лексикографии, указать в качестве видовых признаков. Таким образом, родовым понятием для самого простого типа словаря можно считать "произведение, состоящее из совокупности (определенных) единиц". Однако с учетом того, что помимо корпуса словарь может содержать и другие, вспомогательные, части (предисловие, правила пользования, список условных сокращений, различные вставки, приложения и т. д.), правильнее будет говорить о том, что словарь – это произведение, в котором совокупность (определенных) единиц является основным элементом (ср. Hausmann & Helbert 1989: 328).

Теперь необходимо выяснить, какие признаки мы опустили, перейдя от понятия "справочное издание" к понятию "произведение". В качестве определения справочного издания примем следующее:

Издание, содержащее краткие сведения научного или прикладного характера, расположенные в порядке, удобном для их быстрого отыскания, не предназначенное для сплошного чтения (Справочные издания 1982: 166).

Это определение содержит указания на следующие признаки: лаконичность описания, предназначенность для несплошного чтения, особая структура, позволяющая быстро отыскать нужную информацию. Последние два признака на практике означают то, что горизонтально справочное издание разбито на фрагменты, микротексты, а вертикально – на "левую" и "правую" часть, т. е. толкуемое и толкующее. Кроме того, понятие "издание" подразумевает опубликованность справочного произведения. Перейдем к рассмотрению этих и других видовых признаков словаря.

Видовые признаки понятия "словарь"

В изученных нами определениях понятия "словарь" имеются указания на следующие видовые признаки словаря:

1. Словарь располагается на определенном носителе информации. Этот признак выражен либо явно, либо имплицитно.
2. Словарь является опубликованным произведением. В одном определении это утверждается в эксплицитной форме, а во всех определениях, толкующих словарь через понятие "справочное издание", – в имплицитной.
3. Словарь состоит из фрагментов, микротекстов. Об этом говорится в эксплицитной форме в пояснениях к одному из определений, а также следует из определений словаря как справочного издания. Будучи фрагментарным произведением, словарь не предназначен для сплошного чтения. Об этом говорится в принятом нами определении справочного издания.

4. Для словаря характерна лаконичность описания. Этот признак имплицитно выражен в тех определениях словаря, в которых родовым понятием выступает "справочное издание".
5. Словарь состоит из двух частей – левой и правой, толкуемого и толкующего. В трех определениях этот признак выражен только через родовое понятие – "справочное издание". Авторы двух определений проявляют осторожность, сообщая, что словарь "обычно" содержит сведения о единицах левой части.
6. Левая часть словаря представляет собой список определенных единиц. В частности, в определениях упоминаются слова, термины или имена, части слов, морфемы, словосочетания, идиомы, фразы, знаки, лексические единицы языка, части лексики, единицы естественного или искусственного языка, социализированные лингвистические формы.
7. Единицы левой части связаны между собой системными отношениями.
8. Список единиц в левой части словаря упорядочен определенным образом, например, "только по алфавиту", "обычно по алфавиту", "обычно по алфавиту или идеографически". В одном из определений особо подчеркивается, что принцип упорядочения единиц левой части может быть различным в разных типах словарей.
9. В правой части словаря содержится информация определенного характера о единицах левой части. Например: толкования (значения), написание и правила орфографии, произношение, грамматические формы, производные формы, функции, синонимы, этимология, информация о синтаксисе и идиоматике, употребление, иноязычные соответствия, энциклопедическая информация, сведения о предметах, обозначаемых единицами левой части, деятелях какой-либо области, географические факты, научные концепции и таксономии, информация языкового или научно-прикладного характера, лингвистическая информация, семантическая информация, справочные данные, систематическое описание, различная информация, специальная информация, сведения, относящиеся к единицам левой части.

10. Информация в правой части словаря представлена "в специфических формах".
11. Словарь ориентирован на "подготовленного читателя" (qualified reader) или, иначе говоря, словарь должен составляться с учетом квалификации пользователей (...commented by the author in such a way that the qualified reader understands... – С.С. Berg, цит. по: Zgusta 1971: 197).
12. Словарь имеет назначение, которое может выражаться в сообщении сведений определенного типа или специфических функциях. Одно из определений эксплицитно указывает на наличие у словаря назначения, но не уточняет, для каких именно целей может предназначаться словарь.

Как видим, в различных определениях словаря можно обнаружить много общего. Отметим связь многих дефиниционных признаков словарей с т. н. "словарными универсалиями", т. е. элементами, присущими любому словарному произведению. К таким универсалиям, в частности, относятся: заголовочная единица, левая часть словаря, правая часть словаря, определенный порядок подачи словарного материала, системность лексического материала, описываемого в словаре (Дубичинский 1995: 66–67; Дубичинский 1998: 32), читательский адрес и назначение словаря (Денисов 1977: 212, 216). Теперь рассмотрим, насколько существенными для лексикографии являются признаки, выделенные нами из определений.

Связь с внешним носителем информации

Определение словаря через какой-либо конкретный носитель информации представляется бесперспективным. В старину это были глиняные таблички и папирусы, сегодня мы пользуемся бумажными и компьютерными словарями, но было бы недальновидным не оставлять резерва на будущее. Тем не менее признак вещественности словаря, проявляющейся в том, что словарь располагается на некотором внешнем физическом носителе информации, является су-

ществленным для лексикографии и должен быть включен в лексикографическое определение словаря.

Опубликованность

Нам представляется нецелесообразным отказывать какому-либо произведению в праве называться словарем лишь потому, что оно существует в единственном экземпляре или используется для личных нужд, тем более что в старину зачастую так оно и было. Кроме того, для признания произведения изданием, формально говоря, достаточно наличия единственного, т. н. "сигнального" экземпляра. На этом основании мы считаем, что признак опубликованности не является релевантным для лексикографического определения словаря.

Фрагментарность и предназначенность для несплошного чтения

В качестве специфической особенности словаря часто упоминается его особая структура. А.Д. Хаютин (1998: 11–12) писал: "...каждая единица описания в словаре, называемая *заголовочным словом*, вместе с относящимся к ней описанием, называемым *словарной статьей*, составляют отдельный *текст (микротекст)* внутри *корпуса словаря*. Микротексты представляют собой фрагменты *макротекста*, в связи с чем исследователи отмечают, что именно фрагментарность содержания конституирует тот признак, который отделяет словарную литературу от несловарной" (ср. Zgusta 1971: 198; Al-Kasimi 1992: 574; Герд 1997: 202).

Строго говоря, фрагментарность отделяет справочную литературу от несправочной, однако на практике одного этого признака оказывается недостаточно. Например, на основании признака фрагментарности довольно трудно провести разграничение между идеографическим энциклопедическим словарем или справочником по какой-либо теме и учебником на ту же тему. В обоих слу-

чаях текст разбит на микротексты, более или менее соответствующие заголовкам, причем порядок следования этих микротекстов в изданиях обоих видов вполне может совпадать. Поэтому в книговедческом определении справочного издания акцент делается не на фрагментарности, а на предназначенности для несплошного чтения (см. приведенное выше определение справочного издания).

Правда, книговеды, по-видимому, допускают исключения из этого правила, т. к., вопреки определению, "детские энциклопедии, а также энциклопедии для юношества рассчитаны не на выборочное, а на сплошное чтение" (Справочные издания 1982: 14).

В одной из статей "Энциклопедии лексикографии" предлагается разделение словарей на "справочные" и "словари для чтения" (Kühn 1989: 115). В последнюю группу, по мнению автора статьи, входят "поучительные и назидательные словари" (этимологические, диалектные, словари выражений, пословиц, эпонимов, цитат, языков для специальных целей, словари для разгадывания кроссвордов) и "словари для обучения" (синонимические, омонимические, школьные, базовые, синтаксические, картинные, учебные). На наш взгляд, эта типология выглядит не вполне убедительно, тем более что многие из перечисленных типов словарей одновременно относятся автором и к справочным.

Конечно, словари в разной степени "не предназначены для сплошного чтения". В наиболее яркой форме этот признак проявляется в тех случаях, когда словарь отличается большим объемом, построен по формальному принципу (например, алфавитному) и не имеет педагогической направленности. Наоборот, учебные тематические словари-минимумы, казалось бы, могут быть предназначены для сплошного чтения. Однако на самом деле в случае небольших учебных словарей речь скорее идет не о *чтении*, а о *заучивании*. Учащийся многократно возвращается к началу каждой словарной статьи, проговаривает ее, потом переходит к следующей, затем, возможно, возвращается к предыдущей и т. д. Притекстовые учебные словари также отвечают определению справочного произведения, т. к. предполагается, что учащийся будет обращаться к ним за разъяснением незнакомых слов по мере чтения текста. Отсюда и тради-

ционный способ упорядочения единиц в них – в соответствии с расположением слов в тексте.

Следует особо подчеркнуть, что признак непредназначенности для сплошного чтения отражает замысел автора произведения, а не то, каким образом произведение используется на практике. Конечно, никто не может запретить любознательному читателю в интересах самообразования подряд штудировать этимологический словарь или словарь крылатых слов. Однако вряд ли авторы этих словарей рассчитывали именно на это. В противном случае они, по всей видимости, выбрали бы жанр не справочного издания, а монографии, очерка или научно-популярного повествования.

С другой стороны, возможны случаи, когда автор развлекательного произведения сознательно выбирает жанр словаря, хотя рассчитывает на его сплошное прочтение. Поскольку словарь ассоциируется с серьезностью и авторитетностью, контраст словарного стиля описания и юмористического содержания создает дополнительный комический эффект. К "словарям" такого типа относятся, например, классический сборник афоризмов А. Бирса *Devil's Dictionary* ("Словарь дьявола" – Bierce 1911), *Dictionnaire des idées reçues* Г. Флобера ("Лексикон прописных истин" – Flaubert 1972), "Довольно толковый словарь" российского сатирика А. Кнышева (1991), "Афористикон, или Самый толковый словарь" (Душенко 1999) и др. Предназначенность подобных произведений для сплошного чтения позволяет нам с полным правом отнести их к псевдословарным и не искать их отличия от "нормальных" словарей в области семантики (ср. Geeraerts 1989: 293).

Таким образом, предназначенность словарей (как и других справочных произведений) для несплошного чтения является важным признаком, позволяющим отсеять ряд псевдословарных произведений.

Лаконичность описания

Справочные издания по своей природе не предназначены для сообщения исчерпывающих сведений о том или ином предмете (Денисов 1976: 21). Как отмечает А.С. Герд (1997: 192), история любого понятия или слова типа "торговля", "время", "движение" гораздо более полно, чем в словаре, может быть описана в жанре монографии или статьи. Однако "в современной жизни очень часто знания бывают нужны не в полной развернутой форме, а в их компрессированном обобщенном виде. Например, мне нужны самые общие сведения о каких-то языках, народах или о том, что такое биоэнергетика или иммобилизация клеток; у кого-то нет времени разыскивать специальные исследования по этому вопросу, кому-то они трудны. Именно здесь и приходят на помощь сокращенные формы представления информации в словарях" (Герд 1997: 197).

Признак краткости описания выражен у различных справочных изданий в разной степени. Филологические словари и справочники отличаются большей лаконичностью, чем энциклопедические словари и энциклопедии. Хотя энциклопедии ассоциируются у многих с исчерпывающим изложением темы, на практике они содержат "в обобщенном виде основные сведения по одной или всем отраслям знаний и практической деятельности" (Справочные издания 1982: 166).

С точки зрения семантики признак краткости описания является довольно расплывчатым. Например, неясно, следует ли считать его противоположностью "исчерпывающее описание" или "развернутое описание". Кроме того, понятие "краткости" будет зависеть от типа издания, его назначения и предполагаемого читательского адреса. Понятно, что объем сведений по одному и тому же вопросу будет значительно различаться в терминологическом словаре, универсальной энциклопедии и отраслевой энциклопедии, хотя во всех этих случаях описание будет "кратким". Кроме того, вследствие тенденции к специализации справочных изданий сведения, содержащиеся в них, могут отличаться узостью тематики, но значительной глубиной и полнотой. Мы считаем признак лаконич-

ности описания важным, но весьма относительным. По-видимому, можно говорить об "относительно лаконичном" описании материала в словарях. В понятие "краткость описания" входят также различные способы экономии и компрессии информации в словаре.

Разделение на левую и правую части

Одним из характерных признаков справочных изданий является их разделение на условные "левую" и "правую" часть, т. е. на список определенных единиц и информацию об этих единицах. Нужно сказать, что традиционная трактовка "левой части" как совокупности заглавных единиц и "правой части" как совокупности словарных статей порождает ряд теоретических проблем.

Во-первых, она не позволяет объяснить феномен т. н. "односторонних словарей" или "словарей без правой части" – орфографических, морфемных, некоторых видов орфоэпических, частотных, обратных.

Во-вторых, если словарная статья делится на подстатьи или образует гнездо, то возникают трудности с подсчетом реального количества описываемых единиц. Неясно, следует ли считать единицами словника производные формы, фразеологические обороты, фразовые глаголы и т. д. (ср. Landau 1989: 84–88).

Возникает и ряд других вопросов. Допустим, если в двуязычном словаре приводятся примеры употребления заглавной единицы, которые сопровождаются переводом на другой язык, то относятся ли эти примеры к левой или правой части (ср. Zgusta 1971: 337; ср. Jacobsen, Manley & Pedersen 1991: 2783–2787)?

Наличие подобных теоретических и практических проблем свидетельствует о необходимости пересмотра традиционных представлений о левой и правой части словаря. Мы предлагаем рассматривать в качестве левой части любые единицы, о которых автор словаря сообщает какую-либо релевантную с точки зрения назначения словаря информацию, а под правой частью – саму эту информацию вне зависимости от места ее расположения в словаре.

В отношении левой части такая трактовка означает признание того факта, что заглавные единицы нередко играют в словаре лишь вспомогательную роль, обеспечивая доступ к другим единицам – тем, которые являются реальным объектом рассмотрения. Ярче всего это проявляется в словарях, описывающих сверхсловные образования, например, фразеологических, словарях пословиц, поговорок, крылатых выражений и т. д. Однако даже в тех словарях, где в центре внимания находятся единицы, равные слову, реальной единицей словника является лексико-семантический вариант (семантически цельная единица – ср. Hartmann 1983: 6–7). Л.В. Щерба писал: "Неправильно думать, что слова имеют по нескольку значений: это, в сущности говоря, формальная и даже просто типографская точка зрения. На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений (так и печаталось, между прочим, в старых словарях: заглавное слово повторялось столько раз, сколько у него было значений)" (Щерба 1958: 78). Лишь в некоторых типах лексикографических произведений, таких как глоссарии, указатели и конкордансы, информация в правой части относится именно к заглавным единицам как таковым (ср. Zgusta 1989: 299).

В переводных словарях второстепенный характер заглавной единицы становится еще более заметным, чем в одноязычных, в силу того, что перевод текста обычно осуществляется не пословно, а более или менее протяженными блоками. Вследствие этого "основой двуязычного словаря является вовсе не слово, а синтагматическая, контекстуальная, фразеологическая единица. В обычных двуязычных словарях слово только потому стоит на переднем плане, что оно позволяет обратиться к формулировке" (Hausmann 1991: 2877). Некоторые исследователи ставят вопрос о том, что базовой единицей словаря, ориентированного на процесс перевода, должна быть "транслатема" (Urbanek 1997: 512).

В переводной лексикографии даже существует особый прием для обозначения того, что заглавная единица сама по себе не релевантна для данного словаря, т. е. не является термином данной сферы, встречается только в определенном словосочетании или не может быть переведена вне его. В этом слу-

чае после заглавного слова ставится двоеточие, а само заглавное слово не переводится (ср. Zgusta 1984: 151):

Пример 1 (Финско-русский словарь по социальному обеспечению = Kudashev 2000; см. тж. Пример 8):

katkaisu:

~, **automaattinen** автоматическое прерывание (трудового стажа)

~, **tekninen** техническое прерывание (трудового стажа)

Следует вспомнить и о типичной формулировке, используемой для описания объема словаря, – "содержит столько-то слов и выражений".

Таким образом, любая единица, о которой сообщаются сведения, релевантные с точки зрения назначения словаря, должна рассматриваться как единица левой части (ср. Берков 1973: 115). Вместе с тем "пустые" заглавные слова, единственным назначением которых является организация доступа к другим единицам, должны рассматриваться не как единицы левой части, а лишь как элементы навигации.

Под "правой частью" словаря мы будем понимать не только правую часть словарной статьи, но и вообще любую информацию о единицах левой части, в том числе расположенную вне корпуса словаря: в заглавии, предисловии, вставках, приложениях и т. д. Например, заглавие "Словарь рекламных терминов" равносильно простановке тематической пометы рядом с каждой из единиц словника, а список литературы, использованной при подготовке словаря, – недифференцированному библиографическому параметру. Такая трактовка правой части снимает проблему "односторонних словарей" и способствует рассмотрению вопросов содержания и построения правой части словарных статей и других частей словаря в едином контексте.

Как мы видим, фрагментарность словаря не сводится только к разбиению корпуса словаря на словарные статьи. Фрагментарность проявляется на всех уровнях словарной структуры, начиная от связей между составными частями словаря и заканчивая строением отдельных словарных статей и подстатей. Очевидно, именно поэтому в современной лексикографии наметился переход

от деления структуры словаря на макро- и микроструктуру к более сложным схемам, включающим мега-, медио- и другие структуры (напр., Hartmann 2001: 59; Гринев 1995: 32).

Тем не менее суть строения справочных изданий остается неизменной: имеются единицы "левой части", о которых сообщается релевантная с точки зрения назначения словаря информация, составляющая "правую часть". Соответственно, этот признак должен быть отражен в лексикографическом определении словаря.

Состав левой части словаря

Как уже говорилось выше, к традиционному объекту лексикографии – слову – в последнее время прибавилось много других единиц, в частности:

- единицы меньше слова: морфемы, семы, терминологические элементы;
- единицы больше слова: устойчивые словосочетания и выражения, поговорки, клише, штампы и т. д., вплоть до целых "стандартных текстов" (ср. ISO 12620:1999: 10);
- составные единицы лексической системы – синонимические ряды, антонимические пары, омонимические и паронимические цепочки, эпидигматические и словообразовательные гнезда (Морковкин 1990: 28), "ложные друзья" переводчика;
- единицы речи;
- единицы искусственных языков, условные знаки, символы и формулы (Герд 1997: 194–195);
- элементы графики (например, в картинных словарях, словарях жестов, символов и т. д.) и другие знаки, основанные на неалфавитных семиотических средствах (Zgusta 1989: 299).

В связи с развитием компьютерных технологий вполне вероятно появление в будущем таких словарей, в которых единицами "словника" будут аудио- и видеоматериалы.

Таким образом, в левой части современных словарей можно обнаружить самые разные типы знаков. Однако в отношении характера знаков, которые могут быть представлены в левой части словаря, а также в отношении их протяженности существуют определенные ограничения.

Первое из этих ограничений касается знаков большой длины и вариативности и связано с проблемой организации эффективного доступа к ним. Дело в том, что если единица словника обладает большой протяженностью, то пользователь, скорее всего, не помнит ее целиком, а значит, не сможет быстро отыскать ее по внешней форме. Если при этом словарь не имеет других входов – например, тематического или пермутационного, то нарушается условие оптимального расположения материала, обеспечивающего быстрый доступ к информации. Вариативность знаков большой протяженности (например, пословиц, крылатых слов) еще больше затрудняет их поиск. Данное ограничение касается прежде всего бумажных словарей, поскольку в компьютерных продуктах поиск протяженных единиц организовать проще. Кроме того, оно действует не само по себе, а лишь в связи с вопросом об эффективной организации входов в словарь.

Второе ограничение связано с тем, что элементы левой части должны представлять собой определенную систему (ср., напр., Дубичинский 1995: 68; Герд 1997: 197). При этом следует сразу оговориться, что мы не считаем возможным ставить знак равенства между "системностью" и "лексической системностью", как это делает, например, П.Н. Денисов. Он пишет: "...словарем считается лишь такое произведение, словник которого представляет собой лексическую систему или микросистему, а не произвольный и случайный набор слов. Несмотря на существование в практической лексикографии словарей трудностей на несколько сот слов и переводных учебных словарей на несколько тысяч, в соответствии с теорией преобразований словарного состава языка они теоретически несостоятельны. Это – словарные этюды на случайных коллекциях слов..." (Денисов 1993: 210). Между тем каждому лексикографу-практику известно, что при формировании словника помимо собственно лингвистических факторов существенную роль играют и другие факторы – прагматические, экст-

ралингвистические, субъективные (напр., Берков 1973; Берков 1996; Geeraerts 1989: 289–291; Дубичинский 1998: 29–30). Нельзя не учитывать и историю лексикографии: на протяжении тысячелетий словари составлялись прежде всего для толкования и/или перевода трудных, непонятных слов, не обязательно образующих какую-либо лингвистическую систему.

Тем не менее определенная степень системности при формировании словника все же необходима, поскольку эффективное использование словаря предполагает, что читатель может из его названия, аннотации или предисловия с большой долей вероятности установить, какие именно знаки содержатся в левой части словаря. Иначе говоря, критерии формирования словника должны быть в целом понятны пользователю, а состав словника – более или менее предсказуем. При этом критерии отбора словника не обязательно должны быть сугубо лингвистическими.

Сказанное выше о знаках естественных языков распространяется и на другие знаковые системы. Хотя на практике включение ряда "несистемных" объектов в словник практически неизбежно, к соблюдению системности в левой части словаря необходимо стремиться.

В связи с вопросом о составе левой части словарей будет уместно упомянуть о различиях в словнике словарей и энциклопедий. Левая часть языковых словарей обычно рассматривается как инвентарный перечень лексики одного языка и, как следствие, содержит элементы не только открытых, но и закрытых парадигм – предлоги, союзы, местоимения, междометия и т. д. (Lara 1989: 283, со ссылкой на: Martinet 1966: 117). Словник энциклопедий не содержит лексики закрытых парадигм, а также глаголов. Среди имен существительных в энциклопедиях преобладают имена собственные, но имеются также имена нарицательные, обозначающие понятия, важные с точки зрения миропонимания. С лингвистической точки зрения словник энциклопедии "представляет собой произвольный список", который является, тем не менее, "адекватным с точки зрения знаний" (Lara 1989: 283; ср. Haiman 1980).

П.Н. Денисов (1976а: 68) утверждает, что "словники БАС (Большого академического словаря русского языка – *И.К.*) и БСЭ (Большой Советской Энцикло-

педии – *И.К.*) не совпадают". Если считать единицами словника не слова, а лексико-семантические варианты (семантически цельные единицы), то это утверждение имеет под собой основание.

По наблюдению Н.З. Котеловой (1976: 30–31), в энциклопедиях игнорируются знаковые свойства единиц словника, например, заголовки словарных статей ставятся в форму множественного числа. Во многих случаях игнорируется также языковая норма, что отмечается при изменении в заголовочном обозначении фиксированного порядка слов: "симметрии плоскость", "поля теории" и т. п.

Казалось бы, признака "содержание левой части" могло бы быть достаточно для разграничения словарей и энциклопедий. Однако, как указывает А.С. Герд (1997: 193), камнем концептуального преткновения оказываются объекты научно-технической лексикографии. Дело в том, что словник терминологических словарей и отраслевых энциклопедий может совпадать буквально. Поэтому принципиальные различия между словарями и энциклопедиями следует искать в других областях (см. ниже подраздел "Функции словаря").

Итак, левая часть словаря представляет собой совокупность знаков практически любого типа, формирующих определенную систему, более или менее понятную пользователю, и это должно быть отражено в лексикографическом определении словаря.

Упорядоченность левой части

Несмотря на то что в западной культуре словарь прочно ассоциируется с алфавитным порядком расположения материала, это далеко не единственный возможный способ упорядочения единиц левой части. В разных лексикографических традициях существовали и существуют, по крайней мере, следующие виды организации единиц левой части: тематический, потекстовый, по ключам (в иероглифических языках), по рифмам (в арабской лексикографии), по грамматическим признакам (в древнеиндийской лексикографии), гнездовой, идеографический, частотный, обратный алфавитный, пермутационный, алфавитно-

фонетический. Несмотря на существование огромного количества способов упорядочения единиц словника, потенциальная свобода выбора формы организации словника ограничена рядом требований.

М. Хаас в свое время так определила хороший словарь: это словарь, "в котором вы можете найти ту информацию, которую вы ищете, причем по возможности – там, где вы ее ищете прежде всего" (Haas 1962: 48; перевод мой – И.К.). Соответственно, "словарь должен быть организован таким образом, чтобы каждую единицу было как можно проще найти" (Zgusta 1989: 296; перевод мой – И.К.).

Реализация этого условия возможна только в том случае, если словник упорядочен способом, заранее известным пользователю словаря. Данному требованию в полной мере отвечают только системы, ориентированные на форму знаков, прежде всего алфавитные (ср. Opitz 1990: 1511), а также потекстовый способ упорядочения. Ориентация на форму знаков обычно обеспечивает достаточную степень уникальности единиц словника, что является неременным условием эффективного поиска (ср. Денисов 1993: 235). Для решения проблем омонимии, полисемии и вариативности в лексикографии существуют определенные приемы, прежде всего отсылки. Прочие системы упорядочения словника не являются самодостаточными и требуют наличия алфавитных или иных аналогичных указателей.

С развитием компьютерных технологий вопрос об упорядочении единиц словника отчасти потерял свою актуальность, поскольку в памяти компьютера словник хранится в специфическом машинном представлении, а "вход" в словарь становится возможен практически через любой параметр или сочетание параметров (Лейчик 1999: 8; Компьютерная лингвография 1995: 11). Тем не менее проблема оптимальной организации "входа" в словарь остается.

Итак, чтобы словарь мог выполнять свои функции, его левая часть должна быть упорядочена – желательно способом, обеспечивающим наиболее быстрый и простой доступ к необходимой информации и соответствующим назначению словаря. Однако оптимальный способ упорядочения – это только *требование* к словарю, но не его *признак*, иначе статус многих словарей оказался бы

под вопросом. В качестве *признака* словаря предлагается считать упорядоченность единиц словника любым образом, способствующим скорейшему отысканию нужной информации.

Содержание правой части

Признаки словаря, которые мы рассматривали до сих пор, относились ко всем видам справочных изданий, в том числе и традиционно нелексикографическим. Очевидно, ответ на вопрос о том, чем отличаются словари от других типов справочных изданий, прежде всего от энциклопедий и справочников, следует искать среди оставшихся трех признаков – "содержание правой части", "назначение" и "читательский адрес". Последний из этих признаков явно не является дифференцирующим, поскольку большинство справочных изданий может быть адресовано как определенным группам пользователей, так и самому широкому кругу читателей. Поэтому принципиальные различия между словарями и другими типами справочных изданий должны быть связаны либо с содержанием их правой части, либо с назначением, либо с тем и другим. Начнем с признака "содержание правой части".

В лексикографии словарь понимается по-разному в зависимости от того, считаются ли энциклопедии и (семантические) тезаурусы словарями. Особенно острые дискуссии ведутся вокруг соотношения понятий "словарь" и "энциклопедия". Мнения по данному вопросу варьируются в широких пределах: от того, что словарь – это и есть энциклопедия (Найман, 1980: 329), до категоричного "энциклопедия – не словарь и не имеет отношения к лексикографии" (Котелова 1976: 33).

В советской/российской традиции наряду со словарями и энциклопедиями выделяется также такой тип изданий, как справочники. Нужно сказать, что провести границу между справочниками и энциклопедиями не всегда легко. Согласно определению, справочники – это справочные издания прикладного характера, содержащие комплекс сведений, охватывающих определенную от-

расль знания, деятельности или тему (Справочные издания 1982: 172). Прикладной, практический характер справочников подчеркивается и в других определениях. Из этого, казалось бы, можно сделать вывод, что справочники не содержат научно-теоретической информации. Однако выделение в типологии справочников такого класса, как научные справочники, опровергает это предположение. Научные справочники содержат "комплекс сведений, охватывающих ту или иную отрасль науки (или часть ее, конкретные научные проблемы, темы и т. д.)", и предназначены для научной работы (Справочные издания 1982: 172). На основании этого определения довольно трудно отличить научный справочник от отраслевой энциклопедии.

По всей видимости, различия между энциклопедиями и справочниками носят прежде всего количественный характер. Энциклопедия – это свод знаний, она предполагает достаточно полное описание одной или нескольких областей. Справочник же – более скромное по своим масштабам произведение, которое может даже сообщать сведения только одного какого-либо типа (например, телефонный справочник). Таким образом, вопрос о качественных различиях между словарями и энциклопедиями автоматически распространяется и на различия между словарями и справочниками.

Сравнив множество различных словарей, справочников и энциклопедий, мы пришли к выводу, что провести между ними четкую границу по содержанию правой части невозможно ни на основании формальных противопоставлений (наличие графики, переводимость), ни на основании популярных концептуальных противопоставлений (лингвистическая информация vs. экстралингвистическая информация; научное понятие vs. бытовое понятие; ближайшее значение vs. дальнейшее значение), ни на основе количественных показателей. Наши исследования подтвердили постулат Д. Джирэртса (Geeraerts 1989: 290) о том, что сведения, содержащиеся в правой части словаря, не обязательно должны быть лингвистическими в традиционном смысле слова. Ответ на вопрос, какими могут и должны быть эти сведения, следует искать в их функциях.

Функции словаря

Основной функцией всех справочных изданий, в том числе и словарей, является, безусловно, информационная. К словарю обращаются за помощью в случае затруднений, связанных с использованием языка, что и определяет его информационное наполнение и структуру.

Будучи справочными пособиями по языку, словари также обычно выполняют коммуникативную функцию, т. е. помогают членам языкового коллектива общаться друг с другом. Разные виды словарей обслуживают разные виды общения – письменное и устное, одноязычное и межъязыковое, бытовое и специальное и т. д. Одни словари специализируются на обеспечении процесса понимания (пассивные словари), другие – на обеспечении процесса порождения текста (активные словари), третьи – и на том, и на другом (пассивно-активные словари).

Еще одной важнейшей функцией словарей с глубокой древности является учебная функция. Учебные словари появились одними из первых, наряду с переводными. Учебная функция свойственна большинству словарей; существует даже мнение, что "всякий словарь создается для того, чтобы учить(ся)" (Дубичинский 1995: 67). Однако оставаясь справочным пособием, словарь всегда играет при обучении лишь вспомогательную роль. По известному высказыванию Н.Ю. Шведовой (1988/2005: 423), "выучить язык собственно 'по словарю' невозможно".

Словарям свойственна также регистрирующая функция, поскольку в них в обобщенном виде хранятся сведения о языке (или речи) в определенный момент времени. При этом одна из задач словаря – служить "музеем для редких и забавных образцов языка" (Algeo 1989: 29, со ссылкой на: Quirk 1973: 76–77; перевод мой – И.К.).

Поскольку сведения в словаре подвергаются упорядочиванию, систематизации, можно говорить также о систематизирующей функции словаря. Другой

аспект этой функции – отражение в словаре системных языковых связей (Денисов 1993: 237).

В нормативных словарях на первый план выходит кодифицирующая функция. Нормативные словари служат не только источниками информации, но и арбитрами в спорах о языке. Вообще говоря, любой словарь, даже если он задумывался как дескриптивный, все равно в той или иной степени оказывается нормативным: лексикограф, как и автор учебника, говорит не вполне "от своего имени", он выступает как посредник между обществом – коллективным носителем речи – и индивидуумом, который, обращаясь за справкой к словарю, как бы задает вопрос лексикографу. Ответы лексикографа (носителя коллективного знания) воспринимаются как более или менее обязательные предписания для читателя словаря, поскольку словарь предназначен для того, чтобы устранять расхождение между индивидуальным знанием и знанием всего коллектива (Гак 1977:12; ср. Dubois & Dubois 1971: 49–50; Zgusta 1971: 212; Денисов 1976: 32; Varantola 2001: 219; Sterkenburg 2003: 7).

Еще одна важная функция словаря – познавательная, гносеологическая. Как пишет Ф.П. Сороколетов (1985: 5), одной из специфических особенностей словаря является то, что он не может отказаться от той или иной характеристики слова, даже если теоретическое языкознание не имеет удовлетворительного решения соответствующего вопроса. Поэтому многие языковедческие проблемы впервые решаются в словаре. По мнению В. Дорошевского, "... так как существование фундамента оправдывается тем, что на нем будет построено, лексикографию можно понимать как дисциплину, в некотором смысле вышестоящую по отношению к лексикологии, ибо результаты важнее замысла и по практическим результатам можно оценивать теоретические основы" (цит. по: Сороколетов 1985: 6–7). Сегодня особое значение для процесса познания имеет развитие терминологической лексикографии. Например, по свидетельству Ю.Н. Марчука, японскому "промышленному чуду" предшествовало резкое увеличение количества словарей, прежде всего терминологических (Марчук 1992: 4).

Словарь часто имеет также идеологическую функцию. В Советском Союзе любили подчеркивать, что словарь – мощное идеологическое оружие. Недаром издатели Оксфордского учебного словаря, согласившиеся на его перепечатку в Советском Союзе в начале 1980-х гг., впоследствии пожалели о том, что разрешили советскому издательству вносить изменения в определения. В итоге "капитализм" в этом словаре был определен как "экономическая и социальная система, основанная на... эксплуатации человека человеком" (Benson 1988: 224; перевод мой – И.К.). Однако идеологичность словаря не обязательно проявляется в столь жестких формах. Например, в таких странах, как Франция и Германия, словарная работа является частью политики по сохранению национального языка и культуры и защите их от англо-американского влияния.

В словаре не может быть реализована только одна какая-либо функция – он является суммой функций. При этом какая бы функция ни являлась доминирующей, словарь всегда остается справочным произведением о языке, о знаках. Со знаками же возможны три основные операции: интерпретация, употребление и замена. Поэтому словарь – справочное издание, в котором о знаках сообщаются сведения, являющиеся важными с точки зрения их интерпретации и/или употребления и/или замены.

В фокусе внимания словаря находятся сами знаки. В других типах справочных изданий знаки являются лишь средством доступа к другой информации. При этом сами сведения в словаре и других справочных изданиях могут частично совпадать, однако они включаются туда с разными целями. Например, в словаре могут содержаться общие сведения об ингредиентах, из которых готовятся те или иные блюда, тогда как в поваренной книге можно выяснить написание названий этих блюд, а проанализировав текст статей, – получить определенное представление о сочетаемости и склонении этих названий, но задача поваренной книги – помочь приготовить вкусное блюдо, а задача словаря – помочь в понимании, правильном употреблении или переводе *названия* блюда.

Выражение "употребление знака" следует понимать широко. Например, в словарях сочетаемости ставится задача выяснить, какие знаки могут употре-

ляться вместе с данным; в словарях усиления – каким знаком можно усилить данный знак; в словарях рифм – какую рифму можно употребить с данным знаком и т. д. Иначе говоря, вопрос может ставиться не только прямо: "Как употребляется этот знак?", но и косвенно: "Какие знаки употребляются вместе с этим знаком, для усиления этого знака, для сравнения этого знака?" и т. д.

Операция интерпретации знаков, по-видимому, не нуждается в особых комментариях. Замену знаков, как, например, в переводных словарях или словарях синонимов, нельзя рассматривать как частный случай употребления знака, поскольку в данном случае один знак заменяется на другой.

Конечно, функции обычно являются не единственным критерием, по которому можно отличить словарные произведения от несловарных. Как правило, функции влияют и на содержание, и на структуру произведения. Но в трудных, пограничных случаях, когда произведения близки друг другу и по содержанию, и по строению, именно функции издания играют решающую роль. Например, языковые тезаурусы, т. е. словари, отражающие логические, ассоциативные и другие связи слов и предназначенные для работы с языком, мы бы отнесли к словарям. В то же время информационно-поисковые тезаурусы, которые содержат схожую информацию, но предназначены для правильного формирования поисковых запросов в информационно-поисковых системах, мы не склонны считать словарями. Подобные произведения имеют лишь опосредованное отношение к лингвистике, и их грамотное составление невозможно без участия специалистов по информационному поиску.

Таким образом, мы считаем, что функции – это один из самых важных критериев отличия словарей от других типов справочных изданий, обуславливающий и все остальные различия. Основная функция словаря заключается в том, что он сообщает главным образом информацию, актуальную с точки зрения интерпретации, употребления или замены знаков, содержащихся в левой части. Квантитативный определитель "главным образом" вводится для того, чтобы обеспечить плавный переход от "безусловных" словарей к промежуточным типам, а также для того, чтобы предоставить составителям словаря определенную свободу действий в отношении факультативной информации.

Теперь, когда мы рассмотрели все признаки словаря и установили его отличия от других типов справочных и несправочных произведений, мы можем перейти к выработке лексикографического определения словаря.

Определение понятия "словарь"

Итак, в качестве родового понятия для понятия "словарь" можно принять понятие "произведение". Поскольку словари обычно состоят не из одного только корпуса, но включают также, например, информацию о самом словаре, правилах пользования им и т. п., необходимо следующее уточнение: словарь – это произведение, *центральным элементом* которого является система языковых знаков с относящимися к ним сведениями. Кроме того, нужно учитывать, что словарь может быть не только самостоятельным произведением, но и входить в состав другого произведения (например, притекстовые словари) или совокупности произведений (например, словарной серии).

При этом словарь обладает следующими видовыми признаками:

- располагается на внешнем носителе информации;
- предназначен для несплошного чтения;
- отличается относительной лаконичностью;
- организован таким образом, чтобы обеспечить быстрый поиск информации;
- правая часть словаря содержит главным образом такие сведения, которые имеют целью помочь предполагаемым пользователям в интерпретации, употреблении или замене знаков, содержащихся в левой части.

На основании этих признаков можно сформулировать следующее лексикографическое определение словаря:

Самостоятельное произведение, часть другого произведения или системы произведений, центральным элементом которого является расположенная на внешнем носителе и упорядоченная в интересах упрощения поиска система знаков, предназначенная для несплошного чтения и снабженная относительно лаконичным набором сведений, имеющим основной

целью помочь предполагаемым пользователям в интерпретации, употреблении или замене описываемых знаков.

Данное определение отражает именно те признаки словаря, которые важны с лексикографической точки зрения. Из него можно вывести следующие основные вопросы, которые необходимо решить при проектировании словаря:

- адресат(ы) словаря;
- назначение словаря;
- связь с другими произведениями;
- носитель информации, на котором располагается словарь;
- состав левой части словаря;
- состав правой части словаря;
- состав дополнительной информации;
- состав и взаимное расположение частей словаря;
- средства компрессии в словаре;
- организация словаря и обеспечение доступа к информации.

Теперь перейдем к рассмотрению понятия "проектирования словаря" и к определению границ этапа проектирования.

Границы этапа проектирования словаря

Описание этапов работы над словарем, в том числе над переводным и терминологическим, можно найти в большом количестве работ (напр., Zgusta 1971: 345–353; Лейчик 1975: 12–13; Крупнов 1980: 15–19; Felber 1984: 313–330; Sanastotyön käsikirja 1989: 124; Морковкин 1990: 54–56; Гринев 1995: 20–29; Suonuuti 1997: 15–16; Дубичинский 1998: 99–101; Nykänen 1999a: 68; Landau 2001: 343–402 и др.). Тем не менее ни одно из этих описаний по отдельности, ни их совокупность не могут претендовать на роль полной и универсальной схемы этапов работы над словарем. Выработка подобной схемы представляется принципиально невозможной по ряду причин.

Прежде всего, процесс работы над словарем зависит от стартовых условий: обновляется ли старый словарь или составляется новый, получено ли финансирование или его необходимо запрашивать, сформирован ли рабочий коллектив, в какой степени свобода лексикографов ограничена требованиями издательства, спонсоров и т. д. Процесс проектирования словаря зависит также от того, какие параметры словаря предполагается сделать отправными, т. е. от первоначального замысла. Решения, принятые на более ранних этапах проектирования, сужают круг опций и влияют на принятие дальнейших решений (ср. Гринев 1995: 19, 20, 56; Гринев 1993: 233; Véjoint 2000: 37). С другой стороны, не существует и общепризнанного момента окончания работы над словарем. В одних проектах работа считается законченной с передачей рукописи издателю, в других – с завершением маркетинговой кампании, а в третьих предусматриваются и такие непрекращающиеся этапы, как анализ отзывов о словаре, его "ведение" и подготовка к переизданию.

Каждый тип словаря может иметь свои, нехарактерные для других типов словарей этапы. Например, при создании компьютерного словаря обязателен процесс тестирования программного обеспечения, а при создании бумажного – составление оригинал-макета.

Не существует и единой "правильной" методики работы. Кому-то удобнее вначале сформировать корпус текстов, а затем заниматься формированием словника, а кто-то предпочитает совмещать эти два этапа (ср. Андрущенко & Морковкин 1988: 6). Многие этапы работы являются также факультативными. Например, в качестве средства контроля за качеством словаря его предварительная версия может быть отправлена на рецензирование внешним специалистам, но этот этап нельзя признать обязательным и необходимым для любого словарного проекта.

Хотя многие этапы естественным образом предшествуют другим (например, невозможно приступить к вычитке словаря, если рукопись еще не готова), этапы работы над словарем часто пересекаются, а многие из них являются непрерывными или циклическими (например, "контроль объема текста", "ведение терминологической картотеки", "постоянное консультирование с высококвали-

фицированными специалистами"). Этот факт отмечается во многих источниках (напр., Zgusta 1971: 351; Suonuuti 1997: 16; Nykänen 1999a: 63, 68). В частности, процесс уточнения словника может длиться практически вплоть до завершения словарного проекта (Roberts 1992: 99). Внесение изменений в проект словаря возможно даже после основной корректуры, и только на стадии окончательной корректуры крупные изменения не допускаются (Zgusta 1971: 352).

Наконец, уровень детализации этапов может быть различным (например, от простого упоминания проектирования макро- или микроструктуры до нюансов типа "подавать ли каждую букву с новой страницы", от "формирования словника" до конкретных проблем, которые необходимо решить в связи с этим).

Таким образом, детального универсального набора этапов, по-видимому, не существует, а сами этапы невозможно оформить в виде линейной последовательности. Тем не менее определенное упрощение действительности позволяет строить модели, имеющее практическое значение.

Одним из неотъемлемых этапов всякой осознанной деятельности является этап проектирования. Как и другие этапы, он не является непрерывным и может в том или ином виде продолжаться практически в течение всего словарного проекта. Тем не менее можно установить относительно четкие границы этого этапа, когда этот вид деятельности преобладает над всеми другими.

Началом этапа проектирования можно считать формирование первоначального замысла, поскольку именно с этого начинается любая деятельность. Окончанием же основного этапа проектирования мы предлагаем считать оформление результатов проектирования в виде проекта (концепции) словаря. Конечно, проект желательно представлять в письменном виде, хотя теоретически достаточно и того, чтобы авторы словаря имели четкое и детальное представление обо всех параметрах будущего словаря и принципах работы над ним. Как правило, первоначальная концепция словаря не остается неизменной на протяжении всего словарного проекта, однако последующие версии уже являются результатом *перепроектирования*. Для успешного начала работы достаточно иметь продуманную и детальную первоначальную концепцию.

Следует отметить, что в крупных словарных проектах помимо концепции может создаваться также инструкция по работе над словарем (напр., Landau 2001: 363–371). В инструкции некоторые положения концепции могут уточняться и детализироваться, однако с точки зрения проектирования это вторичный документ по отношению к концепции.

Таким образом, суть данного подраздела можно свести к следующим положениям:

- детального универсального набора этапов работы над словарем и жесткой последовательности этапов не существует;
- тем не менее возможно создание моделей работы над словарем, имеющих практическую ценность;
- условными границами этапа проектирования можно считать промежуток от формулирования общего замысла словаря до оформления результатов проектирования в виде концепции.

Для детального описания процесса проектирования словаря необходима конкретизация основных понятий, касающихся его содержания и структуры, а также выбор адекватных языковых средств для выражения этих понятий. Начнем с названий типов словарной информации.

Названия типов словарной информации

В данном подразделе мы уточним содержание терминов, обозначающих наиболее общие типы словарной информации, таких как "левая часть", "правая часть", "словник". В предыдущих подразделах мы выяснили, что информация в корпусе словаря делится на толкуемое и толкующее, на левую и правую части. *Левая часть* словаря состоит из единиц, о которых составитель словаря намерен сообщить некие сведения, релевантные с точки зрения назначения словаря, а *правая часть* представляет собой совокупность этих сведений. Термины "левая часть" и "правая часть" в известной степени условны и отражают традиционное расположение этих типов информации в словарных статьях.

В качестве синонима левой части словаря часто используется термин "словник". Вместе с тем лексикографы (напр., Морковкин 1990: 41; Берков 1996: 12; Дубичинский 1998: 38) отмечают употребление этого термина по крайней мере в двух значениях:

- список заголовочных единиц словаря;
- список всех единиц левой части словаря (включая идиомы, примеры и т. д.), подлежащих интерпретации.

Кроме того, внутренняя форма термина "словник" находится в противоречии с тем обстоятельством, что элементами левой части могут быть и зачастую бывают не только цельнооформленные единицы (графические слова), но и раздельнооформленные. Несмотря на это, термин *словник* широко распространен и, безусловно, выигрывает у термина "левая часть" (словаря) в компактности. Упомянутую многозначность этого термина можно снять, предложив для первого из упоминавшихся значений выражение "совокупность заголовков словарных статей".

Информация в правой части словаря может относиться не только к единице словника в целом, но и к отдельным частям единицы словника. Например, единица словника может представлять собой словосочетание или даже более крупную единицу, однако грамматическая информация относится, как правило, к отдельным словам.

Пример 2 (Ympäristösanasto 1998; здесь и далее угловые скобки с многоточием внутри них означают, что часть статьи пропущена):

ympäristövaikutusten arviointi; YVA

<...>

fr evaluation *f* des impact sur l'environnement; evaluation *f* des incidences sur l'environnement; evaluation *f* des incidences

В данном примере помета *f* относится не ко всему французскому соответствию, а лишь к первому слову словосочетания. При обращении словаря она относилась бы к части единицы словника. Таким образом, необходимо различать

информацию о единицах словника и информацию об элементах единиц словника.

Как видно из предыдущего примера, помимо информации о единицах словника, в словаре может также содержаться информация о тех единицах (и их частях), которые соплагаются единицам словника. Например, в переводческом словаре может содержаться грамматическая, морфологическая и иная информация о единицах выходного языка, в словаре синонимов – информация, относящаяся к синонимам и т. д.

Пример 3 (ФРЛС):

halla (17.10) [Metsätuhot]

<...>

зámорозки *pl.* лэ I

В данном примере грамматическая помета *pl.* и указание на источник (лэ I) относятся к русскому соответствию, а не к финскому термину.

Подобные сведения, строго говоря, уже являются информацией не об элементах левой, а об элементах правой части. Кроме того, при сопоставлении единиц может образоваться такой специфический тип информации, как *контрастная информация*. Эта информация не относится ни к единицам левой, ни к единицам правой части по отдельности, а появляется только в процессе сопоставления единиц. Так, в приведенном ниже примере информация, вынесенная в русское пояснение, появилась в результате сопоставления понятий в финском и русском языках:

Пример 4 (ФРЛС):

maaperäkartoitus [Metsämaa]

maalajien tai maannosten alueellisen esiintymisen selvittäminen ≈ SESMS

≈**картографирование почв** ЭЛХ I

≈**картирование почв** Федоров, 194

Финский термин обозначает картографирование не только почв, но и рыхлых осадочных пород.

В рабочей версии словаря нередко присутствует также *временная информация*. Временная информация не является релевантной с точки зрения назначения словаря и содержит сведения, необходимые только в процессе работы над ним. К временной информации может относиться, например, *служебная информация*: рабочие комментарии, идентификационный номер статьи, сведения о том, кто и когда создал или обновил словарную статью и т. д. Необходимо отметить, что в терминологических банках данных служебная информация может быть и релевантной с точки зрения назначения словаря. Например, она может служить своего рода "индексом надежности" основной информации или показателем ее принадлежности к определенному периоду.

В любом словаре присутствует также информация, помогающая пользователям ориентироваться и быстрее находить необходимые сведения. Такую информацию можно назвать *навигационной*. Это, например, оглавление, вырубки в книжном блоке словаря, номера страниц, названия и символные обозначения полей, шрифтовые выделения, отступы, втяжки, абзацы и т. д. Обязательное присутствие навигационной информации следует из данного нами определения словаря.

С понятием навигационной информации тесно связано понятие *входа в словарь*. Согласно одному из определений, вход в словарь представляет собой лексикографический инструмент (алфавитное расположение заголовочных единиц, план понятийной классификации лексики, индекс и т. п.), обеспечивающий читателю доступ к необходимой ему информации (Морковкин 1990: 41; Дубичинский 1998: 118). При такой трактовке понятия "вход в словарь" его трудно отличить от понятия "навигационная информация", однако мы считаем приведенное выше определение входа слишком широким. По нашему мнению, входом является не всякий инструмент, обеспечивающий пользователю доступ к необходимой информации, а только те приемы, которые направляют пользователя к словарной статье через определенный параметр. Например, если пользователь может выбрать искомую словарную статью не только через внешнюю форму специальной единицы (т. е. алфавитный вход), но и исходя из понятийной структуры данной подобласти, то можно говорить о том, что сло-

варь имеет также понятийный вход. Если к словарю прилагается список единиц, описываемых в словаре, в порядке возрастания или убывания их частотности, с отсылками к соответствующим словарным статьям (или хотя бы страницам или разделам, содержащим эти словарные статьи), то можно говорить о наличии частотного входа в словарь.

Таким образом, важной характеристикой входа, отличающей его от чисто механических способов указания на словарную статью (например, отсылок), является функция доступа к словарной статье через определенную характеристику единицы словника. Например, алфавитный вход основан на характеристике "иметь определенную графическую форму", понятийный – на характеристике "относиться к определенной понятийной системе" или "занимать определенное место в понятийной системе", частотный – на характеристике "иметь определенную частотность" и т. д. Определим *вход в словарь* следующим образом:

Лексикографический прием, направляющий пользователя к определенной словарной статье на основе заданной характеристики единицы словника.

По сравнению со входом в словарь навигационная информация – более универсальный инструмент: она обеспечивает ориентацию пользователя в словаре на всех уровнях – от разделов до микростатей.

В заключение отметим наличие в большинстве словарей информации о самом лексикографическом произведении и правилах пользования им. Это, например, краткое описание словаря на задней обложке или обороте титульного листа, аннотация, предисловие, раздел "Как пользоваться словарем" и т. д. Назовем эту информацию *информацией о лексикографическом продукте*.

Таким образом, словарь состоит как минимум из *словника, информации о единицах словника и навигационной информации*. Кроме того, возможно наличие *информации об элементах единиц словника, информации о единицах правой части, информации об элементах единиц правой части, контрастивной*

информации, а также информации о лексикографическом продукте. В рабочей версии словаря может также присутствовать временная информация.

Названия элементов структуры словаря

В данном подразделе мы рассмотрим лексикографические термины, обозначающие элементы структуры словаря, такие как *макро- и микроструктура, корпус и приложения, словарная статья, подстатья, гнездо* и т. д.

В первом подразделе было установлено, что особенностью словаря как справочного произведения является представление единиц словника с относящимися к ним сведениями в виде упорядоченного списка микротекстов. В простейшем случае в словаре имеется только один такой список, именуемый *корпусом*. В более сложных случаях списков может быть несколько. Например, сокращения и имена собственные часто выносятся в словарях за пределы основного корпуса. В лексикографии, по-видимому, не существует специального термина для обозначения дополнительных списков микротекстов, и обычно они просто включаются в понятие "приложение". Мы предпочитаем говорить в таком случае о *дополнительных корпусах*.

Корпус словаря состоит из микротекстов, именуемых *словарными статьями*. Словарная статья обычно оформляется как абзац (Берков 1996: 15, 82) и состоит из *заголовка*, как правило, выделяемого графически (традиционно полужирным шрифтом, но иногда также капителью и другими средствами), и относящейся к заголовку информации. Часть словарной статьи после заголовка, по-видимому, не имеет в лексикографии специального названия. Иногда именно ее называют словарной статьей, однако представляется, что этот термин больше подходит для обозначения совокупности заголовка и информации, относящейся к нему. На наш взгляд, можно говорить о *теле словарной статьи*.

Количество словарных статей не обязательно совпадает с количеством единиц словника. В целях экономии места или, например, для отображения системных связей в словарную статью может быть объединено от двух до не-

скольких десятков единиц словника (с относящимися к ним описаниями). Единицы словника в статье, а также переходы от одной микростатьи к другой могут выделяться или не выделяться графически. Если микростатья и ее заголовок оформляются в целом таким же образом, что и заголовок всей статьи (например, выделяется полужирным шрифтом и начинается с новой строки), то подобные микростатьи обычно называют *подстатьями*, а их заголовки в англоязычной лексикографии именуют "сублеммами" (sublemma). Приведем пример подстатей:

Пример 5 (Англо-русский радиотехнический словарь 1957):

diffuser (*свт*) рассеиватель;
neutral d. нейтральный рассеиватель;
perfect d. (*свт*) идеальный рассеиватель;
selective d. (*свт*) избирательный рассеиватель;
uniform d. (*свт*) равномерный рассеиватель.

Примеры и единицы идиоматического характера с участием единицы словника, которые в переводческом словаре обычно снабжаются иноязычным соответствием, могут образовывать собственные микростатьи. Эти микростатьи могут, например, помещаться в конце словарной статьи за знаком ромба, в т. н. "заромбовой части" (ср. Андриященко & Морковкин 1988: 16; Берков 2004: 124):

Пример 6 (Англо-русский словарь по биотехнологии = Дрыгин 1990):

additive 1. добавка || добавочный 2. примесь 3. наполнитель ◇ ~s to change appeal добавки, улучшающие товарный вид (*продукта*)

Пример 7 (ФРЛС):

ojittaa 📖 Päivänen 1990, 110 [Metsähydrologia ja -ojitus]
kaivaa ojat ojitus- tai kuivatusalueelle ✍ Päivänen
производить осушение (*perf.* произвести) ☑ Сабо
осушать (*perf.* осушить) 📖 Бабилов, 92
≈**дренировать** 📖 TS
Термин "дренировать" относится к осушению с помощью закрытого дренажа. ✍ Сабо
◇ ojittaa metsämaa – *производить осушение лесных земель*; ojittaa suo – *осушать болото*

Подобное явление называется в некоторых работах *нелемматической адресацией* (англ. non-lemmatic addressing – см. Hausmann & Wiegand 1989: 349–350), а сами микростатьи – *скрытыми статьями* (англ. hidden entries – см. Hartmann & James 1998: 67).

Словарную статью с ярко выраженными сублеммами часто называют *словарным гнездом*. При этом единицы словника могут быть объединены в гнездо на основании их формы или по иному признаку. В частности, гнездование может проводиться по признаку смысловых и системных связей между единицами словника. В словарях специальной лексики это чаще всего родовидовые отношения, когда в гнездо родового термина помещаются видовые термины (например, "выпуклая гравюра", "углубленная гравюра", "резцовая гравюра" и "офорт" в гнезде термина "гравюра"), однако отношения между терминами в гнезде могут быть также синонимическими, антонимическими и др. (Гринев 1995: 34). Гнездованию могут подвергаться не только словосочетания, но и сложные слова (см., напр., Зернова 1988).

В англоязычных источниках *гнездование на основе формы* называется *niching*, в отличие от *семантического гнездования*, которое именуется *nesting* (Hausmann & Wiegand 1989: 336; Bergenholtz & Tarp 1995: 193–194). При подаче каждой подстатьи на отдельной строке ("списком") речь идет о *listing*, а при подаче сплошной строкой ("группой") – о *clustering* (Bergenholtz & Tarp 1995: 193).

Заголовок словарной статьи, как уже отмечалось в первом подразделе, не всегда совпадает с единицей словника. Например, в переводных словарях заголовков может сопровождаться двоеточием, за которым следует словосочетание с этой заглавной единицей и иноязычное соответствие этого словосочетания. Так принято поступать в случае, когда заглавная единица не имеет самостоятельного употребления или когда ее перевод невозможен или нецелесообразен с точки зрения данного словаря:

Пример 8 (Англо-русский словарь по химии и переработке нефти = Кедринский 1975; см. тж. Пример 1):

day:

stream ~ сутки непрерывной работы (*установки, завода*); рабочий день (*в планировании и учете производства, в отличие от календарного дня*)

Заголовок словарной статьи имеет большое количество названий как в русском, так и в английском языках, например: "заголовочная единица", "заглавное слово", "лемма", "вокабула", "реестровое слово", "черное слово" (Берков 1996: 13; Дубичинский 1998: 117–127), ср. англ. entry word, entry-word, entry, entry-head, guide word, headword, key word, keyword, main entry, lemma (Riggs 1984: 405–406; Kipfer 1985: 173–188). Наибольшее распространение в последнее время приобрел термин "лемма", по-видимому, в силу его краткости и интернациональности.

Следует отметить, однако, что термин "лемма" имеет еще одно значение. "Леммой" называют представителя всех морфологических форм слова (словоформ), т. е. *лемма* является результатом *лемматизации* – сведения словоформ в одну основную, "представительную" (Берков 1996: 13–14; Burkhanov 1998: 116–117). Например, словарной формой для существительного в большинстве языков считается форма единственного числа именительного падежа.

Лемматизация словника не обязательно бывает полной. Приведение всех форм слова к одной требует от пользователя определенной лингвистической компетенции, поэтому, например, нерегулярные формы принято включать в словарь в качестве отдельных заголовков статей (обычно отсылочных), хотя "репрезентативной" формой всей парадигмы остается каноническая форма. Лемматизация обеспечивает существенную экономию словарного пространства, что особенно важно для бумажных словарей.

С лемматизацией в определенной степени схожа применяемая в больших толковых словарях практика подачи однокоренных слов и производных форм без дополнительных комментариев в конце статьи "более представительного" слова (т. н. run-on – Landau 1989: 77–78; Burkhanov 1998: 203; Hartmann & James 1998: 121; русские соответствия нам не встречались, мы предлагаем на-

зывать это явление *пристатейной единицей словника*). Подобные единицы часто печатают жирным шрифтом и учитывают при подсчете количества "слов и выражений" в словаре. Приведем пример пристатейной единицы словника:

Пример 9 (Merriam-Webster Online Dictionary, <http://www.m-w.com/netdict.htm>):

²seeming

Function: *adjective*

: having an often deceptive or delusive appearance on superficial examination
<their wealth gave them a *seeming* security>

synonym see APPARENT

- **seem·ing·ly** /'sE-mi[ng]-lE/ *adverb*

В качестве пристатейных единиц словника иногда указываются даже "потенциально возможные", "латентные" формы, реально в языке не употребляющиеся (Landau 1989: 78). Включение пристатейных единиц словника предполагает, что описание основной единицы относится и к однокоренным, и к производным формам. Если это условие не соблюдается или у производных форм имеются дополнительные значения, рекомендуется выделять эти формы в отдельные статьи (Landau 1989: 78). В отличие от лемматизации, практика подачи дериватов и семантически схожих единиц в конце статьи приводит не к сокращению словника, а к компрессии правой части.

Существует также практика объединения вариантных форм в одну:

Пример 10 (Англо-русский словарь по биотехнологии = Дрыгин 1990):

blister pack
blister pak ⇒ **blister pak (pack)**

Тем не менее такая компрессия возможна только в случае непосредственного соседства вариантных форм, т. е. уже после решения вопроса о принципах расположения словарных (микро)статей относительно друг друга. Экономия места может также достигаться с помощью гнездования, при котором повторяющиеся части слов заменяют условным знаком (тильдой, тире и т. п.). В этом

случае, однако, речь идет о чисто механической компрессии, а не о сокращении количества описываемых форм.

Если в словаре используется лемматизация, то целесообразно различать *нелемматизированный* *словник* и *лемматизированный* *словник*. Первый охватывает всю совокупность описываемых словоформ, тогда как второй представляет собой список "репрезентативных форм" этих единиц плюс список исключений, т. е. список "нерепрезентативных форм", которые, тем не менее, по тем или иным соображениям включаются в словник в качестве самостоятельных статей.

Если все до одной словоформы в словаре лемматизированы, то понятия "единица словника" и "лемма" (т. е. лемматизированная форма), действительно, совпадают. Однако если лемматизация не используется или в словарь в виде исключения входят также отдельные "нерепрезентативные формы", то не все единицы словника являются леммами. По этой причине мы считаем смешение этих понятий нецелесообразным.

Принципы формирования словарных статей во многом зависят от решения вопроса о базовой единице словника. В качестве базовой единицы словника обычно принимается либо графическая форма специальной единицы, либо ее лексико-семантический вариант. В принципе, возможны и более сложные промежуточные решения.

Например, в неодноязычных словарях используются различные принципы филиации (членения слова на значения). Одни лексикографы считают, что слово исходного языка должно члениться безотносительно к переводным эквивалентам, тогда как другие полагают, что выделение значений должно происходить с учетом выходного языка. Например, одно из значений русского слова "хвост" покрывается в исландском языке восемью эквивалентами. Согласно первому подходу, в русско-исландском словаре будет выделено только одно значение слова "хвост", согласно второму – восемь (Берков 2004: 116–117; Берков 1977: 51–55).

Другой пример: если составитель словаря проводит различие между омонимией и полисемией, то омонимы обычно помещаются в разные словарные

статьи, а более близкие значения той же единицы – в одну статью. Получается, что в первом случае при выборе базовой единицы словника составитель ориентируется на значение, а во втором – на форму. Выбор базовой единицы словника и способа филиации зависит от типа словаря и предпочтений составителя. Для большинства переводческих словарей специальной лексики естественной базовой единицей словника является лексико-семантический вариант, т. е. единица, соответствующая одному понятию входного языка.

Итак, единицы словника могут входить в состав основного или дополнительных корпусов, а также по-разному подаваться в словарной статье: в виде заголовка словарной статьи, заголовка подстатьи, за определенным знаком или безо всяких специальных выделений. При этом единица словника с относящейся к ней информацией формирует собственную *микростатью*. С другой стороны, элементы правой части, которые соплагаются единицам словника, также могут сопровождаться информацией, которая относится именно к ним, а не к единицам словника. В экстремальном случае единицы левой части и соплагаемые им единицы правой части могут рассматриваться фактически как равноправные. Например, в канадском терминологическом банке "ТЕРМИУМ" английская и французская части располагаются параллельно, и по набору сведений и оформлению практически не различаются (см. Wright 2001a: 581). Компьютерные технологии позволяют также создавать "виртуальные" словарные статьи из нескольких самостоятельных компонентов, например, разноязычных словарных статей. Таким образом, в структуру словарной статьи могут входить и микростатьи, состоящие из единиц правой части с относящейся к ним информацией.

Контрастивная информация, как правило, относится не к единицам словника и не к соплагаемым им единицам правой части, а к их совокупности. Временная информация может относиться как к отдельным микростатьям, так и к контрастивной информации и статье в целом, однако поскольку она не входит в окончательную версию словаря, ее роль в определении структуры словаря минимальна. Информация о лексикографическом продукте, как правило, располагается вне корпуса, в *дополнительных частях словаря*. Навигационная

информация пронизывает весь словарь. Дополнительные корпуса и другие дополнительные части словаря могут иметь собственную структуру.

Таким образом, организация сведений в словаре может иметь разнообразную и довольно сложную структуру. К сожалению, единой типологии и терминологии в этой сфере пока не выработано. Традиционно структура словаря описывалась через понятия "макроструктура" и "микроструктура", однако эти термины используются в разных значениях и имеют ряд существенных недостатков. Проиллюстрируем это на примере трех авторитетных источников: "Manual of Specialised Lexicography" (Bergenholtz & Tarp 1995), "Введение в терминографию" (Гринев 1995) и "Teaching and Researching Lexicography" (Hartmann 2001).

Под "макроструктурой" (macrostructure) в англоязычных источниках чаще всего понимают принцип организации словарных статей в основном корпусе словаря. С.В. Гринев (1995: 30, 32) включает в это понятие также состав и взаимодействие всех композиционных частей словаря. Собственно организацию словарных статей в корпусе С.В. Гринев предлагает именовать "медиаструктурой". В то же время Р. Хартманн понимает под медиаструктурой (mediostucture) "различные средства доступа к отсылкам" (Hartmann 2001: 65; перевод мой – И.К.). Это, по всей видимости, то же самое, что в книге Х. Бергенхольца и С. Тарпа именуется "структурой отсылок" (cross-reference structure – Bergenholtz & Tarp 1995: 16). Для описания состава и взаимодействия частей словаря Р. Хартманн использует термин "мегаструктура" (megastructure), а Х. Бергенхольц и С. Тарп – термин "фреймовая структура" (frame structure). Иными словами, "терминология еще не устоялась" (Hartmann 2001: 64).

Другая проблема заключается в том, что традиционные концепции макро- и микроструктуры построены преимущественно на материале больших толковых словарей и, соответственно, имеют ограниченную сферу применения (Hausmann & Wiegand 1989: 344). Например, взаимное расположение тематических частей корпуса идеографического словаря трудно описать в терминах макроструктуры. Двуязычная лексикография также имеет свою специфику и остро нуждается в собственной терминологии (Kromann, Riiber & Rosbach 1991: 2717).

Широкое распространение электронных словарей также требует внесения определенных изменений в традиционный понятийный аппарат лексикографии. Прежде всего это касается терминологии, описывающей структуру и систему входов словаря. Например, электронный словарь может вообще не иметь макроструктуры в традиционном понимании этого слова, если доступ к отдельным статьям осуществляется через строку поиска (ср. Андриященко 1986: 47; Лейчик 1999: 8).

Неясным остается вопрос о границах макро- и микроструктуры (ср. Geeraerts 1989: 288–289). Выделяемые исследователями элементы макроструктуры (см., напр., Гринев 1995: 40) нередко затрагивают и микроструктуру. Например, алфавитно-гнездовой порядок отражает порядок следования не только словарных статей, но и подстатей, а вопрос о принципах подачи омонимов может касаться также формирования словарной статьи, а не только размещения словарных статей относительно друг друга.

Принципы организации микростатей в словаре настолько сложны и многообразны, что перечислить и озаглавить каждый уровень структуры не представляется возможным. Вместо традиционных, но полисемичных и расплывчатых терминов "макроструктура" и "микроструктура" мы предпочитаем использовать более конкретные и прозрачные выражения, например, *структура словарной статьи, взаимное расположение частей словаря*.

Таким образом, в данном подразделе мы рассмотрели содержание таких понятий, как *основной и дополнительный корпус, дополнительные части словаря, словарная статья, подстатья, скрытая статья, микростатья, словарное гнездо, заголовок и тело* (статьи, подстатьи и т. д.). Кроме того, было уточнено содержание понятий *словник, единица словника, лемма, нелемматизированный словник и лемматизированный словник*, а также рассмотрены некоторые способы *компрессии* левой и правой частей, такие как *гнездование* (на основе формы и семантическое), *лемматизация, пристатейная подача единиц словника*. Эта терминология поможет нам в дальнейшем при описании процесса проектирования содержания и структуры словаря. Теперь перейдем к

рассмотрению факторов, оказывающих влияние на параметры словаря и процесс его создания.

2. Классификация факторов, влияющих на характеристики словаря и процесс его создания

Факторы, влияющие на параметры словаря и процесс его создания, можно разделить на собственно лексикографические и внешние. Собственно лексикографические факторы связаны с удовлетворением потребностей пользователей словаря. Внешние факторы корректируют проект словаря в соответствии с реально имеющимися ресурсами, а также с учетом иных мотивов лексикографической деятельности, не имеющих непосредственного отношения к удовлетворению потребностей пользователей.

Собственно лексикографические факторы

Большая часть собственно лексикографических факторов выводима из приведенного в первом подразделе лексикографического определения словаря. Будучи информационным продуктом, словарь призван удовлетворять информационные потребности пользователей. Информационные потребности возникают у пользователей при обращении к тому или иному языковому материалу (напомним, что словарь предназначен для облегчения операций с языковыми знаками) в ходе определенной деятельности (например, перевода). Помимо информационных потребностей, у пользователей имеются также определенные потребности, связанные с особенностями поиска и восприятия информации. Эти потребности отчасти определяют содержание и структуру словаря, а также тип носителя.

К сожалению, если только словарь не составляется для личного пользования, у автора словаря чаще всего нет точных сведений о реальных пользователях и их реальных потребностях. Еще меньше сведений имеется о конкретном материале, с которым будут иметь дело пользователи, тем более что этот материал, как правило, еще не создан. По этой причине параметры словаря будут зависеть также от методов сбора информации о материале, пользователях и их

потребностях, а также от того, кто будет эту информацию собирать и интерпретировать. Указанные факторы можно выразить следующей схемой:

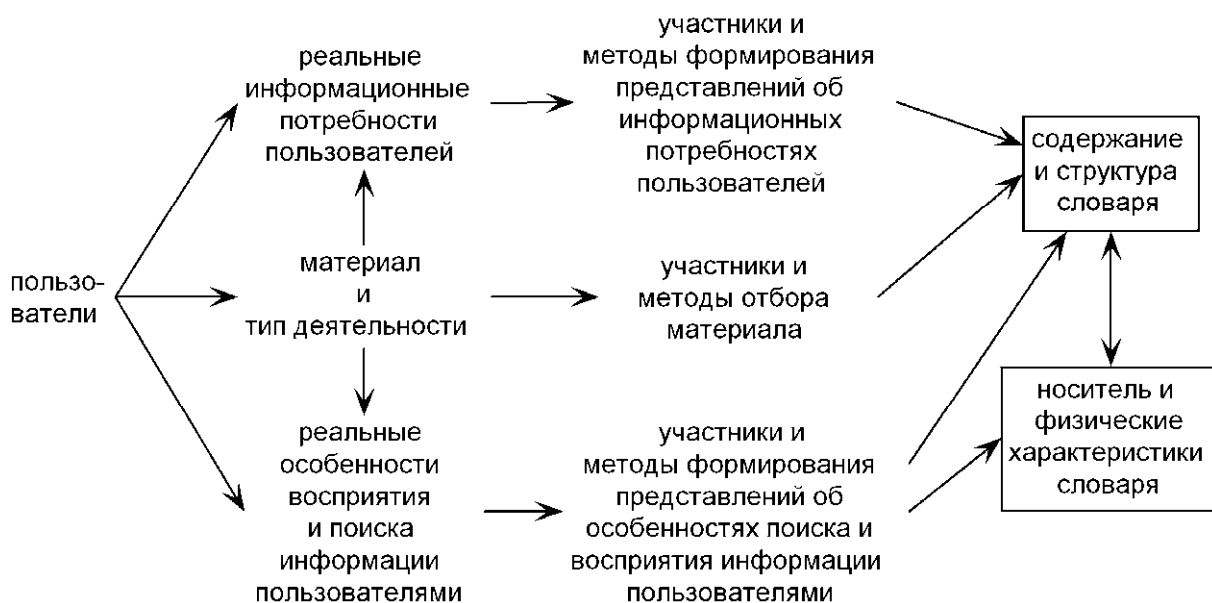

Схема 1. Влияние собственно лексикографических факторов на параметры словаря.

Когда мы говорим о "собственно лексикографических" факторах, мы не имеем в виду "факторы, имеющие отношение к теоретической лексикографии". На самом деле далеко не все теоретические изыскания наилучшим образом отвечают интересам пользователей. И даже наоборот, исследователи отмечают, что некоторые модные увлечения лингвистов пагубно отражаются на словарях (Девкин 2000: 18). В лексикографии необходимо соблюдать золотую середину между требованиями теории и практики. П.Н. Денисов пишет:

Отдавая должное современным увлечениям, с одной стороны, макроструктурами, макроподходами, глобальными кибернетическими схемами электронного будущего человечества, а с другой – микроструктурами, микроанализом, элементарнейшими стандартными и универсальными единицами смысла, "молекулярными" уровнями знаковых систем, лексикография, как и филология, по самой своей сути ориентируется на "человеческие пропорции", т. е. на единицы "средней величины" (Денисов 1978: 29).

Согласно известному афоризму С. Джонсона, в лексикографии чистая наука слишком тонка для решения жизненных задач. Мало проку в том, если меха-

низм восхищает инженера тонкостью своего устройства, но требует таких больших познаний для своего применения, что совершенно бесполезен для простого рабочего (Johnson 1747: 4–5). Что касается переводческой лексикографии, то В.П. Берков (1973: 16–17) особо подчеркивает, что специфика практической работы в этой области состоит в том, что автор словаря, с одной стороны, исходит из целой системы теоретических посылок, а с другой – создает произведение, основное назначение которого – быть практическим пособием для лиц, занимающихся переводом. Четкая адресация и обусловленность жестким прагматизмом отмечаются многими исследователями как основополагающие принципы лексикографии (напр., Денисов 1977: 216; Geeraerts 1989: 291; Дубичинский 1998: 30; Девкин 2000: 21).

При составлении словаря лексикографу приходится однозначно решать все встающие перед ним вопросы, в том числе такие, для решения которых еще нет общепризнанных методов (Берков 1971: 5; Сороколетов 1985: 5; Татаринов 1996: 143–144). Как писал Л.В. Щерба, каждое мало-мальски сложное слово в сущности должно быть предметом научной монографии, а следовательно, трудно ожидать окончания какого-либо хорошего словаря. А словари нужны, и надо находить какой-то компромисс (Щерба 1958: 72). Это приводит к появлению в лексикографии субъективных факторов.

Субъективность неизбежна и в выборе стратегий преодоления внутренних противоречий словаря, известных как "антиномии лексикографии" и упоминаемых в большом количестве работ (напр., Рей & Делесаль 1983; Шведова 1988/2005: 420–424; Дубичинский 1995; Девкин 2000: 16–23). Ниже рассматриваются наиболее распространенные антиномии, характерные для словарей вообще и для переводческих словарей в частности.

Общим для всех словарей является противоречие между ролью словаря как ключа к реальным текстам, т. е. многообразной и уникальной речи, и неизбежной ограниченностью набора содержащихся в нем обобщенных решений. Хотя возможность применения сосюровских бинарных оппозиций (синхрония-диахрония, язык-речь) в лексикографии ограничена (Рей & Делесаль 1983: 273), составителю, например, переводческого словаря приходится проводить четкую

грань между контекстными и словарными эквивалентами, между свободными и несвободными словосочетаниями.

Следствием предыдущей антиномии является противоречие между ориентацией словаря на работу с новыми текстами и его одновременной диахроничностью. Всякий словарь является, как известно, произведением диахроническим (напр., Zgusta 1971: 202–203; Апресян 1993: 8): во-первых, работа над словарем и его издание требуют времени, во-вторых, лексикограф не может включать в словарь неологизмы, не убедившись в их жизнеспособности (Берков 1996: 25).

Конфликт существует и между информационными потребностями пользователей и особенностями восприятия ими информации. С одной стороны, пользователь ожидает от словаря известной полноты информации, а с другой – излишний объем информации затрудняет ее восприятие и обработку. Кроме того, словарь вынужден ориентироваться на "среднестатистического" пользователя и типичные ситуации использования, из-за чего в одной ситуации и для одного пользователя информации может оказаться недостаточно, а в другой ситуации и для другого пользователя ее окажется слишком много.

Следующей антиномией является противоречие между стремлением словаря к системности и неизбежностью определенной несистемности. Выстраивая лексический материал по одному параметру, лексикограф одновременно привносит несистемность в отношении других параметров (Дубичинский 1995: 69, со ссылкой на: Денисов 1977). Сюда же можно отнести противоречие между стремлением к системности описания и неизбежным разнообразием языкового материала.

Представляется, что искусство лексикографии состоит в нахождении компромиссов при разрешении описанных выше противоречий. Этот процесс с трудом поддается формализации, и, по всей видимости, в лексикографии еще долго будет велика роль субъективных факторов (ср. Щерба 1955: 7; Берков 1996: 5, 22–24; Дубичинский 1998: 29–30).

Внешние факторы

Свобода лексикографа ограничена не только противоречиями, присущими словарю по самой его природе, но и большим количеством внешних факторов. Наиболее значимым из них является то, что работа над словарем требует ресурсов – людских, временных, технических, материальных. Кроме того, на параметры словаря и процесс работы над ним могут оказывать влияние стороны, предоставляющие эти ресурсы: издатели, спонсоры, ведущая организация и т. д. К внешним факторам можно отнести и ограничения, связанные с носителем и его физическими характеристиками.

Под влиянием внешних факторов многие идеальные требования к словарям подвергаются существенному "приземлению". Например, известное положение Л.В. Щербы о необходимости четырех переводных словарей для каждой пары языков, теоретически правильное, для большинства пар языков практически не осуществимо, вследствие чего основная масса словарей имеет более одной группы адресатов (Берков 1971: 5).

В дополнение к факторам, не зависящим от лексикографа (ресурсы и требования сторон, их предоставляющих), на решения лексикографа неизбежно оказывают влияние его личные качества, уровень и характер его образования, принадлежность к той или иной научной школе или лексикографической традиции, опыт участия в других проектах и т. д.

Любой словарь есть не более чем приближенное отражение объективно существующего словарного состава языков и имеющихся между ними эквивалентных связей, поскольку сам он создается субъективным творческим актом достаточно ограниченной по сравнению со всем языковым коллективом группы людей, с учетом реально существующих условий времени, средств и иных факторов, соотносимых с характером и интенсивностью соответствующих общественных потребностей (Цвиллинг 1976: 116). По этой причине концепцию "идеального словаря" невозможно воплотить на практике, что и нашло отражение в афоризме П. Буаста – "Один только Бог может составить идеальный словарь"

(цит. по: Девкин 2000: 355). Тем не менее описание идеала и абстрагирование от внешних факторов на начальной стадии проектирования словаря необходимы, поскольку позволяют правильно определить реальные цели работы. Затем наступает черед второго этапа, когда идеальные, теоретические построения приводятся в соответствие с реальными возможностями. Представляется, что такая последовательность и соблюдение золотой середины между теорией и практикой позволяют добиться наилучших результатов в лексикографической деятельности.

В заключение перечислим еще раз основные положения данной главы:

- Факторы, влияющие на параметры словаря и процесс его создания, можно разделить на собственно лексикографические и внешние. Первые связаны с удовлетворением потребностей пользователей словаря, вторые корректируют проект словаря в соответствии с реальными условиями словарного проекта.
- К собственно лексикографическим факторам относятся пользователи, материал, над которым пользователи производят те или иные операции, характер этих операций, а также производные от суммы этих факторов информационные потребности пользователей и потребности, связанные с особенностями поиска и восприятия информации. Достоверность сведений о реальных потребностях пользователей зависит от участников и методов сбора информации.
- К внешним факторам относятся ресурсы, требования сторон, предоставляющие эти ресурсы, ограничения, связанные с носителем информации, а также мировоззренческие установки автора словаря.
- основополагающими принципами лексикографии являются четкая адресация и обусловленность жестким прагматизмом.
- Внутренние диалектические противоречия, присущие словарю, а также необходимость однозначно решать в словаре вопросы, еще не имеющие общепринятого решения, приводят к широкому распространению в лексикографии субъективных факторов, с трудом поддающихся формализации.

- Чтобы словарь наилучшим образом отвечал интересам пользователей, при его проектировании следует исходить из собственно лексикографических факторов и искать компромисс между противоборствующими факторами.

3. Лексикографируемый материал. Типы специальных единиц

Информационные и неинформационные потребности являются суммой трех факторов: материала, над которым работает пользователь, компетенции пользователя и характером операций, производимых пользователем. Для выявления потребностей переводчиков специальных текстов необходимо выяснить, какого рода материал они переводят и с какими единицами им при этом приходится сталкиваться, с какими видами перевода они имеют дело и каков уровень их предметной, лингвистической и лексикографической компетенции. Точность представления об информационных потребностях конечных потребителей зависит также от того, при помощи каких методов составитель словаря получает информацию о потребностях пользователей. Данная глава посвящена обсуждению всех этих вопросов.

Формирование словника словаря специальной лексики, сбор информации о единицах словника и выбор источников словаря невозможны без глубокого понимания того, что представляют собой специальные тексты и какие типы специальных единиц в них используются. Поэтому мы начнем данную главу с определения языков для специальных целей.

Определение языков для специальных целей

В современном языкознании может считаться общепризнанным утверждение, что язык нельзя рассматривать как нечто единое, гомогенное и абсолютно однородное по своему составу (Цвиллинг 1986: 5). Традиционным стало и выделение в составе национальных языков ЯСЦ – языков для специальных целей (англ. languages for special purposes, LSP). Большинство исследователей рассматривает ЯСЦ как функциональные разновидности национальных языков (напр., Sager, Dungworth & McDonald 1980/1997; Picht & Draskau 1985; Лейчик 1986, 2006; Cabré 1999).

Тем не менее единого мнения по вопросу об отличительных признаках ЯСЦ среди специалистов нет. В одних источниках на первый план выдвигается их информационная функция (напр., Hoffmann 1990: 53; цит. по: Володина 1997: 29), в других они связываются с профессиональным общением (напр., Lejczyk & Biesiekirska 1998: 6; Лейчик 2006: 9), в третьих акцент делается на составе участников коммуникации (напр., Cabré 1999: 64). Большинство авторов подчеркивает также важность предмета обсуждения. Например, в международных терминологических стандартах ЯСЦ определяется как "язык, используемый в какой-либо предметной области и характеризующийся использованием специфических языковых средств". Предметная область при этом определяется как "область специального знания" (ISO 1087-1:2000: 2; перевод мой – И.К.).

К сожалению, на практике провести четкую границу между специальными и неспециальными сферами оказывается нелегко. Во-первых, отнесение той или иной области к специальной или неспециальной во многом носит конвенциональный характер и подвержено изменениям (напр., Sager 1994: 40; Татаринев 1996: 159). Во-вторых, повседневная, бытовая деятельность также требует определенной степени специализации, и все люди время от времени обсуждают специальные темы (напр., Берков 1973: 62; Перерва 1981: 90; Cabré 1999: 63). Мы склонны относить к специальным знаниям такие области, понятийный аппарат которых не известен большинству членов данного языкового коллектива.

Суммируя различные точки зрения на ЯСЦ, можно предложить следующее определение этого понятия:

Совокупность естественных или естественно-искусственных языковых средств, используемая в какой-либо области знаний и/или деятельности главным образом для передачи предметной информации и отражающая понятийный аппарат, не являющийся достоянием большинства носителей данного национального языка.

Это определение задает массив текстов и набор языковых средств, которые могут становиться объектами терминографии.

Выбор национальных языков, ЯСЦ которых описываются словарем

Выбор национальных языков, ЯСЦ которых будут описываться словарем, оказывает большое влияние как на характеристики словаря, так и на процесс работы над ним. В данном подразделе мы рассмотрим выбор входных и выходных языков, их количества, а также степень обратимости словаря.

Выбор входных и выходных языков

Под входными языками словаря мы понимаем языки словника, а под выходными – языки переводных эквивалентов. На выбор этих языков может влиять целый ряд факторов.

Поскольку речь идет о словарях для перевода, то основным критерием выбора входных и выходных языков должна быть, естественно, потребность в информации о переводных эквивалентах на тех или иных языках. Эту потребность можно оценить количественно – например, с опорой на статистические данные об объемах переводов специальных текстов по выбранной тематике для определенной пары языков. С другой стороны, можно исходить из соображений стратегической или общественно-политической важности информации, нуждающейся в переводе, или значимости самого факта такого перевода. Последнее обстоятельство можно проиллюстрировать на примере стран с официальным двуязычием или многоязычием (Канада, Швейцария) или небольших европейских стран, стремящихся сохранить и развивать своеязычную терминологию (например, скандинавские страны).

В связи с тем что для подготовки словаря обычно требуется несколько лет, а изменения приоритетов в науке, технике и общественной жизни происходят в настоящее время очень быстро, целесообразно попытаться оценить актуальность выбранной тематики для выбранной пары языков на ближайшую перспективу.

Из нескольких тысяч языков, существующих в мире, развитой терминологией обладает около шестидесяти (Felber 1984: 7). По опыту Всесоюзного (ныне Всероссийского) центра переводов, в 1980-е гг. на долю пяти языков – английского, французского, немецкого, испанского и русского – приходилось до 90 % всех научно-технических переводов (Смирнов 1982: 47; Убин 1992: 8; Убин 2001а: 5). Исходя из этого, можно предположить, что основная масса терминологических словарей должна содержать хотя бы один из перечисленных языков.

Важным критерием выбора языка является доступность материалов на нем и возможность привлечения к работе носителей языка. Особенно важно обеспечить участие специалистов-носителей языка при составлении логико-понятийных схем и определений (Felber 1984: 317; Sanastotyön käsikirja 1989: 137–138; ISO 10241:1992: 3).

По-видимому, более естественной является направленность словаря от иностранного к родному для составителя языку (Климзо 1985: 88). Это связано с тем, что составителю легче подобрать точное соответствие для термина в родном языке, чем в иностранном, не говоря уже о тех случаях, когда приходится создавать искусственные соответствия.

Таким образом, при выборе языков, описываемых в словаре, составитель должен учитывать, по крайней мере, следующие факторы:

- качественная и количественная потребность в переводных эквивалентах для данной области знаний и данной пары языков;
- доступность материалов на данных языках и возможность привлечения к работе носителей языка;
- уровень собственной компетенции в данной сфере в родном и иностранном языке.

Выбор количества языков

Основным, традиционным типом переводческого словаря является двуязычный словарь (Кияк 1989: 84; Opitz 1990: 1506; Гринев 1995: 56; Дубичинский & Самойлов 2000: 28). В данном подразделе мы рассмотрим, в каких случаях может быть целесообразно издание словарей с тремя и более языками.

Относительно того, в какой степени многоязычные словари предназначены для перевода и переводчиков, существуют различные мнения. С одной стороны, многие авторы утверждают, что многоязычные словари создаются прежде всего для целей перевода (напр., Picht & Draskau 1985: 123; Марчук 1992: 61; Марчук 2000: 132). С другой стороны, эти же авторы констатируют, что многоязычные словари, как правило, содержат только переводные эквиваленты, а другой пояснительной информации, необходимой для качественного перевода, в них мало (Picht & Draskau 1985: 123–124; Марчук 1992: 60; Марчук 2000: 131; ср. Pearson 1998: 71–72). Ю.Н. Марчук и В.В. Дубичинский считают, что многоязычные словари предназначены не для профессиональных переводчиков, а для специалистов-предметников, и что они выполняют главным образом пассивную, справочно-рецептивную функцию (Марчук 1992: 62; Марчук 2003: 128; Дубичинский 1997: 117; Дубичинский 1998: 72).

Вместе с тем, результаты анкетирования, проведенного Всесоюзным центром переводов показывают, что использование многоязычных словарей можно считать скорее профессиональной приметой переводчиков, нежели научных работников. Среди первых к многоязычным словарям обращаются 33 % опрошенных, среди последних – только 9 % (Шайкевич & Убин 1988: 116). Проведенный нами опрос подтвердил, что переводчики достаточно широко пользуются многоязычными словарями.

Приходилось ли Вам пользоваться многоязычными словарями?	всего, %	финнов, %	русских, %
да	79,10	84,44	68,18
нет	20,90	15,56	31,82

Таблица 1. Результаты ответа на вопрос "Приходилось ли Вам пользоваться многоязычными словарями?"

Меньше всего пользуются многоязычными словарями те, кто работает только с одним иностранным языком – 64,52 %. Те же, кто работает с двумя или с тремя и более языками, используют многоязычные словари очень широко (95 % финских и 87,5 % российских респондентов).

Другое дело, что и лексикографы, и переводчики относятся к многоязычным словарям с меньшим доверием, чем к двуязычным, ср.:

- "Словарь, охватывающий более двух языков, чрезвычайно опасен, если он не дает никакой другой информации, кроме 'голых' эквивалентов" (Picht & Draskau 1985: 123–124; перевод мой – И.К.).
- "Чем больше языков описывается в словаре, тем меньше возможности достижения объективного лексикографического описания" (Дубичинский 1998: 74).
- "К многоязычным материалам следует всегда относиться критически. Иногда совершенно справедливо говорят: 'Чем больше в словаре языков, тем он ненадежнее'" (Nykänen 1995: 14; перевод мой – И.К.).
- "Толку нет"; "Нет, и еще раз нет. Более практичными являются двуязычные словари, максимум трех (один из них английский)"; "Сомневаюсь в точности терминологии многоязычных словарей. В них сильна интерференция" – комментарии участников опроса ВЦП (Шайкевич & Убин 1988: 116).

Эти высказывания в целом подтверждаются и результатами нашего анкетирования:

Какому из словарей с одинаковым количеством заглавных слов Вы априори доверяли бы больше – двуязычному или многоязычному?	всего, %	финнов, %	русских, %
скорее двуязычному	59,70	51,11	77,27
скорее многоязычному	22,39	24,44	18,18
одинаково	17,91	24,44	4,55
не знаю	0	0	0

Таблица 2. Результаты ответа на вопрос "Какому из словарей с одинаковым количеством заглавных слов Вы априори доверяли бы больше – двуязычному или многоязычному?"

Кроме того, и лексикографы (напр., Ступин 1985: 21; Opitz 1983: 177), и переводчики отмечают, что многоязычные словари менее удобны в использовании, чем двуязычные, ср.:

Какими словарями обычно удобнее пользоваться – двуязычными или многоязычными?	всего, %	финнов, %	русских, %
двуязычными	62,67	48,89	90,91
многоязычными	16,42	24,44	0
не вижу разницы	14,93	17,78	9,09
не знаю	5,97	8,89	0

Таблица 3. Результаты ответа на вопрос "Какими словарями обычно удобнее пользоваться – двуязычными или многоязычными?"

Таким образом, переводчики все же достаточно активно пользуются многоязычными словарями и, по всей видимости, составляют основную адресную группу этого типа словарей. При этом многие переводчики относятся к многоязычным словарям весьма критически и считают их менее надежными и менее удобными в использовании по сравнению с двуязычными словарями. Эти выводы необходимо учитывать при выборе количества языков в словаре. Для

оценки других значимых факторов необходимо выяснить, к каким изменениям приводит увеличение количества языков.

Если в двуязычный словарь с пропорциональными левой и правой частью добавляется третий язык без сокращения словника или информации о единицах словника, это приводит к увеличению количества информации более чем на 50 % (с учетом указателей), при добавлении четвертого языка – на 100 % и т. д. Практически столь же линейна зависимость между количеством языков и увеличением людских, временных и материальных ресурсов, поскольку обычно для каждого языка нужны и свои терминологи, и свои специалисты-носители языка.

Кроме того, с увеличением количества языков становится сложнее выбирать язык вторичной информации, в частности, контрастивной. Достаточно остро встает вопрос подачи многозначных единиц. Если языки, охватываемые словарем, принадлежат к разным языковым семьям, то возникает еще немало других дополнительных проблем, усложняемых разной письменностью, трудностью размещения лексических единиц, составления индексов (ср. Марчук 2000: 131). Вместо алфавитного порядка приходится применять, например, тематический и создавать алфавитный индекс для каждого языка, что усложняет и замедляет нахождение необходимой информации. Вынужденное сокращение словника сужает область применения словаря, а уменьшение количества вторичной информации затрудняет принятие переводческих решений (ср. комментарий одного из наших респондентов: "Многоязычные словари: часто бесполезны из-за того, что они очень ограничены по содержанию"; перевод мой – *И.К.*).

Исходя из вышесказанного, а также с учетом рекомендаций, изложенных в литературе, можно выделить следующие области применения многоязычных словарей:

- Составление многоязычных словарей неизбежно в странах и сообществах с несколькими официальными языками.
- Для многих пар языков и во многих областях целесообразно добавление английского или другого наиболее развитого в данной области языка.

- Многоязычные словари подходят для описания достаточно компактных интернациональных областей (например, технических), не требующих включения большого количества пояснений. В этом случае составление многоязычных словарей позволяет достичь существенной экономии сил и средств.
- Многоязычные словари важны для гармонизации и стандартизации терминологии (ср. Марчук 1992: 61), а также для становления национальной терминологии, например, в развивающихся странах (Марчук 2000: 132; Марчук 2003: 129).
- Увеличение количества языков может быть целесообразно для расширения читательской аудитории.
- Многоязычие является отличительной чертой всех промышленных автоматических словарей и банков данных (Убин 1992: 27; Баранов 2001: 87). Это связано с функциями последних, достаточно большими ресурсами, выделяемыми на их создание и поддержание, а также с тем обстоятельством, что в электронных словарях фактически устраняются ограничения на объем информации и количество входов в словарь.
- Многоязычные словари проще создавать в тех странах, в которых пользователи привыкли к ним (ср. выше результаты опроса финских и российских респондентов относительно достоверности и удобства пользования многоязычными словарями).

При выборе сочетания языков для многоязычного словаря можно пользоваться теми же критериями, что и при выборе языков для двуязычного словаря.

Выбор степени обратимости словаря

Следует различать полную и частичную обратимость словарей, причем полная обратимость достижима в очень ограниченном числе случаев, преимущественно в небольших переводных словарях-гlossариях гармонизированных и стандартизированных терминов. С учетом многоязычных словарей правиль-

нее ставить вопрос о количестве направлений, реализуемых в словаре, и о способах их реализации.

В принципе, понятно, что чем выше степень обратимости словаря, тем больше от него пользы, поскольку перевод становится возможен в обе стороны. Однако обратимость, как правило, не может быть достигнута простым механическим обращением входной и выходной частей. "Перевернутый" словарь может послужить хорошей основой для обратного словаря, однако для достижения высокой степени обратимости может потребоваться значительное редактирование. Это связано с тем, что внеязыковая реальность по-разному членится в разных языках.

Во-первых, при лексикографическом описании выходной язык переводного словаря находится в определенной функциональной зависимости от входного языка: он вовлекается в словарь не полностью, а лишь в той мере, в какой это требуется для исчерпывающего описания входного языка (Берков 1973: 12; ср. Берков 1996: 19–20). Соответственно, для создания обратного словаря требуется описать ту часть выходного языка, которая ранее не была задействована, а также исключить из словника или определенным образом пометить искусственно созданные эквиваленты. Для наглядности приведем пример:

Пример 11 (ФРЛС):

erävaellus II ТТК 2002, 299 [Metsien monikäyttö]

eräretki II CD-PS

luontoretki erämaahan Sievänen

туристический поход по ненарушенным лесным территориям

туристический поход по ненарушенной лесной местности

Для финского термина нет готовых русских эквивалентов (ручка означает, что эквивалент создан искусственно), поскольку в России соответствующее понятие отсутствует. С другой стороны, в России имеется, например, понятие "лечебно-оздоровительная местность", которого нет в Финляндии и которое не включено в словарь вследствие его однонаправленности. При создании полноценного русско-финского словаря искусственные эквиваленты должны быть

удалены из входной части при одновременном включении в нее терминов, которые используются в России, но не имеют соответствий в финской системе.

Во-вторых, контрастивная и вообще любая информация, которая вводится в словарь с целью обозначить, объяснить и устранить смысловые различия между неполностью соответствующими друг другу единицами разных языков, как правило, отчасти является "однонаправленной", а значит, может потребоваться ее редактирование и обновление.

В-третьих, высокая степень обратимости предполагает наличие у единиц входного и выходного языков приблизительно одинакового набора информационных категорий. Абсолютной равноценности требовать нецелесообразно, поскольку определенные типы информации могут быть релевантны только для определенных языков. Например, в русском языке ударение является достаточно ценной информационной категорией, в то время как в языках с фиксированным ударением типа французского или финского она не будет иметь смысла.

Для пояснения последних двух абзацев приведем еще один пример:

Пример 12 (ФРЛС):

kansallispuisto (10.10) [Ympäristönsuojelu]

valtion omistamalle maalle lain nojalla perustettu luonnonsuojelualue, jolla on merkitystä yleisenä luonnonnähtävyytenä tai muutoin luonnontuntemuksen lisäämisen tai yleisen luonnonharrastuksen kannalta ≈ LuonnonsL

 Kansallispuiston pinta-alan on oltava vähintään tuhat hehtaaria. Liikkumista kansallispuistossa voidaan rajoittaa, jos alueen eläimistön tai kasvillisuuden säilyminen sitä vaatii. ≈ LuonnonsL

≈**национальный парк** (10.19) ЭЛХ II

В России в части парка может быть разрешена традиционная хозяйственная деятельность. Национальные парки могут также включать в себя исторические объекты. Помимо охраняемой природной территории национальный парк в России является также природоохранным, научно-исследовательским и эколого-просветительским учреждением. Борисов

В данном случае для достижения высокой степени обратимости русский термин должен быть снабжен определением на русском языке, а контрастивную информацию следует дать на финском языке, причем необходим не просто ее перевод, но и редактирование. Таким образом, для достижения высокой сте-

пени обратимости может потребоваться достаточно значительный объем работ, поэтому степень и способы обеспечения обратимости желательно продумать еще на стадии проектирования.

Для двуязычных словарей высокая степень обратимости не всегда является необходимой, поскольку одно из направлений перевода может быть в определенный момент значительно более актуально. Частичную обратимость можно обеспечить при помощи обратного указателя, который может существенно расширить сферу применения словаря. Идею снабжения словарей обратными указателями поддерживают как лексикографы (Вазем 1970: 91; Гавинский 1978: 14–15; Донской 1986: 14), так и переводчики. По результатам опроса ВЦП, 106 респондентов высказались за включение русского алфавитного указателя в иностранно-русский словарь и только трое были против. Мнения же относительно полезности объединения под одной обложкой двух словарей разделились: за – 33, против – 27 (Шайкевич & Убин 1988: 114). В нашей анкете мы поставили вопрос несколько иначе: "При отсутствии родно-иностранного словаря полезен ли обратный указатель в иностранно-родном словаре?" Ответы распределились следующим образом:

При отсутствии родно-иностранного словаря полезен ли обратный указатель в иностранно-родном словаре?	всего, %	финнов, %	русских, %
очень полезен	64,18	73,33	45,45
скорее полезен	32,84	24,44	50
скорее бесполезен	0	0	0
совершенно бесполезен	0	0	0
не знаю	1,49	2,22	0
нет ответа	1,49	0	4,55

Таблица 4. Результаты ответа на вопрос "При отсутствии родно-иностранного словаря полезен ли обратный указатель в иностранно-родном словаре?"

Таким образом, даже если перед составителями не стоит задача добиться полной обратимости словаря, все же целесообразно будет обеспечить его частичную обратимость с помощью обратного указателя.

В заключение отметим, что высокая степень обратимости естественна, желательна и необходима в дву- и многоязычных словарях, ориентированных на страны с двумя или несколькими официальными языками и многоязычные сообщества типа Европейского Союза (Sager 1990: 139; Wright 2001a: 587).

Для обеспечения более высокой степени обратимости наряду с упомянутыми выше рекомендациями целесообразно также придерживаться принципа независимого лексикографического описания, когда единицы каждого языка описываются средствами и по законам данного языка, а также выделять каждый лексико-семантический вариант в отдельную словарную статью (Убин 1992: 36).

Подведем итоги вышесказанному:

- чем выше степень обратимости словаря, тем шире сфера его применения;
- достижение высокой степени обратимости требует тщательного проектирования и иногда весьма значительных дополнительных затрат;
- частичную обратимость можно обеспечить с помощью обратных указателей, что особенно рекомендуется делать в случае отсутствия полноценного словаря противоположной направленности;
- высокая степень обратимости желательна в многоязычных словарях.

В данном подразделе нами были рассмотрены факторы, влияющие на выбор состава и количества национальных языков, ЯСЦ которых описываются словарем, а также степень обратимости словаря. Следующим логическим этапом является выбор ЯСЦ и предметной области, описываемых словарем.

Выбор ЯСЦ, описываемых словарем

При проектировании словаря необходимо установить границы описываемого ЯСЦ и оценить влияние его особенностей на параметры словаря. Рассмотрим наиболее распространенные классификации ЯСЦ.

Классификации ЯСЦ

Согласно одной из распространенных моделей, выделяются "горизонтальные" и "вертикальные" классификации ЯСЦ (Hoffmann 1984; цит. по: Temmerman 2000: 47). Под горизонтальным делением понимают деление по предметным областям, а под вертикальным – стратификацию ЯСЦ в соответствии с уровнем абстрактности, составом участников коммуникации, типом манифестации и т. д. Примем эту модель за основу, а затем внесем в нее необходимые дополнения и коррективы.

"Горизонтальные" классификации ЯСЦ

Наиболее очевидной и вытекающей непосредственно из определения ЯСЦ является их классификация в соответствии с предметной областью, которую они обслуживают. К сожалению, на практике принципы выделения предметных областей не столь очевидны, как это может показаться на первый взгляд.

Во-первых, универсальной классификации предметных областей не существует. Классификации всегда конвенциональны, субъективны и направлены на решение определенных задач (Sager 1994: 40–41). Например, Универсальная Десятичная Классификация (УДК) не вполне подходит для целей терминологической работы, поскольку она предназначена для классифицирования документов, а не терминологии (Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989: 54). В крупных терминологических банках используются различ-

ные системы классификации, несмотря на то что это затрудняет обмен терминологическими данными (Убин 1992: 55). Консенсус отсутствует даже в отношении самого грубого, первоначального разделения на крупные тематические области (Felber 1984: 6), хотя многие исследователи отмечают, что универсальные классификации типа УДК являются хорошим ориентиром при первичном установлении границ предметных областей (напр., Felber 1984: 313; Picht & Draskau 1985: 165–166).

Во-вторых, классификации не успевают за реальным развитием предметных областей. По данным науковедения, количество научных дисциплин удваивается каждые 25 лет (Гринев 1993: 9). На определенном этапе становления предметной области у нее может не существовать устоявшегося названия и четкого классификационного места. Например, в канадском терминологическом банке данных "ТЕРМИУМ" на этот случай существует раздел "неклассифицируемые термины" (non-classifiable terms – Hutcheson 2001: 671–672).

В-третьих, большинство областей является в той или иной степени междисциплинарными. В них используются понятия как из вышестоящих, так и из смежных областей. Например, анализ выборки из 400 тыс. документов по химии показал, что пересечение лексического поля этой науки с соседними составляет около 37 % (Ибрагимова и др. 1986: 85). Классическим примером языка стыковой области является язык военной сферы (Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989: 25). Полностью отделить понятийный аппарат и языковые средства одной предметной области от других, как правило, невозможно.

Наконец, глубина классификации определяется характером решаемых задач. Например, в системах машинного перевода требуется классификация максимальной глубины, вплоть до микроконтекстов (напр., Vasconcellos 2001: 698–699), в то время как для обычных пользователей та же классификация УДК может оказаться излишне подробной. В промышленных ТБД, ориентированных на человека, обычно бывает достаточно трехуровневой классификации (ISO 12620:1999: 23).

В связи с вопросом о разбиении на предметные области необходимо также указать на возможность существования различных школ и направлений в рамках самих предметных областей (ср. Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989: 23; Гринев 1995: 21). Приверженцы различных теорий в рамках одной науки нередко принадлежат к разным парадигмам научного мышления и буквально "говорят на разных языках". Это явление характерно не только для научных дисциплин. В сфере производства можно столкнуться с борьбой различных терминологий конкурирующих фирм. С.В. Гринев (1995: 21) именует подобные вариации ЯСЦ в рамках одной предметной области метадиалектными.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

- классификация по предметным областям является основной классификацией ЯСЦ, вытекающей из самого определения ЯСЦ;
- универсальной классификации ЯСЦ по предметным областям не существует, хотя в качестве ориентиров можно использовать универсальные классификации документов, например, УДК;
- большинство областей является междисциплинарными, поэтому ЯСЦ неизбежно пересекаются;
- критерии выделения предметной области и глубина классификации должны определяться характером решаемых задач;
- в дополнение к классификации по предметным областям часто бывает необходима метадиалектная классификация.

Перейдем к рассмотрению "вертикальных" классификаций ЯСЦ.

"Вертикальные" классификации ЯСЦ

Л. Хоффман (Hoffmann 1984: 65; цит. по: Теммерман 2000: 47) проводит "вертикальную" классификацию ЯСЦ по четырем основаниям: уровень абстрактности, тип языка с точки зрения естественности-искусственности, сфера функционирования, участники коммуникации. Он выделяет пять уровней ЯСЦ:

от ЯСЦ теоретической науки, в которой уровень абстракции максимален, а коммуникация между специалистами осуществляется с преобладанием элементов искусственности, до ЯСЦ уровня потребления, который характеризуется минимальным уровнем абстрактности и искусственности и используется для коммуникации между работниками сферы производства, работниками сферы продаж и конечными потребителями. Подобная схема выглядит весьма правдоподобной, однако сфера ее применения ограничивается преимущественно естественными науками и сферой производства. Кроме того, набор оснований для "вертикального" деления не самоочевиден и нуждается в пересмотре с точки зрения нашего исследования.

Если "горизонтальная" классификация была совершенно необходима для выделения данного ЯСЦ, то "вертикальные" классификации уже являются вторичными. Автор словаря может ставить своей целью описание всего ЯСЦ, без учета его "вертикальной" стратификации. Тем не менее на практике дополнительные ограничения, как правило, необходимы. С точки зрения проектирования словаря актуальными являются такие основания деления, применение которых сказывается либо на составе словника, либо на способе описания (сохранении правой части).

Во-первых, на выбор языковых средств специальной коммуникации влияет состав отправителей и получателей сообщений. Чаще всего различают типы коммуникации "специалист – специалист", "специалист – полуспециалист", "специалист – неспециалист", "полуспециалист – полуспециалист" и "полуспециалист – неспециалист" (напр., Bergenholtz & Tarp 1995: 19). Под "полуспециалистами" понимают, например, специалистов смежных областей и студентов. Конечно, это только одна из возможных схем – в литературе встречаются и другие (напр., Pearson 1998: 35–39). Следует учитывать также не только само наличие или отсутствие у участников коммуникации специальных знаний, но и различные уровни специализации. Например, мастер в заводском цеху, безусловно, является специалистом в своей области, однако его понятийный аппарат отличается от понятийного аппарата ученого-теоретика в той же области.

Во-вторых, языковые средства выбираются исходя из задач, которые отправитель сообщения ставит перед собой. Основной функцией ЯСЦ, безусловно, является информативная, однако она не всегда является единственной. Например, одна из причин употребления специалистами профессиональных жаргонизмов – стремление подчеркнуть принадлежность к кругу "посвященных".

В-третьих, на выбор языковых средств влияют условия коммуникации. Например, существуют языковые средства, которые воспринимаются как приемлемые при устном общении и неуместные при письменном. И наоборот, какую-то информацию может быть трудно воспринять на слух, поэтому она передается только при письменном общении. Формальное общение предполагает строго определенный набор языковых средств, тогда как при неформальном многие ограничения устраняются.

Хотя указанные факторы можно рассматривать каждый в отдельности, на практике они часто формируют устойчивые единства, объединяясь в *стили* и *подстили* ЯСЦ, которые находят воплощение в *жанрах*. Например, формальное письменное общение между учеными относится к собственно научному стилю, который реализуется в таких жанрах, как монографии, научные статьи и тезисы, диссертации, обзоры, описания открытий (Квитко и др. 1986: 74–75). К особенностям этого стиля относится высокий уровень абстрактности, возможность использования элементов искусственных языков, лаконичность, точность, формальная строгость, нормативность, отсутствие экспрессивно-эмоциональных средств. С другой стороны, научно-популярный стиль, подразумевающий относительно неформальную коммуникацию специалистов с неспециалистами и ставящий целью не только информировать, но и заинтересовать читателя или слушателя, характеризуется живостью языка, высокой вероятностью использования "народных" терминов и эмоционально-экспрессивных средств. Неформальное устное общение между специалистами реализуется, например, в профессионально-разговорном стиле (Перевод научно-технической литературы 1989: 20). Классификации ЯСЦ на основании типов и жанров весьма практичны с точки зрения отбора материала, хотя они и являются комплексными и производными от первоначальных факторов.

Еще одной важной координатой является хронологическая: ЯСЦ могут быть классифицированы в соответствии с историческим периодом, в который они употреблялись или употребляются. В ходе т. н. "языкового планирования" возможно также "описание" будущих ЯСЦ.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

- "вертикальные" классификации ЯСЦ являются вспомогательными, однако на практике они часто бывают необходимы;
- с точки зрения проектирования словаря важны такие основания деления, которые оказывают влияние на состав словника или информации, относящейся к словнику;
- к таким основаниям деления относятся участники коммуникации, цели коммуникации и условия коммуникации;
- эти аспекты можно рассматривать и в отдельности, однако поскольку они склонны к образованию устойчивых единств, на практике ЯСЦ удобно классифицировать по стилям и жанрам;
- важной координатой является также хронологическая.

Таким образом, составитель специального словаря должен четко определить для себя критерии выделения описываемого ЯСЦ. При этом указание границ предметной области обязательно, поскольку иначе нет оснований говорить о ЯСЦ, в то время как другие классификации факультативны и зависят от задач словаря.

Факторы, влияющие на выбор ЯСЦ

В данном подразделе мы сосредоточимся на рассмотрении факторов, которые могут повлиять на выбор описываемого ЯСЦ, прежде всего на выбор предметной области или областей.

Основным определяющим фактором при выборе предметной области обычно является социальный заказ. При этом следует учитывать как количественный параметр, выражающийся в числе потенциальных пользователей, объ-

емах переводов по данной тематике и т. д., так и качественный, отражающий важность и перспективность выбранной предметной области. Составители "коммерческих" словарей, ожидающие прибыли от реализации словаря, вынуждены ориентироваться прежде всего на количественные показатели и пожелания спонсоров, в то время как составители "некоммерческих" словарей могут в большей степени учитывать качественную составляющую.

Другим важным фактором являются требования к предметной компетенции составителя или составителей словаря. Уровень специализации многих современных отраслей науки и техники настолько высок, что составителю, не имеющему специального образования в данной сфере, может быть трудно разобратся в описываемой области даже с помощью специалиста-предметника.

Третьим важным фактором является доступность материалов и специалистов. Например, в случае недавно появившихся областей нередко складывается такая ситуация, что опубликованных материалов мало или они представляют собой коммерческую тайну, а немногочисленные специалисты слишком заняты, требуют за свои услуги слишком большие гонорары или вообще не желают раскрывать широкой публике свои "ноу-хау".

Немаловажным критерием является оптимальный объем словаря, который складывается из суммы факторов, в частности, из объема словника, объема правой части, характеристик носителя, имеющихся ресурсов и т. д.

При выборе предметной области следует учитывать ее особенности, которые могут оказать влияние на количество и характер информации в словаре. Например, по мнению авторитетного специалиста по юридическому переводу, хороший юридический словарь, в том числе переводческий, неизбежно будет приближаться к энциклопедическому типу (Šarčević 1988a: 312). Составителям можно порекомендовать произвести параметрический анализ выбранной предметной области и оценить влияние тех или иных параметров на содержание, строение и процесс работы над словарем. Список параметров для такой оценки можно найти, в частности, в работах С.В. Гринева (напр., Гринева 1988; Гринева 1988a: 18–19; Гринева 1993: 61).

Даже если составители формально не ограничены временными рамками, следует учитывать, что терминологический словарный проект не должен длиться более 3–5 лет, поскольку научно-техническая информация очень быстро устаревает (по данным на 1985 г. – за 3–5 лет в технике и за 8–10 лет в математике и описательных науках – Ефимов 1985: 35).

При выборе предметных областей можно также порекомендовать включать в словарь только достаточно близкие и однородные области. В этом случае читательская аудитория и лексикографируемый материал будут достаточно однородными, в связи с чем будет легче достичь системности лексикографического описания.

Итак, на выбор предметной области или предметных областей могут влиять, в частности, следующие факторы:

- социальный заказ, выраженный в количественных и/или качественных показателях;
- уровень предметной компетенции составителя;
- наличие доступа к материалам и специалистам-предметникам;
- оптимальный объем словаря;
- специфика выбранной отрасли;

Перейдем к рассмотрению лексического состава языков для специальных целей.

Лексический состав ЯСЦ

Как мы уже отмечали во Введении, собственно лексикологические и терминоведческие проблемы лежат за пределами нашего исследования. Мы не ставим своей задачей классифицировать и детально описать классы специальной лексики. Подробные классификации специальных единиц, как и лингвистическое описание ЯСЦ, можно найти во многих других работах (напр., Даниленко 1977; Гринев 1993; Лейчик 2006).

Наша классификация специальных единиц будет сугубо практической, ориентированной на цели данного исследования. С точки зрения терминографии существуют следующие причины для выделения тех или иных классов специальной лексики:

- совокупность специальных единиц обладает свойствами, которые влияют на их включение в словник словаря или исключение из него;
- совокупность специальных единиц обладает свойствами, которые требуют их описания в правой части;
- совокупность специальных единиц обладает свойствами, которые затрудняют процесс подготовки словаря (например, создают технические трудности).

Терминографическая классификация специальных единиц может несколько расходиться с собственно терминоведческими. Как указывает А.С. Герд (1986: 36–37), для практической лексикографии не столь важно, например, термин перед нами или не термин, важно то, нужно ли его отражать в словаре и каким образом это следует делать.

Такой подход не ущемляет интересов нашей основной целевой группы – переводчиков, поскольку подавляющее их большинство не разбирается в теоретических проблемах терминоведения и не особенно ими интересуются (ср. Убин 1992: 54). "Народные" критерии терминологичности носят поверхностный характер и порой довольно сильно отличаются от терминоведческих. По наблюдениям Р. Бононо, для переводчиков терминология – это "слова, которых я не знаю", слова, которых нет в словаре, или последний (профессиональный) жаргон (Boноno 2000: 648). Еще одним распространенным критерием терминологичности среди переводчиков является следующий: термин – это лексическая единица, которая в пределах текстов, относящихся к научной или технической сфере, может иметь только одно значение и, соответственно, единственный стандартный эквивалент (Мирам 2001: 62–63).

В данном подразделе мы постараемся с терминографической точки зрения очертить границы основных лексических пластов ЯСЦ, поскольку в литературе

существуют различные трактовки таких важных понятий, как "термин", "номен", "профессионализм", "профессиональный жаргонизм" и других.

В терминоведении в настоящее время появляется все больше сторонников когнитивно-прототипического подхода к проблемам выделения терминов и других специальных единиц. Например, предлагается заменить традиционный вопрос о том, термин перед нами или не термин, на вопрос о том, насколько терминологичен данный знак (Шелов 1982, Лейчик 1985: 83–84; Шелов 1995: 8). Исследователи подчеркивают подвижность границ и наличие определенного пересечения между специальной и неспециальной лексикой (напр., Varantola 1992: 123; Lejczyk & Biesiekirska 1998: 23), между классами специальной лексики (напр., Шелов 1984: 84; Гринев 1993: 50–51), а также неодномоментность перехода единиц специальной лексики из одного класса в другой (напр., Комарова 1991: 22; Лейчик 2006: 29). На идеях прототипичности и нечеткости границ между понятиями и классами лексики основываются труды сторонников т. н. социокогнитивного подхода к терминоведению (напр., Temmerman 2000).

Мы также не будем стремиться к жесткому отделению специальной лексики от неспециальной и распределению специальной лексики по четко очерченным классам. Хотя лексикографу-практику и приходится делать однозначный выбор – включать данную единицу в словник или не включать, – этот выбор зависит от совокупности собственно лексикографических и внешних факторов, а не только от теоретических определений.

Описание лексического состава языков для специальных целей мы начнем с общеупотребительной лексики, входящей в состав ЯСЦ, поскольку последнее, как правило, не могут выполнять свои коммуникативные функции за счет одних только специальных единиц.

Общеупотребительная лексика

Общеупотребительная лексика используется для толкования понятий, выражения отношений между ними, описания материала и формирует нейтраль-

ную словесную ткань специального текста (Даниленко 1977: 17–18). Для ЯСЦ характерны глаголы действия (напр., *выделять, демонстрировать, трактовать, характеризовать*), отглагольные имена процессуального значения (напр., *введение, завершение, извлечение*), прилагательные и наречия оценочного характера (напр., *актуальный, важный, достоверный*), имена отвлеченного качества (напр., *актуальность, истинность* – Даниленко 1977: 18). Значительную долю словарного состава ЯСЦ составляют служебные слова, общеязыковые штампы и абстрактная лексика современного литературного языка, употребляемая в своих "первых" словарных значениях (Герд 2002: 147–148). А.Л. Пумпянский (1977: 94–95; ср. Герд 2005а: 116) выделяет среди общеупотребительной лексики, используемой в ЯСЦ, класс "организаторов научной мысли", которые служат для выражения модальности и логических отношений между научными понятиями (*следовательно, таким образом, в таком случае, в свою очередь, в этой работе, короче говоря, по-видимому, несомненно* и т.д.).

Принципиально важным для терминографии является вопрос о критериях отличия общеупотребительных лексических единиц от специальных. Сложность здесь заключается в том, что в роли специальной единицы "может выступать всякое слово, как бы оно ни было тривиально" (Винокур 1939: 5). Некоторые исследователи предлагают относить к общеязыковому (или "общекommunikативному") слою такие единицы, которые в специальных контекстах либо совершенно не изменяют своего значения, либо изменяют его незначительно, посредством некоторой специализации, например, *ship, raft, weapon* (Манерко 2000: 54). На наш взгляд, определить на практике, насколько "незначительно" языковая единица конкретизировала свое значение, довольно сложно. Например, насколько сильно отличаются друг от друга общеязыковое значение финского слова *pitkääikaistyötön* – "человек, длительное время находящийся без работы" и его специализированное значение – "безработный, непрерывно находящийся без работы свыше одного года"? По нашему мнению, любые изменения в семантике языковой единицы по сравнению с обычным дискурсом свидетельствуют о появлении у этой единицы специального значения (ср. Шелов 2003: 7–8).

В принципе, описание общеупотребительной лексики не входит в задачи терминографии. По-видимому, многие согласятся со следующим утверждением: "Первым требованием к словнику отраслевого переводного словаря является терминологичность. Засорение словника общеупотребительными словами затрудняет работу переводчика и увеличивает объем и стоимость словаря" (Якимович 1976: 110; ср. Татаринов 1982: 119). С другой стороны, ряд исследователей указывают на то, что пользователи не всегда следуют теоретическому разделению лексики на специальную и неспециальную и все равно обращаются к специальным словарям за переводом общеупотребительных слов (Убин 1982: 127; Opitz 1983: 171). В подразделе о потребностях переводчиков в отношении различных лексических категорий ЯСЦ будут рассмотрены примеры общеязыковых единиц, которые могут претендовать на включение в переводческие словари специальной лексики.

Специальная лексика

Словари специальной лексики часто называют "терминологическими", хотя это и не совсем корректно, т. к. в состав специальной лексики входят не только термины, но и другие специальные языковые единицы (напр., Игнатъев 1975: 9; Лунева 1997: 131; ср. Татаринов 1996: 253–260). В следующих подразделах мы попытаемся очертить границы основных классов специальной лексики с точки зрения переводческой терминографии.

Собственная и привлеченная специальная лексика

Одной из распространенных классификаций терминов является классификация по степени специализации единиц / количеству и характеру областей, которые они обслуживают. По этим критериям единицы специальной лексики обычно подразделяются на общенаучные, межотраслевые и отраслевые (напр.,

Даниленко 1985: 14; Татаринов 1996: 260–263; Манерко 2000: 54–55). Реже выделяются также термины категорий – наиболее общие понятия материи и ее атрибутов (*пространство, время, количество, качество, мера* и т. д. – напр., Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989: 21; Лейчик 2006: 77, 89), а также узкоотраслевые термины.

Несмотря на то что эта классификация имеет довольно широкое распространение, исследователи отмечают, что границы выделяемых в ней классов не вполне четко очерчены, а названия классов и их трактовка варьируются от автора к автору (напр., Татаринов 1996: 261; Табанакова & Устюжанина 1997: 179). Например, если одни авторы считают, что общенаучные термины – это термины, которые могут использоваться в любой науке (Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989: 21), то другие особо подчеркивают, что "общенаучная" – не значит используемая во всех науках (Татаринов 1996: 261). В одних источниках под межотраслевой лексикой понимают лексику, формирующуюся в рамках комплексов наук (общетехническую, общественнонаучную и т. д.), и отдельные термины, которые одновременно используются в разных научных дисциплинах (Даниленко 1987: 63). Другие же авторы настаивают на том, что межотраслевые понятия являются таковыми не потому, что используются в ряде отраслей знания, а потому, что они имеют общее содержание, которое и позволяет применять их в разных отраслях (Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989: 21). Нет консенсуса и в количественных оценках класса общенаучной и межотраслевой лексики. По одним данным, общенаучных и общетехнических слов мало (Пумпянский 1978: 76), по другим – одних только общенаучных единиц насчитывается не менее двух тысяч (Герд 1986: 39).

Можно указать и на ряд других проблем, связанных с выделением классов общенаучной и межотраслевой лексики. Первая из них вызвана конвенциональностью выделения отдельных дисциплин и их комплексов. Например, одни считают терминографию разделом терминоведения, другие – разделом лексикографии, а третьи – комплексной, пограничной дисциплиной. Вторая проблема связана с зависимостью понятия "межотраслевая лексика" от точки отсчета.

Например, для физики межотраслевой лексикой является общая с другими дисциплинами естественнонаучная лексика, а для ядерной физики – и общефизическая, и естественнонаучная и т. д. Наконец, указанная классификация не учитывает потребности "ненаучных" терминологий – например, хобби или отраслей знаний, не признаваемых официальной наукой.

Преодолеть указанные трудности могла бы, на наш взгляд, следующая классификация. Ядро специальной лексики любой отрасли знаний составляют собственные специальные единицы – наименования объектов и предметов данной отрасли знаний, а также отношений между ними. Специальная лексическая единица считается относящейся к данной области в том и только в том случае, если она определяется в ней с точки зрения данной отрасли знаний, т. е. отлично от смежных и вышестоящих областей. Кроме собственных специальных единиц, любая отрасль знаний оперирует также привлеченными единицами, которые не входят в ее собственную систему, но необходимы для ее построения и понимания. Привлеченные единицы заимствуются из других областей вместе с определениями. Они могут принадлежать либо смежным отраслям (собственные единицы этих отраслей), либо вышестоящим для данной отрасли (в этом случае специальная лексическая единица имеет одинаковое определение во всех видовых для данной отрасли областях). Практическим критерием, позволяющим выделить единицы последнего класса, может служить следующий: вне контекста невозможно указать точную видовую область их применения (ср. Герд 2002: 148).

Итак, первой классификацией специальной лексики будет разделение ее на собственную специальную лексику данной отрасли, привлеченную из смежных отраслей и привлеченную из вышестоящих отраслей. Лексика, привлеченная из вышестоящих отраслей, может быть также разделена на привлеченную из родовой отрасли и привлеченную с более высоких уровней иерархии. Каждый из классов может быть выделен на основе анализа системы определений, что уменьшает влияние субъективного фактора. Представляется, что такое разделение дает основу для более четкого охвата границ предметных областей и выделения классов "пограничной" лексики.

Имена собственные, термины и номенклатура

По характеру понятия, с которым связана специальная лексическая единица, могут быть выделены имена собственные, термины и номены. Имена собственные традиционно связывают с единичными понятиями, т. е. с понятиями, объем которых включает в себя один-единственный объект. Термины связаны с общими специальными понятиями (т. е. с понятиями, объем которых включает в себя более одного объекта), а также с категориями – наиболее общими, фундаментальными понятиями, фигурирующими во всех видах теоретического мышления (Лейчик 2006: 22). Сложнее обстоит дело с номенами. Хотя этот класс специальной лексики был выделен еще в 1930-е гг. (Винокур 1939) и широко обсуждался в литературе по терминоведению (см., напр., обзор: Гринев 1993: 42–48), единой точки зрения по вопросу о соотношении классов терминов, номенов и имен собственных по-прежнему не выработано. Широкий спектр мнений по этому вопросу можно обобщить в четыре группы:

- номенклатура (*nomenclature*) – терминология, структурированная систематическим образом в соответствии с заранее установленными правилами именования (ISO 1087-1:2000: 10). Собственные имена к номенклатуре не относятся, поскольку терминология выражает общие, а не единичные понятия;
- номенклатура выражает только единичные понятия, т. е. класс номенов и класс имен собственных совпадает (напр., Герд 1986: 6; Головин & Кобрин 1987: 17);
- номенклатура представляет собой промежуточное звено между именами собственными и терминами (напр., Винокур 1939; Лейчик 1974);
- номенклатура включает в себя имена собственные, а также обозначения определенных классов однородных конкретных предметов – например, наименования конкретной массовой продукции народного хозяйства, воспроизводимой по одному и тому же образцу заданное число раз

(напр., Реформатский 1961; Канделаки 1973: 64; Хаютин 1972: 25–27; Гринев 1993: 45; Суперанская и др. 2003: 33–36).

Последняя точка зрения, по-видимому, превалирует в российском терминоведении, однако, на наш взгляд, на практике имеются довольно большие сложности с применением функционального подхода, который должен служить основным инструментом отделения номенклатуры от терминологии. Расплывчатые и трудно формализуемые критерии выделения номенклатуры открывают путь к субъективизму и являются, по всей видимости, одной из причин того, что "неоднократные призывы филологов различать термины и номены во многом остаются на уровне абстрактных филологических требований, которые невозможно реализовать на практике" (Герд 1986: 5), а направление к строгому разделению терминов и номенов не оказывает существенного влияния на практику терминографии (Убин 1992: 54). Между тем, как будет показано ниже, выделение номенов имеет большое значение для переводной терминографии как с точки зрения формирования словника, так и с точки зрения содержания правой части словаря.

Как нам кажется, более четкие критерии для выделения номенклатуры предлагает концепция, в которой номенклатура определяется как промежуточное звено между именами собственными и терминологией (кстати, именно в этом и состояла первоначальная идея Г.О. Винокура). Основные положения этой концепции изложены в работе В.М. Лейчика (1974). Согласно В.М. Лейчику, имена собственные, обозначающие единичные понятия, и терминология, обозначающая общие понятия, представляют собой два полюса, между которыми располагается обширный класс номенов. Номены, подобно терминам, связаны с общими понятиями, но не любыми, а специфическими. Специфика этих понятий заключается в том, что они являются членами ряда однородных понятий, различающихся второстепенными признаками. Номенклатурные единицы связаны с вышестоящими понятиями не родовидовыми отношениями, а являются для них, в терминах логики, "показателями класса". Например, все револьверы имеют одинаковую функцию и принцип действия, но различаются конструкцией; все яблоки относятся к одному биологическому виду, т. е. имеют одинаковый

набор хромосом, но различаются формой, размером, цветом, вкусом и т. д. (Лейчик 1974: 20–21). Соответственно, названия конструкций револьверов, сортов яблок, марок машин и т. д. являются не терминами, а номенами. Определим номен следующим образом:

Единица специальной лексики, являющаяся наименованием класса однородных объектов, выделяемого на основе признаков, не являющихся видовыми или иными существенными отличиями класса.

Из этого определения следует одно важное для лексикографической практики обстоятельство: для номена не может быть составлена родовидовая или партитивная (выражающая отношение часть – целое) дефиниция, а только описание, в котором перечисляются характерные для него признаки (Канделаки 1973: 63; Березникова 1976: 88; Гринев 1993: 46).

Интересным свойством номенклатуры является ее относительная независимость от предметной области. Если термины связаны прежде всего с понятиями и потому имеют конкретное и четко очерченное значение только в рамках определенной предметной области, то номены прежде всего являются обозначениями более или менее конкретных предметов, сущность которых не меняется в зависимости от контекста. По этой причине номены не всегда легко снабдить отраслевой пометой (Суперанская 1976: 78–79).

Число номенов, по самым скромным подсчетам, превышает число терминов в сотни раз (Гринев 1993: 44), причем номенклатура, особенно служащая для наименования артефактов, устаревает намного быстрее терминологии. По этой причине включение номенов в словарь предполагает наличие весьма веских причин и четких критериев отбора, а при переиздании словарей номенклатурную часть необходимо пересматривать в первую очередь (Березникова 1976: 84).

С точки зрения плана выражения особенностью номенов по сравнению с терминами является присутствие во многих из них цифр и специальных символов (напр., Гринев 1993: 46–47), что необходимо учитывать при сортировке словарных единиц.

В завершение темы вернемся к вопросу о соотношении классов имен собственных, терминов и номенов. Имена собственные в рамках ЯСЦ можно определить как специальные лексические единицы, являющиеся обозначениями единичных понятий. Термины являются естественноречевыми обозначениями общих специальных понятий, выделяемых на основе существенных признаков. Дополнительным признаком терминов, отличающих их от таких классов, как профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, является их стилистическая нейтральность. Номены являются наименованиями классов однородных объектов, выделяемых на основе признаков, не являющихся видовыми или иными существенными отличиями класса.

Терминоиды

Как известно, редкая отрасль знания может с самого начала представить свой объект как систему – это происходит на сравнительно высокой стадии ее развития (Канделаки 1970: 42). Соответственно, границы новых понятий не всегда оказываются сразу четко очерченными. Языковые обозначения подобных нечетких понятий в российском терминоведении принято называть терминоидами. Автор этого термина, А.Д. Хаютин, понимал терминоиды как "лексические единицы, либо еще не ставшие терминами, либо не удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к терминам" (Хаютин 1972: 30). В последнее время исследователи делают акцент на признаке нечеткости понятия, обозначаемого терминоидом, и отсутствии у него четкого классификационного места, а не на соответствии терминоида требованиям, предъявляемым к терминам (напр., Комарова 1991: 20; Комарова 2000: 18; Татаринев 1996: 260; Lejczyk & Biesiekirska 1998: 58).

С.В. Гринев (1993: 48–50) предпринял попытку более детальной классификации терминоидов, включив в них прото-, пред- и квазитермины, однако многие специалисты полагают, что понятийное разведение этих единиц пока затруднительно (напр., Татаринев 1996: 260; Комарова 2000: 22).

Для нашего исследования большее значение имеет предложение С.В. Гринева разграничивать специальные понятия и представления. Если понятие – это мысль, представляющая собой обобщение и выделение предметов некоторого класса по их специфическим отличительным признакам, то представление – чувственно-наглядный образ предметов и явлений, в котором еще не выделены существенные признаки и не раскрыты внутренние связи предметов (Гринева 1993: 31–32, 48). В отличие от понятий, представления не образуют стройной системы. На наш взгляд, специальные представления и являются теми "нечеткими понятиями", которым соответствуют терминоиды. Таким образом, терминоид можно определить следующим образом:

Единица специальной лексики, выражающая специальное представление.

Приведем пример описания специальной единицы, которую можно, на наш взгляд, считать терминоидом:

Понятие "привидение" существует в человеческом языке с незапамятных времен, однако обычно его не привязывают к какому-то конкретному феномену, а обозначают им появление чего-то сверхъестественного. Между тем в наши дни оно наполнено вполне конкретным смыслом и обозначает появление некой нематериальной человеческой фигуры или человеческого образа, который, как правило, оказывается некогда жившим на земле человеком. Из других феноменов, которые тоже причисляют к привидениям, можно отметить различные виды одержания, полтергейсты, а также вампиров и духов, заявляющих о себе во время спиритических сеансов (Всё о парапсихологии 2004: 153).

Как мы видим, автор данного описания противопоставляет обыденное употребление имени "привидение" специальному и пытается наполнить специальное представление "конкретным смыслом", определить его. Тем не менее границы представления оказываются очерченными достаточно смутно. Из следующего текста выясняется также, что данное описание не учитывает, например, различий между привидениями и призраками: "если собственно привидение достаточно чутко реагирует на присутствие живых существ и даже материальных объектов, то призрак совершенно не реагирует ни на что, и с ним невозможно установить какой-либо контакт" (Всё о парапсихологии 2004: 154). В

другом источнике между привидениями и призраками не проводится никакого различия, а само привидение связывается не только с человеческим образом (Эзотерика 2005: 214).

На наш взгляд, в данном случае мы наблюдаем процесс становления терминологии: предметы и явления еще не вполне классифицированы, вследствие чего между ними не всегда проводятся четкие различия, а системные связи только намечаются. Соответственно, на данном этапе можно говорить лишь о специальных представлениях и выражающих их терминоидах. Справедливости ради нужно отметить, что многие парапсихологические явления, например, виды экстрасенсорного восприятия, на сегодняшний день строго классифицированы и определены.

Терминоиды не следует смешивать с амбисемичными терминами. Амбисемия (известная вариативность значения) связана с тем, что каждая научная школа и каждый ученый привносят свое понимание объекта науки, а также с потребностью в постоянном развитии и уточнении системы понятий (см. Татарinov 1996: 168–174). В этом смысле едва ли не любой термин "понимается неоднозначно".

Неустойчивость плана содержания терминоидов и их временный характер часто отражаются на их плане выражения, приводя к излишней длине, описательности и неустойчивости формы. Специальные представления не могут быть определены, для них может быть составлено только более или менее пространное описание. Эти особенности терминоидов могут оказывать влияние на принципы формирования словника, размещение материала в словаре и содержание правой части.

Лексика ЯСЦ, имеющая ограниченное употребление

Как и в языках для общих целей, в ЯСЦ существуют пласты лексики, употребляющиеся только в определенных ареалах, стилях, типах документов, ситуациях и т. д. Рассмотрим основные из этих пластов.

По территориальному признаку выделяется специальная лексика, относящаяся к какой-либо ареальной разновидности данного языка (например, британский и американский английский, европейский и канадский французский), а также диалектизмы.

По признаку ограниченности группы, пользующейся той или иной специальной лексикой, можно выделить, например, авторскую лексику (идеолектную), лексику научной школы (метадиалектную), внутриорганизационную лексику (лексику, характерную для той или иной организации) и т. д.

Сложнее обстоит дело с классификацией лексики по нормативно-стилистическому параметру. В российском терминоведении по этому признаку чаще всего выделяют класс профессионализмов и профессиональных жаргонизмов (Гринев 1993: 50–51), несколько реже упоминаются профессиональное просторечие (напр., Лейчик 2006: 78–79) и профессиональное аргю (напр., Комарова 1991: 19). Профессионализмы обычно выделяются на основе трех признаков: 1) ненормативность употребления слова или словосочетания в данном его значении; 2) функционально-стилевая ограниченность употребления; 3) наличие эмоционально-экспрессивных коннотаций (Шелов 1984: 82; ср. Герд 1986: 40–41; Комарова 1991: 18). У профессиональных жаргонизмов указанные признаки выражены в большей степени. Подобные основания выделения профессионализмов не вполне приемлемы для нас по следующим причинам:

- деление проводится более чем по одному основанию;
- надежность последнего из указанных признаков подвергается сомнению как самим автором концепции (Шелов 1984: 82), так и другими терминоведами (напр., Гринев 1993: 50);
- профессионализмы ассоциируются с классом "профессиональная лексика", на самом деле не являясь его синонимом (ср. Татаринов 1996: 259; Кияк 1989: 10–11);
- термины "профессионализм" и "профессиональный жаргонизм" оказываются неприменимы к специальной лексике, не связанной с профессиями (хобби и т. д.).

Как нам представляется, признаки нормативности и стилистической маркированности целесообразно разделить. Наряду с "литературным" стилем, в большинстве специальных языков можно выделить также сниженные стили (напр., Lejczyk & Biesiekirska 1998: 59). Критерии выделения "официальных" и сниженных стилей зависят от данного языка, предметной области, а также научных традиций. Например, в финском терминоведении, в отличие от русского, выделяется только один класс стилистически сниженной лексики – профессиональный сленг (ammattislangi – Sanastotyön käsikirja 1989: 12).

Наиболее общее разделение, которое можно произвести, это разделение на стилистически нейтральную и стилистически маркированную специальную лексику. Стилистически нейтральная лексика не ассоциируется с каким-либо конкретным стилем и может свободно употребляться в любом контексте. Стилистически маркированная лексика, напротив, употребляется преимущественно в одном или нескольких стилях.

При классифицировании специальной лексики по признаку нормативности необходимо учитывать существование в специальных языках "языковой" и "организационной" нормативности (Марчук 1992: 26). Первая конституируется практическим использованием терминологии, а вторая представляет собой систему употребления, специально созданную экспертами и рекомендуемую какой-либо уполномоченной на это организацией, такой как ISO (ИСО, Международная организация по стандартизации), Sanastokeskus TSK в Финляндии или ВНИИКИ (ныне ФГУП "Стандартинформ") в России.

Следует также иметь в виду, что языки для специальных целей могут иметь свои нормы, отличные от норм общелитературного языка. В случае если специальная лексическая единица не отвечает языковым нормам, принятым в среде специалистов, то ее можно отнести к профессиональному просторечию. Одну группу просторечных единиц представляют собой не вполне корректные с точки зрения норм данного ЯСЦ фонетические, морфологические и словообразовательные варианты "общепринятых" специальных единиц. Другую группу образуют единицы, которые в "литературном" ЯСЦ уже стали архаизмами, но продолжают употребляться в просторечии (Лейчик 2006: 78). Просторечие яв-

ляется, как правило, показателем малограмотности и распространено среди специалистов низшей квалификации. Его употребление обычно ограничено рамками фамильярно-разговорной коммуникации.

"Организационная норма" в ЯСЦ означает регламентацию норм употребления специальных единиц путем принятия нормативных документов – терминологических стандартов, рекомендаций и т. д. При этом рекомендуемые или стандартизированные единицы не всегда приживаются в реальном узусе (Убин 1992: 58; Гринев 1993: 23; Татаринев 1996: 258, со ссылками на ряд других работ), однако в ряде коммуникативных ситуаций и определенных документах их употребление обязательно. Степень организационной нормативности зависит как от уровня регламентирующего документа (напр., местный – национальный – международный стандарт), так и от характера самого документа (напр., рекомендация vs. стандарт). Возможны и национальные особенности. Например, неоднократно отмечалось, что в бывшем Советском Союзе стандарты имели силу закона, в то время как на Западе они преимущественно носили характер рекомендации (напр., Игнатъев 1975: 14; Игнатъев 1976: 61). Таким образом, единую классификацию специальных единиц по степени организационной нормативности выработать сложно, однако с прагматической точки зрения необходимо учитывать существование этого явления.

Мы рассмотрели основные пласты специальной лексики, имеющие ограничения в употреблении и характерные для определенных территориально-языковых ареалов, групп пользователей, функциональных стилей и жанров. Перейдем к рассмотрению классов ЯСЦ, выделяемых по хронологическому признаку.

Устаревшая лексика и неологизмы

С точки зрения хронологической маркированности лексический состав ЯСЦ можно разделить на современную лексику, устаревшую лексику и неологизмы.

Сведения о хронологическом статусе специальной единицы чрезвычайно важны с точки зрения прагматики.

Устаревшая лексика делится на такую, которая полностью вышла из употребления и отсутствует даже в пассивном запасе носителей данного языка (в нашем случае – языка для специальных целей), и такую, которая вышла из активного употребления, но сохраняется в пассиве (ср. Павлов 1970: 82; Берков 1996: 49). Лексика, сохраняющаяся в пассивном запасе (обычно именно ее считают "собственно устаревшей"), в общей лексикографии традиционно подразделяется на архаизмы и историзмы. Архаизмы – это лексические единицы, вытесненные из живого языка другими, синонимичными им, а историзмы – это единицы, которые вышли из употребления ввиду исчезновения обозначаемых ими предметов, понятий и явлений действительности. Имеются и более подробные классификации устаревшей лексики (см., напр., Протченко 1996: 13; Osselton 1979, цит. по: Розина 1988: 265–266), однако для задач терминографии обычно достаточно выделения базового класса – устаревшей лексики.

Под неологизмами в лексикологии принято понимать: 1) лексические единицы, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или явления; 2) новые лексические единицы, не получившие прав гражданства в общенародном языке и потому воспринимаемые как принадлежащие к особому, нередко сниженному стилю речи (Ахманова 1966/2004: 261–262). В языках для специальных целей вторая группа неологизмов встречается, по-видимому, реже, чем в языке для общих целей, поэтому этим значением термина "неологизм" можно пренебречь, а возможные исключения отнести к разряду идиолектных (авторских) единиц. Выделение понятия неологизма в терминографии важно прежде всего с точки зрения формирования словника, а также ведения и обновления словаря.

Разумеется, возможны и другие классификации специальной лексики с точки зрения принадлежности к тем или иным хронологическим пластам. Например, при описании научной терминологии возможна классификация в соответствии с важнейшими этапами развития данной науки, в технике – в соответ-

вии с поколениями оборудования и т. д. Критерии "устарелости" или "новизны" также зависят от конкретной предметной области и задач словаря.

Неалфавитные элементы ЯСЦ

Помимо букв национального алфавита данного языка, в специальных текстах встречаются также иные символы (см. Даниленко 1977: 107–108; Galinski & Picht 1997; Lejczyk & Biesiekirska 1998: 42–44; ISO 12620:1999: 8; ISO 704:2000: 28; Герд 2005а: 116–117). Например:

- буквы других национальных алфавитов (напр., неассимилированные заимствования из других языков; греческие буквы в математике, физике, астрономии и т. д.; иконические обозначения типа U-поворот);
- цифры (напр., 2,4-динитротолуол);
- специальные символы (§, €, %, °, °, ° и т. д.);
- графические обозначения (таблицы, диаграммы, схемы, рисунки).

Специальные символы, как правило, являются альтернативным способом выражения вербальных единиц специальной лексики и используются в системах специальной нотации (напр., °, °, °), а также в целях экономии (напр., §, €). По-видимому, такого рода специальные символы, как и единицы первых двух групп, следует считать принадлежащими к ЯСЦ.

Графические обозначения, как правило, в более или менее схематичной форме отражают специальные объекты и отношения между ними, а не выражают специальные понятия. Если специальные символы находятся на границе между вербальными и невербальными средствами коммуникации, то графические обозначения однозначно лежат в области невербальных средств общения. С другой стороны, необходимо учитывать, что некоторые графические обозначения со временем могут переходить в класс специальных символов. Графические средства играют важную роль в ряде ЯСЦ, особенно технических, однако они, как правило, помещаются в словарь в качестве иллюстративного материала.

ла. В картинных словарях они являются также важной частью навигационной системы, но при этом все же не выступают в качестве единиц словаря.

Присутствие в ЯСЦ элементов, отличных от букв национального алфавита, создает трудности с их отображением, размещением и упорядочиванием в словаре. Прежде всего это относится к специальным символам. Пути решения этих трудностей будут рассмотрены ниже. Более подробная информация о типах невербальных символов в ЯСЦ содержится, в частности, в следующих работах: Герд 1997: 193–195; Galinski & Picht 1997; ISO 704:2000: 27.

Несубстантивные классы специальной лексики

В отношении терминологического статуса несубстантивных частей речи единого мнения не выработано. Одни специалисты считают терминами только существительные и словосочетания на их основе (напр., Ахманова 1966/2004: 11; Моисеев 1970: 135; Немченко 1985: 16, Гринев 1993: 33; Гринев 1995: 74). Другие указывают, что "не существует весомого теоретического или практического обоснования требованию, согласно которому термин или его часть должны быть всегда выражены существительным" (Naarala 1981: 18, перевод мой – И.К.), и что глаголы, прилагательные и наречия отвечают всем признакам термина (Татаринов 1996: 199–200; Лейчик 2006: 59).

Общим знаменателем, по-видимому, можно считать следующие утверждения:

- существительные по своей природе более терминологичны и лучше приспособлены для выражения специальных понятий;
- глаголы, прилагательные и наречия также могут иметь терминологизированное значение (спор, по сути дела, идет о первичности-вторичности этого значения и его самостоятельности), и эти части речи также играют важную роль в специальной коммуникации.

Представляется, что этого достаточно для того, чтобы считать несубстантивную лексику полноправным объектом терминографии. На практике глаголы

и прилагательные включаются во многие словари специальной лексики и даже международные терминологические стандарты (Даниленко 1989: 8), однако их доля по сравнению с существительными оказывается непропорционально мала. Например, в финских специальных текстах доля глаголов составляет около 23 % (Karlsson 1983: 220; Heikkinen, Lehtinen & Lounela 2001: 14), в то время как в специальных словарях они практически не представлены (Naarala 1981: 18; в отношении других языков: Хаютин 1972: 52; Вейдемане 1973: 130). В.П. Даниленко (1977: 51) отмечает, что для словаря более приемлемой считается форма имени существительного, хотя в текстах те же понятия чаще реализуются в личных формах глагола. Глаголы имеют ряд преимуществ по сравнению с существительными: они всегда однозначно выражают терминируемое понятие процесса, в то время как отглагольное имя нередко развивает категориальную многозначность, обозначая и процесс, и результат (напр., *смазка*, *сцепка*, *сопротивление* – Даниленко 1977: 48).

Выбор средств выражения терминологичности зависит от специфики предметной области. Например, в музыке много терминологических наречий (*тихо*, *медленно*, *скользя* и т. д.), а в терминосистеме управления глаголы превалируют над существительными (например, *направить письмо*, а не *направление письма* – Лейчик 2006: 59).

Значение глаголов терминологического характера не всегда сводится к сумме "соответствующий термин-существительное + обозначение действия". В некоторых языках не для всех глаголов можно образовать отглагольные существительные. Например, в русском языке глаголы шахматной сферы *взять*, *лобить* (фигуру, пешку) и их разговорные версии *съесть*, *убить* не имеют соответствующих терминов-существительных. Аналогично, не могут быть заменены существительными такие наречия типографской области, как *вподверстку*, *вразрез* (Реформатский 1986: 168) или транспортные – *наливом*, *навалом* (Даниленко 1977: 47).

Глагол и существительное могут образовывать своего рода идиоматическое единство, например, *краска летит*, *идти на воду* (Реформатский 1986: 168), *разыграть "стенку"*, *выйти на замену* (Рылов 1994: 60).

Терминологическое значение могут иметь также причастия (напр., *программируемый* – Кудашев & Хаютин 2003: 102), в исключительных случаях даже местоимения (напр., философский термин *я* – Даниленко 1977: 164). Прилагательные и причастия (в отличие от глаголов и наречий), как правило, самостоятельно не употребляются, а играют роль атрибута при стержневом слове – существительном (напр., Авербух 1988: 32). Исключение составляют субстантивированные прилагательные, которые являются полноправными самостоятельными терминами, например, *касательная, образующая, ведущий, ведомый* (Реформатский 1986: 168, 179; Налепин 1975: 6). В терминах типа *белый стих, золотое сечение, тяжелая вода* прилагательное образует неразрывное целое с существительным (Даниленко 1977: 45).

Таким образом, несубстантивные классы лексики также могут обладать терминологическим значением и представлять интерес для терминографии.

Морфо-синтаксические классы специальной лексики

По признаку графического оформления единицы, несущие терминологическое значение, могут быть разделены на цельнооформленные (пишущиеся слитно), имеющие полуслитное написание (пишущиеся через дефис или апостроф) и раздельнооформленные (пишущиеся раздельно). Эта классификация важна для терминографии, поскольку наличие единиц, пишущихся полуслитно или раздельно, допускает наличие нескольких вариантов их размещения в словаре (напр., Хаютин 1984: 42). Возникает острая и до сих пор не имеющая однозначного решения проблема выбора опорного слова и системы отсылок (напр., Берков 2004: 70–71).

С грамматико-синтаксической точки зрения терминологические образования представляют собой слова и словосочетания. Слова обычно делятся на простые (состоящие из одной морфемы), производные (состоящие из корневой морфемы и одного или нескольких аффиксов) и сложные (состоящие из нескольких корневых морфем – напр., Гринев 1993: 126). Существуют и более

подробные классификации (напр., Lejczyk & Biesiekirska 1998: 42–44). Отдельно может также выделяться класс сокращений (напр., Головин & Кобрин 1987: 70; Тарев 1991: 149; Cabré 1999: 86–87), который в свою очередь разбивается на подклассы, однако эти классификации нередко противоречивы (Кудашев & Хаютин 2003: 104–105) и не имеют особого значения для практики терминографии.

Словосочетания могут быть классифицированы в соответствии с составом входящих в них компонентов, например, N+N, A+N, V+N и т. д. (Гринев 1993: 141–150; Thomas 1993: 48). Подобные классификации имеют определенное значение для практической терминографии, поскольку принципы размещения словосочетания в словаре или банке данных могут напрямую зависеть от синтаксического типа словосочетания (см., напр., рекомендации по размещению терминологических словосочетаний в терминологических банках данных – Thomas 1993: 49–55).

Серьезную и пока что не имеющую однозначного решения проблему представляет собой отделение словосочетаний-терминов от сочетаний терминов и словосочетаний с участием терминов. Как правило, предлагается следующий критерий их различения: термины-словосочетания обозначают "простые", "индивидуальные" понятия, а сочетания терминов и сочетания с терминами соответствуют нескольким связанным понятиям (напр., Овчаренко 1970: 140; Thomas 1992: 190; Wright 1997a: 16; Antia 2000: 121, со ссылкой на ряд авторов). К сожалению, практических критериев различения простых понятий и сочетаний понятий обычно не приводятся.

В принципе, в логике признанным является факт существования "составных понятий", т. е. понятий, каждое из которых, в свою очередь, состоит из других понятий (Кобрин 1976: 176). С.Д. Шелов (1998: 157) указывает также на то, что сочетания термина и нетермина могут обозначать отдельное специальное понятие, хотя являются ли такие словосочетания терминами или нет – отдельный вопрос.

При различении "свободных" и "несвободных" терминологических словосочетаний к чисто концептологическим соображениям нередко примешиваются

лингвистические. Между тем ориентироваться на языковой план опасно. В.М. Перерва приводит такой пример: словосочетание "масса Луны" (Венеры, планеты и т. д.) является свободным словосочетанием, в то время как схожие словосочетания "масса Земли" и "масса Солнца" являются астрономическими терминами, поскольку эти понятия используются как эталон масс небесных тел. С другой стороны, в языках с развитой системой сложных слов типа немецкого или шведского даже графически цельнооформленное слово (напр., *Mondmasse*) может представлять собой свободное сочетание понятий (Перерва 1976: 195–196). Таким образом, вопрос о границах "простых понятий" актуален не только для словосочетаний, но и для цельнооформленных слов.

В борьбе со свободными терминологическими словосочетаниями отдельные исследователи заходят, на наш взгляд, слишком далеко. Например, в статье "Концептуальная, семантическая и семиотическая целостность термина" В.М. Овчаренко считает словосочетания типа "электрический двигатель", "тепловой двигатель", "атомный двигатель" свободными словосочетаниями на основании того, что их значение полностью выводимо из определения двигателя как "машины, предназначенной для преобразования ... энергии в механическую" и значений атрибутов "электрический", "тепловой", "ядерный". Соответственно, В.М. Овчаренко не видит необходимости в составлении определений для этих словосочетаний (Овчаренко 1970: 146–147). Неучтенным, однако, оказывается тот факт, что атрибуты могут обозначать не только вид энергии, которая преобразуется в механическую, но и другие признаки (ср. трансформаторный двигатель, легковой двигатель, карбюраторный двигатель). Достаточно подробная классификация терминологических словосочетаний по степени разложимости была составлена еще Д.С. Лотте (1961: 80), однако она не дает ответа на вопрос, почему одна часть полностью разложимых терминологических словосочетаний (типа "удельный вес" или "ударная сила") являются терминами, а другая часть (типа "удельный вес древесины") – нет.

Нам представляется, что вопрос о различии простых и составных понятий может быть решен только на понятийном, но не на языковом уровне. В этом смысле можно согласиться с В.М. Овчаренко, что "в правильной, логически оп-

равданной классификационной схеме, которая включает в себя все основные понятия, образующие данное понятийное поле, для функциональных понятийных комплексов, временно объединяющих в себе два или несколько понятий, не остается места" (Овчаренко 1970: 142).

В рамках единой иерархической логико-понятийной схемы составных понятий появиться не может. Составные понятия предполагают объединение понятий, принадлежащих к двум разным логико-понятийным схемам (например, при помощи функциональных отношений). Так, свободное терминологическое словосочетание "подразделение радиационной и химической защиты" (пример взят из: Хаютин 1984: 43–44) образуется путем объединения понятий из понятийного поля "части боевой единицы" и "виды защиты". Аналогично, сочетание типа "окончание формы именительного падежа женского рода первого склонения" (пример из: Лейчик 1996: 333) образовано путем сочетания понятий из схем "аффиксы", "падежи", "род", "склонения". Таким образом, представляется, что средств понятийного анализа должно быть достаточно для выявления словосочетаний, единство которых обусловлено планом содержания.

Тем не менее в языках для специальных целей существует огромное количество более или менее устойчивых словосочетаний, единство которых вызвано скорее языковыми причинами. Речь идет о сочетаемости языковых знаков. В английском языке существует удачный термин для подобных словосочетаний – *collocation* (коллокация, "со-расположение"). Согласно стандарту ИСО, коллокация определяется как "повторяющееся сочетание слов, характеризующееся единством, проявляющееся в том, что компоненты коллокации должны употребляться совместно в пределах одного высказывания или серии высказываний, даже несмотря на то, что они не обязательно следуют непосредственно друг за другом" (ISO 12620:1999: 10; перевод мой – И.К.). В качестве примера приводятся выражения "*immunization against [measles], not with or about*", "*submit or hand in an application, not hand up or pass out*". Подчеркивается также отличие коллокаций от клише и штампов в том отношении, что порядок следования элементов коллокации не является столь же строгим, а также от терминов-словосочетаний, выражающих единое понятие (ISO 12620:1999: 10).

Помимо коллокаций, объектом терминографии могут являться также клише и штампы (по-английски *set phrases* или *fixed phrases*), такие как *handle with care*, *this end up*, *вас понял*, *перехожу на прием* и даже сверхфразовые единства и тексты (*standard texts*), например, стандартные условия форс-мажора или отказа от ответственности (Якимович 1976: 110; Wright 1997a: 15–16; ISO 12620:1999: 10).

С другой стороны, могут быть отдельно представлены также единицы меньше термина, т. н. терминологические элементы (*term elements*). Как правило, под ними подразумевают терминологически значимые аффиксы (аква-, аэро-, вело-), иногда также прилагательные (олиготрофный, гидрогенерированный) и другие более или менее самостоятельные части терминов. О границах этого понятия ведутся дискуссии (ср., напр., Новодранова 1994; Кудашев & Хаютин 2003; Тюльнина & Хаютин 2004; Лейчик 2006: 84–85), однако для целей нашего исследования вполне подходит определение терминологического элемента из стандарта ИСО: "любая значимая в смысловом отношении часть более протяженного термина" (ISO 12620:1999: 17).

Таким образом, в данном подразделе мы рассмотрели основные морфосинтаксические классы специальной лексики: цельнооформленные и раздельнооформленные единицы, слова, свободные и несвободные словосочетания, коллокации, клише и терминологические элементы. На этом мы завершаем классификационный обзор основных лексических пластов языков для специальных целей и иных потенциальных объектов терминографии и переходим к рассмотрению социологии пользователей переводческих словарей специальной лексики.

4. Пользователи словарей специальной лексики

В идеале каждый специальный словарь должен ориентироваться на одну, достаточно гомогенную группу пользователей. На практике, однако, приходится учитывать интересы самых различных групп пользователей. Вначале мы выделим некоторые типологические признаки, которые следует учитывать при проектировании адресатов словаря, и перечислим основные группы потребителей терминологических продуктов.

Пользователи терминологических продуктов

Так называемая "социология пользователей словарей" пока находится в стадии становления, и о пользователях известно сравнительно немного (Hartmann 1989a: 104; Kromann, Riiber & Rosbach 1991: 2714; Mackintosh 1998: 123; Hartmann 2001: 80). Еще меньше известно о пользователях словарей специальной лексики (Hartmann 2001: 94). Тем не менее основные группы потребителей неодноязычных словарей специальной лексики хорошо известны: это переводчики специальной литературы и специалисты соответствующих отраслей. Кроме того, в литературе упоминаются следующие группы пользователей:

- авторы специальных текстов (напр., Скороходько & Стогний 1986: 29; Sager 1990: 197; Cabré 1999: 179; Nkwenti-Azeh 2001: 606);
- редакторы (Скороходько & Стогний 1986: 29);
- библиотекари и специалисты по обработке информации (Sager 1990: 198; Nkwenti-Azeh 2001: 608);
- терминологи и лексикографы (Sager 1990: 198; Nkwenti-Azeh 2001: 607);
- стандартизаторы и специалисты в области языкового планирования (Sager 1990: 199; Nkwenti-Azeh 2001: 609);
- преподаватели языков для специальных целей (Sager 1990: 199; Cabré 1999: 179);

- студенты (Opitz 1990: 1506; Bergeholtz & Tarp 1995: 21; Hermans 1998: 357);
- разработчики систем автоматической переработки текста (Скороходько & Стогний 1986: 29);
- широкая публика (Петушков & Сергеев 1976: 17; Маслов & Прудников 1986: 8; Opitz 1990: 1506; Cabré 1999: 179);
- системы автоматической обработки текстов (Nkwenti-Azeh 2001: 609);
- системы проверки орфографии и грамматики (Knops & Thurmair 1993: 89);
- системы машинного перевода (Knops & Thurmair 1993: 89);
- экспертные системы и системы искусственного интеллекта (Гринев 1995: 124–125).

Понятно, что редкий словарь может удовлетворить потребности всех этих групп пользователей одновременно. Попытки "совместить несовместимое" являются едва ли не основной причиной неадекватности многих словарей (Tomaszczuk 1983: 46–47). По выражению В.В. Дубичинского (1994: 16), "лексикографическое комплексное описание, рассчитанное на всех, не будет нужно никому".

Тем не менее лексикограф может постараться учесть интересы различных групп пользователей в разной степени, разделив читательскую аудиторию на две или более категорий. Например, специалисты из финского Центра технической терминологии (Sanatokeskus TSK) предлагают выделять основную категорию потребителей и остальных пользователей (Suonuuti 1998: 14; аналогичное деление существует также в теории информации и переводоведении – см. Sager 1997: 28). Анализ предисловий к словарям показывает, что составители часто выделяют основную и второстепенную читательские группы, а также "широкую публику" ("всех интересующихся данной тематикой"). Степень заинтересованности "широкой публики" в словаре во многом определяется характером данной специальной области. Как известно, для различных областей характерна неодинаковая степень соприкосновения с жизнью широких слоев населения, в связи с чем выделяются т. н. "науки широкого профиля" и "науки узкого про-

филя" (Березникова 1976: 83; Сергеев 1969: 298; цит. по: Татаринов 1999). Например, при составлении словаря фотографических терминов нельзя не учитывать потребности многомиллионной армии фотолюбителей (Маслов & Прудников 1986: 8).

Компьютерные технологии позволяют решать проблему многообразия пользователей за счет генерирования содержания словарных статей "на лету", в соответствии с "профилем" пользователя. В теоретической литературе эта идея встречается в последнее время довольно часто (напр., Kalliokuusi & Varantola 2000; Nkwenti-Azeh 2001), однако нам пока не попадались словарные продукты, где она была бы реализована на практике. Вероятно, для появления таких систем требуется время и определенные теоретические наработки.

Для целей проектирования словаря целесообразно классифицировать пользователей в соответствии с их информационными потребностями, которые являются производными от уровня их компетенции. Необходимо учитывать по крайней мере три аспекта компетенции: предметную, лингвистическую (в родном и иностранном языке – ср. Vergehnoltz & Tarp 1995: 20–21) и лексикографическую (умение пользоваться лексикографическими продуктами). Предметная компетенция определяет количество и характер специальной информации о понятиях и единицах специальной лексики (дефиниции, пояснения, рисунки и т. д.). Уровень лингвистической компетенции влияет на глубину, характер и представление сугубо языковой информации о единицах специальной лексики (грамматико-синтаксической, стилистической и т. д.). Наконец, предполагаемая лексикографическая компетенция определяет выбор лексикографических стратегий и условностей, оказывающих влияние на способы подачи информации и строение словаря.

Помимо информационных, у пользователей могут быть и другие потребности, в частности, экономические, эргономические, эстетические (Гасов & Цыганенко 1998: 23). Экономические потребности напоминают составителю о том, что словарь – это товар, и он должен быть доступен большинству представителей целевой аудитории. Эргономика определяет степень комфортности пользователя при работе со словарем. Наконец, эстетическое удовольствие от сло-

варя свидетельствует об успешной реализации одного из принципов лексико-графического конструирования – принципа красоты (Морковкин 1990: 46). Понятно, что эти потребности являются вторичными по отношению к информационным потребностям, однако пренебрегать ими не следует.

Более детальная классификация потребностей пользователей будет рассмотрена далее на примере переводчиков специальной литературы. Пока же подведем итоги данного подраздела:

- в идеале каждый специальный словарь должен ориентироваться на достаточно гомогенную группу пользователей, однако на практике приходится ориентироваться на несколько групп сразу;
- основными группами пользователей неодноязычных терминологических продуктов являются переводчики и специалисты-предметники, однако существует также большое количество других групп пользователей;
- компромиссным вариантом между ориентацией на одну группу пользователей и попыткой учесть интересы всех потенциальных групп является выделение основной и второстепенных групп пользователей;
- для целей проектирования словаря наиболее практичной является классификация пользователей в соответствии с их информационными потребностями, которые являются производными от предметной, лингвистической и лексикографической компетенции пользователей;
- при проектировании словарей, ориентированных на человека, необходимо учитывать и некоторые неинформационные потребности – в частности, эргономическую, экономическую и эстетическую.

Теперь перейдем к описанию и анализу переводчиков как одной из основных групп потребителей словарей специальной лексики.

Переводчики специальной литературы как пользователи словарей специальной лексики

Данный подраздел мы начнем с определения понятий "переводчик" и "переводчик специальной литературы", поскольку границы этих понятий не столь очевидны, как это может показаться на первый взгляд. Первое из значений термина "переводчик" в "Толковом переводном словаре" (Нелюбин 2003) – "специалист по переводам с одного языка на другой". Между тем результаты нашего опроса, проведенного среди финских и российских переводчиков специальной литературы, свидетельствуют о значительной неоднородности этой социологической группы в отношении полученного образования, стажа и регулярности переводческой деятельности. Например, лишь около трети опрошенных получили переводческое образование (среди российских переводчиков эта цифра еще меньше и составляет всего 18,18 %):

Ваше высшее образование	всего, %	финнов, %	русских, %
переводческое	32,84	40	18,18
переводческое; другое	1,49	2,22	0
переводческое; специальное в той области, в которой преимущественно приходится переводить	1,49	0	4,55
переводческое; филологическое	2,99	0	9,09
филологическое	37,31	37,78	36,36
филологическое; специальное в той области, в которой преимущественно приходится переводить	2,99	0	9,09
филологическое; другое	1,49	2,22	0
специальное в той области, в которой преимущественно приходится переводить	7,46	8,89	4,55
специальное в той области, в которой преимущественно приходится переводить; другое	1,49	0	4,55
другое гуманитарное	2,99	2,22	4,55
другое	4,48	2,22	9,09
не имею	2,99	4,44	0

Таблица 5. Результаты ответа на вопрос "Ваше высшее образование". Варианты ответа: переводческое; филологическое; другое гуманитарное; специальное в той области, в которой преимущественно приходится переводить; другое; не имею. Респонденты с двумя высшими образованиями могли указывать два варианта ответа.

Переводы являются основным занятием менее чем для половины опрошенных. Почти треть опрошенных совмещают переводы с другой работой, а еще четверть называют переводы случайным приработком:

Переводы для Вас...	всего, %	финнов, %	русских, %
основное занятие	44,78	51,11	31,82
работа по совместительству	32,84	24,44	50
случайный приработок	22,39	24,44	18,18

Таблица 6. Результаты ответа на вопрос, являются ли переводы для респондентов основным занятием, работой по совместительству или случайным приработком.

Некоторые респонденты испытывали затруднения с ответом на вопрос о продолжительности своего переводческого стажа, по-видимому из-за того, что переводческая деятельность не всегда бывает непрерывной и равномерной по интенсивности.

Таким образом, далеко не все люди, занимающиеся переводами специальных текстов и относящие себя к переводчикам, соответствуют прототипическому образу "профессионального переводчика", получившего переводческое образование и занимающегося переводами в качестве своей основной деятельности. Кроме того, переводами занимается и масса людей, не идентифицирующих себя как переводчики (например, специалисты-предметники).

Заметим, что процесс восприятия текста на иностранном языке также может включать в себя элементы перевода. Например, встретив незнакомое слово, реципиент может посмотреть его перевод в словаре. Однако подобный "перевод для себя" отличается от "перевода для других". При "переводе для себя" достаточно того, что реципиент понимает смысл сообщения на иностранном языке. При "переводе для других" переводчик должен не только уяснить себе переводимое, но и выбрать соответствующие средства выражения на языке перевода (ср. Берков 1996: 157). Дж. Магдан подчеркивает разницу между этими двумя видами деятельности (пониманием и переводом иноязычного текста), а также то обстоятельство, что словарь, ориентированный на один из этих видов деятельности, совсем не обязательно ориентирован и на другую (Mugdan 1992: 19–20).

Возникает вопрос: следует ли считать переводчиком человека, переводящего "для себя"? Ведь неодноязычными словарями нередко пользуются именно для того, чтобы понять текст на иностранном языке, причем как в реальной, так и в учебной ситуации. Если мы признаем человека, переводящего "для себя", переводчиком, то, по сути дела, не будет разницы между "словарями для перевода" и "словарями для переводчиков". Однако такое решение отрицает всякую социальную составляющую в образе переводчика, что вряд ли оправданно. Важность социальной роли переводчика – роли посредника при межъязыковой коммуникации – подчеркивается, в частности, в "Толковом переводоведческом словаре" (Нелюбин 2003), в котором второе из значений термина "переводчик" определено как "участник двуязычного коммуникативного акта, выступающий как в роли *получателя* исходного текста, так и в роли *отправителя* конечного текста, т. е. текста перевода".

Поскольку установить формальные критерии (переводческое образование, определенный стаж работы, полный рабочий день/неделя и т. п.) для признания человека переводчиком сложно, то за основу предлагается принять именно социальную роль переводчика. В таком случае понятие "переводчик" можно определить следующим образом:

Человек, который (относительно регулярно) берет на себя обязанность переводить для других.

В этом определении подчеркиваются следующие признаки:

- Переводчик является человеком (вопросы машинного перевода лежат за пределами нашего исследования).
- Социальная функция переводчика – перевод для других. В этом состоит отличие переводчиков, например, от специалистов-предметников, читающих литературу на иностранном языке и переводящих ее "для себя", или от студентов, выполняющих переводы в учебных целях.

- Выполнение социальной функции предполагает определенную регулярность, хотя ее частоту достаточно трудно конкретизировать. Примем за условную нижнюю границу перевод нескольких текстов в год.

Другие параметры (наличие диплома о специальном образовании, наличие и размер оплаты за выполненную работу и т. д.) не являются для нас релевантными. "Специальную литературу" можно в данном случае приравнять к "специальным текстам", т. е. к текстам, написанным на том или ином языке для специальных целей. В таком случае понятие "переводчик специальной литературы" можно определить следующим образом:

Человек, который (относительно регулярно) берет на себя обязанность переводить для других тексты, написанные на ЯСЦ.

Предметная и лингвистическая компетенция переводчиков специальной литературы

Предметная компетенция пользователей в значительной степени определяет содержание переводческого словаря, прежде всего состав вспомогательной семантической информации – определений, пояснений, логико-понятийных схем и т. д. (напр., Игнатъев 1975: 18–19; Герд 1986: 9). Поскольку, например, составление определений – наиболее трудоемкая часть работы над словарем специальной лексики (ср. Nykänen 1999a: 66), то количество, состав и характер вспомогательной семантической информации оказывает огромное влияние на сроки работы над словарем и количество единиц словника, которые авторский коллектив в состоянии обработать за определенный период времени. Кроме того, вспомогательная семантическая информация занимает много места и непосредственным образом влияет на структуру и прочие характеристики словаря. В связи с этим оценка предметной компетенции пользователей чрезвычайно важна для проектирования словаря специальной лексики.

Лингвистическая компетенция, в свою очередь, влияет на количество и характер "языковой" информации в словаре (орфоэпической, грамматико-синтаксической, семантической, стилистической, прагматической и т. д.), а значит – и на структуру, состав словника (напр., Убин 1992: 42), систему входов (ср. Atkins & Varantola 1998: 96) и другие характеристики словаря.

По свидетельству опытного переводчика научно-технической литературы Б.Н. Климзо (2003: 11), переводы специальных текстов выполняют представители следующих групп:

- специалисты с техническим, экономическим, юридическим, медицинским и другими видами специального образования;
- научные работники;
- филологи и преподаватели иностранных языков, пришедшие на работу в различные отделы научно-технической информации, бюро технической информации и патентные бюро;
- преподаватели иностранных языков в технических вузах;
- студенты технических специальностей.

На профессиональном уровне и в больших объемах техническим переводом занимаются представители первых трех групп. При этом представителей первых двух групп можно условно охарактеризовать как "переводчиков-инженеров", а представителей третьей группы – как "переводчиков-филологов" (Климзо 2003: 11). Аналогичное разделение переводчиков можно встретить и во многих других источниках (напр., Перевод научно-технической литературы 1983а: 24; Патрик 1988: 13; Sager 1994: 153–154; Hermans 1995: 29). Оно отражает весьма важный, хотя и косвенный признак уровня специальной компетенции – наличие филологического или специального образования. Существуют и более дробные классификации, основанные на том же или близких признаках (напр., Научно-технический перевод 1987: 54–55).

Данные нашего опроса позволяют составить определенное представление о том, каково соотношение "переводчиков-филологов" и "переводчиков-инженеров" среди тех, кто занимается переводом специальных текстов (см. выше Таблицу 5). Как следует из результатов опроса, идеальное сочетание,

при котором и предметная, и лингвистическая компетенция переводчика находятся на высоком уровне за счет наличия двух высших образований – переводческого/филологического и специального, встречается достаточно редко (нулевой показатель среди финских и около 15 % среди российских респондентов). Подавляющее большинство респондентов имеет только переводческое или филологическое образование (около 70 %). Специальное образование в той области, в которой преимущественно приходится переводить, имеют лишь 13,5 % респондентов. Эти результаты хорошо согласуются с другими источниками (напр., Opitz 1990: 1506; Kuhmonen 1999: 4–5). Как констатировал в свое время Л.В. Щерба (1958: 77), "незнакомство с предметом для одних и плохое знание данного общего языка для других – вот истинные причины трудности специальных технических текстов".

Конечно, само по себе наличие высшего образования является важным, но не единственным показателем компетенции переводчика в той или иной сфере. Например, одни институты выпускают "переводчиков широкого профиля", в то время как в других студенты специализируются на определенных предметных областях (торговля, юриспруденция, техника и т. д.). Переводчик или специалист-предметник может получить также дополнительное образование – например, на курсах повышения квалификации.

Не секрет, что большинству переводчиков приходится регулярно сталкиваться с самыми разнообразными предметными областями (напр., Попандупуло, Климиашвили & Нарсия 1985: 268–269; Picken 1996: 17–171; Wright & Wright 1997: 147; Мирам 2001: 47). Прежде всего это относится к переводчикам, работающим по принципу *freelance*, но в значительной мере справедливо и для переводчиков, имеющих постоянное место работы (напр., Aho 2004: 11). Напомним, что по данным нашего исследования, переводы являются основным занятием менее чем для половины опрошенных переводчиков, причем в России этот показатель существенно ниже (см. выше Таблицу 6).

В свете этих ответов становится понятно, почему у многих респондентов вызвал затруднения вопрос о стаже переводческой работы: значительная часть переводчиков занимается переводами время от времени, с большими или

меньшими перерывами. Естественно будет предположить, что общий стаж переводческой работы и стаж работы в данной предметной области оказывают существенное влияние на компетенцию переводчика.

Результаты опроса показали также, что переводчики, как правило, специализируются сразу на нескольких областях, а некоторые называют себя "универсалами":

На каких тематических областях Вы специализируетесь?	всего, %	финнов, %	русских, %
указаны три и более области	50,75	40	72,73
указаны две области	23,88	35,56	0
указана одна область	17,91	24,44	4,55
универсал	4,48	0	13,64
нет ответа	2,99	0	9,09

Таблица 7. Результаты ответа на вопрос "На каких тематических областях Вы специализируетесь?"

Понятно, что обладать значительной предметной компетенцией в трех и более областях довольно трудно. Как пишет Г.Э. Мирам (2001: 47), "такова жесткая реальность, и требовать от переводчика-филолога глубокого знания предмета, описываемого тем или иным техническим текстом, едва ли целесообразно. Тем более, что сегодня у вас может быть текст из области физики высоких энергий, а завтра, например, – по пульмонологии".

Сами переводчики оценивают свою предметную компетенцию следующим образом:

Часто ли Вы ощущаете нехватку специальных знаний при переводе специальных текстов?	всего, %	финнов, %	русских, %
очень часто	7,46	11,11	0
довольно часто	50,75	55,56	40,91
довольно редко	40,30	31,11	59,09
никогда	1,49	2,22	0

Таблица 8. Результаты ответа на вопрос "Часто ли Вы ощущаете нехватку специальных знаний при переводе специальных текстов?"

Примерно половина переводчиков сталкивается с нехваткой специальных знаний довольно часто или даже очень часто, в то время как другая половина испытывает подобные затруднения относительно редко. При этом российские респонденты больше уверены в собственных силах по сравнению с финскими.

Доля тех, кто испытывает трудности предметного характера "достаточно часто", оказалась на 20 % меньше среди имеющих специальное образование в данной области. На уровень предметной компетенции могут также оказывать влияние рабочие языки переводчика. Например, при работе с т. н. "малыми языками" переводчик практически не имеет возможности специализироваться только на одной или нескольких областях (Picken 1996).

Еще в большей степени на уровень предметной компетенции влияет характер предметной области (вспомним об "областях широкого профиля" и "областях узкого профиля"). При переводе текстов из "областей широкого профиля" требования к специфической предметной компетенции переводчиков существенно ниже, чем при переводе текстов "узкого профиля" (ср., напр., Varantola 1998: 14). В крупных переводческих центрах существует разделение переводчиков на квалификационные группы, в зависимости от характера текстов, поручаемых им для перевода (Научно-технический перевод 1987: 56). В частности, имеется следующая классификация переводов по уровню сложности (Основные терминологические аспекты переводческой деятельности 1984: 36–37):

- тексты первой группы сложности – тексты общенаучной тематики, лексический и грамматический состав, стилистические особенности и смысловое содержание которых не вызывают затруднений при переводе;
- тексты второй группы сложности, предусматривающие использование имеющейся словарно-справочной литературы;
- тексты третьей группы сложности, предусматривающие подбор дополнительных материалов и необходимость консультаций со специалистами.

Нетрудно догадаться, что наибольшая польза от отраслевых словарей бывает при переводе текстов второй группы, поскольку при переводе текстов первой группы словарь либо не нужен вообще, либо достаточно общезыкового/общетехнического словаря, а при переводе текстов третьей группы тема сообщения является либо слишком новой, либо слишком специфичной, чтобы быть отраженной в словаре. Соответственно, словарь должен давать достаточно информации, чтобы переводчик мог справиться с переводом не самых простых, но и не самых сложных текстов, тем более что эта категория материалов является, по-видимому, наиболее многочисленной.

Терминографам следует также помнить, что отраслевой словарь не является и не обязан быть единственным справочным пособием переводчика. Необходимо разумное распределение предметной информации между отраслевым переводческим словарем и другими справочными изданиями – общенаучными, общетехническими, политехническими, толковыми и энциклопедическими словарями, учебниками, справочниками, энциклопедиями и т. д. В принципе, для большинства переводчиков терминологические изыскания и пополнение специальных знаний являются не самоцелью, а вынужденной и временной мерой, занятием *ad hoc* (Opitz 1990: 1509; Wright 1997a: 19; Wright & Wright 1997: 147; Bonanno 2000: 646). В связи с этим не вполне разумно концентрировать большое количество предметных знаний именно в переводческом словаре.

Если переводчик умеет пользоваться всем арсеналом справочной литературы, то при наличии некоторого опыта он, как правило, способен выполнять переводы по незнакомой ему тематике даже на неродной язык (Tomaszczuk 1989: 177). Однако переводчики обычно прибегают к использованию других

справочных изданий только в том случае, если не находят готовых соответствий в словаре (Makintosh 1998: 131). Многие также ищут "несловарную" информацию в словарях, потому что по тем или иным причинам не могут найти ее в других источниках (Varantola 1998a: 179–180).

Что касается использования специалистов в качестве источников предметной информации, то далеко не у всех переводчиков имеется такая возможность (Bonanno 2000: 647), да и знакомые специалисты не всегда могут помочь в современных условиях узкой специализации (Мирам 2001: 47).

В любом случае, "перевод едва ли может быть осуществлен без того, что в обиходной речи именуется знакомством с предметом" (Швейцер 1973: 31). В связи с этим словарь, предназначенный для переводчика, не должен составляться из расчета нулевых знаний пользователя о данной предметной области. Нам представляется обоснованным предложение Б.И. Игнатьева ориентироваться в правой части словаря на уровень знаний студентов начальных курсов, знакомых с основами своей специальности (Игнатьев 1975: 19; Игнатьев 1976: 59).

При формировании словника некоторые авторы рекомендуют ориентироваться на максимально высокий уровень знаний пользователей. Так, Г.А. Маслов и Л.Н. Прудников считают, что "наличие в словаре пусть даже десятой части всех терминов, которыми 9/10 пользователей словаря никогда не заинтересуется, никак не может снизить ценность словаря" (Маслов & Прудников 1986: 9; ср. Справочные издания 1982: 123). Другое дело, что на разработку этой 1/10 материала может уйти едва ли не столько же времени, сколько на разработку остальных 9/10. Здесь терминограф должен принимать решение исходя из своих возможностей.

При определении уровня предметных знаний, на который следует ориентироваться при проектировании словаря, необходимо учитывать и еще одно обстоятельство. По наблюдениям Б.Н. Климзо (1976: 79; 2003: 46), переводчики-филологи придают терминам и словарям огромное, даже избыточное значение (ср. Hermans 1995: 30, со ссылкой на: Allain 1990). Они считают, что при наличии хорошего словаря смогут перевести все, что угодно (и получают на выходе

т. н. dictionary translation – перевод, в котором соответствия заимствуются из словаря без необходимого осмысления и адаптации), а встретив термин, которого нет в словаре, опускают руки. Переводчики-инженеры, напротив, достаточно легко решают терминологические проблемы в своей области (в родном языке), однако это придает им излишнюю самоуверенность, и они начинают пренебрегать словарями (ср. Hermans 1995: 30).

Для практической терминографии вывод из всего этого может быть следующим: переводчики-филологи больше всего нуждаются в грамотных словарях специальной лексики, содержащих не только иноязычные соответствия, но и дополнительную информацию (определения, пояснения, контексты и т. п.), которая позволила бы им сделать правильный выбор и быть уверенным в нем (ср. Opitz 1990: 1506; Varantola 1998: 14; Nkwenti-Azeh 2001: 604–606). При этом, разумеется, переводные эквиваленты остаются основной и наиболее важной информационной категорией, без которой переводческий словарь теряет свой смысл.

Следует учитывать также, что многие области являются специфическими для той или иной культуры (англ. culture-dependent), поэтому владение понятийной системой в одном языке еще не гарантирует автоматического владения ею в другом языке. Это относится прежде всего к областям общественно-политической жизни (напр., юриспруденция, социальное обеспечение), однако массу примеров можно привести и из области естественных наук. Например, в проекте по созданию ФРЛС нам приходилось регулярно сталкиваться со значительными несоответствиями в финских и российских системах понятий. Таким образом, необходимо оценивать уровень предметной компетенции пользователей отдельно для каждого из входящих в словарь языков.

В лингвистическую компетенцию входят знания о данной языковой системе – фонетической, грамматико-синтаксической, стилистической и т. д. При этом следует различать знания о системе языка для общих целей и языков для специальных целей. Переводчики-филологи, как правило, превосходят переводчиков-инженеров во владении языком для общих целей. Однако если переводчик-филолог сталкивается с незнакомой ему областью и незнакомой термино-

логией, то уровень его лингвистических знаний в этой области может оказаться даже ниже, чем у переводчика-инженера, который, вероятно, изучал иностранный язык именно на специальных текстах и, кроме того, обладает предметной компетенцией и владеет терминологией в родном языке. Таким образом, лингвистическую компетенцию переводчиков-филологов в сфере ЯСЦ (как в родном, так и в иностранном языке) не следует переоценивать. Кроме того, нельзя ожидать от переводчиков-филологов того, чтобы они разбирались в теоретических вопросах, по которым даже в научной среде не выработано единой точки зрения. Не следует также превращать словарь в лингвистические ученые записки, даже ориентируясь на более или менее подготовленную публику (Девкин 2000: 17).

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

- при проектировании словаря необходимо оценить предметную и лингвистическую компетенцию потенциальных пользователей;
- предметная и лингвистическая компетенция должны оцениваться отдельно для каждого языка, причем лингвистическая – отдельно для ЯОЦ и ЯСЦ;
- в настоящее время основную адресную группу переводческих словарей специальной лексики составляют т. н. "переводчики-филологи", для которых в целом характерна достаточно хорошая лингвистическая компетенция в области ЯОЦ на родном и иностранном языке, но слабая предметная и лингвистическая компетенция в ЯСЦ;
- требования к предметной компетенции переводчиков сильно зависят от характера предметной области;
- при составлении словаря целесообразно ориентироваться не на нулевой уровень предметных знаний, а на уровень студентов начальных курсов, знакомых с основами специальности;
- словарь бывает более всего полезен при переводе текстов среднего уровня сложности.

Лексикографическая компетенция переводчиков специальной литературы

В последнее время лексикографы ясно осознали, что удовлетворенность пользователей словарным продуктом зависит не только от качества словарного продукта, но и от умения читателя выбрать словарь и пользоваться им, а также от реалистичности ожиданий читателей (Makintosh 1998: 124; Varantola 1998a: 180; Varantola 2001: 233). Систематическое обучение студентов пользованию словарями пока не получило широкого распространения, а сами пользователи словарей нередко убеждены, что знания алфавита достаточно для работы с любым словарным продуктом. По-видимому, это одна из причин, по которой пользователи редко знакомятся с правилами пользования словарем. В целом приходится констатировать, что лексикографическая компетенция пользователей пока находится на невысоком уровне.

Исследователи, в частности, отмечают следующие распространенные заблуждения и пробелы в знаниях пользователей словарей:

- неосведомленность в том, какие есть словари, зачем они составлены, как ориентироваться в их богатстве и специализации (напр., Béjoint 1989: 208; Девкин 2000: 6);
- нереалистичность ожиданий, непонимание естественных ограничений словаря и антиномий лексикографии (ср. Varantola 2001: 233);
- отношение к словарю только как к арбитру, непонимание того, что словари выполняют не только нормативную функцию (Algeo 1989: 32);
- отождествление языка и словаря, подход типа "есть в словаре – есть и в языке, нет в словаре – нет и в языке" (Algeo 1989: 32; Béjoint 1989: 208);
- неправильное понимание лексикографических конвенций – помет, сокращений и т. д. (Algeo 1989: 32–33; Béjoint 1989: 208; Дубичинский 1998: 25);
- непонимание и невосприятие инновативных решений лексикографов (Béjoint 1989: 208; Дубичинский 1998: 25).

С опорой на такие источники, как Béjoint 1989: 210 и Hartmann 2001: 90–91, можно предложить следующий список лексикографических навыков, необходимых пользователям большинства словарей:

- умение локализовать языковую проблему в контексте и при необходимости разбить ее на части;
- умение выбрать наиболее подходящий словарь или словари;
- умение привести отрезок текста в каноническую форму (или иную форму, принятую в словаре);
- умение определить, в каком томе и в какой части словаря следует искать нужную единицу;
- умение найти опорное слово для многокомпонентной единицы;
- умение найти нужную словарную статью;
- умение найти нужную единицу в теле статьи;
- умение извлечь необходимую информацию;
- умение интегрировать найденную единицу в текст.

Для практики терминографии из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

- при проектировании структуры словаря и способов выражения информации необходимо принимать во внимание предполагаемый уровень лексикографической компетенции пользователей;
- не следует рассчитывать на то, что уровень лексикографической компетенции будет высоким (в том числе и у "переводчиков-филологов");
- необходимо обеспечить пользователя всей полнотой информации, которая может потребоваться им при работе со словарем: правилами пользования, списками сокращений и т. д.;
- желательно найти стимулы для пользователей, чтобы они ознакомились с этой информацией.

Теперь перейдем к вопросу о потребностях переводчиков специальных текстов в отношении словаря.

Потребности переводчиков специальных текстов в отношении словаря

Для более ясного понимания информационных потребностей переводчика специальных текстов следует ознакомиться с требованиями, предъявляемыми к переводам подобных текстов. Конкретный список требований, разумеется, зависит от типа текста, коммуникативной задачи, пожеланий заказчика и т. д., однако к большинству "деловых" переводов предъявляются следующие требования (Научно-технический перевод 1987: 64; ср. Скороходько 1963: 4; Смирнов 1982: 49–50; Квитко и др. 1986: 128; Методические рекомендации 1988: 10; Hann 1992: 7; Нелюбин 2003: 117):

- точность – все положения, трактуемые в оригинале, должны быть изложены в переводе;
- сжатость – все положения оригинала должны быть изложены сжато и лаконично;
- ясность – сжатость и лаконичность языка перевода не должны мешать изложению идей, их пониманию;
- литературность – текст перевода должен удовлетворять общепринятым нормам литературного языка, без употребления синтаксических конструкций языка оригинала.

К этому списку часто добавляется также требование относительного отсутствия эмоционально-экспрессивных средств.

Большинство перечисленных выше требований прежде всего предполагает адекватную передачу на выходном языке специальной лексики. По некоторым данным, переводчик специальных текстов затрачивает на решение терминологических проблем не менее 25 % времени, а при работе со сложными текстами – до 75 % (Убин 1992: 16; Гринев 1993: 259). На долю терминологии приходится, в зависимости от сложности специального текста, от 10 до 40 % переводческих ошибок (Убин 1992: 15); до 80 % обращений к словарю вызвано терминологическими проблемами (ср. Tomaszczyk 1989: 177). Терминологические

трудности при переводе связаны, как правило, со следующими причинами (ср., напр., Лотте 1936/1994: 190–191; Квитко и др. 1986: 128):

- расхождения в значении терминов в разных языках;
- расхождения в терминосистемах;
- отсутствие готового соответствия в языке перевода;
- синонимия терминов;
- многозначность терминов;
- широкая семантика терминов.

Если переводчик находит в словаре иноязычное соответствие термина, а также всю информацию, которая необходима ему для принятия переводческого решения, то перевод терминологии не должен представлять особых трудностей. Однако довольно часто эти условия не соблюдаются: нужный переводчику словарь отсутствует, переводчик не знает о его существовании или не имеет к нему доступа; в словаре отсутствует термин исходного языка, иноязычное соответствие или информация, позволяющая принять решение на перевод. Задача переводческой терминографии состоит в устранении этих проблем.

Помимо информационных, у переводчиков имеются и другие потребности. Во-первых, словарная информация должна быть легко доступна переводчику непосредственно на его рабочем месте. Например, не следует рассчитывать на большую популярность онлайн-словаря, если у значительной части потенциальных пользователей на работе нет доступа к Интернету.

Во-вторых, цена словарной информации должна быть приемлемой для переводчика. Например, многие переводчики, работающие по принципу *freelance*, не покупают себе специальных словарей из-за того, что они занимаются той или иной тематикой лишь эпизодически. Для них цена всего словаря оказывается слишком высокой и непропорциональной той выгоде, которую они получают от наведения в нем нескольких справок. Эту проблему можно решить, например, таким образом, что при пользовании электронным словарем или банком данных переводчик платит либо за количество словарных статей, просмотренных им, либо за время, в течение которого он пользуется ресурсом.

Еще одним важным критерием является скорость доступа к информации. Например, одним из несомненных достоинств электронных словарей по сравнению с бумажными является существенное увеличение скорости поиска: набрать нужное слово на клавиатуре намного быстрее, чем перелистывать страницы (ср. Ngan & Kong 1997: 151; Убин 2001: 73).

Большой выигрыш в скорости доступа к информации дает соблюдение "принципа простоты": из всех возможных способов отражения определенного лингвистического содержания всегда должен выбираться наименее сложный (Морковкин 1990: 46–47). При этом все приемы, используемые в словаре, должны быть описаны во вводной части.

Словарь должен также обладать такими качествами, как удобство в пользовании, дружелюбность и эргономичность. Относительно этих характеристик многое можно позаимствовать из теории разработки пользовательских интерфейсов, поскольку даже традиционный бумажный словарь представляет собой своего рода "интерфейс". Приведем основные требования к пользовательским интерфейсам (Агеев 1997: 139):

- интерфейс должен отличаться постоянством в представлении информации;
- интерфейс должен способствовать уменьшению нагрузки на вербальное и невербальное мышление пользователя;
- интерфейс должен способствовать быстрому обучению правилам пользования продуктом.

Комфортность пользователя тесно связана также с такой характеристикой словаря, как эстетичность: красиво оформленный, до мелочей продуманный словарь вызывает положительные эмоции и благоприятно сказывается на работоспособности пользователя.

Наконец, пользователь заинтересован в сохранности информации, т. е. в долговечности словаря. Для бумажных словарей это означает прежде всего износостойкость, а для электронных – стабильность работы, информационную безопасность и работоспособность на протяжении достаточно длительного промежутка времени (по крайней мере, нескольких лет). При проектировании

электронного словаря необходимо оценивать перспективность программных технологий, с помощью которых будет создан словарь, чтобы у пользователей не возникло проблем с программной совместимостью.

Итак, к основным потребностям переводчиков специальной литературы относятся, в частности, следующие:

- наличие информации, позволяющей принять решение на перевод специальных единиц;
- физическая и экономическая доступность словаря;
- оптимальная скорость доступа к информации;
- простота лексикографического описания;
- наличие детальных правил пользования словарем;
- удобство в пользовании, дружелюбность и эргономичность;
- эстетичность;
- долговечность.

Удовлетворенность пользователей словарем в значительной степени зависит от того, насколько ясное и достоверное представление автор словаря получил об информационных и неинформационных потребностях пользователей и насколько полно они были учтены при составлении словаря. Если словарь составляется специалистом по межкультурной коммуникации (в идеале – переводчиком по специальности), то наиболее ценным и достоверным источником сведений для него будет его личный опыт перевода специальных текстов. Этот опыт может быть детализирован и формализован – например, в виде протокола (см., напр., Tomaszczyk 1989). Конечно, личный опыт составителя является ограниченным и субъективным, поэтому необходимо использовать и другие источники информации.

Много ценного можно почерпнуть из литературы по переводу, прежде всего специальному. Изучение этой литературы позволяет глубже понять процесс перевода и трудности межкультурной коммуникации, в том числе на ЯСЦ. Особую ценность в этом смысле представляет обобщение опыта переводчиков-практиков. Для выбора языков словаря, предметных областей, ширины и глу-

бины их отражения большое значение имеет статистика по типам переводов, их направленности, объемам и т. д.

Информацию о словарных потребностях переводчиков можно почерпнуть также из литературы по переводной лексикографии – пособий, руководств, материалов конференций, рецензий на переводческие словари. Правда, в отношении последней категории источников следует заметить, что далеко не всякая рецензия служит хорошим материалом для исследования. Значительная часть словарных рецензий представляет собой пересказ информации о словаре, размещенной на его задней обложке, или сводится к оценке выбора единиц левой части (Bergenholtz & Tarp 1995: 232). Кроме того, достаточно часто за рецензирование словарей берутся люди, не имеющие достаточной лексикографической подготовки (ср. Landau 1989: 304–305). Встречается и малопродуктивная критика словарей с максималистских позиций, поскольку далеко не все критики осознают, что "одно дело критиковать словари, другое писать их" (Ulvestad 1968: 385; цит. по: Берков 1973: 16). Как и всякий анализ словарей, рецензии отражают субъективную точку зрения автора и вряд ли могут претендовать на полное отражение потребностей определенной группы пользователей (Hartmann 1989a: 106). Вместе с тем повторяющиеся в рецензиях моменты могут служить поводом для обобщения. В терминографии изучение рецензий осложнено их незначительным количеством по сравнению с рецензиями на общеязыковые словари (Tomaszczuk 1988: 293), а также тем, что они могут быть разбросаны по отраслевым журналам, которые обычно не попадают в поле зрения терминографа.

Информацию "из первых рук" о потребностях пользователей позволяют получить опросы. Единой типологии опросов пользователей пока не выработано (ср. Bergenholtz & Tarp 1995: 78; Hartmann 2001: 115–120), однако во многих работах упоминаются такие методы, как анкетирование, интервью, протокол и эксперимент. Известна также попытка использовать для оценки качества специальных словарей метод, именуемый *value analysis* (анализ ценности). Его суть сводится к опросу различных групп "поставщиков" и потребителей словар-

ных продуктов. Этот метод позволяет взглянуть на проблему с различных точек зрения и получить интегральную картину (Hermans 1998: 356–357).

Следует упомянуть о некоторых ограничениях и трудностях, связанных с проведением анкетирования и интерпретацией его результатов. Методика проведения лексикографического анкетирования пока практически не описана в литературе; трудно найти также примеры анкет и описания опыта лексикографического анкетирования. У отвечающих могут отмечаться определенные трудности в понимании сути вопросов анкеты, а у исследователя – в интерпретации результатов. Если анкетирование проводится дистанционно, то не всегда имеется возможность задать уточняющие вопросы. Встречаются также трудности терминологического характера. Например, при проведении нами опроса от переводчиков поступали комментарии, что они уже не вполне ясно помнили, что такое "транскрипция", "антонимы" или "идиомы", не говоря уже о том, что далеко не всякий переводчик знаком с лексикографическими терминами типа "идеографический словарь", "алфавитно-гнездовой порядок слов" и т. д. Перед массовой рассылкой анкеты рекомендуется протестировать ее на небольшом числе респондентов для выяснения возможных трудностей и неясностей (ср. Bergenhotz & Tarp 1995: 80).

Общей проблемой анкетирования является то, что анкета может навязывать респондентам те или иные варианты ответа, а сами ответы не всегда отражают реальные проблемы и реальные модели поведения респондентов (ср. Hatherall 1984: 183; Bergenholtz & Tarp 1995: 80).

По нашим наблюдениям, респондентам иногда было трудно оценить те потенциальные свойства словаря, с которыми они еще не сталкивались на практике. Кроме того, было заметно, что на предпочтения пользователей оказывают сильное влияние господствующие лексикографические традиции и субъективные лексикографические привычки. На наш взгляд, наибольшую пользу опросы могут принести при выяснении достоинств и недостатков уже изданных и достаточно широко распространенных словарей. В то же время при проектировании принципиально новых и достаточно специфических словарей значение опросов несколько снижается (ср. Whitcut 1989: 92).

Таким образом, результаты опросов не следует абсолютизировать, хотя они и сообщают ценную информацию о предпочтениях пользователей. В этой связи хотелось бы также привести следующее высказывание о роли пользователей при составлении словарей:

По-видимому, хороший словарь не должен всецело основываться на мнении потенциального пользователя, так как его воспитательное значение состоит и в том, чтобы формировать определенные культурные потребности у пользователей, хотя важность ориентации на определенного читателя трудно переоценить (Гринев1986: 23).

Интервью имеет определенные преимущества по сравнению с анкетами (в частности, появляется возможность задавать уточняющие вопросы), однако оно является более сложным и ресурсоемким методом.

Более подробная информация о методиках проведения опросов приводится, в частности, в "Руководстве по специализированной лексикографии" (Bergenholtz & Tarp 1995: 77–83) и книге *Using Dictionaries* (Atkins 1998).

При сборе информации о потребностях переводчиков следует также уделять внимание каналам устного и электронного общения (конференции, семинары, мастер-классы, Интернет-форумы и т. д.). Дело в том, что, во-первых, далеко не вся информация оформляется в печатном виде, во-вторых, оперативность устного и электронного общения существенно выше.

На этом мы заканчиваем рассмотрение факторов, формирующих информационные и неинформационные потребности переводчиков специальной литературы, а также способов получения информации об этих потребностях. В следующей главе речь пойдет о назначении словарей специальной лексики и об их роли в процессе перевода.

5. Назначение переводческих словарей специальной лексики

В первой главе были рассмотрены *функции* словарей, т. е. их задачи в целом. В данном же подразделе речь пойдет о *назначении* словарей, под которым мы понимаем ориентацию словаря на обслуживание конкретных видов деятельности. Разумеется, классификация видов деятельности является открытой, а ее глубина и дробность зависят от задач словарного проекта.

Как и в случае с пользователями, идеальным случаем была бы ориентация словаря на какой-либо один вид деятельности. Однако по прагматическим соображениям терминологические продукты часто имеют несколько назначений. В этом случае целесообразно выделить основное и второстепенные назначения и по возможности попытаться реализовать второстепенные назначения без ущерба для основного. В дальнейшем нас будет интересовать преимущественно такое назначение словарей специальной лексики, как терминологический межъязыковой перевод, т. е. перевод текстов на ЯСЦ с одного национального языка на другой.

В теории переводоведения существует большое количество классификаций переводов, в том числе переводов специальных текстов (см., напр., обзоры: Перевод научно-технической литературы 1983: 18–22; Научно-технический перевод 1987: 33, 62; Sager 1997; Nord 1997; Баранов 2001: 140–143; Виноградов 2001: 16). Основаниями деления служат, в частности, стили и жанры переводимых текстов, коммуникативные установки при переводе, полнота передаваемой информации, отправители и получатели переводов и т. д. Мы рассмотрим лишь те основания деления, которые в наибольшей степени оказывают влияние на принципы построения переводческих словарей специальной лексики. Начнем с вопроса об этапах перевода, на которые могут ориентироваться переводческие словари.

Ориентация на различные этапы перевода

Для понимания роли словаря в процессе перевода необходимо ознакомиться с этапами этого процесса и типичными действиями переводчика при переводе. В теории переводоведения существует большое количество моделей перевода, и практически все эти модели включают в себя такие этапы перевода, как восприятие текста на языке оригинала и синтез текста на языке перевода (напр., Виноградов 2001: 29). Однако авторы по-разному дробят эти этапы, а некоторые выделяют также промежуточный этап между анализом и синтезом и ряд дополнительных этапов, например, самопроверки и редактирования (ср. Научно-технический перевод 1987: 67; Нелюбин 2003: 115).

В лексикографии за отправную точку можно принять, например, теорию О. Каде, в которой перевод представляется как процесс, состоящий из трех основных этапов: 1) декодирование текста на языке оригинала с целью перекодирования; 2) перекодирование, т. е. подстановка знаков языка перевода вместо знаков языка оригинала; 3) реализация текста на языке перевода (Каде 1978: 73). Большинство переводческих словарей специальной лексики ориентировано на второй этап перевода – замену единиц языка оригинала единицами языка перевода, и лишь некоторые позволяют решать ряд задач анализа и синтеза – например, за счет включения не только собственно переводных эквивалентов, но и грамматических очерков входного и выходного языка, определений, пояснений и контекстов (Убин 1992: 78).

Представляется, что такое положение дел не вполне отвечает основному требованию к хорошему переводческому словарю – способности *быстро* обеспечить *правильный* перевод (напр., Haas 1967: 48; Патрик 1988: 13; Гринев 1995: 56; Марчук 2000: 130), поскольку скорость и правильность должны обеспечиваться на всех этапах перевода, а не только на этапе перекодирования. В этой связи следует отметить и еще одно распространенное требование к словарю, ориентированному на процесс перевода: словарь должен обеспечивать переводчика готовыми соответствиями даже в случае отсутствия естественных

эквивалентов в языке перевода, а не просто давать толкование или констатировать факт безэквивалентности (Щерба 1955: 5; Tomaszczyk 1983: 47; Al-Kasimi 1983: 159; Zgusta 1984: 147; Борисова 1986: 39, 1988: 60; Tomaszczyk 1988: 290; Hartmann 1989: 9; Берков 2004: 145).

С другой стороны, необходимо учитывать, что на выбор контекстного переводческого соответствия влияет множество факторов, а словарное соответствие – лишь отправная точка в этом процессе. Г.Э. Мирам перечисляет следующие источники информации, влияющие на выбор контекстного соответствия (Мирам 2001: 51; ср. Дубичинский 1998: 71–72):

- значения, которые дает общий словарь;
- значение слова в специальном словаре;
- широкий контекст (контекст всего источника);
- узкий контекст (одно или несколько предложений, определяющих смысл слова или словосочетания);
- речевая ситуация, определяющая смысл слов и стиль текста перевода;
- фоновая информация;
- сочетаемость слов в языке перевода.

К этому списку следовало бы также добавить пункт "характер и коммуникативные задачи перевода" (ср. Берков 2004: 141).

Словарь не всегда может подсказать переводчику готовые решения (хотя к этому следует стремиться), но он должен обеспечивать понимание иностранного текста (Zgusta 1984: 154; Берков 2004: 141–142), т. е. роль словаря на первом этапе перевода – этапе анализа – также весьма велика. Возможно, для определенных целей целесообразно будет разбить этот этап на два или более этапов – например, "первичное осмысление текста" и "более глубокое и детальное осмысление отдельных единиц текста" (см., напр., Нелюбин 2003: 114–115). Эксперименты показывают, что начинающие переводчики обычно прибегают к словарю уже на этапе перевода отдельных отрывков, а не первичного ознакомления с текстом, несмотря на рекомендации преподавателей перевода (Makintosh 1998: 136–137).

В качестве подэтапа можно выделить также разбиение текста на единицы перевода (особенно при переводе с иностранного языка). В.А. Татаринов пишет: "Общественно-языковая практика показывает, что процесс перевода (т. е. анализ оригинального текста на иностранном языке) начинается все-таки со слова. Анализ переводимого текста по словам позволяет затем синтезировать в пределах целого текста минимальные смыслы, подлежащие переводу и именуемые обычно единицами перевода. Словарь тем самым включает формальные единицы текста на иностранном языке, выступая в качестве универсального средства вхождения в переводимый текст для установления смысловых единиц перевода и их дальнейшего формального выражения на языке перевода" (Татаринов 1996: 57; ср. Муравьева 1991: 33; Казакова 2000: 35–36). Это обстоятельство имеет важное значение с точки зрения выбора масштаба "входной единицы" словаря и организации системы входов в целом. Отметим, что существуют и более дробные классификации этапа анализа и уровней понимания текста, в том числе специального (см., напр., Sager 1994: 197–202; Göpferich 1998).

Для переводчика важно не просто произвести замену кода исходного языка, но и быть уверенным в своем выборе. Как пишет К. Варантола, "хуже всего переводчик себя чувствует, когда он находит в словаре иноязычное соответствие, которого не знает" (Varantola 1998a: 181; Varantola 1998: 15, перевод мой – И.К.). Неприятная для переводчика ситуация складывается и в том случае, если он находит в словаре длинный список возможных соответствий безо всяких толкований и комментариев относительно их возможных различий и сферы применения. Подобная практика считается одним из самых больших недостатков переводческих словарей (напр., Good dictionaries 1978: 52; Патрик 1988: 13–14; Гринев 1995: 100; Hermans 1995: 30; Берков 2004: 150–151).

Данные экспериментов показывают, что переводчики ищут в словарях не только лексическую информацию. Их интересуют также грамматические, синтаксические, стилистические, прагматические особенности единиц перевода (Tomaszczyk 1989: 178; Varantola 1998a: 181). Это подтверждают и данные нашего анкетирования (конкретные цифры приводятся ниже в разделе "Значи-

мость различных типов информации для переводчиков специальной литературы"). Таким образом, переводчики ждут от словаря помощи и на этапе синтеза текста на языке перевода, особенно если речь идет о неродном для них языке.

Довольно большой процент обращений к словарям составляет также самопроверка (напр., Tomaszczyk 1979: 107; Tomaszczyk 1989: 179; Atkins & Varantola 1998: 95–96; Varantola 1998a: 181), которая бывает необходима по нескольким причинам:

- переводчик не вполне уверен в том, что он правильно понимает текст перевода и значение "знакомых" ему единиц;
- переводчик не вполне доверяет своей памяти и хочет удостовериться в правильности выбранного соответствия и способа его включения в текст перевода;
- информации об эквиваленте недостаточно для принятия решения о выборе иноязычного соответствия и способа его включения в текст перевода.

Перепроверять себя советуют и преподаватели научно-технического перевода: "Заглядывать в словарь надо всякий раз, как только возникает сомнение, поскольку это сигнал того, что не до конца осмыслены все компоненты фразы, что не совсем четко проглядывается значение какого-либо из них" (Пономаренко 1991: 13).

В ряде случаев перевод может осуществляться по сокращенной схеме, путем непосредственной замены единиц исходного языка единицами языка перевода. Это возможно при переводе клише, штампов, этикетных формул и т. п. (см., напр., Берков 1973: 5–6; Нелюбин 2003: 52; Баранов 2001: 139). Если подобные единицы отражены в словаре и эксплицитно обозначены как прямые соответствия, не требующие анализа и синтеза, то задача переводчика существенно упрощается. Некоторые весьма авторитетные авторы относят к подобным единицам также термины (напр., Ахманова & Минаева 1982: 6, со ссылкой на: Щерба 1958: 86; Влахов & Флорин 1986: 17; Нелюбин 2003: 52), однако это утверждение не вполне справедливо и отражает, по всей видимости, уже упоминавшийся "переводческий" взгляд на терминологию как на единицы, не до-

пускающие свободы выбора переводного соответствия. Если же встать на терминоведческую точку зрения, то следует признать, что во многих случаях между терминами разных языков нет полной эквивалентности (Гринев 1993: 260; ср. Скороходько 1963: 5; Якимович 1972: 13). Как остроумно заметил А. Мулэн, "вавилонское проклятие не миновало и тех, кто говорит на языках для специальных целей" (Moulin 1983: 146; перевод мой – И.К.). Именно поэтому составление дву- и многоязычных терминологических словарей – работа гораздо более сложная, чем параллельное расположение перечней взаимно однозначных терминов (Игнатъев 1977: 5).

Практические классификации операций и этапов специального перевода могут включать и гораздо большее количество стадий, чем было рассмотрено выше. Например, в одном из источников (Научно-технический перевод 1987: 63–64) технологический процесс выполнения письменного перевода представлен в виде двадцати одного этапа. Возможно, для проектирования некоторых словарей специальной лексики могут потребоваться и более подробные классификации.

Подведем итоги относительно выделения этапов перевода и роли переводческого словаря на каждом из них:

- для целей лексикографии одной из наиболее удобных моделей перевода является такая, в которой процесс перевода представляется в виде этапов анализа, перекодирования и синтеза;
- основные этапы перевода могут при необходимости члениться дальше; возможно также выделение дополнительных этапов;
- в идеале переводческий словарь должен помогать переводчику на всех этапах перевода;
- при проектировании словаря необходимо решить, на какой этап или этапы перевода будет ориентироваться словарь; это решение оказывает существенное влияние на объем и характер информации о единицах словника и состав приложений;

- при формировании системы входов в словарь необходимо помнить, что разбиение текста на единицы перевода начинается, как правило, со слова;
- между терминами разных языков в большинстве случаев нет полной эквивалентности, поэтому перевод терминов "по сокращенной схеме" далеко не всегда возможен.

Ориентация на письменный перевод vs. ориентация на устный перевод

В соответствии с каналом поступления и передачи информации перевод делится на письменный и устный, хотя возможны и промежуточные формы, такие как "перевод с листа". Основная масса словарей ориентируется на процесс письменного перевода, поскольку он является основным видом специального перевода (напр., Нелюбин 2003: 153; Муравьева 1991: 33), а также в связи с тем, что в ситуации устного перевода возможность пользоваться словарем ограничена. Мы также будем рассматривать в основном словари, ориентирующиеся на письменный перевод, однако считаем необходимым сказать несколько слов об особенностях словарей, направленных на процесс устного перевода.

По-видимому, наиболее реальную помощь словарь может оказать устному переводчику на стадии подготовки к переводу. В этом случае словарь выступает в качестве своего рода учебного пособия. В такой словарь целесообразно включать не только термины, но и распространенные штампы и примеры реального употребления терминов в контексте. При этом следует ограничиться только наиболее употребительной лексикой. Основной способ упорядочения материала – тематический, как в учебных словарях.

В "полевых условиях" словарь используется крайне редко, хотя нам пришлось видеть многоязычный словарь, предназначенный для перевода на строительной площадке (к сожалению, выходные данные этого словаря остались загадкой). Указанный словарь был выполнен в виде карманного веера из

твердых пластин, на которых были написаны термины и их соответствия на нескольких языках. Представляется, что этот пример хорошо иллюстрирует требования, накладываемые "полевыми условиями": карманный формат, ультра-лаконичный стиль в духе "термин-соответствие", что позволяет сделать словарь многоязычным и расширить его аудиторию, прочный материал, стойкая краска.

При устном переводе существует проблема перекодирования услышанного в письменную форму (напр., Денисов 1977: 216). По-видимому, эту проблему можно решить, дополнив словарь системой входов от фонетической формы слов, однако примеров реализации подобной идеи нам не встречалось.

Потребности устных переводчиков до некоторой степени могут быть учтены и в словаре, ориентированном на процесс письменного перевода. Например, можно снабдить словарь приложением к алфавитному корпусу, в котором логико-понятийные схемы в сопоставляемых языках будут представлены по областям (именно так решено делать в ФРЛС, вторичными целями которого являются использование в качестве учебного пособия и оказание помощи устным переводчикам при самоподготовке к переводу).

Таким образом, при проектировании словаря необходимо учитывать, на какие формы перевода с точки зрения каналов поступления и передачи информации будет ориентироваться словарь.

Ориентация на перевод с иностранного языка на родной vs. ориентация на перевод с родного языка на иностранный

Информационные потребности переводчика существенно различаются в зависимости от того, переводит ли он с иностранного языка на родной или наоборот. В первом случае основная часть трудностей связана с этапом анализа текста на иностранном языке, во втором случае – с этапом синтеза. Состав информации при этом, естественно, должен быть различен. Первым на это об-

стоятельство указал Л.В. Щерба, и он же выдвинул идею, что для каждой пары языков нужен не один переводной словарь, а четыре – для перевода с иностранного и на иностранный для носителей и неносителей языка (Щерба 1955: 5; 1958: 90). После перевода работ Л.В. Щербы на европейские языки эти идеи широко обсуждались, уточнялись и дополнялись в западной лексикографической литературе (см., напр., Mikkelsen 1992; Heid 1992), однако в практической лексикографии они, к сожалению, не нашли никакого отражения (ср. Opitz 1990: 1506). В.П. Берков (2004: 9–11) объясняет это в первую очередь чисто материальными соображениями, которые не позволяют, к примеру, издать два русско-норвежских словаря – один для русских, другой для норвежцев. Этот аспект многократно усиливается в случае специальных словарей, поскольку их читательская аудитория существенно меньше, чем у больших общеязыковых словарей.

Таким образом, хотя в теоретической лексикографии популярно разбиение словарей на "активные" и "пассивные" (или "продуктивные-рецептивные") и "монодирекциональные" и "би- (или поли-)дирекциональные", на практике чаще всего приходится создавать словари, ориентированные на носителей всех языков, представленных в словаре, и на перевод в обе стороны. При этом часть информации неизбежно оказывается лишней для той или иной группы пользователей, однако с этим обстоятельством приходится мириться.

При проектировании словаря необходимо помнить о том, что неносителям языка требуется намного больше сведений для этапа синтеза текста на неродном для них языке, чем носителям. Эта одна из причин, по которой рекомендуется привлекать к проектированию, составлению и редактированию словаря, являющегося иностранным для автора/авторов словаря, носителей языка. По-видимому, никакой словарь не в состоянии полностью компенсировать дефицит речевой компетенции неносителя (Балабан и др. 1982: 133; Varantola 2001: 223), поэтому в последнее время все чаще ставится вопрос о необходимости объединения словарей (прежде всего электронных) с корпусами текстов и другими источниками лингвистической и предметной информации (напр., Varantola 2001: 236).

Подведем итоги:

- предполагаемое направление перевода является важным фактором при проектировании словаря, поскольку информационные потребности пользователей при переводе на родной и неродной язык сильно различаются;
- на практике обычно приходится создавать словари для перевода в обе стороны и учитывать потребности как носителей, так и неносителей языка;
- поскольку у составителя словаря может не быть достаточно информации о потребностях носителей другого языка, желательно обеспечить участие в проекте носителей неродного для составителя языка.

Ориентация на перевод с определенной степенью свободы передачи единиц специальной лексики

Для переводческой терминологии может в редких случаях иметь значение разделение переводов по степени свободы передачи единиц специальной лексики. Этот фактор влияет на выбор переводных соответствий для словаря и дополнительной информации о степени соответствия. Например, поскольку при переводе юридических текстов и патентов необходимо соблюдать максимальную степень терминологического соответствия, то словарь должен, по возможности, давать только наиболее точные и устоявшиеся соответствия переводимых терминов и подробную информацию об их возможных смысловых различиях (которую переводчик может, например, непосредственно вставлять в примечания к переводу). В случае же, например, ориентации на перевод стилистически и эмоционально окрашенной неформальной речи не только возможны, но и неизбежны и часто даже желательны нейтральные в стилистическом и коннотативном плане варианты соответствий.

Адаптивные виды перевода, которые предполагают видоизменение смысла специального сообщения и, соответственно, замену терминологии, являются

вторичными по отношению к "собственно переводу", при котором переводчик стремится к возможно более точной передаче смысла сообщения. Предусмотреть потребности, могущие возникнуть при адаптивном переводе, практически невозможно, поэтому основная масса переводческих словарей специальной лексики ориентирована на процесс "собственно перевода", тем более что максимальная точность передачи информации является одной из особенностей перевода специальных текстов. Даже в текстах, переведенных реферативно, термины, связанные с предметом изложения, как правило, переводятся точно; определенные смысловые сдвиги и упрощения возможны лишь при переводе вторичной терминологии – общенаучной, смежных областей и т. д. (Кияк 1989: 93).

Другой важной характеристикой перевода, частично связанной с точностью, является степень нормативности выходного текста. Требование соблюдения языковой нормы применимо практически ко всем видам переводов специальных текстов, однако в некоторых случаях перевод должен отвечать также нормам, установленным той или иной организацией и изложенных, например, в стандарте или инструкции. Правая часть словаря, ориентированного на такой вид перевода, будет носить ярко выраженный опечаток организационной нормы.

Мы рассмотрели основные виды перевода, на которые может ориентироваться переводческий словарь специальной лексики. Перейдем к описанию факторов, влияющих на выбор носителя для словаря.

6. Выбор носителя для переводческого словаря специальной лексики

При проектировании словаря желательно как можно раньше определиться с типом носителя, поскольку он может оказать существенное влияние на другие характеристики словаря (ср. Whitcut 1989: 91; Geeraerts 1989: 292). Специфические вопросы проектирования электронных словарей лежат за пределами нашего исследования. В данной главе мы лишь перечислим различия между бумажным и электронными словарями, которые могут повлиять на выбор носителя.

Начнем с краткой классификации электронных словарей, распространенных в настоящее время. Большинство электронных словарей предназначено для использования на настольных компьютерах или ноутбуках. Существуют также словари, встроенные в специальные электронные устройства (т. н. "карманные переводчики" – см., напр., Ngan & Kong 1997). Словари, доступные через Интернет, могут просматриваться также на мобильных телефонах и других портативных устройствах. Электронные словари могут располагаться на стационарных (таких как жесткий диск) и съемных носителях информации (CD, DVD, карты флэш-памяти и т. д.). Носители информации могут быть перезаписываемыми или доступными только для чтения. Словарь может располагаться на отдельном устройстве или находиться в сети – интранете или Интернете.

Первое и основное отличие электронных словарей от бумажных заключается в том, что информация в электронном виде не может быть считана непосредственно, без электронного устройства и соответствующего интерфейса. Для того чтобы пользователь мог работать с электронным словарем, он должен иметь доступ к устройству для извлечения информации с цифрового носителя, это устройство должно быть исправно и подключено, и пользователь должен уметь обращаться с этим устройством и установленным на нем программным обеспечением. В связи с повсеместной компьютеризацией и переводом деловой документации в электронную форму подавляющее большинство перевод-

чиков специальных текстов имеет доступ к компьютеру и обладает базовыми навыками работы на нем. Тем не менее, наш опрос показал, что переводчики с опытом работы пять и более лет реже своих начинающих коллег предпочитают электронную версию словаря бумажной (51 % против 75 %). По-видимому, отчасти это можно объяснить более низким уровнем компьютерной грамотности и настороженным отношением к компьютерам среди представителей старшего поколения. Один из экспериментов показал, что переводчики, профессионально владеющие компьютером, затрачивали при работе с электронной версией словаря в среднем на 57 % меньше времени, чем при работе с его бумажным аналогом, однако опытные переводчики, не имевшие устойчивых навыков работы с компьютером, более эффективно работали с бумажными словарями (Убин 2001: 73). Таким образом, при выборе носителя информации необходимо оценить его физическую, экономическую, профессиональную и психологическую доступность для целевой группы.

Поскольку электронный словарь нельзя взять в руки и полистать, как книгу, пользователь не всегда имеет возможность при покупке оценить его качество (ср. Nykänen 1995: 13–14; Romppanen 2001: 9; Varantola 2001: 217). Вернуть же программный продукт, если он не отвечает ожиданиям пользователя, обычно невозможно. Это ослабляет права потребителей и открывает перед недобросовестными производителями возможности для злоупотреблений. Проблема ознакомления с электронным словарем до покупки может быть решена, например, при помощи демо-версий и/или временного ограниченного доступа к словарю.

Если в случае с бумажным словарем составители могут быть уверены в том, что пользователи увидят словарь точно в таком же виде, в котором он создавался, то в случае с электронными словарями такой уверенности нет. Приходится учитывать различия в платформах, мониторах, операционных системах и ином программном обеспечении, цветовых схемах и настройках электронных устройств (Harley 2000: 86). Возникают непростые проблемы совместимости – как в синхронном плане, так и в перспективе.

Существенным отличием электронных носителей от бумажных является возможность размещать на них не только текст и графику, но и трехмерные изображения, анимацию, аудио, видео и другие виды мультимедиа. Таким образом, спектр видов информации, которые могут быть представлены в словаре, существенно расширяется. Кроме того, использование мультимедиа позволяет активизировать работу органов чувств и задействовать механизмы образного восприятия информации (ср. Агеев 1997: 99–100).

В электронных изданиях появляется возможность представлять материал нелинейно (напр., Андрющенко 1986: 49; Ekholm 1996: 16), причем использование многооконного интерфейса и гиперссылок существенно ускоряет переход от одной части материала к другой. Порядок расположения словарных статей может изменяться в соответствии с желанием пользователя (ср. Андрющенко 1988: 218; ISO/TR 12618:1994: 3).

Бумажные носители имеют ограничения по вместимости. По мнению некоторых исследователей, разумный предел объема толкового бумажного словаря составляет около 500–600 тысяч словарных статей (Андрющенко 1988: 212), а для неодноязычного словаря эта цифра еще меньше (Убин 1992: 65, 67). Например, объем современной версии Оксфордского словаря английского языка составляет 40 томов, что делает его бумажную версию слишком громоздкой, дорогой и неудобной в обращении. Выпуск онлайн-версии этого словаря позволил существенно расширить круг его пользователей. В настоящее время на Западе практически все крупные словари издаются не только на бумаге, но и на электронных носителях и/или размещаются в Интернете.

Переводческие словари редко достигают объемов крупных толковых словарей, однако и в них дефицит места не всегда позволяет представить важную для пользователей информацию (ср. Picchi, Peters & Calzolari 1990: 320; Берков 2004: 163–168). Практический предел количества информационных категорий в бумажном словаре составляет порядка десяти–пятнадцати параметров (Компьютерная лингвография 1995: 107). У издателей существует также психологический барьер для выпуска словарей в нескольких томах (Whitcut 1989: 91; ср. Varantola 2001: 218).

Значительная вместимость электронных носителей позволяет отказаться от жесткой экономии словарного пространства, однако, к сожалению, увеличение количества информации в электронных словарях нередко происходит за счет снижения ее качества (ср. Sager 1989: 169; Новиков 1997: 174). Кроме того, рост объема информации увеличивает нагрузку на внимание и время поиска. С другой стороны, наиболее продвинутые электронные словари предоставляют пользователю принципиально новую возможность выбирать, какая информация важна для него в данный момент, т. е. формировать словарную статью по своему усмотрению (ср. Андрищенко 1986: 49; Мандрикова 1995: 14). Электронные носители позволяют также настраивать интерфейс и изменять оформление самого словарного материала.

Благодаря наличию "всплывающих подсказок" и других вспомогательных средств интерфейс электронного словаря может быть более интерактивным и дружелюбным, чем "интерфейс" бумажного. В развитых электронных словарях пользователи могут добавлять собственные словарные статьи в соответствии с заданным форматом или снабжать комментариями существующие статьи (напр., словарь АBBYY Lingvo – <http://www.lingvo.ru>).

Благодаря интерактивности электронные издания в большей степени ориентированы на выполнение учебных функций (ср. Агеев 1997: 100). Например, в электронном переводческом словаре могут быть предусмотрены упражнения и тесты.

Электронное произведение легче связать с другими (электронными) произведениями, чем бумажное, причем эти связи могут автоматически поддерживаться и обновляться системой (ср. Агеев 1997: 100). Электронный словарь может быть также интегрирован с другими приложениями, в которых работает пользователь: текстовыми редакторами, "накопителями переводов" (translation memory systems), настольными издательскими системами и т. д., что существенно ускоряет обмен информацией и ее обработку.

Электронные словари обладают значительно более широкими возможностями в отношении поиска информации. Если в бумажных словарях вход, как правило, возможен только через форму единиц словника и еще через один-два

параметра (при наличии дополнительных указателей), то в электронных словарях появляется возможность отбирать статьи по любым критериям и их сочетаниям (ср. Андрющенко 1986: 49; ISO/TR 12618:1994: 3; Галлиуллин и др. 1995: 108; Мандрикова 1995: 14–15). Правда, для эффективной организации подобного поиска необходимо четкое разбиение словарных статей на зоны, соответствующие информационным категориям.

В электронных словарях поиск существенно упрощается. Отпадает потребность в формальном гнездовании, снимается проблема выбора опорного слова словосочетаний (Андрющенко 1988: 218). Механизм "нечеткого поиска" может помочь найти единицы, в написании которых пользователь не уверен (напр., Ngan & Kong 1997: 151). Механизмы лемматизации освобождают пользователя от необходимости приводить искомую единицу к канонической форме (напр., Убин 1992: 39–41). Время, затрачиваемое на поиск информации в словаре, при работе с электронными словарями существенно сокращается: во-первых, набрать искомую форму в строке поиска намного быстрее, чем перелистывать страницы (ср. Ngan & Kong 1997: 151; Убин 2001: 73), а во-вторых, во многих словарях имеется поиск в пределах самой статьи. При условии интеграции словаря с операционной системой и другими приложениями бывает достаточно выделить искомую единицу в тексте и нажать клавишу, активизирующую поиск в словаре. Повторные запросы могут быть ускорены благодаря сохранению истории поиска.

Электронные словари, в отличие от бумажных, могут оперативно пополняться и обновляться, поэтому в динамично развивающихся сферах следует отдавать предпочтение именно им (ср. ISO/TR 12618:1994: 3). Вместе с тем необходимо сознавать, что ведение словаря требует немалых сил и средств, а обновление может быть сопоставимо по затратам с составлением нового словаря. На практике многие электронные словари не обновляются, несмотря на наличие технических возможностей для этого (ср. Nesi 2000: 841).

Издатели электронных словарей ценят наличие обратной связи с пользователями, которая при электронном общении значительно упрощается. Кроме того, появляется возможность анализировать частоту обращения к тем или

иным единицам и автоматически получать информацию о том, какие запросы пользователей остались без ответа (ср. Убин 1992: 146; Harley 2000: 88).

Портативность электронных носителей информации и устройств для их считывания позволяет брать словари с собой в дорогу и иметь их при себе всегда, когда это необходимо (ср. Ngan & Kong, 151). Сегодня на одном компакт-диске можно уместить целую серию словарей, которые в бумажном виде занимали бы целую полку.

Стоимость разработки и издания электронных и бумажных словарей зависит от множества факторов. Например, очевидно, что издание словаря с большим количеством иллюстраций, особенно цветных, обойдется дешевле, если будет выбран электронный носитель. Сами электронные носители (например, CD, DVD) в настоящее время стали несравненно дешевле бумажных. С другой стороны, разработка электронных терминологических ресурсов пока считается намного более ресурсоемким предприятием по сравнению с подготовкой бумажного словаря (ср. Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989: 15; ISO/TR 12618:1994: 2), хотя в перспективе она должна обходиться дешевле, чем публикация бумажного издания (Андрющенко 1989: 133).

Проблема плагиата в лексикографии актуальна и для бумажных словарей (Williams 1992; Герд 2005), однако права составителей электронных изданий в настоящее время защищены хуже (ср. Агеев 1997: 87; Ekholm & Heinisuo 1996: 146; Docherty 2000: 72–73; Герд 2004: 2). Особенно остро проблема стоит в отношении материалов, размещенных в сети Интернет. Легкость копирования и обмена информацией, присущая электронным носителям, равно как и дешевизна последних, играют на руку людям, не уважающим авторские права.

Существуют также некоторые психологические аспекты, которые могут повлиять на выбор носителя. Бумажные словари воспринимаются как более долговечные, солидные, надежные. В отличие от "виртуальных" словарей, они представляют собой реальные физические объекты, причем "готовые к применению". Автор словаря может их продемонстрировать, подарить. Впрочем, вполне возможно, что это преимущество бумажных словарей – лишь временное явление.

Количество электронных словарей с каждым днем увеличивается. Подавляющее большинство опрошенных нами переводчиков пользовалось или пользуется электронными словарями:

Пользуетесь ли Вы электронными словарями по Вашей основной тематике?	всего, %	финнов, %	русских, %
да	74,63	80	63,64
нет	19,40	17,78	22,73
электронные словари по моей тематике мне неизвестны	4,48	0	13,64
нет ответа	1,49	2,22	0

Таблица 9. Результаты ответа на вопрос "Пользуетесь ли Вы электронными словарями по Вашей основной тематике?"

При наличии в своем распоряжении бумажной и электронной версии одного и того же словаря большинство переводчиков пользовалось бы электронной версией:

При наличии в Вашем распоряжении двух идентичных словарей – печатного и электронного – каким бы Вы пользовались чаще?	всего, %	финнов, %	русских, %
печатным	16,42	13,33	22,73
электронным	58,20	60	54,55
одинаково	22,39	24,44	18,18
не знаю	2,99	2,22	4,55

Таблица 10. Результаты ответа на вопрос "При наличии в Вашем распоряжении двух идентичных словарей – печатного и электронного – каким бы Вы пользовались чаще?"

Таким образом, электронные словари потенциально обладают рядом значительных преимуществ перед бумажными словарями, однако необходимо четко

осознавать, что для реализации этих преимуществ требуются немалые усилия со стороны лексикографов и профессиональных программистов.

Сегодня мало кто сомневается, что будущее – за электронными словарями, поэтому при прочих равных условиях целесообразно выбирать электронные носители информации. Вместе с тем представляется, что и бумажные словари в обозримом будущем будут достаточно востребованы. Многие издатели стремятся объединить преимущества бумажных и электронных словарей, выпуская словари на обоих носителях. В этом случае обычно целесообразно начинать с разработки электронного словаря, поскольку электронный словарь намного проще конвертировать в бумажный, чем наоборот.

7. Проектирование связей словаря с другими изданиями

Ни одно справочное произведение не возникает в изоляции, оно всегда создается в широком контексте уже изданных, готовящихся к изданию и планирующихся публикаций по той же теме (ср. Varantola 2002: 34–35). Создатель словаря не может не учитывать этого широкого контекста.

По наблюдениям Ю.Н. Караулова (1981: 59–61), в лексикографии действуют две противоборствующие тенденции: центробежная и центростремительная. Действие центробежной силы проявляется в том, что любая информационная категория и даже ее отдельные значения стремятся выделиться в отдельный словарь. Центростремительная тенденция приводит к попыткам объединить наиболее важные информационные категории в одном словаре, а также к углубленной разработке отдельных информационных категорий, при которой, однако, в процесс неизбежно вовлекается большое количество других категорий.

Составителю словаря необходимо соблюдать равновесие между двумя упомянутыми тенденциями, поскольку излишнее преобладание какой-либо из них чревато проблемами. Излишняя специализированность словарей нежелательна по следующим причинам:

- словник будет повторяться в каждом из словарей, занимая много места, но не неся никакой новой информации;
- возможно нерациональное повторение информации о единицах словника. Например, при издании серии толково-переводных двуязычных словарей по одной и той же тематике многие определения и пояснения будут дублироваться;
- специализация на одной или нескольких узких информационных категориях вызывает у составителя желание разработать их с максимальной глубиной, что может вступить в противоречие с реальными потребностями пользователей словаря;

- сокращается круг полезных применений словаря и, соответственно, круг пользователей.

Перенасыщенность словаря информацией также нецелесообразна по ряду причин:

- традиционные бумажные словари приходится делать многотомными, что неудобно для пользователей;
- словарные статьи растягиваются на многие страницы, и в них становится трудно ориентироваться (напр., Hausmann 1991: 2878);
- в переводных терминологических словарях при охвате слишком большого количества областей переводчику становится трудно выбрать нужное значение и соответствие (ср. Вазем 1970: 89);
- увеличиваются сроки работы над словарем, что снижает его актуальность к моменту выхода из печати;
- большие словари намного труднее обновлять и регулярно переиздавать (ср. Смирнов 1978: 86; Tomaszczuk 1989: 182–183);
- пользователи ощущают, что значительное количество информации в словаре является для них лишней, и это может негативно повлиять на их желание приобрести словарь.

Многие лексикографы видят путь решения упомянутых проблем в переходе к системному лексикографированию, при котором лексические массивы и информация о них рационально распределены между несколькими взаимосвязанными и взаимодополняющими словарными изданиями (ср. Морковкин 1990: 47; Hausmann 1991: 2878; Хаютин 1992: 8; Дубичинский 1997: 117; Дубичинский 1998: 40). На целесообразность распределения функций между словарями косвенно указывают и опросы переводчиков (Tomaszczuk 1979: 115; Шайкевич & Убин 1988: 114).

В российской лексикографии выработаны, в частности, следующие понятия и термины, обозначающие совокупность словарных изданий:

- *словарная система*: совокупность разных по жанру словарей, обеспечивающих разноаспектное описание определенного массива языковых единиц" (Морковкин 1990: 46);

- *словарная серия* – совокупность словарей, образующихся по принципу дополнительности словника (Андрющенко & Морковкин 1988: 19);
- *словарный ряд* – совокупность словарей, объединенных свойством наследственности, поддерживающих и развивающих лексикографическую традицию (Андрющенко & Морковкин 1988: 19);
- *словарное семейство* – совокупность словарей, отличающаяся разнообразием способов подачи одних и тех же свойств описываемых единиц (Андрющенко & Морковкин 1988: 19).

Как мы видим, совокупность словарей образуют издания, которые дополняют друг друга по составу словника, информации о единицах словника или способам ее представления, а также в ряде случаев объединены общей лексикографической традицией и принципами оформления.

Нужно сказать, что на практике широкий переход от единичного лексикографирования к системному, когда словарная система тщательно проектируется заранее, еще не произошел. Как правило, "системы" образуются стихийно, поскольку составители словарей стараются учитывать другие существующие издания по той же и близким тематикам, а также следовать лексикографическим традициям.

Приведем несколько примеров того, каким образом специалисты видят возможность объединения терминологических словарей в системы. Первое предложение, касающееся рационализации размещения терминологической словарной информации, восходит к работам О. Вюстера. Уже в то время было ясно, что создание двуязычных толково-переводных словарей по всем отраслям науки и техники и для всех релевантных языков невозможно и нецелесообразно. Предложение О. Вюстера состояло в том, чтобы серия терминологических словарей базировалась на основном томе, который содержал бы определения, пояснения, иллюстрации и иную предметную информацию на одном-двух языках. К этому основному тому прилагались бы тома с переводными эквивалентами на разных языках, связанные с основным томом по номерам понятий. Таким образом достигалась бы значительная экономия средств и усилий, а пользователи могли бы выбирать для себя только те дополнительные тома, кото-

рые им нужны. Эта концепция описана и реализована в одном из словарей О. Вюстера (см. Picht & Draskau 1985: 124–125) и ряде других словарей комитета ИСО/ТК37. При всей привлекательности этой идеи ее недостатком является то, что понятия в разных культурах должны полностью совпадать, что достижимо, по-видимому, только в гармонизированных и стандартизированных областях (Picht & Draskau 1985: 128).

В целом же идея разделения толкового и других типов словарей представляется весьма продуктивной. Толковый отраслевой словарь можно считать базовым типом терминологического словаря, который создает основу для переводных, учебных, информационно-поисковых и других типов словарей и снимает необходимость включать в эти словари большие объемы предметной информации (ср. Перевод научно-технической литературы 1983а: 42; Гринев 1995: 22; Ступин 1997: 27).

Еще одной идеей, отчасти реализованной в словарной практике, является распределение словника между межотраслевыми и отраслевыми словарями (напр., Справочные издания 1982: 119; Жданова, Мельникова & Цветкова 1988: 18–19; Tomaszczuk 1989: 182). Задачей межотраслевого словаря, выполняющего интегрирующую функцию, является обобщение основной терминологии смежных наук или ряда технических областей, в то время как отраслевые словари должны содержать только специфическую лексику отдельной отрасли науки, производства или общественной практики (Справочные издания 1982: 119).

Целесообразность создания межотраслевого, базового словаря зависит от объема и характера предметной области. Например, в такой крупной области, как химия, имеет смысл создать один базовый словарь и ряд отраслевых словарей – по физической химии, электрохимии и коррозии и т. д. Там, где в лексическом составе отраслей терминологии меньше (напр., в механике), более эффективны единые словари. Определить порог эффективности системы словарей или единого словаря можно, пользуясь распределением потока публикаций по рубрикам различных рубрикаторов. В ряде областей, изобилующих номенклатурой (химия, геология, биология и др.), целесообразно издавать также спе-

циальные номенклатурные словари, содержащие названия химических соединений, минералов, растений и т. п. (Жданова, Мельникова & Цветкова 1988: 18–19).

Переводной терминологический словарь может образовывать своего рода "систему" не только с другими переводными словарями, но и с другими дополняющими его типами словарей и несловарных справочных изданий. Известно, что при работе над специальным текстом переводчики активно пользуются, в частности, толковыми, учебными и энциклопедическими словарями и классическими учебниками по специальным областям (напр., Tomaszczyk 1979: 109; Tomaszczyk 1989: 183; Snell-Hornby & Pöhl 1989: 229; Varantola 1998a: 185). В этой связи весьма продуктивной представляется идея отсылки к источникам, из которых пользователь может получить более подробную информацию об интересующем его понятии. Так делается во многих энциклопедиях (напр., БСЭ 1970). В переводческих словарях желательно ссылаться на источники, которые легко доступны, максимально авторитетны и отличаются компактностью изложения материала. На эту роль лучше всего подходят энциклопедии, справочники и учебники.

При создании переводного словаря следует помнить, что главным в нем являются переводные эквиваленты и другая информация, необходимая для установления отношений эквивалентности и порождения текста на языке перевода. Прочая информация должна содержаться в других справочных изданиях. Правда, на практике нередко приходится компенсировать отсутствие последних за счет включения в словарь несвойственных ему типов информации. Например, если в данной отрасли нет толкового или толково-энциклопедического словаря, то в переводном словаре, возможно, придется предусмотреть достаточно подробную предметно-толковую часть.

Словарь может не только являться отдельным изданием, но и входить в состав другого издания. Примером могут служить притекстовые словарики, глоссарии, а также словари, включаемые в другое издание в качестве приложения. Словарь может находиться в подчиненном положении, доминировать или выступать "на равных" с другими частями издания. Чем менее самостоятельна

словарная часть, тем сильнее ее содержание и структура зависят от характеристик других частей издания.

Особенностью словарных изданий, состоящих из нескольких частей, является необходимость обеспечения взаимосвязи между этими частями. Например, следует позаботиться о том, чтобы пользователь узнал о существовании других частей словаря. Если части словаря или серии словарей обладают значительной степенью автономности, может потребоваться дублирование информации, относящейся ко всему изданию, – правил пользования, индекса, списка источников и т. д. Кроме того, требуется создание единой навигационной системы издания.

Таким образом, составитель словаря должен оценить, какое влияние оказывают на состав, строение и оформление словаря другие части того же издания, а также другие изданные и готовящиеся к изданию словарные и иные произведения, близкие по типу и тематике (в основном справочно-учебные).

8. Проектирование основного содержания переводческого словаря специальной лексики

В данной главе будут рассмотрены вопросы, касающиеся проектирования основного содержания переводческого словаря специальной лексики – словника, информации о единицах словника, единицах правой части и контрастивной информации.

Проектирование словника

Настоящий подраздел посвящен рассмотрению следующих вопросов: факторы, влияющие на формирование словника, участники и методы формирования словника, значимость различных классов специальной лексики для переводчиков специальной литературы, а также формирование лемматизированного словника.

Факторы, влияющие на формирование словника

Напомним, что под словником мы понимаем совокупность языковых единиц, которые отбираются для представления в словаре и снабжаются релевантной с точки зрения назначения словаря информацией (в переводческих словарях – в первую очередь переводными соответствиями). При этом понятие "словник" не всегда совпадает с понятием "совокупность заголовков словарных статей", поскольку единицы словника могут быть представлены в словаре в виде подстатей, пристатейных единиц, помещаться за особым знаком в теле статьи и т. д. Следует различать также нелемматизированный и лемматизированный словник. Разница между первым и вторым заключается в том, что в лемматизированном словнике слова приведены к канонической форме. На состав словника

переводческого словаря специальной лексики оказывает влияние множество факторов, как собственно лексикографических, так и внешних.

В качестве основного собственно лексикографического фактора должны выступать информационные потребности адресатов словаря в отношении языковых единиц исходного языка. При этом следует исходить из того, что наибольшую ценность для переводчика имеет контрастивная информация, т. е. сведения о расхождениях между языковыми единицами входного и выходного языков, о различиях их функционирования и встраивания в контекст, о нерегулярной переводимости (напр., Берков 1973: 117–120; Хабарова 1982: 5, 8; Дубичинский 1998: 39).

"Регулярные", "предсказуемые" способы перевода, например, словосочетаний, можно помещать в словарь в ограниченном количестве, однако следует четко и эксплицитно сообщать пользователю о том, что является правилом, а что исключением (ср. Heid 1992: 52). В.П. Берков приводит такой пример: норвежский перевод русского словосочетания "первенство мира" (Европы и т. д.) + по + название вида спорта, на первый взгляд, однотипен: verdensmestercup + i + название вида спорта (VM i turn, VM i boksing и т. д.). Однако при полном переборе обнаруживаются исключения – вместо предлога i употребляется предлог på: VM på ski, på sykkel и т. д. – Берков 1973: 135). Если просто дать в словаре примеры VM i boksing и VM på ski, для иллюстрации двух возможных синтаксических конструкций, то пользователь не будет знать, какую из двух конструкций выбрать, или решит, что они синонимичны. Поэтому необходимо эксплицитно указать на то, что конструкция VM + i + название вида спорта является правилом (и в этом случае можно не включать в словарь большого количества примеров на эту конструкцию), и перечислить все возможные исключения, также пометив их соответствующим образом.

Таким образом, состав словника переводческого словаря в большой степени зависит от выходного языка, точнее, от различий между входным и выходным языком. В российской лексикографии даже выдвинут постулат о невозможности построения словника безотносительно к средствам истолкования (см. Денисов 1993: 241). Состав словника зависит от выходного языка также в том

отношении, что он во многом определяется тематикой общения коллективов входного и выходного языков. Например, в исландском языке названия рыб "пикша" и "мойва" имеют частоту употребления на несколько порядков более высокую, чем в русском. Поскольку экономические отношения России и Исландии в значительной мере связаны с рыбороторговлей, включение названий этих рыб в русско-исландский словарь оправданно и необходимо, что не всегда справедливо для других русско-иноязычных словарей (Берков 1996: 23). Для переводческих двуязычных словарей общего языка В.П. Берков предлагает следующее правило отбора вокабул для словника: следует руководствоваться прежде всего функциональной ролью лексемы в данном языковом коллективе, а также ролью эквивалента в коллективе выходного языка (Берков 1996: 24). Это правило в целом применимо и для переводческих словарей специальной лексики, с той лишь разницей, что при отборе специальной лексики на помощь составителю приходит также понятийный анализ.

Многие лексикографы отмечают, что на формирование словника оказывает влияние ориентация словаря на восприятие или порождение текста ("активные" vs. "пассивные словари" – напр., Kromann, Riiber & Rosbach 1991: 2723; Bergehloltz & Tarp 1995: 102–103; Комарова 2002: 36). В частности, в активные словари включается, главным образом, нормативная и наиболее важная лексика, в то время как пассивные словари часто отражают также периферию – регионализмы, профессионализмы, историзмы и т. д. Правда, в терминографии это противопоставление менее заметно в связи с малой распространенностью активных словарей специальной лексики.

Традиционным критерием включения специальных единиц в словник является их важность для специальной коммуникации. Одним из показателей важности можно считать частотность употребления специальной единицы, однако многие исследователи отмечают, что важные в смысловом отношении слова нередко отличаются низкой употребительностью (напр., Берков 1996: 23; Андрищенко & Морковкин 1988: 28–29). В связи с этим предлагается использовать критерий употребительности как вспомогательный, а в основном опираться на понятийный анализ и другие, более достоверные методы определения важно-

сти специальной единицы (напр., Игнатъев 1975: 9–10; Донской 1989: 18; Берков 1996: 23; Комарова 2002: 35). Традиционным "нижним порогом" употребительности в лексикографии считается подтверждение лексической единицы тремя источниками (напр., Касарес 1958: 30; Hanks 1990: 33). Формализация показателя употребительности рассматривается, в частности, в следующих работах: Пекарская 1984; Андрищенко & Морковкин 1988: 28–29; Кобрин 1989.

Еще одним важным критерием включения специальных единиц в словник является системность. По наблюдениям С.В. Гринева, можно говорить о трех уровнях системности специальной лексики: 1) нестрогой лексической системности, которой термины обладают как единицы лексики языка; 2) нестрогой специальной системности, которой термины обладают как единицы специальной лексики языка, отражающие системные отношения понятий специальной области знания; 3) собственной строгой терминологической системности, которой обладают некоторые терминологии, прошедшие систематизацию и упорядочение (Гринева 1995: 88). В переводческих словарях специальной лексики наибольшее значение имеет второй тип системности – понятийная системность. Она заключается в том, что термины, равноценные по своей значимости и находящиеся на одном уровне в той или иной понятийной системе, должны в равной степени найти или не найти отражение в словаре (напр., Цвиллинг 1976: 122; Якимович 1976: 107; Герд 1986: 36). Напомним, что системность является одной из неотъемлемых черт любого словаря: она обеспечивает относительную предсказуемость в отношении того, что можно найти в данном словаре. Однако настаивать на абсолютной понятийной системности, по-видимому, не стоит. Во-первых, сами понятийные системы не абсолютны и не всегда предсказуемы для пользователей, а во-вторых, на практике часто возникает необходимость совместить понятийную системность с другими критериями, например, с упомянутыми выше важностью или частотностью.

Критерий устойчивости единиц словника, выдвигаемый некоторыми авторами (напр., Бергер & Вассоевич 1976: 134–135; Перерва 1976: 194), сопряжен с определенными теоретическими и практическими трудностями. Многие исследователи склоняются к мысли, что переход от устойчивых языковых выра-

жений к свободным является градуальным, а не дискретным (напр., Касарес 1958: 106–107; Pritchard 2003). Вместе с тем основной задачей словарей является все же представление типичного, системного, регулярно повторяющегося, поэтому критерий устойчивости языковых единиц играет определенную роль при выяснении целесообразности включения той или иной единицы в словник. В словарях специальной лексики понятийный анализ, как правило, позволяет достаточно уверенно отделять единицы, соответствующие одному понятию, от единиц, соответствующих сумме понятий, а также окказиональных выражений. Дополнительную помощь в этом вопросе могут оказать лингвостатистические методы.

Если словарь носит нормативный характер, то при формировании словника могут учитываться критерии лингвистической правильности, понятности, простоты, мотивированности лексикографируемой единицы и другие аналогичные показатели (ср. Герд 1986: 46–47). Следует напомнить, однако, что в общем случае словник переводческого словаря не следует подвергать "цензуре", поскольку в реальных текстах могут встречаться самые различные единицы, в том числе и "вненормативные", с точки зрения составителей. В тех отраслях знания, где понятийный аппарат недостаточно разработан, целесообразно включать в словник в качестве отдельных единиц все известные значения термина, отражающие его различное истолкование с точки зрения отдельных научных школ и взглядов (Харисанова 1988: 17).

При формировании словника следует исходить преимущественно из практических, а не теоретических соображений. Например, весьма вероятно, что глаголы включаются в терминологические словари в недостаточной степени в том числе вследствие их не вполне определенного статуса в теории терминоведения. Между тем, переводческие опросы говорят о целесообразности более широкого отображения глаголов в переводческих словарях.

Мы совершенно согласны с А.С. Гердом, который пишет, что речь не о том, термин перед нами в тексте или не термин, а о том, могут ли быть соотнесены данный сегмент текста, данное слово или словосочетание с тем или иным специальным понятием. Если эти единицы, независимо от их стилистической окра-

ски, сферы употребления и субъективного отношения к ним автора словаря, могут быть соотнесены с теми или иными понятиями в логико-понятийной системе, то все они могут быть включены в словник. Совсем другой вопрос заключается в том, как их подавать в самом словаре (Герд 1986: 36–37; ср. Гринев 1995: 80–81).

Для терминографии важна также возможность практической идентификации специальных единиц на основе их теоретического определения. Например, определение номена как специальной единицы, употребляющейся преимущественно в номинативной (денотативной) функции, может удовлетворять потребностям теоретического терминоведения, однако не вполне подходит для терминографии, поскольку не дает простых и надежных практических критериев выделения единиц данного класса.

Помимо теоретических установок, на состав словника влияют источники словаря и практические методы отбора единиц словника, которые рассматриваются в следующем подразделе. Кроме того, состав словника зависит от квалификации и предустановок участников отбора. В литературе не раз отмечалось (напр., Перерва 1981: 94; Sager 1994: 43) и даже было подтверждено при помощи психолингвистических экспериментов (Шабес 1992: 14), что специалисты, т. е. люди, владеющие понятийным аппаратом данной области, воспринимают специальные тексты по-иному, на гораздо более высоком уровне осмысления, нежели неспециалисты. Вместе с тем в ходе экспериментов по извлечению терминов из контекста выяснилось, что даже между представителями одной профессии и приблизительно одинакового уровня компетенции имеются весьма существенные различия в идентификации специальных единиц в одном и том же тексте (Pasanen 2004: 246).

На состав словника может оказывать влияние специфика предметной области. Например, в одних предметных областях может наблюдаться большое число номенов (техника, химия, биология и т. д.), в других велика роль "народной" терминологии и профессиональных жаргонизмов (напр., ремесла, промыслы, отчасти сельское хозяйство), в третьих значительная часть терминологической информации передается при помощи глаголов (например, кулинария).

В определенной степени на состав словника могут оказывать влияние ранее изданные словари по той же тематике. Из опасений обеднить свой словарь по сравнению со словарем предшественника или конкурента составители могут включать в словник единицы, которые в иных условиях не были бы в него включены (ср. Берков 1996: 46; Алексеев 2001: 52).

При проектировании критериев отбора словника необходимо следить за тем, чтобы словарь не получился слишком кратким. Как писал Л.В. Щерба, "всякий краткий словарь вызывает у серьезных людей в конце концов раздражение, так как он всегда оказывается недостаточным во всех тех случаях, когда словарь действительно нужен" (Щерба 1958: 76; ср. Sager 1989: 169; Varantola 1992: 125). Создание кратких словарей обоснованно, если они предназначаются для учебных целей или для (само)подготовки устных переводчиков. В остальных случаях словарь для перевода может быть большим или средним, но не кратким (Гринев 1995: 58). С другой стороны, следует учитывать, что создание "полного" словаря сопряжено с большими трудностями, связанными, в частности, с резким увеличением объема выборки и нехваткой информации о редких и периферийных единицах специальной лексики.

Определенное представление о возможном объеме словника отраслевого словаря можно составить на основе данных лингвостатистических исследований. Например, в выборке текстов по физике объемом около 1 млн. словоупотреблений встретилось примерно 10 тыс. терминов, причем 26 % единиц с частотой не менее 15 покрывали 93 % всех случаев употребления терминов в этих текстах. На остальные 74 % более редких единиц словаря приходилось менее 7 % всех текстовых словоупотреблений (Алексеев 2001: 11; Частотный англо-русский физический словарь-минимум 1996). Как правило, первая тысяча самых употребительных слов (включая общеупотребительные) может обеспечить покрытие 80 % всех словоупотреблений текста, а первые две тысячи – до 90 % (Алексеев 2001: 10).

В заключение данного подраздела приведем информацию о том, как участники различных опросов оценивают полноту и качество словников существующих словарей специальной лексики.

Какой процент слов Вы не находите, обращаясь к отраслевым словарям по Вашей основной тематике?	всего, %	финнов, %	русских, %
минимальное указанное значение	5	5	5
максимальное указанное значение	85	85	70
среднее значение	29,9	32,21	24,95

Таблица 11. Результаты ответа на вопрос "Какой процент слов Вы не находите, обращаясь к отраслевым словарям по Вашей основной тематике?"

Много ли в словаре по Вашей основной тематике лишних слов, балласта?	всего, %	финнов, %	русских, %
да, много	17,91	20	13,64
нет, немного	59,70	51,11	77,27
совсем нет	10,45	15,56	0
не знаю	11,94	13,33	9,09

Таблица 12. Результаты ответа на вопрос "Много ли в словаре по Вашей основной тематике лишних слов, балласта?"

Согласно данным протокола самонаблюдения (Tomaszczyk 1989: 178), потребность переводчика в информации при переводе терминологии была удовлетворена существующими словарями на 58 %. По данным другого исследования, пользователи не находят около 60 % искомых терминов (Hermans 1995: 39). Таким образом, результаты опросов и протоколов показывают, что в среднем удовлетворенность переводческими словарями, в том числе специальной лексики, составляет порядка 55–65 % – часто с учетом того, что словарь существует в принципе. Во многих же специальных сферах и для многих языков переводческие словари отсутствуют.

Состав словника очень часто становится основной причиной жалоб пользователей, а кроме того – это излюбленная тема рецензентов (ср. Bergenholtz & Tarp 1995: 234), поэтому к формированию словника следует подходить со всей ответственностью.

Подводя итоги, перечислим еще раз основные факторы, влияющие на состав словника:

- информационные потребности пользователей; в случае переводческих словарей – прежде всего потребность в переводных соответствиях, особенно нерегулярных, а также в контрастивной информации;
- важность для специальной коммуникации, частотность, воспроизводимость единиц словника;
- системность;
- теоретические определения единиц специальной лексики и практические критерии их выделения;
- специфика лексикографируемой предметной области;
- состав словника ранее изданных и конкурирующих словарей по той же тематике;
- назначение и проектируемый объем словаря, состав и объем информации о единицах словника, временные, материальные, людские и технические ресурсы словарного проекта.

Участники и методы формирования словника

Конечный состав словника в значительной степени зависит от участников и методов отбора единиц словника. В литературе выделяются ручной, полуавтоматический и автоматический способы отбора единиц словника (напр., Канде-лаки 1986: 17). При традиционном, ручном способе лексикографы сами выбирают единицы словника из печатного или электронного текста и заносят их в картотеку, как правило, вместе с контекстами. При автоматическом способе компьютер выбирает из корпуса текстов единицы словника, а также, возможно, информацию о них (напр., Баранов 2001: 84). Степень автоматизации работ может быть различной, поэтому следует различать, по крайней мере, следующие операции при формировании словника (ср. Kirfger 1984: 162; Гринев 1995: 84–85; Алексеев 2001: 61):

- выделение единиц словника в оригинале;
- перенос выбранных единиц из оригинала в рабочие материалы (на карточки или в файлы) и фиксация их источников (последнее является факультативной операцией);
- лемматизация (приведение к канонической форме);
- разбиение на значения;
- предварительное упорядочение единиц словника.

В принципе, автоматизация возможна на каждом из этих этапов. Однако на сегодняшний день мы не можем назвать ни одного коммерческого продукта, на который можно было бы полностью положиться в деле формирования словника словаря специальной лексики. Хотя многие исследователи весьма оптимистично настроены в отношении перспектив автоматических систем формирования словника (напр., Андрищенко 1988; Ахмеджанов 1989; Soininen 1999), практика показывает, что возможности большинства программ автоматического отбора терминологии пока остаются весьма скромными (напр., Castellví, Bagot & Palatresi 2001; Bowker 2003: 60–62; Pasanen 2004; Pasanen 2005). По-видимому, на данном этапе наиболее ценной функцией систем автоматического анализа текста является статистическая обработка, которая позволяет формализовать критерий употребительности и с большей степенью уверенности отбирать многокомпонентные термины и коллокации (ср. Thomas 1992; Sager 2001). Однако мы не станем углубляться в анализ существующих автоматических систем, поскольку подобная информация подвержена быстрому устареванию.

С предыдущей классификацией пересекается разделение методов формирования словника на экспертные и статистические (напр., Канделаки 1986: 17). Как правило, экспертные методы являются ручными или полуавтоматическими, а статистические – автоматическими, хотя раньше статистическая информация нередко извлекалась вручную (Алексеев 2001).

По-видимому, более важной является классификация участников отбора по предметной и лингвистической компетенции (ср. Bergenholtz & Tarp 1995: 100), поскольку, например, в ручном отборе терминов могут принимать участие терминологи-филологи, специалисты-предметники, редакторы и т. д. Если работа

проходит в несколько этапов, с участием различных групп экспертов, то имеет значение также последовательность обработки словарного массива. Например, С.В. Гринев (1995: 83–84) предлагает следующую модель: специалист-предметник подчеркивает термины в тексте, а технический исполнитель выписывает их на карточки. В проекте по созданию ФРЛС была принята другая схема: терминологи обрабатывали специальные тексты, выписывали кандидаты в термины вместе с относящейся к ним дополнительной информацией, а специалисты-предметники проверяли состав получившегося словника. Это делалось в целях экономии времени специалистов-предметников и проектных средств. Аналогичная схема была принята, например, при работе над "Словарем названий морских промысловых рыб" (Линдберг, Герд & Расс 1980).

Если словник формируется сначала неспециалистами в предметной области (терминологами-филологами или компьютером), то целесообразно составить его "с запасом", чтобы он допускал некоторое количество "шума", но не пропусков (ср. Kipfer 1984: 56; Bergenholtz & Tarp 1995: 102). Параллельно с формированием словника обычно идет выборка из текстов информации о единицах словника (определений, коллокаций, примеров и т. д. – Гринев 1995: 83).

Исследователи подчеркивают важность формулирования четких инструкций для участников отбора словника (напр., Kipfer 1984: 56). Работоспособность критериев формирования словника и принципов их реализации целесообразно проверить на экспериментальном массиве (Симоненко 1971: 709).

Подведем итоги вышесказанному:

- конечный состав словника зависит в том числе от участников и методов отбора единиц словника;
- отбор может быть ручным, автоматическим и полуавтоматическим;
- процесс формирования словника может быть разбит на несколько этапов, каждый из которых может быть в той или иной степени автоматизирован;
- систем, позволяющих полностью автоматизировать составление словника словаря специальной лексики, пока не существует, однако корпуса

текстов и лингвостатистические инструменты могут оказать лексикографу большую помощь;

- для формирования словника имеет значение последовательность обработки словника специалистами различных профилей;
- если на первых этапах формированием словника занимается неспециалист в предметной области, первоначальный словник должен составляться "с запасом";
- участники формирования словника должны быть снабжены четкими инструкциями, которые следует проверить на экспериментальном массиве.

Значимость различных классов общеупотребительной и специальной лексики для переводчиков специальной литературы

В данном подразделе обсуждается целесообразность включения различных классов общеупотребительных и специальных единиц в словник переводческого словаря специальной лексики.

Общеупотребительная лексика может включаться в ограниченном объеме в общенаучные, общетехнические и другие словари широкого профиля, если это не наносит ущерба представлению основной целевой лексики. Наибольшие трудности у переводчиков вызывает перевод общеупотребительных глаголов и многозначных слов (Убин 1982: 127; Opitz 1983: 171). Определенную проблему вызывают также слова, относящиеся к общеупотребительной лексике (в том числе служебные), но приобретающие в специальных текстах определенную специфику (напр., Борисова & Зайдин 1985; Atkins & Varantola 1998: 110; Gačić 2000: 289). Возможность отображения подобных единиц в словарях ограничена, поскольку приобретаемая ими специфика зачастую сильно зависит от контекста. Единственным способом обратить внимание переводчиков на специфическое употребление в той или иной сфере некоторых общеязыковых единиц является, по-видимому, вынесение этой информации в приложение или языковой очерк и приведение примеров специфического употребления. Включение об-

щепотребительной лексики в узкоспециализированные словари нецелесообразно и считается недостатком словаря (напр., Якимович 1976: 110; ср. Татаринцов 1982: 119).

Определенные трудности может вызывать у переводчиков общенаучная лексика, в частности, слова с широким диапазоном значений, низкочастотные слова с узкой семантикой и стилистически окрашенные лексические средства (Перевод неологизмов 1987: 5). Возможности отраслевых словарей по отражению общенаучной лексики ограничены, поэтому необходимо создавать политехнические и общенаучные словари. К сожалению, в настоящее время большое количество общенаучной лексики не зарегистрировано ни в общеязыковых, ни в технических словарях (напр., Рождественский & Лобанова 1985: 113; Борисова 1996: 9).

Собственную специальную лексику выбранной области словарь специальных единиц должен отражать как можно полнее. Лексику, привлеченную из вышестоящих областей, целесообразно включать в том случае, если без этого будет затруднено понимание более специфических собственных терминов данной области, а также в случае, если общего отраслевого словаря в данной сфере не существует (например, планируется создать словарь по пенсионному обеспечению, в то время как словаря по социальному обеспечению нет). Те же рекомендации можно отнести к лексике, привлеченной из смежных областей. Количество привлеченной лексики не должно превышать количество собственной лексики выбранной области.

Среди имен собственных в переводах на специальные темы чаще всего встречаются названия общественных институтов, организаций, программ, проектов, географические названия, персоналии, названия научных объектов и явлений. Многие имена собственные передаются на иностранном языке при помощи транскрипции или транслитерации. Включение подобных имен в словари специальной лексики вряд ли оправданно. Их лучше фиксировать в специальных словарях-справочниках, в которых содержатся как общие правила транскрипции или транслитерации для конкретной пары языков, так и списки самих имен собственных (см., напр., справочник: *Suomalaisten henkilönimien kyrillinen*

siirrekiirjainnusopas 1988). Впрочем, правила транскрипции и транслитерации могут быть кратко изложены и в словаре специальной лексики.

Распространенные имена собственные, относящиеся к данной сфере и переводящиеся на иностранный язык, целесообразно включать в словник специального словаря. Особенно важно включать в словник имена собственные, для которых существуют устоявшиеся варианты перевода (тем более если они не совпадают с пословным переводом), поскольку перевод подобных единиц должен быть инвариантным (ср. Ермолович 2005: 90). Целесообразно включать в словари имена собственные, которые вызывают трудности произносительного характера (Берков 1996: 56). В целом лексикографы отмечают, что имена собственные включаются в двуязычные и многоязычные словари в недостаточной степени (напр., Перевод научно-технической литературы 1983а: 27; Берков 1996: 54). Между тем, по данным опросов, до 71 % пользователей ожидают найти в словаре в том числе и имена собственные (Tomaszczyk 1979: 114). Более подробную информацию о классах имен собственных, которые могут претендовать на включение в переводческий словарь, можно найти, в частности, в работах В.П. Беркова (1973: 88–109; 1996: 54–62; 2004: 52–60) и Б.И. Игнатъева (1975: 9–10).

Номенклатура, как уже говорилось, обычно бывает весьма многочисленной, поэтому при ее отборе целесообразно устанавливать достаточно жесткие критерии. Следует помнить о том, что номенклатура неоднородна. Часть номенклатурных наименований (например, промышленная номенклатура), как и имена собственные, транскрибируется или транслитерируется, поэтому ее можно не включать в словарь. Поскольку в названия значительной части промышленной продукции включается название фирмы-производителя, можно сэкономить место в словаре, приведя (например, в приложении) список фирм, связанных с выбранной областью (Татаринов 1982: 119). Поскольку вследствие специфики номенов их отбор по уровням понятийной системы затруднен, частотный критерий приобретает большее значение, чем в случае с терминами. Например, при отборе названий химических соединений, общее число которых составляет несколько миллионов наименований, можно ориентироваться на частоту их

встречаемости в реферативных журналах по химии и других аналогичных изданиях (Мельникова 1978: 63–64).

Включение коммерческих и фирменных названий (прагмонимов) в словник оправдывается их распространенностью в специальных текстах, а также важностью информации о юридическом статусе этих единиц (ср. Перевод научно-технической литературы 1983а: 27–28; Донской 1986: 12).

Терминоиды в случае их достаточно широкого распространения желательно включать в словник словаря специальной лексики с тем чтобы подчеркнуть их неоднозначность и, соответственно, различные варианты перевода в зависимости от контекста. Желательно также предупредить пользователя о том, что данное понятие находится в стадии развития, чтобы он мог предвидеть и иные возможные значения терминоида.

Значительное количество запросов к словарю связано с многозначными терминами (напр., Бергельсон, Ефремова & Убин 1985: 131). Для облегчения работы переводчика рекомендуется соблюдать следующие принципы:

- четкое выделение значений (конкретные способы – см., напр., Убин 1992: 116–126);
- детальное описание различных значений многозначного термина, приведение примеров;
- включение в отраслевой словарь только тех значений многозначной единицы, которые характерны для данной сферы (ср. Перерва 1976: 194; Гринев 1995: 58).

Иными словами, словарь должен предоставить столько информации, сколько необходимо для правильного соотнесения единицы, встретившейся переводчику в контексте, с отдельным значением многозначной единицы словника.

Обратную проблему представляют собой специальные единицы, для которых в языке перевода имеется целый ряд соответствий (напр., Климзо 2003: 17–18). Как уже говорилось, в этом случае составитель должен обеспечить четкое выделение значений как в языке оригинала, так и в языке перевода, и снабдить каждое соответствие информацией (пометами, толкованиями, примерами

и т. д.), позволяющей переводчику сделать правильный выбор соответствия и быть уверенным в нем.

Одной из самых серьезных проблем специального перевода является перевод неологизмов (напр., Перевод неологизмов 1987: 3; Убин 1992: 99; Климзо 2003: 15). В связи с этим верхняя хронологическая граница словника должна быть, как правило, максимально приближена к моменту издания словаря (Донской 1986: 15). Вместе с тем на практике приходится вводить для неологизмов "испытательный срок", чтобы избежать включения в словарь слов-однодневок (ср. Гринев 1995: 83). Неологизмы целесообразно снабжать предупреждениями о возможной вариативности их формы и значения.

Идеальный переводческий словарь включал бы также устаревшие единицы (Varantola 1999: 21), однако на практике возможности отражения в переводческом словаре устаревшей лексики, как правило, ограничены. Лексику, совершенно вышедшую из употребления и отсутствующую даже в пассивном запасе носителей языка для специальных целей, в обычный переводческий словарь включать нецелесообразно: ее место в историческом словаре. Однако архаизмы и историзмы, которые вышли из активного употребления, но еще встречаются в языке, желательно включать (ср. Павлов 1970: 82). Роль словарей здесь тем более велика, что эти единицы трудно обнаружить в других переводческих источниках – например, в Интернете.

Вопрос о нижней временной границе включаемой в словник лексики должен решаться для каждой предметной области отдельно, с учетом истории ее развития (Герд 1986: 25–26; Донской 1986: 15). При отборе архаизмов и историзмов рекомендуется опираться на критерий функциональной значимости и лингвостатистические данные (ср. Берков 1996: 48–49).

Что касается специальных единиц, имеющих ограниченное употребление (регионализмов, диалектизмов, идиолектных и метадиалектных терминов, стилистически сниженной и вненормативной лексики), то вопрос об их включении или невключении в словник должен решаться с учетом того, с какой степенью вероятности предполагаемые пользователи могут с ними столкнуться. Подобные единицы можно при прочих равных условиях включать в словарь наряду с

обычными терминами, если они соответствуют какому-либо узлу в понятийной системе и не имеют общеупотребительных терминологических синонимов (Герд 1986: 39–41).

Вненормативная лексика играет в ряде предметных областей весьма значительную роль. Например, в военном деле и деятельности спецслужб знание жаргонных выражений противника жизненно важно, поэтому создаются даже специальные словари вненормативной лексики этих областей (напр., Судзиловский 1973). Огромное распространение жаргонная лексика получила в сфере компьютерных коммуникаций. Невключение вненормативной лексики в словарь часто рассматривается авторами рецензий как недостаток (напр., Иванов 1974: 87; Кобрин & Макарихина 1986: 87). Напротив, ее наличие часто представляется как достоинство словаря, ср. рекламу на задней обложке словаря "Финансы: Оксфордский толковый словарь: Англо-русский" (1997): "Сленговые выражения, распространенные в среде финансистов". Специалисты считают, что вненормативная лексика должна находить более широкое отражение в переводческих словарях (напр., Берков 1973: 53; Перерва 1976: 198; Герд 1986: 38–47; Ahmad, Fulford & Rogers 1992: 143; Берков 1996: 43; Wright 1997a: 19; Varantola 1999: 21).

Несубстантивная лексика может обладать терминологическим значением и играть заметную роль в специальной коммуникации (см., напр., Niemelä 2003). Переводчики высказываются за более широкое включение в словари глаголов:

В каком случае нужно включать глаголы-термины отдельными статьями?	всего, %	финнов, %	русских, %
нужно всегда	65,67	66,67	63,64
нужно только в том случае, если нет соответствующего отглагольного существительного	22,39	24,44	18,18
нужно в других случаях	1,49	0	4,55
не нужно	2,99	2,22	4,55
нет ответа	7,46	6,67	9,09

Таблица 13. Результаты ответа на вопрос "В каком случае нужно включать глаголы-термины отдельными статьями?"

Включение несубстантивной лексики в словарь представляется совершенно необходимым в том случае, если при переводе этой лексики имеются особенности по сравнению с переводом однокоренных существительных. Бывают случаи, когда терминологическое значение можно выразить только при помощи несубстантивных единиц или такие единицы имеют большее распространение и звучат естественнее, чем соответствующие существительные (ср. Вейдемане 1973).

Около 80 % единиц словаря специальных единиц приходится на долю многокомпонентных единиц – сложных слов и словосочетаний (Беляева, Герд & Убин 1996: 319). Доля терминологических словосочетаний среди запросов к терминологическим банкам данных также составляет около 80 % (Убин 1992: 17). Это связано с двумя причинами. Во-первых, в европейских языках многокомпонентные единицы составляют 60–95 % специальной лексики (в среднем 80 % – Гринев 1993: 141; Лейчик 1996: 332). Во-вторых, перевод терминологических словосочетаний часто представляет проблему для переводчика (напр., Павлова 1991: 132).

В отношении допустимой протяженности многокомпонентных специальных единиц существуют различные точки зрения. С одной стороны, некоторые авторы приводят примеры терминов, состоящих из 10–12 слов, с другой стороны,

в качестве предельной длины термина указывается граница в семь слов (ср. Гринев 1995: 27; Гринев 1993: 54). В связи с этим вопрос о максимальной допустимой длине специальных терминов решается составителями словарей эмпирически (Гринев 1995: 27; Баланаева 1999: 68).

На практике 98–99 % массива терминологической лексики составляют термины, лексическая длина которых не превышает четырех слов (Гринев 1995: 81; ср. Шарле 1989). Более протяженные единицы нерациональны, поскольку они нарушают закон языковой экономии, предъявляют повышенные требования к краткосрочной памяти и при этом практически не добавляют специальной единице мотивированности (ср. Гринев 1993: 54; Кияк 1985: 191). Иными словами, в дополнительных "фильтрах", ограничивающих длину включаемых в словарь единиц специальной лексики, обычно нет необходимости.

Другой составляющей проблемы перевода словосочетаний является лексическая и синтаксическая сочетаемость (напр., Нанп 1992: 11–12, 21–22). Б.И. Горбис приводит следующий список случаев, при которых у переводчиков возникает потребность в информации синтаксического и фразеологического характера (Горбис 1977: 103–104):

- перевод глаголов, обозначающих действие над объектом или характерное действие объекта, например, *находить дефекты, поджимать винт*;
- перевод устойчивых словосочетаний типа *получить опытное подтверждение, предъявлять особые требования, пересмотреть исходные предположения*;
- перевод предложных словосочетаний, таких как *прийти к заключению, выкачивать ч.-л. из емкости*;
- перевод клишированных оборотов, например, *следует признать, здесь важно оговориться*;
- перевод выражений, относящихся к чтению чертежей, графиков: *по направлению стрелки, индекс сверху*;
- перевод выражений, относящихся к чтению формул, уравнений и преобразований: *приняв $y=M$, получим; подставляя значение для M , имеем...*

Часть необходимой информации может быть отражена в статьях отраслевого словаря, часть – в приложениях (например, правила чтения чертежей, схем и формул), однако необходимы также общенаучные, общетехнические и политехнические словари, в том числе словари-разговорники (такие как Смирнова 1977) и словари, построенные на примерах (такие как Климзо 2002).

Коллокации (более или менее регулярно повторяющиеся сочетания слов) могут являться или не являться единицами словника – в зависимости от того, переводятся ли они на выходной язык или нет. По своей сути коллокации являются вторичными единицами, поэтому они обычно не выступают в качестве заголовков статей, а помещаются в теле статьи того слова, сочетаемость которого они раскрывают.

Устойчивые словосочетания (как со сдвигом, так и без сдвига значения) часто представляют большую проблему при переводе, поэтому их включение в переводческие словари вполне оправданно (ср. Горбис 1977: 103–104; Picht & Draskau 1985: 133; Thomas 1993: 58; Перевод научно-технической литературы 1983а: 27; Picht 2005: 21).

Претендентами на включение в словник могут быть также типичные реквизиты деловых документов (напр., *кем выдан, на получение, по ордеру, на сумму*). Подобные клише могут представлять для переводчика серьезную проблему, поэтому их следует шире включать в переводческие словари (Герд 2003: 72). С другой стороны, устойчивость и воспроизводимость подобных штампов может быть привязана к конкретным установленным формам документов и изменяться со временем.

Большую проблему при переводе специальных текстов представляют собой также сокращения (напр., Борисов 1972: 278; Нелюбин 1985: 20; Бергельсон, Ефремова & Убин 1985: 131). Следует различать устойчивые и окказиональные, авторские сокращения. Первым признаком устойчивости и общепринятости сокращения служит его появление в тексте без расшифровки и пояснений (Перевод научно-технической литературы 1983а: 27). Нередко авторы специальных текстов употребляют сокращения без расшифровки, ориентируясь на других специалистов в этой же области. Переводчику, не являющемуся спе-

циалистом-предметником, понять смысл подобных сокращений может быть довольно трудно. Несмотря на то что существуют определенные методы расшифровки незнакомых сокращений, опирающиеся на анализ контекста и структуры сокращения, аналогии и т. д. (напр., Борисов 1972: 279), наилучшим выходом было бы включение как можно большего числа устойчивых сокращений в специальные словари (ср. Герд 1986: 37, 44). В некоторых предметных областях создаются даже специальные словари сокращений (см. Англо-русский словарь сокращений по связи и радиоэлектронике 1989; Мурашкевич & Владимиров 1981; Страхование 1994).

Неалфавитные элементы (символы, формулы и т. д.) широко распространены в некоторых ЯСЦ, и единственной причиной для их невключения можно считать технические трудности. Например, компьютерное представление математических символов и особенно формул до сих пор затруднено. Вход через символы и графику также пока проблематичен, но по мере развития средств компьютерных технологий вполне может стать реальностью.

Специфика неалфавитных символов состоит в том, что довольно часто они являются символьным выражением обычных единиц ЯСЦ и, кроме того, нередко носят международный характер. В этом случае они не нуждаются в переводе, а являются скорее средством семантизации, однозначно идентифицирующим предмет или понятие, которые они выражают, и помогающим установлению отношений эквивалентности.

Неадаптированные иноязычные выражения (например, латинские) относительно широко распространены в языках для специальных целей и часто вызывают трудности произносительного характера (ср. Анюшкин & Анюшкина 1988: 109; Берков 1996: 80–81), поэтому их также следует по возможности включать в словари специальной лексики (ср. Герд 1997: 195; Берков 1996: 80–81). Неадаптированные элементы нередко приходится помещать в дополнительные корпуса.

Еще одной ловушкой, подстерегающей переводчика специальной литературы, являются т. н. "ложные друзья" переводчика – единицы, имеющие в разных языках схожее звучание, но далекие друг от друга значения (напр., Бергер &

Вассоевич 1976: 137–138; Перевод неологизмов 1987: 3; Варин 1995; Климзо 2003: 13). Даже высококвалифицированные переводчики допускают ошибки при переводе подобных единиц. В связи с этим следует приветствовать появление учебно-справочных пособий, в которых рассматривается феномен "ложных друзей" переводчика и приводятся списки подобных единиц (см. Борисова 1989–1991, цит. по: Варин 1995: 166; Борисова 2002). В обычных словарях также следует обращать внимание пользователей на "ложных друзей" переводчика. В стандарте ИСО для маркирования "ложных друзей" переводчика зарезервировано специальное поле (ISO 12620:1999: 22). Можно также порекомендовать выносить список "ложных друзей" переводчика в приложение, для сплошного прочтения. Это позволит предупреждать ошибки на ранней стадии.

Очень часто переводчики первыми сталкиваются с новыми понятиями и терминами, еще не известными или не получившими широкого распространения в языке перевода. Соответственно, им приходится выступать в качестве авторов новых терминов, а для этого требуются знания о моделях терминообразования, принятых в данной сфере, и наиболее распространенных терминологических элементах (напр., Vihoen 1998: 20). Правильный перевод неологизмов важен, в частности, потому, что неудачно переведенные термины достаточно трудно потом "изжить" из языка (напр., Мкртчян 1982: 67). Включение в словарь продуктивных аффиксов помогает также понимать многие окказиональные образования (Перевод научно-технической литературы 1983а: 26–27).

Примеры подачи информации о наиболее частотных терминологических элементах и моделях терминообразования можно найти, например, в словаре Куркин, Новодранова & Куркина 2002. Существуют также т. н. "терминологические ключи" – списки терминологических элементов и правил их соединения (Методика составления терминологических словарей 1982; Васильева 1988).

Представление терминологических элементов может помочь сэкономить место в словаре путем демонстрации типичных моделей терминообразования в исходном языке и моделей образования переводных эквивалентов. Например, с финским прилагательным *pyöräalustainen* (колёсный, на колёсном ходу) может сочетаться большое число существительных, причем перечисление их всех в словаре

невозможно и нецелесообразно. Если же в статье *pyöräalustainen* дать несколько типичных примеров сочетаний с данным терминоэлементом, то это послужит образцом для перевода многих других аналогичных сочетаний (ср. Цвиллинг 1976: 121–123; Козлов 1987: 189):

Пример 13 (ФРЛС):

pyöräalustainen Uusitalo, 60 [Koneet ja laitteet]
pyöriillä varustetulla alustakoneella sijaitseva Kärkkäinen

колёсный Ууситало, 62

на колёсном ходу Жаденов & Заикин, 61

◇ *pyöräalustainen kaivinkone – колёсный экскаватор, экскаватор на колёсном ходу; pyöräalustainen metsäkone – лесохозяйственная (лесосечная) машина на колёсном ходу*

Переводчики в целом положительно относятся к идее включения в словари терминоэлементов, в том числе прилагательных:

Следует ли включать отдельными статьями "строительный материал" для образования терминов – прилагательные и терминоэлементы (напр., автоматический, безналоговый, тетра-, аква-)	всего, %	финнов, %	русских, %
да, всегда	46,27	51,11	36,36
да, при определенных условиях	8,96	8,89	9,09
нет	16,42	13,33	22,73
не знаю	25,37	24,44	27,27
нет ответа	2,99	2,22	4,55

Таблица 14. Результаты ответа на вопрос "Следует ли включать отдельными статьями 'строительный материал' для образования терминов – прилагательные и терминоэлементы?"

В дополнительных комментариях указано, в частности, следующее: "Терминоэлементы: нужны обязательно, если в разных словосочетаниях терминоэлемент переводится по-разному: например, во французском *matériau* – материал,

а 'строительные материалы' образуются с помощью терминоэлемента *matériau*. В полном словаре терминоэлементы должны быть".

В словник словаря специальной лексики могут также включаться предложения, фрагменты текста и целые тексты (Убин 1992: 97; Беляева, Герд & Убин 1996: 319–320; Wright 1997a: 16; ISO 12620:1999: 10). Подобные крупные единицы характерны скорее для электронных, нежели бумажных словарей. Как правило, доступ к такого рода единицам осуществляется не напрямую, а через опорные или ключевые слова.

В заключение приведем комментарии участников нашего опроса относительно удовлетворенности составом словников современных словарей специальной лексики:

- нет словарей по новым, быстро развивающимся отраслям;
- отсутствует последняя терминология;
- отсутствуют действительно специальные термины;
- мало словарей по узкоспециальным областям знаний;
- практически нет профессионализмов и жаргона;
- отсутствуют специальные словари малых языков;
- мало словосочетаний;
- в специальных словарях много лексики, которая есть в общеязыковых словарях.

Эти комментарии показывают направления, которым следует уделить больше внимания. Перейдем к вопросу о формировании лемматизированного словника.

Формирование лемматизированного словника

Как уже говорилось, лемматизация, т. е. сведение всех форм лексической единицы в одну, "каноническую", является важнейшим средством экономии места в словаре, поскольку в языках с развитой морфологией количество нека-

нонических форм может быть огромным. При осуществлении лемматизации необходимо дать ответ на следующие вопросы:

- какая форма будет выбрана канонической;
- возлагается ли задача приведения словоформы к канонической форме на пользователя или (в случае машинных словарей) на компьютерную систему;
- в какой информации нуждается пользователь (или компьютерная система) для успешного осуществления лемматизации.

Выбор канонической формы, вообще говоря, может основываться на многих критериях, однако в большинстве языков существует определенная лексикографическая традиция выбора канонической формы (Берков 2004: 28–29), на которую имеет смысл ориентироваться и при составлении словарей специальной лексики. Правда, бывают случаи, когда лексикографическая традиция либо не устоялась, либо не является бесспорной. Подобные ситуации, касающиеся русского и некоторых других языков, подробно описаны в работах В.П. Беркова (1973: 27–38; 2004: 35).

Следует обратить внимание на то, что для некоторых категорий единиц, объединенных определенным внелингвистическим признаком, каноническая форма может отличаться от той, которая принята для других единиц той же грамматической категории. Например, названия родов, семейств и т. д. растений и животных принято давать во множественном числе (см. ниже Пример 14). Конечно, о такого рода исключениях желательно предупреждать читателей в правилах пользования.

Пример 14 (ФРЛС):

vaahterakasvit *pl.* (3.11; 3.41) (*Aceraceae*) Hämet-Ahti et al. 1998, 302 [Puut ja pensaat]
клёновые *pl.* (3.50; 3.89) Лантратова, 189

В некоторых электронных словарях и терминологических банках данных вход в словарь возможен и через неканонические формы (напр., Убин 1992: Hutcheson 2001: 673). Это достигается, как правило, путем использования поис-

кового массива словоформ и/или словаря основ с блоком морфологической обработки (Убин 1992: 129). Однако даже в этом случае неканонические формы являются, по сути, лишь отсылочными статьями, а заголовок основной статьи ставится в каноническую форму.

В бумажных словарях задача приведения текстовой словоформы к каноническому виду обычно возлагается на пользователя. При этом предполагается, что пользователь знает основные правила грамматического видоизменения слов данного языка. В больших переводных словарях в помощь пользователю иногда приводятся грамматические очерки и таблицы (Särkkä 1984: 270; Берков 2004: 32, 196–204). Это связано с тем, что большие двуязычные словари предназначаются для самой широкой аудитории, в том числе и для тех, кто только начинает учить данный язык. В переводческих словарях специальной лексики подобные материалы вряд ли необходимы, поскольку уровень лингвистической подготовки переводчиков можно считать относительно высоким. Однако и для опытных пользователей проблему может представлять изменение основы слова, особенно нерегулярные случаи (напр., англ. tooth – teeth, русск. мять – мну, финск. ien – ikenet). Подобные формы желательно включать в словарь в качестве самостоятельных заголовков статей (Берков 2004: 17). Потребность в информации, связанной с приведением словоформ к канонической форме, сильно зависит от особенностей данного языка и лингвистической компетенции пользователей (ср. Särkkä 1984: 270; Убин 1992: 42).

На этом мы заканчиваем рассмотрение вопросов, связанных с формированием словника переводческого словаря специальных единиц, и переходим к описанию процесса проектирования правой части.

Проектирование правой части

В данном подразделе будет рассмотрено проектирование содержания и способов представления информации о единицах словника, информации о единицах правой части и контрастивной информации.

Аспекты проектирования правой части

Вначале мы рассмотрим аспекты, которые необходимо учитывать при проектировании правой части: отношения между типами информации и способами их выражения, детализацию и глубину представления информации, "область определения" информационных категорий, возможность контрастивного представления сведений и средства выражения вторичной информации.

Отношения между типами информации и способами их выражения

Типы информации и способы их выражения, как правило, находятся друг с другом в сложных отношениях. Например, информация о значении специальной лексической единицы может быть выражена через целый ряд информационных категорий: определение, пояснение, системные связи, логико-понятийную схему, рисунок. С другой стороны, такая информационная категория, как "пример", может содержать сразу несколько типов информации: грамматическую, семантическую, прагматическую и др. (ср. Тооре 1996: 93–94, 115–116).

Информационные категории могут находиться друг с другом в отношениях синонимичности (ср. Караулов 1981: 112). Например, информация о системных связях термина является его косвенной семантической характеристикой (Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989: 81). Одновременное использование синонимичных типов информации может приводить к избыточности описания.

Одни и те же типы информации могут быть представлены по-разному (ср. Караулов 1981: 54–56, 67–68, 112). Например, существуют различные системы транскрипции, оформления логико-понятийных схем и т. д. В связи с этим важно учитывать и планировать не только наличие в словаре того или иного типа информации, но и конкретные способы его выражения.

Представляется, что при проектировании целесообразно вначале составить список типов информации, которые должны найти отражение в словаре, а затем переходить к поискам оптимальных способов их выражения. Теоретически проектирование можно начать и сразу с выбора информационных категорий, например, ориентируясь на список стандарта ИСО (ISO 12620:1999), однако этот метод представляется менее продуктивным по двум причинам. Во-первых, "готовые" информационные категории могут не отображать все необходимые для данного словарного проекта типы информации или содержать лишние, а во-вторых, утрачивается творческая составляющая процесса проектирования, которая, вполне возможно, могла бы привести составителя к разработке новых, более удачных способов представления выбранных типов информации.

Типы информации

Перечислить все типы информации, которые может содержать переводческий словарь специальной лексики, не представляется возможным, поскольку этот список является теоретически неисчерпаемым, а практически – весьма обширным. Подробные списки выделенных на сегодняшний день "информационных категорий" и способов их описаний содержатся, например, в стандартах ГОСТ 7.47-84 и ISO 12620:1999, а также в следующих работах: Felber 1984; Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989; Убин 1992; Гринев 1995. Особое внимание следует обратить на стандарт ISO 12616:2002 – Translation-oriented terminography ("Терминография, ориентированная на перевод"), в котором классификация информационных категорий стандарта ISO 12620:1999 адаптирована для нужд перевода.

Типы информации могут зависеть от особенностей выбранных языков, выбранной предметной области, выбранных единиц словника и т. д. Поэтому для целей нашего исследования представляется целесообразным выделить лишь наиболее крупные блоки информации, носящие универсальный характер и в

минимальной степени зависящие от конкретных особенностей лексикографируемых единиц.

Приводимый ниже сводный список наиболее общих классов лексикографической информации составлен на основе анализа большого количества стандартов, руководств и специализированных статей по терминоведению и лексикографии (в частности, Никитина 1976; Караулов 1981; Felber 1984; Jacobsen & Hjørth 1988; Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989; Убин 1992; Гринев 1993; Гринев 1995; Bergenholtz & Tarp 1995; Компьютерная лингвография 1995; Lejczyk & Biesiekirska 1998; ISO 12620:1999; Maks, Martin & Groesz 2000), а также обширного массива словарей. В результате были выделены следующие типы информации:

- орфографическая информация (информация о написании, правилах переноса, количестве знаков и др.);
- орфоэпическая информация (информация о произношении – например, транскрипция, ударение, интонация, слоговоеделение);
- информация о словообразовании (например, терминологические элементы, модель словообразования);
- информация о словоизменении (парадигма словоизменения, грамматические категории);
- информация о значении (предметно-понятийное значение, коннотации);
- информация о системных связях (синонимических, антонимических, паронимических, гипонимических, партитивных, функциональных и других отношениях);
- информация о сочетаемости (синтаксические валентности, примеры свободных сочетаний);
- информация о фразеологии (фразеологические сочетания с единицей словника);
- прагматическая информация (например, стилистический, хронологический, географический, правовой статус, предметная область, степень нормативности и т. д.);
- информация об этимологии.

Информация об иноязычных эквивалентах включается в данной схеме в информацию о системных связях, поскольку иноязычные эквиваленты могут рассматриваться как межъязыковые синонимы (см., напр., Гринев 1995: 52). В данном списке не представлена также энциклопедическая информация, поскольку она обычно носит факультативный характер и не является существенной для понимания, употребления или замены единицы словника на том коммуникативном уровне, на который ориентируется словарь.

Детализация и глубина представления информации

Практически любой тип информации может иметь различную степень детализации (Караулов 1981: 59; Wright 2001: 557). Например, мы можем выделить устаревшую специальную лексику в один общий класс, а можем членить ее дальше на архаизмы и историзмы, выделять у этих групп подклассы и т. д.

Степень детализации информации в переводческих словарях не должна быть слишком большой. Как уже говорилось, большинство переводчиков-практиков довольно безразлично относится к теоретическим аспектам терминоведения, поэтому попытки детальной классификации единиц словника и информации о них в соответствии с последними достижениями терминоведческой мысли в лучшем случае не произведут на большинство переводчиков особого впечатления, а в худшем – затруднят работу. Это обстоятельство принято во внимание при разработке "облегченного" стандарта ISO 12616:2002 на информационные категории, ориентированного на потребности переводчиков специальной литературы. Например, если в полном стандарте ISO 12620:1999 параметр "краткая форма термина" разбит на пять подкатегорий, то в "переводческом" стандарте подобного разбиения нет.

Многие типы информации могут быть также представлены на разную глубину (Караулов 1981: 59, 68). Например, в поле "дополнительные пояснения" можно ограничиться кратким описанием, а можно дать более развернутое. Глубина разработки информационных категорий должна соответствовать инфор-

мационным потребностям основной массы пользователей. Информации должно быть достаточно для принятия решения на перевод и не более того. Оптимальная глубина разработки информации во многом зависит от особенностей предметной области и предполагаемой компетенции пользователей. Например, переводческие юридические словари часто содержат большое количество пояснений, ссылок на законодательные акты и т. д., фактически смыкаясь с юридическими энциклопедиями (Šarčević 1988: 966).

Таким образом, помимо наличия или отсутствия того или иного вида информации необходимо проектировать детализацию и глубину его разработки.

Информационные профили единиц словника

Лексикографическое описание разных типов единиц может различаться. Например, имена собственные или номены требуют иного описания, чем термины. Здесь может оказаться полезным предлагаемое М.Г. Пшеничновой понятие "область определения лексикографического параметра", под которым понимаются классы и группы слов, для которых данный параметр релевантен. Например, областью определения информационной категории "будущее время" являются только глаголы. Если области определения информационных категорий не пересекаются, то эти информационные категории находятся в отношениях несовместимости и не могут относиться к одной и той же единице. Например, такими типами информации являются категории "вид глагола" и "род имени существительного" (Пшеничнова 1990: 10–11). Ряд информационных категорий может зависеть от присутствия других информационных категорий (ср. Пшеничнова 1990: 12; Wright 2001a: 589). Например, параметр "источник определения" невозможен без параметра "определение".

При проектировании состава информации о единицах словника и сопоставляемых им единиц целесообразно вначале составить список возможных "информационных профилей" этих единиц. Классификацию целесообразно начать с базовых единиц, которыми обычно являются стилистически немаркированные

термины-существительные. Далее следует обратиться к единицам, представляющим другие морфо-грамматические классы, например, глаголам, терминологическим элементам и устойчивым словосочетаниям. Здесь наверняка потребуются определенные изменения в описании по сравнению с базовыми статьями в области грамматики, семантики и синтаксиса.

Способы раскрытия значения имен собственных, номенов и терминов будут отличаться от способов раскрытия значения терминов. Устаревшая лексика и неологизмы потребуют хронологических помет, а также, возможно, дополнительных комментариев. Лексикой, имеющую ограниченное употребление, необходимо будет снабдить прагматическими пометами.

Следует учитывать также то обстоятельство, что определенная часть информации может относиться не ко всей единице словника или сопологаемой ей единице правой части в целом, а к отдельным ее составляющим. Например, грамматическая категория рода может быть указана только для отдельных слов, составляющих терминологическое словосочетание, но не для всего словосочетания (см. выше Пример 2). Таким образом, необходимо выяснить, могут ли отдельные части единиц словника или сопологаемых им единиц правой части потребовать особого описания.

Контрастивная информация

Информация в словаре может быть дифференциальной, или *контрастивной*, т. е. приводиться только в случае различий между сопологаемыми единицами. В этом случае она относится не к единицам словника или единицам правой части по отдельности, а к их совокупности. Использование контрастивной информации позволяет существенно сократить объем лексикографического описания. Кроме того, контрастивная информация является, по сути, той информацией, за которой переводчики прежде всего обращаются к двуязычному словарю. Эффективное использование контрастивной информации предполагает соблюдение следующих условий:

- описание должно быть системным, т. е. нельзя, например, в одних случаях давать только неконтрастивное описание, а в других – только контрастивное или произвольным образом смешивать два типа описания;
- пользователю должна быть известна информация, опускаемая словарем при контрастивном типе описания, т. е. он должен в достаточной степени владеть хотя бы одним из языков, описываемых в словаре;
- пользователь должен знать о том, что в словаре используется контрастивный способ описания, т. е. отсутствие информации должно быть для него значимым;
- пользователю должно быть понятно, между какими языками проводится сопоставление.

Контрастивное описание наиболее эффективно в двуязычных словарях, ориентированных на процесс перевода и предназначенных для пользователей, которые владеют хотя бы одним из языков, описываемых словарем. Контрастивное описание менее пригодно для многоязычных словарей, а также для словарей, в которых ставится задача достаточно полного и независимого от других языков описания одного, нескольких или всех входящих в словарь языков, т. е. если предполагается, что словарь будет использоваться в том числе (или прежде всего) как одноязычный.

Средства выражения вторичной информации

Основным и самым ценным типом информации в переводческих словарях являются переводные эквиваленты, однако переводческие словари, как правило, содержат также большое количество другой информации, которую в контексте перевода можно считать вторичной – различные пояснения, толкования, пометы и т. д.

Выбор языка или языков, на которых должна приводиться эта информация, не вполне самоочевиден. Исследования словарей показывают, что единая практика в отношении выбора языка дополнительных пояснений отсутствует.

Например, при сравнении немецко-итальянских словарей выяснилось, что в зависимости от словаря подобная информация приводится иногда на немецком, иногда на итальянском, а иногда даже на латыни (Pöhl 1989: 132). Мнения лексикографов о важности этого вопроса также не всегда совпадают. Например, Н.И. Сукаленко (1971: 8) и В.П. Берков (1977: 121) считают, что подача помет на неродном для пользователя языке затрудняет пользование переводческим словарем, в то время как другие исследователи не видят в этом никакой проблемы, особенно в том случае, если пометы основаны на интернациональных элементах (Mugdan 1992: 23). Рассмотрим, какие факторы могут оказывать влияние на выбор языков дополнительной информации.

Наиболее важным фактором является забота о том, чтобы пользователи получали информацию на своем родном языке. Например, С.В. Гринев (1995: 60) пишет, что в переводческих словарях "все пометы должны даваться на языке переводчика". Проблема, однако, заключается в том, что двуязычными словарями обычно пользуются представители обоих языков, а многоязычными словарями – представители нескольких языков, причем иногда пользователям приходится даже осуществлять перевод с неродного языка на неродной.

В двуязычных словарях общего языка одним из вариантов решения проблемы языка вторичной информации, – в частности, языка дополнительных пояснений, проясняющих значение многозначных слов, – является дублирование пояснений на обоих языках (Берков 1977: 121, со ссылкой на: Williams 1959: 251–252; Mugdan 1992: 23). В.П. Берков указывает, однако, что подобная лексикографическая обработка многозначных вокабул и многозначных эквивалентов требует значительного увеличения объема словаря, что не всегда осуществимо.

В терминологических словарях дублирование информации на разных языках представляется еще более затруднительным и менее целесообразным. Хотя для полиотраслевых словарей проблема многозначности и связанной с ней семантизации достаточно актуальна, для основного типа терминологических словарей – отраслевого словаря – она стоит менее остро, чем для общезыковых словарей. Средством семантизации в терминологических словарях являет-

ся, как правило, указание на значение или область функционирования данной единицы, т. е. определение, отраслевая помета или контекст. Переводимость этой информации зачастую относительна, поскольку, например, система предметной классификации в разных языках может различаться, а определения могут опираться на культурно-специфические понятия. Кроме того, терминологические словари часто бывают многоязычными, а обеспечить перевод всей вторичной информации на все языки трудно.

Вследствие этого для каждого типа вторичной информации, как правило, приходится делать выбор в пользу одного какого-нибудь языка, в зависимости от того, какому из пользователей – "активному" или "пассивному" – эта информация нужнее. Если исходить из этих соображений, то например, в двуязычных словарях все грамматические пометы к единицам исходного языка следует давать на языке перевода, а все грамматические пометы к единицам языка перевода – на исходном языке, поскольку носителям соответствующих языков эта информация и так известна (ср. Берков 2004: 9). Аналогично, информацию о словообразовательных аффиксах или культурно-специфических понятиях следует давать на выходном языке (ср. Берков 1996: 38; Šarčević 1989: 218). Однако в случае многоязычных словарей, как уже говорилось, подобная логика не работает. Кроме того, на конечный выбор языка вторичной информации могут влиять и иные факторы.

В частности, в лексикографии существует принцип независимого описания языков, в соответствии с которым каждая единица описывается независимо от других языков и только средствами и по законам этого же языка. Например, английские термины – на основе английского языкового материала и в соответствии с принципами, принятыми в английской лексикографии. Несомненным преимуществом этого принципа является то, что он позволяет точно, глубоко и непротиворечиво описывать лексику разных языков, не навязывая законов и традиций описания одного языка другому (Убин 1992: 86–87).

Например, мы уже говорили о том, что в русском языке выделяются два класса стилистически сниженных специальных единиц – профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, в то время как в финском языке выделяется

только один аналогичный класс – "профессиональный сленг" (*ammattislangi*). Было бы некорректно описывать финскую лексику в категориях русского терминоведения и наоборот, тем более что подобное смешение в финско-русском или русско-финском словаре не позволило бы использовать эту информацию в словарях с участием других языков. Аналогично, мы считаем, что содержание понятий всегда должно раскрываться только средствами того же языка, хотя определение можно при необходимости перевести (с большими или меньшими смысловыми потерями и искажениями) на другие языки.

По нашему мнению, принципа независимости лексикографического описания следует придерживаться везде, где это возможно. Совершенно незаменимым этот подход оказывается в многоязычных словарях. К недостаткам этого метода можно отнести определенные практические трудности при его реализации, поскольку при составлении словаря нередко приходится пользоваться самыми разными материалами, в том числе и такими, в которых этот принцип уже нарушен (Убин 1992: 87).

На выбор языка помет может оказывать влияние также требование компактности и эстетичности лексикографического описания. Например, русские пометы *ед. ч.* и *мн. ч.* и финские *yks.* и *mon.* занимают по четыре-шесть символов, а латинские *sg* и *pl* – два. Если эти пометы часто встречаются в словаре, имеет смысл подумать о целесообразности использования латинской пары. Кроме того, на наш взгляд, латинские пометы на печати выглядят эстетичнее. Дополнительным достоинством использования латинских помет является их интернациональность, в связи с чем отпадает проблема адресации помет только одной из языковых читательских групп. Эти факторы, в частности, повлияли на наш выбор при проектировании списка помет ФРЛС. С другой стороны, при выборе помет необходимо принимать во внимание вопросы стиля. Излишнее разнообразие языкового выражения помет может негативно сказаться на общем восприятии словарных статей. Кроме того, необходимо следить за тем, чтобы использующиеся пометы были достаточно понятными и прозрачными.

Наконец, еще одним фактором, который может повлиять на выбор языка вторичной информации, является родной язык составителей словаря. Напри-

мер, И.А. Чаусова (1988: 252) полагает, что толкования и пояснения должны даваться на родном языке составителей словаря независимо от того, является ли этот язык входным или выходным.

В заключение отметим два приема, которые позволяют в определенной степени обойти проблему выбора языка вторичной информации. Первый из них заключается в максимально широком использовании визуально-типографических средств, особенно для отграничения классов информации друг от друга. Например, вместо национальных отсылочных помет типа русской *см.* или финской *ks.* можно использовать символ стрелки ($\Rightarrow$) или "указующего перста" (☞), вместо помет *нерек.* или *ei:* – значок ⊗ . Использование невербальных средств позволяет также существенно сэкономить место, визуальное разнообразить словарную статью и упростить навигацию. С другой стороны, при использовании визуальных средств необходимо соблюдать меру, поскольку их избыток может создать пестроту и отрицательно сказаться на внешнем виде словарного материала. С технической точки зрения специальные значки могут представлять определенную трудность как в электронном, так и в бумажном словаре. Как и пометы, специальные значки должны быть прозрачны и понятны. Например, распространенные символы "звездочки" или "квадратика" не очень выразительны и несут в себе мало информации.

Другой прием, заключающийся в возможности пользователя самому выбирать язык вторичной информации, может быть реализован только в электронных словарях. Он был бы полезен, например, в многоязычных словарях культурно-специфических областей, в которых пояснения целесообразно составлять на всех языках.

Подведем итоги:

- как правило, у составителя нет возможности дублировать вторичную информацию на всех языках, представленных в словаре; кроме того, это не всегда целесообразно;
- на выбор языка вторичной информации может влиять множество факторов, в частности, язык и информационные потребности пользователей, тип вторичной информации, язык составителя, имеющиеся ресурсы,

принцип независимого описания, требования компактности и эстетичности;

- проблему выбора языка вторичного описания можно до некоторой степени упростить за счет использования интернациональных помет и условных знаков, а в электронных словарях – предоставив пользователю возможность самому выбирать язык вторичной информации.

Значимость различных типов информации для переводчиков специальной литературы

Выбор типов, глубины и детализации информации о единицах словника и сопологаемых им единицах правой части зависит от многих факторов. В идеале важнейшим из них должны быть, разумеется, информационные потребности пользователя. Ниже в качестве ориентира приводятся результаты анкетирования, проведенного нами среди переводчиков специальной литературы. Вопрос звучал следующим образом: "Оцените важность следующих типов информации об иностранном термине при переводе на родной язык (5 – важна всегда, 4 – часто важна, 3 – обычно не важна, 2 – вообще не важна, 0 – не знаю)". Результаты приводятся в виде "рейтинга" типов информации, без учета ответов "не знаю".

Тип информации	Средний балл
1. пояснения о сфере употребления термина [напр., хим., (о краске)]	4.7258
2. определение	4.4127
3. стилистическая помета [напр., жарг.]	4.4032
4. рекомендуемый синоним [напр., отсылка к более частотному или нормативному термину]	4.2097
5. юридический статус [напр., в случае торговой марки]	4.1452
6. варианты [напр., сокращенный или амер. вариант]	4.0984
7. несвободные словосочетания	4.0339

Таблица 15. Наиболее полезные типы информации: две трети респондентов поставили балл "4" или "5".

Тип информации	Средний балл
8. хронологическая помета [напр., <i>устар.</i>]	3.9683
9. нормативный статус [<i>рек.</i> , <i>нерек.</i> и т. п.]	3.9344
10. организационная помета [напр., (<i>термин Nokia</i>)]	3.9206
11. вышестоящий (родовой) термин	3.8852
12. ареальная помета [напр., <i>AmE</i>]	3.8833
13. нейтральные синонимы	3.8387
14. грамматика	3.7213
15. энциклопедическая справка	3.7167
16. нижестоящие термины	3.6557

Таблица 16. Информация средней важности: больше половины, но менее двух третей респондентов поставили балл "4" или "5".

Тип информации	Средний балл
17. частотность [напр., редк.]	3.6452
18. свободные словосочетания	3.5273
19. транскрипция	3.4655
20. nereкомендуемые синонимы	3.4237
21. антонимы	3.2623
22. этимология	2.9828

Таблица 17. Малозначимые типы информации: менее половины респондентов поставили балл "4" или "5".

Интересно отметить, что между финскими и российскими респондентами в ряде случаев наблюдались весьма значительные расхождения:

Тип информации	Характер отличий
юридический статус [напр., в случае торговой марки]	↑
варианты [напр., сокращенный или амер. вариант]	↑
хронологическая помета [напр., устар.]	↑
нормативный статус [рек., нерек. и т. п.]	↑↑
вышестоящий (родовой) термин	↑↑
ареальная помета [напр., АмЕ]	↑
несвободные словосочетания	↓↓
нижестоящие термины	↑
нейтральные синонимы	↓
частотность [напр., редк.]	↑
свободные словосочетания	↓

Таблица 18. Типы информации, которые финские респонденты расположили иначе, чем российские. Стрелка вверх означает, что финские респонденты поставили данный тип информации выше, стрелка вниз – что ниже. Двойные стрелки означают, что мнения разошлись на два порядка.

Таким образом, представители разных языковых сообществ могут иметь различные представления о полезности тех или иных типов информации. По-

сколькx дву- и многоязычные словари, как правило, адресуются представителям двух или нескольких языковых сообществ, необходимо по возможности учитывать интересы и предпочтения разноязычных групп пользователей.

Как видно из результатов опроса, больше всего переводчики ценят семантическую и прагматическую информацию о единице словника, указания на варианты и синонимы, сведения о несвободной сочетаемости и грамматические аспекты. Наименьшим спросом пользуется информация, не являющаяся жизненно важной для принятия решения на перевод и встраивания переводного эквивалента в контекст (например, этимология и нерекомендуемые синонимы). Низкую востребованность информации о произношении можно объяснить тем, что значительная часть респондентов занимается устным переводом не чаще, чем несколько раз в год (32,84 %), или не занимается им вообще (50,75 %).

Другие интересные данные о востребованности тех или иных видов информации при переводе, в том числе специальных текстов, содержатся, в частности, в следующих работах: Tomaszczyk 1979; Hatherall 1984; Шайкевич & Убин 1988; Tomaszczyk 1989; Atkins & Varantola 1998; Mackintosh 1998.

Количество информации, содержащейся в словаре, должно соотноситься с информационными потребностями пользователей. Избыточность информации в словаре зачастую оказывается едва ли не меньшим злом, чем ее нехватка (Atkins 1996: 531; Девкин 2000: 356). Ограниченность ресурсов обычно не позволяет составителю уделить достаточно внимания всем категориям сразу – что-то обязательно будет делаться за счет другого (Молодец 1980: 56). Кроме того, избыток информации затрудняет пользование словарем и увеличивает вероятность ошибок (напр., Денисов 1977: 297; Opitz 1983: 176; Патрик 1988: 13; Убин 1992: 72; Гринев 1995: 59; Varantola 1998: 15; Табанакoва 1999: 138). Хотя современные терминологические стандарты описывают до ста и более информационных категорий, опросы свидетельствуют о том, что количество действительно нужных и востребованных категорий на самом деле относительно невелико (Nkwenti-Azeh 2001: 600; ср. Дубичинский 1998: 72).

Способы представления различных типов информации

Информация в словаре может быть представлена в эксплицитном и имплицитном виде. В последнем случае само отсутствие информации является значимым. Этот прием основан на законе информатики, который гласит, что чем больше вероятность события, тем меньше информации в сообщении о том, что оно имеет место (Берков 1973: 117). При сочетании эксплицитного и имплицитного способа представления информации наличие, например, стилистической пометы сообщает о принадлежности единицы словника к определенному стилистическому регистру, отличному от нейтрального, а отсутствие такой пометы свидетельствует о принадлежности единицы к нейтральному стилю. Аналогично, информация об ударении может приводиться в случае отличий от общеязыковой произносительной нормы, а в остальных случаях отсутствие ударения будет свидетельствовать об отсутствии отклонений от общеязыковых правил (ср. Mugdan 1992: 22). В.М. Пшеничнова (1990: 8–9; ср. Ilson 1984: 81) называет такое значимое отсутствие информации "нулевой формой выражения параметра", а сами параметры, которые могут быть выражены подобным образом, – "факультативными". Принимая первый термин, мы не вполне согласны со вторым, поскольку слово "факультативный" может подразумевать, что параметр является необязательным. На наш взгляд, лучше говорить о параметрах, которые всегда (в пределах своей области определения) выражены эксплицитно, и параметрах, которые могут быть выражены имплицитно.

Выше говорилось также о том, что параметр может быть выражен эксплицитно за пределом корпуса словаря – например, в заглавии или вступлении, а в корпусе иметь нулевое выражение. Например, упоминание в названии предметной области может быть эквивалентно простановке предметной пометы рядом с каждой из единиц словника, а замечание в предисловии о том, что словарь включает только актуальную лексику, – простановке хронологической пометы.

Минимальными компонентами информации в словаре являются фрагменты текста, обладающие смысловой завершенностью и условно неделимые в рамках данного словаря (Пшеничнова 1990: 13; Wright 2001: 553; Wright 2001a: 584). Например, если параметр "ударение" не выступает в данном словаре отдельно, а входит в состав параметра "произношение", то минимальным компонентом информации следует считать параметр "произношение". Вместе с тем параметры могут быть заданы синкретично: например, тот же параметр "ударение" может быть привязан к параметру "орфография", если ударная буква выделяется графически в написании слова (Караулов 1981: 62). При этом, однако, следует выделять два отдельных параметра, поскольку параметр "ударение" и "орфография" не являются родственными и не могут входить в состав друг друга.

В рамках микростатьи параметры могут быть повторяющимися и неповторяющимися (ISO/TR 12618:1994: 4; Wright 2001a: 583). Например, параметр "число существительного" может быть неповторяющимся, а параметр "пример использования" – повторяющимся.

При проектировании машинной реализации словаря важно также учитывать область значений параметра (ср. Караулов 1981: 70). Например, помета "число" обычно может принимать только два значения – *ед. ч.* и *мн. ч.* С другой стороны, область значений параметра "определение" практически не ограничена. Возможны и промежуточные случаи. Например, в ФРЛС прагматическая помета может принимать предустановленные значения – *жарг.*, *народн.*, *редк.*, но может быть выражена и в свободной форме, например, "используется в Карелии".

Довольно важна разница между прямым и опосредованным представлением информации в словаре. Например, *фактическая* грамматическая характеристика сообщает пользователю языковой материал в его реальном виде: окончание, словоформу, префикс и т. д., тогда как *символическая* характеристика сообщает информацию о принадлежности единицы к тому или иному разряду в условной форме – при помощи условных букв, цифр, их комбинаций и т. д. В принципе, фактическая информация предпочтительнее символической, поскольку она не требует дальнейших шагов для своего раскрытия и практиче-

ски исключает возможность неверного истолкования. Однако символическая характеристика обычно компактнее фактической, а для некоторых типов информации вообще возможна только символическая запись (Берков 2004: 102–103).

Символическая информация обычно является отсылочной, т. е. она не дает информации сама по себе, но отправляет пользователя к тому разделу словаря или словарной статье, в котором можно получить информацию о данной единице. В целом отсылки являются нежелательным явлением, поскольку они замедляют работу со словарем. Тем не менее мы считаем излишне категоричной точку зрения, согласно которой "в переводном словаре не должно быть никаких отсылок, так как его задача – не регулирование терминопотребления, а перевод терминов" (Гринев 1995: 58). Возможно, это мнение обоснованно в том случае, если речь идет о словарях, содержащих преимущественно переводные эквиваленты и минимум другой информации. Однако в словарях с богатой правой частью отсылки дают настолько значительную экономию места, что от их использования нецелесообразно отказываться, особенно в бумажных словарях. Опрошенные нами переводчики считают, что информацию в словаре можно дублировать, но только в том случае, если ее немного:

Считаете ли Вы, что вместо отсылок в переводном словаре следует дублировать информацию?	всего, %	финнов, %	русских, %
да, даже если информации много	16,42	6,67	36,36
да, если информации немного	56,72	66,67	36,36
нет	19,40	17,78	22,73
нет ответа	7,46	8,89	4,55

Таблица 19. Результаты ответа на вопрос "Считаете ли Вы, что вместо отсылок в переводном словаре следует дублировать информацию?"

В комментариях указано: "Дублировать информацию: да, если информации немного, а вообще зависит от объема словаря. В бумажных словарях дублирование, как правило, нежелательно".

Тип отсылки должен быть понятен пользователям. К сожалению, во многих словарях отсылки делаются без специальных помет или с помощью пометы *см.*, что не позволяет уяснить характер отсылки и взаимосвязь словарных статей, связанных отсылкой (ср. Табанаква 1999: 47–48).

Теперь перейдем к рассмотрению наиболее распространенных способов представления в переводческих словарях специальной лексики выделенных нами типов информации. Начнем с информации о правописании.

Информация о правописании

Орфографический параметр присутствует фактически во всех словарях, поскольку обычно в них присутствует написание единиц словника и единиц правой части. В переводческих словарях специальной лексики, как правило, нет необходимости разрабатывать этот параметр глубоко. Некоторые авторы отмечают целесообразность указания в нестандартных случаях правил переноса слов при наборе (Opitz 1990: 1509), однако представляется, что в связи с повсеместным распространением текстовых редакторов со встроенными алгоритмами переноса, а также связанной с этим либерализацией правил переноса потребность в этом типе информации невелика.

Специальная лексическая единица может иметь несколько вариантов написания. Эта информация может быть отражена через подачу вариативных форм отдельной микростатьей или, например, в скобках после основной формы. Если варианты написания относятся к разным вариантам языка и сопровождаются в словаре ареальными пометами, то обычно единственным возможным решением является подача вариантов отдельной микростатьей.

Информация о произношении

Информация о произношении приводится в словарях специальной лексики крайне редко (ср. Игнатъев 1975: 29; Гринев 1995: 23; Pearson 1998: 71; Hartmann 2001: 61). Среди причин этого можно назвать следующие:

- преимущественная ориентация словарей на письменный перевод;
- сложности описания произношения, особенно для нефилологов (ср. Берков 1973: 11);
- технические трудности представления информации о произношении.

Информацию о произношении следовало бы приводить, по крайней мере, в словарях, ориентированных на устный перевод. Лексикографическое описание, претендующее на полноту, также должно включать информацию о произношении (Берков 1973: 11). Зачастую словарь специальной лексики является единственным источником, из которого пользователь может узнать об особенностях произношения единиц ЯСЦ, поскольку эта лексика включается в общезыковые словари в ограниченном объеме и описывается с точки зрения языков для общих целей.

Необходимость представления информации о произношении в значительной степени зависит также от соответствия графики/орфографии языка его звукам (Берков 2004: 82). Например, в финском языке различий между написанием и произношением, тем более имеющих нерегулярный характер, практически нет. Соответственно, информации о произношении финских слов не требуется. С другой стороны, в английском языке подобных несоответствий много, поэтому для этого языка информация о произношении во многих случаях необходима. Следует отметить, что информация о произношении единиц правой части (т. е. переводных эквивалентов) может быть даже ценнее информации о произношении единиц словника.

Время и усилия составителя и место в словаре можно существенно сэкономить, приводя произносительную информацию не для всех единиц словника, а только в сложных случаях (ср. Opitz 1990: 1509). Кстати, среди недостатков су-

существующих словарей один из респондентов нашего опроса указал "отсутствие транскрипции в сложных случаях". Другим критерием включения информации о произношении в словарь может выступать частотность единиц. Например, в приложении к "Англо-русскому словарю по противозвоздушной и противоракетной обороне" (1961) приведена транскрипция слов, наиболее часто встречающихся в этом словаре.

Классами специальной лексики, которые могут претендовать на особое внимание с точки зрения произношения, являются сокращения (ср. Борисов 1972: 230–242), устаревшая лексика (ср. Борхвальд 1998: 20) и неологизмы. Необходимо отметить, что словоизменение может сопровождаться изменениями в произношении (например, переносом ударения), которые также нуждаются в фиксации (Берков 2004: 108–109).

Произношение в словарях обычно передается в виде транскрипции (иногда – частичной), помещаемой в скобки (обычно квадратные). Ударение обозначается соответствующим знаком (´) или графическим выделением (полужирным шрифтом, курсивом, полужирным курсивом, подчеркиванием) ударной буквы. В некоторых "словарях-разговорниках" встречается передача звуков входного языка буквами выходного языка (напр., Краткий русско-английский словарь-разговорник для делового человека 1991). Такая подача обычно передает произношение лишь в первом приближении.

Разбиение на слоги практически не встречается в словарях специальной лексики. В общеязыковой лексикографии оно обычно обозначается жирной точкой или дефисом в самом написании слова либо в транскрипции. В терминологических стандартах информацию о произношении рекомендуется набирать светлым шрифтом и помещать в скобках непосредственно после термина, на той же строке (ISO 10241:1992: 9).

Контрастивные способы представления информации о произношении возможны и целесообразны, по-видимому, только при сопоставлении близкородственных языков или вариантов одного и того же языка. Сфера использования контрастивной информации об ударении существенно шире, чем контрастивной подачи транскрипции. Например, в словаре, ориентированном на финнов, уда-

рение в русских словах может проставляться в том случае, если оно падает не на первый слог, как в финском языке (см. словарь Kahla & Mikkonen 2005). Одновременно это пример частичного представления параметра "ударение".

В электронных словарях появляется возможность представить информацию о произношении не только в письменном виде, но и в виде аудиозаписи. Например, в электронных словарях издательства HarperCollins (в частности, в электронной версии словаря Collins COBUILD 2003) единицы словника произносятся мужским и женским голосом, причем имеется возможность сравнить собственный вариант произношения с эталонным. Конечно, аудиоформа представления информации о произношении в большинстве случаев является предпочтительной. Еще лучше давать и транскрипцию, и аудиовersion произношения. Авторы рецензии на электронную версию вышеупомянутого словаря весьма убедительно доказывают, что отказ от фонетической транскрипции при наличии аудиофайлов неоправдан. Их доводы сводятся к следующим положениям: 1) слух пользователя несовершенен; 2) записи никогда не бывают совершенными; 3) компьютер должен иметь соответствующее оборудование, что не всегда реализуемо; 4) звук должен быть включен, что не всегда удобно (Review of the Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary CD-Rom 2005).

Иногда в приложении или предисловии, даже при наличии сквозной транскрипции, указываются основные правила чтения (напр., *Англо-русский электротехнический словарь* 1961), что, очевидно, нужно рассматривать как стремление помочь читателю определить произношение терминов, отсутствующих в словаре. Такой подход к проблеме представляется наиболее последовательным, хотя его применение приводит к некоторому дублированию информации, содержащейся в общих словарях, и увеличению объема словаря (Игнатъев 1975a: 29).

Следует отметить, что во многих языках существует целый ряд различных вариантов транскрибирования, поэтому лексикографу желательно навести справки, какой вид транскрипции является наиболее распространенным и наилучшим образом отвечает поставленным задачам. Можно также посоветовать ориентироваться в этом вопросе на крупные и авторитетные одноязычные и

двухязычные словари выбранных языков. Стандарт ИСО (ISO 10241:1992: 9) рекомендует пользоваться системой Международной фонетической ассоциации (International Phonetic Association, IPA).

Подробный обзор основных вопросов, связанных с целесообразностью и способами представления произносительной информации в двухязычных словарях, можно найти в работах В.П. Беркова (1996: 88–109; 2004: 82–100).

Информация о словообразовании

Информация о словообразовании (напр., терминологические элементы, модели терминологического образования) приводятся в переводческих словарях специальной лексики достаточно редко. Правда, существует жанр специализированных словарей терминологических элементов и правил их соединения – "ключи к терминологии". Некоторые из этих словарей являются словарями международных терминологических элементов и могут оказать существенную помощь при формировании интернациональных терминов (Васильева 1988: 77). Информация о терминологических элементах и терминологическом образовании наиболее полезна в тех областях, терминология и номенклатура которых образуются по четко определенным правилам (биология, медицина, геология и т. п.). В некоторых словарях терминологические элементы приводятся в приложениях (напр., словарь Куркин, Новодранова & Куркина 2002).

Информация о терминологическом образовании может находить выражение, в частности, в следующих информационных категориях: "морфемное членение" (т. е. разбиение слов на морфемы), "компоненты структуры" (перечень элементов, из которых состоит термин), "граф структуры термина" (указание на терминологические элементы и тип синтаксической связи). Представление информации о терминологических элементах и правилах терминологического образования в словарях рассматривается, в частности, в следующих работах: Васильева 1988: 77; Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989: 45–46, 79–80; Лингвистический аспект стандартизации 1993: 47–77; Новодранова 1994. Информация о словообразо-

вательных аффиксах содержится в работах В.П. Беркова (1973: 44–48; 1996: 37–40; 2004: 38–40).

К словообразованию, по-видимому, можно также отнести информацию о производных от термина формах. Эти формы не всегда очевидны и предсказуемы. Например, прилагательное от слова "существительное" в русском языке образуется от другого корня – "субстантивный". Очевидно, подобные нерегулярные случаи должны представлять интерес для переводчиков. С.Е. Никитина (1988: 76) рекомендует давать при термине словообразовательное гнездо, которое должно включать преимущественно прилагательные и глаголы (напр., при термине *склонение* желателно дать формы *склонять, склоняться, склоняемый*).

Информация о словоизменении

Информация о словоизменении важна для процесса перевода, т. к. переводчик должен уметь образовать любой элемент парадигмы искомого эквивалента и правильно употребить его в контексте (Берков 1973: 8; Убин 1992: 107; Берков 2004: 100). Как ни странно, опросы и протоколы использования словарей свидетельствуют о том, что пользователи довольно редко обращаются к словарям за грамматической информацией (около 4 % обращений, по данным протоколов Б. Аткинс и К. Варантола – Atkins & Varantola 1998: 95–96), а по важности грамматическая информация ставится респондентами лишь на 14-е место (см. выше Таблицу 15). Это может быть связано, в частности, со следующими причинами:

- Информация о словоизменении зачастую представлена в словарях скудно, поэтому переводчики не видят смысла искать ее там (ср. Noël, Devos & Defrancq 1996: 597–599; ср. лишь 56 % опрошенных довольны двуязычными словарями в отношении грамматической информации – Tomaszczuk 1979: 112). В словарях специальной лексики грамматическая информация встречается еще реже, чем в общеязыковых словарях

(ср. Герд 1986: 51; Комарова 1991: 90; Bergenholtz & Tarp 1995: 111; Hartmann 2001: 61).

- Большинство словарей сосредотачивается на грамматическом описании единиц словника, а не переводных соответствий, хотя при переводе более полезной была бы, очевидно, именно информация о переводных соответствиях.
- Большинство переводчиков переводит на родной язык, поэтому у них не возникает потребности в грамматической справке. При переводе на иностранный язык роль грамматической информации резко возрастает (по данным нашего опроса, средний балл по пятибальной шкале без учета ответов "не знаю" увеличивается с 3,72 до 4,08, т. е. среднестатистический переводчик специальной литературы считает грамматическую информацию "часто важной", а иногда даже "важной всегда").

Из этого можно сделать вывод, что грамматическую информацию следовало бы шире включать в переводческие словари вообще и в переводческие словари специальной лексики в частности (ср. Kromann, Riiber & Rosbach 1991: 2723, со ссылкой на ряд других источников). При наличии у словаря двух адресатов – "активного" и "пассивного" пользователя, а также при высокой степени обратимости словаря и его "активной" направленности следует приводить грамматическую информацию как о единицах словника, так и о переводных соответствиях (ср. Kromann, Riiber & Rosbach 1991: 2723; Noël, Devos & Defrancq 1996: 597–599; Берков 2004: 100).

Объем необходимой грамматической информации во многом зависит от специфики описываемых языков и подязыков. В этой связи следовало бы отметить, что научные и технические тексты нередко содержат элементы, склонение и спряжение которых может вызывать трудности даже у носителей языка. Например, в англоязычных научных текстах нередко встречаются существительные латинского и греческого происхождения, которые имеют специфические формы множественного числа.

Вторым фактором, определяющим объем необходимой грамматической информации, является лингвистическая компетенция предполагаемых пользо-

вателей. Как уже говорилось, лингвистическую компетенцию переводчиков не следует переоценивать, хотя, с другой стороны, люди редко берутся за перевод специальных текстов, не владея минимальной грамматической базой. Представляется, что для подавляющего большинства случаев оптимальным был бы такой объем грамматической информации, который можно было бы ожидать от учебного словаря по соответствующему ЯСЦ для студентов-нефилологов. Некоторые лексикографы полагают, что в отношении грамматической информации все словари в конечном счете будут следовать примеру лучших учебных словарей (Sinclair 1987: 106; цит. по: Noël, Devos & Defrancq 1996: 597).

В электронных словарях информация о словоизменении позволяет осуществлять поиск любой текстовой формы, в связи с чем устраняется потребность в лемматизации словника. Это обстоятельство упрощает и ускоряет пользование словарем (Убин 1992: 41, 108).

Приведенные выше доводы в пользу более широкого представления грамматической информации в словарях специальной лексики основывались на потребностях потенциальных пользователей. Наряду с ними, однако, существуют прагматические факторы, сдерживающие включение в словари грамматической информации.

Во-первых, информация о словоизменении требует достаточно много места, особенно если она дается в фактическом, а не символическом виде. Во-вторых, подробное описание словоизменения требует от лексикографа довольно значительной лингвистической компетенции и весьма существенных дополнительных временных затрат. В-третьих, руководства по терминографии, сосредотачиваясь обычно на содержании понятия, упускают из виду необходимость предоставления достаточного количества лингвистической информации о терминах. Например, в стандарте ISO 12616:2002 *Translation-oriented terminography* ("Терминография, ориентированная на перевод") грамматические параметры сводятся к указанию части речи, рода, числа и класса существительного. В более полном стандарте ISO 12620:1999 к этому добавлены категории одушевленности существительных и проприативности-нарицательности существи-

тельных и прилагательных. Понятно, что этих сведений далеко не всегда достаточно для правильного словоизменения в процессе перевода.

Для коррекции отрицательного влияния перечисленных выше факторов можно предложить следующее. Во-первых, необходимо иметь четкое и реалистичное представление о потребностях потенциальных пользователей в отношении информации о словоизменении для данной конкретной области и выбранных языков. Это позволит выявить характер и объем информации, которую целесообразно поместить в словарь.

Во-вторых, составителю словаря специальной лексики не обязательно "изобретать велосипед". Во многих языках разработаны удобные таблицы словоизменения, к которым читателя можно при необходимости отослать при помощи символической записи. Например, в русском языке очень удачной считается система записи информации о словоизменении, разработанная А.А. Зализняком (ср. Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989: 45, 81; Берков 2004: 107–108). Многие большие двуязычные словари содержат грамматический очерк и таблицы словоизменения, на которые также можно ссылаться, поскольку естественно предположить, что в распоряжении пользователя словаря специальной лексики имеется большой общеязыковой двуязычный словарь (ср. Bergenholtz & Tarp 1995: 112).

В-третьих, информация о словоизменении может быть существенно сжата за счет частичной и символической подачи. Во многих случаях по некоторым ключевым элементам парадигмы можно предсказать ее всю, поэтому в словаре достаточно привести эти ключевые элементы, а иногда и только их части (Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989: 45; Берков 2004: 101, 104). Кроме того, обычно нет необходимости приводить информацию о регулярных случаях словоизменения – лучше сосредоточиться на описании только тех единиц, которые не подчиняются общему правилу или по иным причинам могут представлять трудности для пользователей (ср. Герд 1986: 52; Sanastotyön käsikirja 1989: 165; Opitz 1990: 1509). Здесь перед лексикографом встает вопрос о том, где проходит количественная граница между регулярным и нерегулярным. Однозначный ответ на этот вопрос дать невозможно, однако

В.П. Берков (2004: 111) на основании собственного обширного опыта предлагает считать границей нерегулярности наличие тридцати-пятидесяти исключений.

Символическая запись вследствие своей компактности позволяет существенно экономить место в словаре. Она отсылает пользователя к словоизменительным таблицам и/или грамматическому очерку, в которых содержится фактическая информация о парадигмах (ср. Берков 2004: 101, 104). В.П. Берков (2004: 107) советует при подаче грамматической информации (в том числе в символической форме) соблюдать принцип ступенчатости. Например, хотя отсылка типа ^{5ab} к определенной парадигме в приложении в конечном счете указывает и на род существительного, лучше представить ее в форме m^{5ab} (m =masculinum genus, мужской род) на тот случай, если пользователя интересует только информация о роде существительного, но не о модели склонения. Грамматические показатели (род, число, одушевленность, вид и т. д.) важны не только для словоизменения, но и для правильного употребления слова в контексте, а во многих случаях – также для правильного разграничения значений, поэтому их самостоятельная эксплицитная подача вполне оправдана.

Во многих случаях возможна также контрастивная подача грамматической информации. Например, нет необходимости педантично маркировать в двуязычном словаре все случаи *singularia tantum* во входном и выходном языке, поскольку обычно они совпадают в разных языках (Берков 2004: 105). Однако случаи расхождений маркировать нужно, например, англ. *fish sg. tantum*, русск. рыба, *мн. ч.* рыбы. Некоторые авторы считают, что контрастивная подача грамматической информации – наиболее подходящий способ ее представления в двуязычных словарях (напр., Noël, Devos & Defrancq 1996: 600–601).

Таким образом, многие проблемы, сдерживающие более широкое включение в словарь информации о словоизменении и грамматических категориях, на практике вполне разрешимы. Многие типы грамматической информации зависят от конкретных языков, однако ниже мы перечислим основные типы и способы выражения информации о словоизменении и сопутствующей ей информации о грамматических классах.

Парадигматическая информация, т. е. информация о парадигме словоизменения, может быть полной или частичной. В первом случае при единице словника или переводном соответствии приводится вся парадигма или хотя бы все аффиксы этой парадигмы. Если парадигма предсказуема на основании ее ключевых элементов, возможна частичная подача, при которой приводятся только ключевые элементы или их части. Символическая, или отсылочная подача отсылает пользователя к словоизменительным таблицам, которые, как правило, расположены в приложении к словарю или даже в другом словаре (Берков 2004: 104).

Если единица словника или правой части имеет т. н. дефектную парадигму, то в словаре это может отображаться при помощи ограничительных помет. Положительные ограничительные пометы регистрируют ту часть парадигмы, которой обладает данное слово, в то время как отсутствие иных форм указывает на их отсутствие. Отрицательные ограничительные пометы оговаривают ту часть парадигмы, которой слово лишено, например, *1 л. не употр.* (т. е. 1-е лицо не употребляется), *sg. tantum* (слово употребляется только в единственном числе) и т. д. (Берков 2004: 104–105).

Информация о чередованиях при словоизменении может либо отражаться в символической записи (как, например, в "Грамматическом словаре" А.А. Зализняка), либо описываться в грамматическом очерке (если чередования регулярны). Если же чередования нерегулярны, необходимо приводить в соответствующей словарной статье все нерегулярные части парадигмы, а также подавать нерегулярные формы в качестве отдельных единиц словника (ср. Берков 2004: 109–111):

Пример 15 (Русско-норвежский словарь = Берков 1987):

расстел.. <расстелю, расстелет *и т. д.*> буд. от разостлать

Среди грамматических категорий в словарях часто указываются следующие: часть речи, род существительного, число существительного, исчисляемость – неисчисляемость существительного, одушевленность – неодушевлен-

ность существительного, проприативность – нарицательность существительного, переходность глагола, вид глагола.

Все грамматические пометы обычно даются сразу после возможной информации о произношении, на той же строке. Поскольку информация о словоизменении и грамматических категориях относится к отдельным словам, должна быть предусмотрена возможность приводить эту информацию непосредственно после каждого слова словосочетания. Грамматические пометы чаще всего подаются светлым курсивом меньшего, по сравнению с единицей словаря или правой части, кегля. В терминологических стандартах приняты несколько иные правила оформления грамматической информации: она дается прямым светлым шрифтом после запятой (ISO 10241:1992: 10). В целях экономии места после грамматических помет-сокращений обычно не ставится точка.

Информация о словоизменении и грамматических отличиях может содержаться также в таких многофункциональных полях, как "пояснение" или "примеры" (Тооре 1996: 77–83; Берков 2004: 106). Например, в русском языке вещественные существительные, обозначающие большие пространства, покрытые определенным веществом, а также названия атмосферных процессов, длящихся долгое время, употребляются во множественном числе (*снега, льды, пески, дожди*), тогда как во многих других языках эти существительные – *singulalia tantum*. Это различие может быть продемонстрировано при помощи примера, в котором даются обе формы, например, *бесконечный дождь; бесконечные дожди* (Берков 2004: 106).

К проблеме выбора языка представления грамматической информации возможны различные подходы. С одной стороны, логично давать эту информацию на языке тех пользователей, для которых эта информация является новой. С другой стороны, принцип отдельного описания языков предполагает описание каждой единицы при помощи средств того же языка. Существует и множество других факторов – от лексикографических традиций до эстетических соображений – которые могут повлиять на решение лексикографа.

Дополнительные сведения по вопросам представления в словарях информации о словоизменении можно найти, в частности, в следующих работах:

Cowie 1983; Mugdan 1989; Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989: 45–46, 79–86; Лингвистический аспект стандартизации 1993: 38–46; Noël, Devos & Defrancq 1996; Bergenholtz & Tarp 1995: 111–116; Берков 1996: 109–128; Берков 2004: 100–116.

Информация о значении

В данном подразделе рассматриваются способы представления информации, которую часто называют "семантической". Однако термины "семантика" и "семантизация" имеют очень широкое значение и могут толковаться неоднозначно (ср., напр., Влахов 1990: 76; Табанакова 1999: 61).

В частности, имеются различные точки зрения на соотношение понятий "значение термина" и "содержание понятия, выражаемого термином": одни исследователи считают, что значение термина есть понятие, в то время как другие полагают, что значение термина – более широкая категория (Герд 1980: 5; ср. Татаринцов 1996: 163–164; Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 261–262). В настоящее время в российском терминоведении принято разделять лексическое и терминологическое значения специальных единиц, причем эти значения могут совпадать или не совпадать (напр., Гринев 1993: 92–94, 176). Тем не менее лексическое значение термина на практике часто игнорируется (напр., Мандрикова 1995: 17–18), в связи с чем понятие "значение термина" может трактоваться неоднозначно. В западном терминоведении какое-либо содержание всегда приписывается только понятию, а непредметные компоненты значения и лексическое значение специальной единицы, как правило, игнорируются (ср., напр., ISO 12620:1999; ISO 704:2000).

Иногда в понятие "средства семантизации" включаются системные связи термина (синонимы, антонимы, варианты, иноязычные эквиваленты), сочетаемость, этимология, любые сведения о сфере использования и особенностях употребления (ср. Герд 1996: 301; Табанакова 1999: 53; Табанакова 2001: 16).

Для целей данной работы мы решили выделить три блока информации о значении специальных единиц:

1. Идентифицирующая информация о понятии, под которой понимается минимальный набор признаков, позволяющий отделить данное понятие от других. В случае имен собственных и номенов, у которых сильнее связь с объектом обозначения, чем с понятием, вместо информации о содержании понятия целесообразно сообщать информацию об объекте.
2. Дополнительная информация о понятии, не являющаяся существенной с точки зрения его идентификации, но важная с других точек зрения.
3. Другие аспекты значения специальных единиц – коннотации, ассоциации, идеологический компонент значения, внутренняя форма и т. п.

Системные связи, сочетаемость, прагматика и этимология рассматриваются в отдельных подразделах.

Для наименования средств раскрытия значения специальной единицы в литературе используется множество терминов – определение, дефиниция, пояснение, толкование, описание, семантизация и т. д. (напр., Комарова 1979: 23; Андрищенко & Морковкин 1988: 14; Комарова 1991; Табанакова 1999: 61–63), однако они употребляются весьма непоследовательно (ср. Табанакова 1999: 59–63; Шелов 2003: 36–37). В качестве обобщающего термина мы будем использовать выражение *способы (или средства) раскрытия значения* (термина, специальной единицы и т. д.).

Идентифицирующая информация

Задачей идентифицирующей информации является однозначное выделение понятия, с которым соотносится специальная лексическая единица, или выделение объекта или группы однородных объектов (в случае имен собственных и номенов). Это делается через раскрытие содержания понятия или через указание на отличительные признаки объектов. "Содержанием понятия" мы бу-

дем называть совокупность отличительных или существенных признаков, на основании которых выделяется понятие (ср. Гринев 1993: 88; Рузавин 2002: 30).

Основным средством раскрытия содержания понятия является *определение*, часто именуемое также *дефиницией* (напр., Табанакова 1999: 63; Шелов 2003: 197). Задачей определения является не подробное описание понятия, а лишь указание на минимальный набор признаков, позволяющих однозначно выделить данное понятие среди других (ср. Шелов 2003: 33).

Типы определений, правила их составления и требования к ним описываются в большом количестве работ по логике и терминоведению, поэтому нет необходимости рассматривать их здесь. Среди рекомендуемой литературы назовем, в частности, следующие источники: Haarala 1981; Picht & Draskau 1985; Волкова 1986; Горский 1987; Sanastotyön käsikirja 1989; Рекомендации 1990; Комарова 1991; Лингвистический аспект стандартизации терминологии 1993; Гринев 1993; Гринев 1995; Шелов 1998; Bowman, Michaud & Suonuuti 1998; Табанакова 1999; Toimikunnista termitalkoisiin 1999; ISO 704:2000; Шелов 2003.

Мы рассмотрим лишь те классификации определений, которые важны с точки зрения выбора методов работы над ними. Начнем с разделения определений специальных единиц на "филологические" и логические (напр., Толикина 1976: 50; Комарова 1991: 43–52). К "филологическим" относятся, в частности, синонимические, антонимические, деривационные, описательные и отсылочные определения. Эти определения в известной степени раскрывают значение языковой единицы, однако по содержанию и по форме они не отвечают основным требованиям, предъявляемым к определениям в логике. Филологические определения широко используются в общеязыковых словарях. Стоит, впрочем, особо подчеркнуть, что не все определения, встречающиеся в филологических словарях, являются "филологическими", поэтому сам термин "филологические определения" можно назвать не вполне удачным.

В словарях специальной лексики при раскрытии значения специальных понятий должны использоваться не "филологические", а логические определения (ср. Табанакова 1999: 63). Согласно С.Д. Шелову (2003: 197), логическое определение в узком смысле – это высказывание перформативного типа, автор ко-

того рассматривает его как определение и которое не допускает нескольких качественно различных интерпретаций. Логическое определение в широком смысле охватывает также и высказывания, допускающие более одной интерпретации. Определения первого типа "жестко" очерчивают понятийное содержание определяемой единицы, не допуская промежуточных переходов, градации свойств, качеств и отношений. Определения второго типа используют выражения, которые допускают различную интерпретацию, в результате чего дефинируемые термины приобретают "мягкую" понятийную семантику (Шелов 2003: 69). "Размягчать" семантику определений и, соответственно, дефинируемых терминов, может также употребление таких выражений, как "особый", "особого рода", "специфический", "близкий", "аналогичный", "характерный" и т. п. (Шелов 2003: 71).

"Семантически жесткие" определения используются в точных науках, а также в областях, которые не должны допускать различных интерпретаций (напр., промышленные стандарты, правила безопасности, юриспруденция). С другой стороны, во многих областях полиморфизм (т. е. "семантическая нежесткость") терминов – далеко не всегда только отрицательное явление. В науке полиморфизм позволяет сохранить преемственность учений и концептуальное единство даже при различной трактовке в пределах различных направлений, школ, подходов (Шелов 2003: 85–86; ср. Татаринов 1996: 165). Даже в юриспруденции т. н. "неясные понятия" имеют свою функцию: "Кажется, что такие термины, как 'добросовестность', 'добрые нравы', 'общественный порядок' и т. п. созданы специально для того, чтобы позволить судам использовать аргументацию, характер которой можно описать лишь в самом общем виде. Эти термины придают закону гибкость за счет точности" (Маскаау 1979: 35; цит. по: Лёзов 1986: 36). Неопределенность понятий может быть полезна в законах, защищающих гражданские права, но она безусловно вредна в ограничивающих законах (Лёзов 1986: 35, со ссылкой на: Charron 1980: 51).

С предыдущим противопоставлением в определенной степени связано также различие между дескриптивными и прескриптивными дефинициями. Дескриптивная дефиниция показывает, какое значение имеет тот или иной термин;

прескриптивная дефиниция указывает, какое значение термин должен иметь (Марчук 1992: 33; ср. гносеологический vs. прагматический подход к определению содержания понятий – Горькова 1980: 9). Составлением прескриптивных дефиниций занимаются уполномоченные терминологические центры, результаты работы которых публикуются в виде нормативных словарей и стандартов на термины и определения. Составление прескриптивных дефиниций – достаточно сложный и трудоемкий процесс. Нередко время, затраченное на создание классификационной схемы, столь велико, что разработанная схема устаревает еще до окончания работы над ней (Горькова 1980: 9). Согласно рекомендациям, нормативные словари и терминологические стандарты, составляемые таким способом, не должны превышать 200–500 понятий (напр., ISO 10241:1992: 3; Sanastotyön käsikirja 1989: 132), а на практике они обычно содержат от нескольких десятков до двух-трех сотен понятий. Таких объемов, конечно, совершенно недостаточно для целей перевода (Koudachev 2002; Кудашев 2006: 71).

Словарь, ориентированный на перевод, по своей сути обычно является дескриптивным, поэтому и определения в нем могут быть дескриптивными (ср. Игнатъев 1976: 55). Это, однако, не исключает возможности усовершенствования определений, заимствованных из литературы или составленных специалистами-предметниками. Так, в ФРЛС определения, заимствованные из литературы, дорабатывались терминологами, специалистами-предметниками и редакторами – дополнялись, сокращались и приводились в соответствие с логико-понятийными схемами. Такие методы работы позволили в обозримые сроки (3–4 года) составить переводческий словарь объемом около пяти тысяч терминов, в котором каждое понятие определено, причем качество определений в целом выше, чем в литературе по специальности. Представляется, что дескриптивный подход в сочетании с доработкой определений позволяет добиться наилучшего соотношения объема словника и качества определений в переводческой терминологии (Кудашев 2006: 71).

По наблюдениям С.Д. Шелова (1998: 163–164; 2002: 3–6), в словарях специальной лексики используются следующие виды определений: родовидовые, перечислительные, контекстуальные, операциональные и неспецифические.

При этом нормативные словари устойчиво предпочитают определения родовидового, перечислительного и операционального типа при главенствующей роли родовидовых и практически не используют контекстуальные дефиниции. Для нормативных словарей характерна также бóльшая избирательность языковых средств выражения, вызванная необходимостью уменьшения полиморфизма терминологии.

Некоторые исследователи выступают против засилья определений через род и видовое отличие, напоминая, что в логике насчитывается несколько десятков видов определений, и это богатство не используется должным образом (Плечкайтис 1973: 126–127). Если характер понятия или аспект его рассмотрения предполагает использование других типов определений, то не следует искусственно пытаться превратить их в определение через род и вид.

Из работ сторонников т. н. социокогнитивного подхода в терминоведении можно вынести представление, что для многих или даже большинства понятий невозможно составить классические логические определения (напр., Temmerman 2000: 10, 87). На самом деле авторы этих работ, по-видимому, имеют в виду, что информации, заключенной в традиционном определении, часто бывает недостаточно для понимания сути понятия, особенно если это определение читает неспециалист (ср. Temmerman 2000: 24, 30, 35, 83). Р. Теммерман оговаривает, что термин *definition* (определение) она понимает как "описание, с помощью которого можно понять категорию" (Temmerman 2000: 75) и часто говорит о "*meaningful definition... which designates the concept being defined*", т. е. об определении, которое позволяет достаточно полно описать понятие (напр., Temmerman 2000: 10). Таким образом, Р. Теммерман имеет в виду не определение как средство отграничения данного понятия от других, а описание, позволяющее глубже вникнуть в суть вопроса и раскрыть все аспекты понятия.

К сожалению, анализ словарей показывает, что определения и другая информация, необходимая для идентификации понятия, либо не включаются в переводческие словари специальной лексики вообще, либо включаются в минимальном объеме. Многие авторы (напр., Picht & Draskau 1985: 123; Герд

1986: 56; Pearson 1998: 71–72; Rogers & Ahmad 1998: 197; Varantola 1998a: 181; Temmerman 2003: 132) высказываются за гораздо более широкое представление подобной информации в переводческих словарях.

Напомним, что по результатам нашего анкетирования определение заняло второе место среди наиболее полезных типов информации в словаре (см. выше Таблицу 15). В девяти комментариях, касающихся наиболее значительных недостатков словарей, отмечалась проблема отсутствия или недостаточного качества определений. Интересно отметить, что средневзвешенная оценка полезности определений, данная финскими респондентами, оказалась существенно выше, чем соответствующая оценка российских респондентов (4,62 vs. 4,00 балла). По нашему мнению, это связано с тем, что в Финляндии переводческие словари чаще, чем в России, содержат определения, в связи с чем финские пользователи имели больше шансов оценить преимущества подобной практики. Более опытные переводчики (со стажем работы 5 и более лет) ощущают меньшую потребность в определениях, чем их начинающие коллеги (4,32 vs. 4,63; ср. с аналогичными результатами в отношении толкований: Перевод научно-технической литературы 1986: 27).

По-видимому, можно выделить две основные причины, по которым определения и другую информацию, позволяющую идентифицировать понятие, следовало бы шире включать в переводческие словари. Во-первых, переводчику обычно важно не только найти точный эквивалент нужного слова в своем языке, но и знать, действительно ли данная единица, приведенная в словаре, обозначает то же самое понятие, что и единица в тексте оригинала. Во-вторых, при переводе терминов переводчику необходима такая степень независимости в понимании понятия, которая позволила бы ему самому выбирать адекватные средства для его выражения на выходном языке в данном контексте. Поэтому в идеале переводческий словарь должен содержать не только переводные эквиваленты, но и определения (Герд 1986: 56–57; Mackintosh 1998: 133; Temmerman 2003: 132; ср. Zgusta 1984: 148; Varantola 1998a: 181; ср. тж. с одним из комментариев к нашей анкете: "без определений трудно оценить, является ли эквивалент подходящим для данного контекста").

Особенно большая потребность в определениях возникает в областях, где понятийный аппарат и терминология еще не устоялись. Это прежде всего касается новых и активно развивающихся областей (ср. Перевод научно-технической литературы 1986: 27; Шайкевич & Убин 1988: 114; Харисанова 1988: 17).

Размышления о целесообразности включения в переводческие словари определений можно подытожить известным и широко цитируемым высказыванием Р. Декарта: "Определяйте значения слов, и вы избавите мир от половины его заблуждений". Представляется, что эта сентенция верна не только в отношении сферы функционирования лексики, прежде всего специальной, но и в отношении сферы ее фиксации, т. е. словарей. Теперь рассмотрим особенности определения и описания важнейших классов специальной лексики.

У **имен собственных** связь с понятием ослаблена, поэтому их идентификация осуществляется через указание на класс объектов, к которому принадлежит обозначаемый объект, и перечисление отличительных признаков объекта, а также через наглядное представление. Характер отличительных признаков объекта зависит от его типа и от аспекта рассмотрения. Как отмечает Х. Пихт, в число важнейших характеристик входят, как правило, пространственные и временные признаки (Picht 2005: 20). Для большинства объектов, особенно рукотворных (артефактов), важным признаком является также их назначение.

Например, в ФРЛС при "определении" международных конвенций экологической направленности, как правило, указываются дата подписания соглашения (иногда также место и мероприятие, на котором было выработано или подписано соглашение) и его основная цель:

Пример 16 (ФРЛС):

aavikoitumissopimus [Ympäristönsuojelu]

ҮК:n aavikoitumissopimus

Rion ympäristökokouksen aloitteesta vuonna 1994 solmittu ja vuonna 1996 voimaan tullut sopimus, jonka perusajatuksena on edistää kuivien alueiden kestäväää käyttöä ja ehkäistä ihmisen aiheuttamaa aavikoitumista 📖 ≈ LL

📖 Sopimuksen englanninkielinen nimi on UN Convention to Combat Desertification. 📖 ≈ LL

Конвenciónия по борьбё с опустыниванием 📖 Страхов и др., 111

[Перевод финского "определения": "Подписанная в 1994 г. по инициативе Конференции по окружающей среде и развитию, проходившей в Рио-де-Жанейро, и вступившая в силу в 1994 г. конвенция, основной целью которой является содействие устойчивому развитию засушливых территорий и предупреждение антропогенного опустынивания"].

Таким образом, "определения" имен собственных могут включать в себя сведения, обычно относящиеся к энциклопедическим: даты, местоположение, габариты, формы и т. д. (ср. Герд 1986: 57). В другом контексте могли бы быть использованы другие способы идентификации вышеуказанного документа. Например, в делопроизводстве и архивном деле в качестве идентификаторов обычно выступают название организации и/или лица, выпустившего документ, номер документа и дата подписания.

Для точного и однозначного идентифицирования единичных объектов могут также применяться данные специальных каталогов. Например, астрономические объекты, такие как Сириус или Галактика Андромеды, имеют в астрономии свои идентификационные номера, при которых указывается тип объекта и его точные координаты на небесной сфере. Возможна также невербальная идентификация единичного объекта – при помощи чертежа, рисунка, схемы, фото и т. п. (напр., Табанакова 1999: 65, 73).

Для **номенов** не может быть составлена родовидовая или партитивная дефиниция, а только описание, в котором перечисляются отличительные признаки номена (ср. Канделаки 1973: 63; Березникова 1976: 88; Гринев 1993: 46; Тартинов 1996: 254).

В ФРЛС было принято такое решение в отношении толкования номенов, не имеющих латинского названия: в поле "определение" приводится указание на непосредственное вышестоящее понятие, после чего ставится ссылка "см. пояснение". В пояснении же раскрываются характерные признаки номена:

Пример 17 (ФРЛС):

pallosarakorpi (6.6) [Suotyypit]

PsK *lyh.*

puustoinen korpi (ks. selite) ≈ Laine & Vasander, 21

① Pallosarakorpi on niukahkoravinteinen ja minerotrofinen suo. Valtapuuna on kitukasvuinen kuusi, jonka lisäksi esiintyy tavallisesti myös mäntyä ja koivua. Kenttäkerroksessa pallosara on tyypillinen laji, myös rämevarpuja voi esiintyä. Pohjakerroksessa on yleensä runsaasti ruskorahkasammalta. Melko yleinen Pohjois-Suomessa. ≈ Laine & Vasander, 21

елóво-осóкóвое болóто Лисс

елóвое болóто с осóкой шаровíдной Хейкурайнен, 20

Термин "еловое болото с осоккой шаровидной" зафиксирован только в переводной литературе. Лисс

В России болота обычно описываются от верхнего растительного яруса к нижнему. Лисс

[Перевод финского "определения": "Тип елового болота (см. пояснение)"; перевод пояснения: "Мезотрофно-олиготрофное и минеротрофное болото. Главной лесной породой является угнетенная ель, обычно встречаются также сосна и береза. Для покрова типичны осока шаровидная и кустарнички. В мхово-лишайниковом покрове обычно много сфагнума бурого. Довольно распространенный тип болота в Северной Финляндии"].

При решении вопроса о том, какие признаки номена следует выбрать для его описания, целесообразно исходить из прагматических соображений. В отличие от определения общего понятия, в котором необходимо раскрыть сущность понятия, в описании номена достаточно указать признаки, являющиеся важными только для какой-либо внешней системы, внешне значимые (Мельников 1991: 74–75). Довольно часто за отправную точку при составлении перечня существенных характеристик принимаются потребности человеческого коллектива. Например, представителей животного мира подходе лучше всего описывать при антропоцентрическом подходе через такие категории, как ареал обитания, размеры, внешний вид, особенности поведения и отношение к человеку (Wierzbicka 1988: 165). Следует отметить, однако, что это предложение касается общезыковых словарей и повседневного дискурса, в то время как для специальных областей важными могут оказаться совсем иные характеристики.

Многие виды научных номенов проще всего идентифицируются при помощи латинских или греческих названий. Дополнительное описание при этом часто становится ненужным, поскольку его можно найти в номенклатурных справочниках. Научные названия принято давать курсивом сразу после номена и по-

мещать их в круглые скобки (ср. Берков 2004: 158). Следует иметь в виду, что согласно традициям, принятым в биологии, ряд элементов в латинских названиях курсивом не выделяется:

Пример 18 (ФРЛС):

rämerahkasammal (*Sphagnum angustifolium*, *S. fallax* var. *a.*, *S. recurvum* subsp. *a.*, *S. recurvum* var. *parvifolium*) 📖 Ulvinen et al., 264 [Nimikko- ja opaskasvit]
сфа́гнум узколи́стный 📖 Игнатов & Игнатова I, 66

Во многих случаях оказывается проще описать объект, обозначаемый номеном, через *demonstratio ad oculos*, наглядную демонстрацию (например, показать различия однотипных деталей с помощью рисунка). Такая практика применяется во многих словарях, издаваемых на Западе (Суперанская 1976: 78–79). В ряде областей (например, химии, генетике) суть номена может быть выражена с помощью формул.

Иногда для раскрытия значения номенов и демонстрации различий между ними удобным оказывается табличное представление, например такое, которое используется в семантическом анализе. Оно позволяет отразить множество признаков одновременно (Kudashev 2005: 179; ср. Комарова 1991: 90).

Особенности раскрытия значения **терминоидов** связаны с необходимостью описания специального представления – чувственно-наглядного образа предметов и явлений, в котором еще не выделены существенные признаки и не раскрыты внутренние связи предметов. Терминоиды имеют менее четкие системные связи с другими специальными единицами той же области. Основной способ раскрытия их значения – описание.

Терминоиды не следует смешивать с **амбисемичными терминами**, т. е. терминами, имеющими несколько трактовок, но связанными с понятиями, а не представлениями. В дескриптивных словарях амбисемичные термины целесообразно фиксировать с указанием различных точек зрения на их содержание. К нормализации подобных терминов следует подходить с крайней осторожностью, чтобы не нанести ущерб развитию данной области знаний (Гринев 1993:

49; ср. Харисанова 1998: 17). Терминов, имеющих разные трактовки, особенно много в общественно-политической сфере. В качестве примера приведем термин "терроризм", при определении которого мировое сообщество столкнулось с серьезными трудностями.

Составителю определений необходимо иметь в виду следующее обстоятельство: хотя ни наука, ни практика не могут обойтись без ясных критериев спецификации объектов, бессмысленно пытаться дать определение "раз и навсегда" (ср. Краткое методическое пособие 1979: 18; Лёзов 1986: 34; Кияк 1988: 137). Понятия постоянно эволюционируют, и определения могут только зафиксировать их состояние в определенный момент времени.

Среди единиц, раскрытие значения которых имеет определенную специфику, следует отметить также **полностью мотивированные термины**. Возможны два варианта полной мотивированности терминов: 1) понятийное содержание термина полностью "выводимо" из его терминологических составляющих и только из них; 2) понятийное содержание термина полностью "выводимо", но не только из его терминологических составляющих, но и других терминов, понятийная семантика которых участвует в "выводе" понятийного содержания мотивированного термина (Шелов 2001: 7; подробнее см. Шелов 2003: 152–174). Пример первого случая: "степень неоднородности рентгеновского излучения" = "степень неоднородности излучения" + "рентгеновское излучение"; пример второго случая: "глагольная основа" = "глагол" + "основа" + "словоформа" (примеры С.Д. Шелова).

В принципе, явление полной мотивированности терминов делает дефиницию ненужной (Шелов 2001: 7). Однако успешное и уверенное "выведение" значения полностью мотивированного термина подразумевает соблюдение ряда условий: 1) умения правильно разбить термин на составляющие и при необходимости добавить "недостающие" элементы; 2) понимания значения составляющих; 3) умения осуществить операцию "вывода" (как видно из приведенных выше примеров, здесь не всё всегда просто и очевидно); 4) уверенности в том, что термин является полностью мотивированным и его значение полностью "выводимо".

Простое отсутствие дефиниции может имплицитно указывать на полную мотивированность термина, однако оно не гарантирует соблюдение остальных условий, поскольку последние требуют определенных специальных знаний. Кстати, непосредственная определяемость термина через компоненты, входящие в его состав, имеет место далеко не всегда. В цепочке дефиниций, ведущих от подтермина к термину, может оказаться новое имя, которое лексико-синтаксически не соотносится ни с определяемым, ни с определяющим выражением (Шелов 2002: 17). Необходимым условием полной выводимости значения мотивированного термина из его составляющих является также то, что семантическая выводимость осуществляется строго по правилам общего языка (Шелов 2002: 20).

В связи с перечисленными обстоятельствами нам представляется, что в словарях, особенно ориентированных на неспециалистов, полностью мотивированные термины нет необходимости снабжать определением только в том случае, если определение полностью совпадает с термином (даже в терминологических стандартах рекомендуется в этом случае на месте определения ставить прочерк – см. Лингвистический аспект стандартизации терминологии 1993: 18). В остальных же случаях понятия лучше все же определять, даже если бóльшая часть определения будет всего лишь повторением компонентов самого термина.

Еще А.А. Реформатский указывал на трудности определения в терминологических словарях исходных, **базовых понятий** терминосистем (например, *пожар* в словаре пожарной терминологии – Реформатский 1986: 176; ср. Плечкайтис 1973: 127). Это связано с тем, что родовыми для базовых понятий являются понятия более общей области или даже общеязыковые понятия. Кроме того, поскольку базовые понятия стоят на вершине иерархической системы данной области, у них нет соподчиненных понятий, в связи с чем невозможно указать их видовые отличия. Определения ряда наиболее общих понятий можно заимствовать из общеязыкового словаря, как это делалось, в частности, в ФРЛС:

Пример 19 (ФРЛС):

yksilö (15.3) [Metsägenetiikka ja metsänjalostus]

yksittäinen eläin tai kasvi itsenäisenä kokonaisuutena CD-PS

① Yksilöt muodostavat populaation. ≈ Paloheimo, 133

особь *f* (7.42) Наквасина & Бедрицкая, 138

[Приблизительный перевод финского определения: "Отдельно взятый представитель животного или растительного мира", источник – Толковый словарь финского языка на CD-ROM].

Исходные понятия могут также "определяться" через описание их связей с другими исходными понятиями. В аксиоматических системах это определение осуществляется с помощью аксиом (Журавлев 1976: 118).

При определении **глаголов** могут возникать определенные трудности, поскольку теория терминологического определения глагольных понятий разработана слабо. В качестве "родового понятия" глаголов должны использоваться другие глаголы (ISO 10241:1992: 5–6), причем на практике "родовой" глагол часто имеет довольно широкую семантику (например, "делать", "производить", "осуществлять", "сооружать"). В качестве отличительных признаков обычно используются т. н. функциональные отношения – указания на способ действия, результат, деятеля или инструмент (Sanastotyön käsikirja 1989: 53).

Пример 20 (ФРЛС):

saneerata Koski [Metsägenetiikka ja metsänjalostus]

poistaa metsästä heikkolaatuiset ja sairaat puut Koski

проводить санитарные рубки (*perf.* проведи́) Сергеева

◇ saneerata metsikkö – *проводить санитарные рубки в насаждении*

[Перевод финского определения: "Удалять из леса малоценные и больные деревья"].

В языках для специальных целей существует класс единиц, которые могут быть "определены" только при помощи т. н. металингвистической дефиниции. Этот тип дефиниции используется для толкования **выражений**, а не понятий. Например, в словаре общего языка выражение hello! можно "определить" как "слово, используемое как приветствие или для выражения удивления при

встрече с кем/чем-либо" (Geeraerts 2003: 87–88; перевод мой – И.К.). В языках для специальных целей металингвистическая дефиниция требуется при определении клише и штампов ("handle with care", "this end up", "вас понял", "перехожу на прием", военные команды и т. д.), а также для пояснения сверхфразовых единств и текстов (например, стандартных условий форс-мажора или отказа от ответственности).

Одним из способов "быстрой идентификации" понятий могут служить краткие пояснения, синонимические перифразы или прагматические пометы, которые позволяют в первом приближении понять, о чем идет речь, и выбрать единицу, соответствующую искомому значению. В английском языке в этом случае принято говорить о meaning (или sense) discrimination (напр., Kipfer 1984: 185; Burkhanov 1998: 216; Hartmann & James 1998: 92, 125) или disambiguation (напр., Hartmann & James 1998: 44; ISO 1087-2:2000: 5), а в русском языке используется термин "семантизация" (напр., Дубичинский 1998: 35; Берков 2004: 19), причем под семантизацией может пониматься как сам процесс разграничения значений, так и использующиеся для этого средства (Дубичинский 1998: 35, со ссылкой на В.В. Морковкина). Нам представляется, что во избежание путаницы лучше говорить о *разграничении значений и средствах разграничения значений*.

Средства разграничения значений, как правило, являются не основными, а вспомогательными средствами идентификации понятий. Их функция – не столько информационная, сколько навигационная. В зависимости от выбора базовой единицы словника (языковое выражение в целом или его отдельное значение) средства разграничения значений могут предшествовать единицам правой части или следовать за ними:

Пример 21 (Краткий русско-английский терминологический словарь по коммерции 1990):

чист|ый 1. (без примеси) pure; ~ое золото fine gold; **2.** (*нетто*) net; ~вес net weight; ~ая выручка net proceeds

Пример 22 (Англо-русский коммерческий словарь-справочник 1992):

net *n* нетто; сальдо (*о прибыли, доходе и т. п.*); сеть (*дорог*)

В приведенных примерах пояснения в скобках являются средством разграничения значений и помогают выбрать нужное соответствие. Обратим внимание на не вполне корректное употребление второй тильды в первом примере: поскольку тильда заменяет собой отдельное слово, она должна была стоять отдельно. Средства разграничения значений, как правило, набираются курсивом и помещаются в круглые скобки (ср. Берков 2004: 134), однако С.В. Гринев отмечает другой способ подачи этого типа информации в терминологических продуктах – прямым шрифтом в угловых скобках (Гринев 1995: 64; ср. словарь *Geoinformatiikan sanasto* 2005).

Теперь перейдем к рассмотрению форм подачи идентифицирующей информации. Форма определений должна быть рассчитана на того, кому адресуется словарь. По свидетельству Б.И. Игнатъева (1976: 60), лишь очень небольшое число двуязычных терминологических словарей адресуется опытным специалистам. При составлении определений для переводческих словарей специальной лексики рекомендуется ориентироваться на уровень знаний студентов начальных курсов, знакомых с основами своей специальности (Игнатъев 1975: 19; Игнатъев 1976: 59).

В нормативных терминологических словарях, которые ориентированы в основном на специалистов-предметников, в определениях ценится лаконичность и системность, не допускается использование "лишних" слов и присутствие дополнительной информации о других (родовых, смежных) понятиях. У обычных пользователей (не являющихся специалистами-предметниками) эта особенность нормативных словарей часто вызывает раздражение. У них возникает ощущение, что для того, чтобы понять значение одного термина, нужно прочитывать по ссылкам едва ли не весь словарь (Kalliokuusi 1997: 19; ср. Bergenholtz & Tarp 1995: 146; Varantola 2002: 42). Переводчики в своей основной массе также относятся к "обычным" пользователям, и им, конечно, было бы удобно найти

всю необходимую информацию о данном и смежных понятиях в одной–двух статьях.

Для неспециалистов описательные конструкции чаще оказываются намного более информативными, чем точные термины (ср. Игнатъев 1976: 58, со ссылкой на ряд других авторов), поэтому использование в определениях перифраз или расшифровки терминов в скобках может избавить эту группу пользователей от необходимости обращаться к другим словарным статьям. Составителю словаря следует стремиться к простоте и понятности изложения определений, но не в ущерб точности и правильности (ср. Pearson 1998: 88).

Представляется также, что в словарях, предназначенных для переводчиков, возможен отход от ряда правил, принятых в нормативной терминографии. Например, нет необходимости жестко соблюдать границу между определением и пояснениями и доводить определения до совершенства с формальной точки зрения. Ср. "определения" из многоязычного "Словаря банковско-биржевой лексики":

Пример 23 (Словарь банковско-биржевой лексики на шести языках 1992):

Счет "лоро" –

когда один банк открывает у себя счет на имя другого банка.

Нумерованный счет –

когда владелец счета известен лишь абсолютно ограниченному числу руководящих сотрудников банка. Вместо его имени фигурирует определенный номер.

Целесообразно было бы также использовать опыт составления универсальных энциклопедий, которые, как и словари специальной лексики, содержат толкования специальных понятий и при этом рассчитаны на массового читателя. Например, при описании сложных понятий в универсальных энциклопедиях применяется следующий прием: в начале статьи дается "рабочее" определение, очерчивающее круг явления, а собственно научная дефиниция приводится в самом конце статьи, после развернутого пояснения (Мостовенко 1976: 124–125). Благодаря этому приему читатель постепенно и "безболезненно" вводится в курс дела.

Определения, как правило, создаются на том языке, понятийную систему которого они отражают (Sanastotyön käsikirja 1989: 137), поскольку при переводе определений на другой язык межъязыковые несоответствия могут привести к смысловым искажениям.

В неодноязычных словарях возможна контрастивная подача идентифицирующей информации, когда вместо двух определений сопоставляемых единиц дается описание их различий. Такой прием освобождает переводчика от необходимости производить сравнение двух определений и позволяет ему сразу сделать вывод о степени эквивалентности разноязычных единиц и возможных приемах компенсации при переводе. Контрастивная подача информации позволяет также существенно сэкономить место в словаре. Тем не менее этот метод обладает и одним существенным недостатком: переводчик не имеет возможности проверить, совпадает ли словарное значение искомой единицы с тем, которое встретилось ему в контексте. На наш взгляд, контрастивная информация была бы полезным *дополнением* к собственно определению, ср.:

Пример 24 (ФРЛС):

luonnonhoitoalue [Metsäluonnon monimuotoisuus]

maanomistajan hakemuksesta perustettava alue, jolla luonnonsuojelu, metsänhoito ja -käyttö sekä muu alueen taloudellinen käyttö sovitetaan yhteen ≈ ESM, 14

≈ **заказник** ООПТ

В Финляндии данная территория учреждается по заявлению землевладельца (частного или государственного). В России невозможно учредить заказник по заявлению частного землевладельца. Все заказники находятся в собственности государства.

Одним из требований, традиционно предъявляемых к определениям, является т. н. "принцип взаимозаменяемости" (principle of substitution), в соответствии с которым форма определения должна быть такой, чтобы определение могло в тексте заменить термин (ISO 704:2000: 20; Sanastotyön käsikirja 1989: 56). Из этого правила следуют следующие выводы:

- определение начинается со строчной буквы и после него не ставится точка;

- в начале определения термин не повторяется и не используются вводные слова типа "под ... подразумевается", "... называется" "... – это" и т. п.;
- в языках, имеющих категорию артикля, он не используется в начале определения;
- в определении всегда используется форма единственного числа, если только речь не идет о собирательном понятии;
- определение должно быть однофразовым (ср. Sanastotyön käsikirja 1989: 56; ISO 10241:1992: 5–6, 11).

Нужно сказать, что сам "принцип взаимозаменяемости" представляется требованием не столько содержательного, сколько эстетического характера и вряд ли может считаться обязательным требованием к определению.

Например, в финском "Руководстве по терминологической работе" (Sanastotyön käsikirja 1989: 56) отмечается, что выполнение требования однофразовости определения не всегда возможно без нарушения более важного требования к определению – требования ясности, поэтому на практике принцип однофразовости в Финляндии не всегда соблюдается.

При выборе формы определения следует в первую очередь ориентироваться на предпочтения конечных пользователей. Например, в ФРЛС определения вначале планировалось начинать с прописной буквы и заканчивать точкой. Однако вскоре финский редактор выступила с предложением, чтобы в словаре использовалась финская традиция, совпадающая с рекомендациями ИСО. Это предложение было поддержано российским редактором и остальной рабочей группой, поскольку словарь предполагалось в первую очередь распространять на территории Финляндии и, соответственно, имело смысл следовать лексикографическим традициям, привычным для финских пользователей. Дополнительным аргументом в пользу подачи определений со строчной буквы и без точки является также то, что определение в этом случае легче визуально отделить от пояснений, которые оформляются как обычное предложение.

В терминологических стандартах определения принято давать с новой строки после грамматической информации. Шрифт обычный – не жирный и не кур-

сив (ISO 10241:1992: 11). В России определения в терминологических словарях и стандартах обычно начинаются с прописной буквы и заканчиваются точкой, т. е. оформляются как обычное предложение.

При выяснении содержания объема специальных понятий особенно велика роль сотрудничества терминологов со специалистами-предметниками. Описание содержания понятий входит в задачи специалиста-предметника, в то время как для формулирования логически и лингвистически правильных определений желательно объединение усилий специалиста-предметника и филолога-терминолога (Герд 1986: 55).

Возможна ситуация, когда специалисты-предметники не сходятся во мнении относительно содержания специального понятия. В этом случае терминограф может решить включить в словарь определение, поддержанное большинством специалистов, или попытаться объединить разные точки зрения в одно общее определение (Bowker 2003a: 163). Достижение консенсуса между всеми привлеченными специалистами совершенно необходимо в случае нормативного характера словарной работы. В ФРЛС, носящем в целом дескриптивный характер, было принято решение обращаться за помощью только к одному, но авторитетному специалисту в каждой из подобластей. Это позволило существенно сэкономить временные и материальные ресурсы проекта.

Работу над системами понятий и определений лучше всего начинать с описания наиболее общих понятий, стоящих на вершине иерархии, а затем продвигаться вниз уровень за уровнем (ISO 704:2000: 18). Это позволяет добиться систематичности и непротиворечивости определений. До начала работы над определениями необходимо произвести понятийный анализ предметной области и оформить его результаты в виде логико-понятийных схем. Необходимо также следить за тем, чтобы в словарь включались только те значения специальных единиц, которые релевантны для выбранной предметной области (ISO 704:2000: 19; Bowker 2003a: 163).

Как говорилось выше, идентификационная информация может быть выражена не только вербальными, но и невербальными средствами – при помощи

чертежа, рисунка, схемы, фотографии и т. д. Приведем некоторые рекомендации по включению графического материала в словари.

Графический материал подходит для идентификации и в качестве средства дополнительного описания единичных понятий, номенов и предметных терминов (напр., Березникова 1976: 85; Никитина 1976: 169; Суперанская 1976: 78; Табанакова 1999: 72–76; Landau 2001: 143–144), но не подходит для описания абстрактных понятий (напр., Хяютин 1998: 69). В случае предметных терминов иллюстрация обычно лишь дополняет вербальные средства толкования (Щукин 1979: 232; Picht 1994: 234; Табанакова 1999: 76; ISO 704:2000: 23). Иллюстрация служит для раскрытия таких признаков, которые трудно или невозможно выразить вербально: формы, внешнего вида, структуры, строения, местоположения и т. д. (Табанакова 1999: 76). С другой стороны, ряд характеристик (вес, запах, тактильные ощущения и т. п.) при помощи иллюстраций передать трудно или вообще невозможно (Picht 1994: 252–253). Подробная классификация объектов и невербальных способов представления информации о них приводится, в частности, в следующих работах: Galinski & Picht 1997; Picht 2005a.

Иллюстрации могут отражать не только статику, но и динамику, причем динамический аспект может быть выражен при помощи целого ряда средств, например, стрелок, подписей, нумерации. Серия рисунков может также представлять объект с разных сторон, в разных положениях и т. д. Нелингвистические средства представления освобождают восприятие от линейности, благодаря чему понимание во многих случаях происходит быстрее и отличается большей глубиной (Picht 1994: 251–252). В электронных словарях не следует забывать и о возможностях современных средств мультимедиа, включая анимацию и видео.

Уровень абстракции графического материала может быть различным (Picht 1994: 251). Минимальный уровень абстракции наблюдается в фотографиях и реалистичных рисунках; максимальный – например, в схематических изображениях. Чем ниже уровень абстракции, тем больше характеристик предмета или соответствующего ему понятия может быть отражено в изображении. Изображения с минимальным уровнем абстракции подходят для представления еди-

ничных и частных понятий, поскольку в последних трудно вычлениить отличительные признаки. Для репрезентации же общих понятий лучше подходят изображения с более высоким уровнем абстракции, т. к. они позволяют абстрагироваться от деталей и несущественного и подчеркнуть отличительные признаки (ср. Щукин 1979: 232; Bergenholtz & Tarp 1995: 162). Иллюстрации с минимальным уровнем абстракции (например, фотографии) меньше подходят для раскрытия значения общих понятий еще и потому, что они представляют лишь один из многих предметов, входящих в объем данного понятия, и существует опасность, что второстепенные признаки изображенного предмета могут быть механически перенесены пользователем и на других представителей данного класса (ср. Picht 1994: 251; ISO 704:2000: 23; Landau 2001: 144).

Уровень метафоричности графических иллюстраций не должен быть излишне высоким. Например, в двух словарях по строительству (Milicevic 1996 и Milicevic 1998) названия представителей строительных профессий обозначены через характерные для этих профессий инструменты, часть из которых довольно трудно распознать (Koudachev 1999: 115).

Графические иллюстрации удобны для объяснения различий между группами однородных предметов и понятий – шайб, арок и т. д. (ср. Суперанская 1976: 78; Никитина 1976: 169; Landau 2001: 149). Иллюстрации также подходят для демонстрации отношений части и целого, например, машины и ее составных частей (ISO 704:2000: 23). В переводческих словарях иллюстрации могут сопровождаться текстом на входном и выходном/выходных языках, что обеспечивает быстрый тематический доступ к терминам на исходном языке и их эквивалентам (Bergenholtz & Tarp 1995: 165). Во всех этих случаях приходится либо располагать статьи с однородными или смежными понятиями тематически, либо выносить иллюстрации в приложение (ср. Денисов 1993: 183).

В целом же практика размещения иллюстраций в словаре сильно варьируется и зависит от задач словаря, технических возможностей и т. д. (ср. Bergenholtz & Tarp 1995: 166). В.П. Берков (1996: 185–186) предлагает не вводить рисунки в корпус словаря, поскольку это усложняет его набор, а давать их приложением в конце словаря.

В финском "Руководстве по терминологической работе" (Sanastotyön käsikirja 1989: 177) приводится пример табличного представления словарных статей и рисунков. В некоторых словарях (напр., Zelikman 1997) не всегда понятно, к какой статье относится рисунок. При рисунке и в соответствующей словарной статье должны быть взаимные отсылки.

В исследованиях по психолингвистике отмечается, что иллюстрации способствуют пониманию текста при недостаточном знакомстве с предметом, однако могут не оказывать дополнительного влияния на процесс понимания, если текст понятен сам по себе (Шабес 1992: 12, со ссылкой на ряд авторов). Это означает, что прежде всего следует приводить иллюстрации незнакомых или малознакомых для предполагаемых пользователей предметов (напр., Šarčević 1989: 219; Берков 1996: 183–184; ISO 704:2000: 23; Landau 2001: 144). Так, для арабской аудитории рисунок верблюда вряд ли будет необходим, в отличие от изображения христианской церкви (Al-Kasimi 1983: 158). При этом незнакомые предметы не должны описываться только при помощи рисунка – вербальная информация также необходима (Щукин 1979: 231; ср. ISO 10241:1992: 6). Еще одна возможная сфера применения иллюстраций – изображение предметов микромира, невидимых человеческому глазу (Bergenholtz & Tarp 1995: 162). Выбор типа иллюстраций и уровня их абстрактности зависит от уровня знаний пользователей. Например, "чтение" чертежей невозможно без специальной подготовки (ср. Picht 1994: 252).

Графический рисунок должен содержать лишь те элементы, которые необходимы для сообщения существенной информации и обеспечения точного понимания образа. Важные в смысловом отношении детали должны особо тщательно прорабатываться с целью привлечения к ним внимания. Акцентирование возможно при помощи оттенения, утолщения контура, осветления, выделения цветом. Главной для опознания объекта как образа является форма, в связи с чем доминирующая роль при восприятии рисунка принадлежит контуру. Большая плотность знаков на объекте приводит к резкому падению скорости восприятия информации. Желательно, чтобы иллюстрации были стилистически однородными. Экспериментально установлено, что цветные рисунки восприни-

маются лучше черно-белых (Щукин 1979: 233–235; Ремизова 1982: 17–19; ср. Денисов 1993: 183–184).

Отметим также некоторые недостатки использования графического иллюстративного материала. Начнем с того, что иллюстрации занимают в словаре довольно много места. В онлайн-словаре они существенно увеличивают время загрузки и нагрузку на сервер, в бумажных словарях – приводят к существенному удорожанию книги. Создание пригодной для опубликования графики требует специальных навыков, а при использовании готовой графики возникает проблема авторских прав.

Некоторые исследователи вообще скептически относятся к иллюстративному материалу. Так, Р. Лаки приводит такой пример: издание Британской энциклопедии 1911 г. содержало примерно одну иллюстрацию на каждые четыре страницы. В той же энциклопедии, изданной в 1985 г., на каждую страницу приходилось по две иллюстрации, в большинстве своем цветные. При переводе такого издания в электронную форму оказывается, что большую часть на цифровом носителе занимают именно иллюстрации, а не текст. Переведенная в электронную форму Британская энциклопедия без иллюстраций почти не теряет своей информативности, тогда как без текста она становится бесполезной (Lucky 1989; цит. по: Агеев 1997: 108). С этой точкой зрения можно согласиться, но лишь отчасти: все-таки во многих случаях "лучше один раз увидеть". Иллюстрации также придают словарю свойства зрительной наглядности, достоверности, конкретности, яркости и выразительности, разнообразят его (Ремизова 1982: 16; Schelbert 1988: 64; Bergenholtz & Tarp 1995: 159).

Приведем также результаты опросов переводчиков специальной литературы в отношении иллюстраций. В опросе А.Я. Шайкевича и И.И. Убина (1988) 42 респондента высказались за включение рисунков в словари, 12 были против. С увеличением стажа работы по переводу интерес к рисункам угасает (из 12 ответов "против" 9 были получены от переводчиков со стажем 15 и более лет). Интересно отметить, что лишь сравнительно небольшое число респондентов согласны платить за словарь больше в связи с наличием в нем рисунков (Перевод научно-технической литературы 1986: 29). К специальным иллюстрирован-

ным словарям проявили интерес 56 респондентов, 4 высказались против (Шайкевич & Убин 1988: 117).

В нашей анкете вопрос звучал несколько по-другому: "Полезны ли были бы в словарях по Вашей основной тематике рисунки?" Ответы распределились следующим образом:

Полезны ли были бы в словарях по Вашей основной тематике рисунки?	всего, %	финнов, %	русских, %
да	56,72	68,89	31,82
нет	35,82	24,44	59,09
не знаю	5,97	4,44	9,09
нет ответа	1,49	2,22	0

Таблица 20. Результаты ответа на вопрос "Полезны ли были бы в словарях по Вашей основной тематике рисунки?"

Как видим, российские и финские респонденты сильно разошлись в оценке полезности рисунков в словарях по своей основной тематике. Дополнительные комментарии респондентов могут, на наш взгляд, помочь объяснить этот факт. Один из российских респондентов написал в комментариях: "В некоторых случаях не помешали бы иллюстрации, хотя это, конечно, роскошь". По-видимому, российские переводчики оценивают перспективу появления рисунков в словарях по своей тематике с чисто прагматических позиций, осознавая влияние этого нововведения на сроки подготовки словаря и его конечную стоимость. Финские респонденты, напротив, обращают внимание главным образом на ту пользу, которую может принести графический материал: "Рисунки, а в электронных словарях фотографии часто оказывают при переводе неоценимую услугу. Достаточно бывает показать рисунок специалисту-предметнику, и соответствие становится легче найти или хотя бы образовать" (перевод мой – И.К.). Последний комментарий мы можем также подтвердить на основании личного опыта. При работе над ФРЛС эквиваленты названий машин и механизмов было в ряде

случаев намного легче найти, показав российскому специалисту рисунок из книги или Интернета, чем на основании громоздкого вербального описания.

Относительно предметных областей, в которых было бы целесообразно приводить рисунки, единодушие среди переводчиков достигалось далеко не всегда. Например, десять участников опроса (в основном российские респонденты) посчитали включение рисунков в таких областях, как торговля и экономика, излишним, тогда как пятеро (в основном финские респонденты) высказали противоположное мнение. Некоторые ответы не соответствовали априорным ожиданиям: например, переводчик, специализирующийся на физике, отклонил необходимость иллюстративного материала в словарях по своей области, в то время как переводчики, специализирующиеся на праве и управленческой сфере, посчитали такой материал желательным для своей тематики. Однако в целом на основании результатов опроса можно сделать вывод о том, что рисунки нужны прежде всего в технических областях. К сожалению, графический материал встречается в современных переводческих словарях довольно редко (Šarčević 1989: 218–219; Landau 2001: 147), т. е. его потенциал используется далеко не в полную силу.

Мы рассмотрели основные способы представления информации, позволяющей идентифицировать специальный объект, понятие или выражение. Перейдем к рассмотрению способов представления дополнительной информации о значении специальных единиц.

Дополнительная информация о понятии

Как уже говорилось, определение содержит только минимальный набор признаков, необходимый для отделения данного понятия от других. Этой информации часто оказывается недостаточно для понимания сути явления, особенно если реципиентом является неспециалист (ср. Герд 1986: 54–57; Bergenholtz & Tarp 1995: 21, 143–144; Temmerman 2000: 10, 24, 30, 83, 87). Еще Х. Касарес (1958: 174–175) указывал на то, что научные номинальные определения

обычно не могут рассеять сомнения читателей. З.И. Комарова (1991: 90) отмечает, что родовидовая дефиниция оказывается в толковых терминологических словарях настолько недостаточной, что сами авторы словарей, сознавая это, регулярно стремятся дополнить ее другими способами раскрытия понятия. Многие исследователи полагают, что для большей полноты раскрытия содержания понятия определение во многих случаях целесообразно дополнять пояснением (напр., Комарова 1976: 146; Герд 1986: 55; Kalliokuusi 1997: 29; Табанаква 1999: 62–63; Temmerman 2003: 133).

Рассмотрим критерии отбора признаков для отражения в пояснении. С одной стороны, в отличие от определений, имеющих строго системный характер, пояснения отличаются большей свободой содержания и формы (напр., Дубичинский 1998: 93). С другой стороны, эти сведения должны быть информативными и лаконичными.

Количество и состав информации в пояснении зависят прежде всего от типа понятия, уровня знаний пользователей и коммуникативной ситуации, на обслуживание которой ориентирован словарь (ср. Temmerman 2000: 119, 223, 226, 233; Vergenholtz & Tarp 1995: 145–146). В пояснения включаются признаки понятия, не вошедшие в определение, но представляющие прагматическую ценность. Конечно, при оценке того, какие признаки имеют прагматическую ценность, неизбежна определенная степень субъективности. Это проявляется, например, в том, что одни и те же предметы или явления описываются в однотипных словарях по-разному (ср. Берков 1976: 142–143; Stock 1992: 117–118). Тем более трудно оценить важность тех или иных признаков и оптимальную степень глубины их раскрытия при адресации информации иноязычной аудитории.

Одним из методов повышения объективности при отборе признаков для дополнительного описания является ситуационно-фреймовый подход. Фреймы представляют собой пакеты знаний, дающие описания типовых объектов и событий. Фреймовые описания могут быть получены разными способами: дедуктивным (например, с опорой на т. н. "универсальные категории" – место, время и т. д.), через психолингвистические эксперименты, через изучение ситуационных моделей или способов их описания (см., напр., Хайруллин 1992; Шабес

1989; Pitkänen 2003). Например, с помощью логико-понятийного анализа и изучения способов раскрытия понятий в толковых словарях В.Д. Табанакова (1981: 6) установила 15 признаков, позволяющих раскрыть содержание любого геологического термина восьми тематических групп. При этом выяснилось, что набор признаков является индивидуальным для каждой тематической группы.

Некоторые специальные понятия носят прототипический характер, т. е. имеют понятийное ядро и периферию. По-видимому, во многих случаях информацию о прототипических признаках понятия было бы целесообразно включать в пояснение (ср. Stock 1992: 117–118). Например, после определения такого сложного и неоднозначного понятия, как "словарь", можно было бы упомянуть о том, что в англо-американской культуре наиболее типичным представителем класса словарей ("the dictionary") считаются прежде всего одноязычные толковые нормативные словари стандартного языка.

Что касается языка пояснений, то он, скорее всего, должен совпадать с языком определений и/или выбираться по тем же критериям. Подача пояснений на другом языке целесообразна, по-видимому, только в случае областей с большим количеством культурно-специфической лексики, когда дополнительные пояснения требуются прежде всего носителям другой культуры. Сказанное выше о контрастивном способе подачи идентификационной информации в равной мере относится и к пояснениям.

Необходимо следить за тем, чтобы в поле "пояснение" включалась более или менее однородная информация. С. Райт (Wright 2001: 559) предостерегает от "сваливания всех сведений в одну кучу" под названием note или comments.

Пояснений к каждому понятию может быть два и больше. Во-первых, разноплановые пояснения имеет смысл разносить по разным полям. Во-вторых, если указывается источник пояснений, то для возможности включения пояснений из разных источников необходимо предусмотреть несколько отдельных полей.

Для экономии места и во избежание повторов дополнительная информация может быть сосредоточена в статьях на базовые понятия, к которым из других статей делаются отсылки. Дополнительные сведения могут также размещаться в отдельном приложении (Bergenholtz & Tarp 1995: 145).

В нормативной терминологической работе пояснения принято четко отграничивать от определений (ISO 704:2000: 22). В большинстве словарей это правило желательно соблюдать. Отход от него возможен в словарях толково-энциклопедического типа, рассчитанных на широкий круг пользователей.

В терминологических стандартах пояснения рекомендуется оформлять в виде самостоятельного абзаца, светлым шрифтом меньшего кегля, после пометы NOTE и тире (ISO 10241:1992: 13). Финское "Руководство по терминологической работе" (Sanastotyön käsikirja 1989: 172–173) предлагает следующие правила оформления пояснений: они начинаются с прописной буквы и заканчиваются точкой, оформляются в виде самостоятельного абзаца и отделяются от определения одним из следующих способов:

- отступом слева;
- меньшим кеглем шрифта;
- пустой строкой и пометой Huomautus (Пояснение) с тире.

На наш взгляд, второй вариант не всегда четко отделяет определение от пояснения, а первый и третий варианты неэкономичны. В ФРЛС было принято решение использовать наряду с меньшим кеглем значок (дополнительной) информации – ⓘ:

Пример 25 (ФРЛС):

puupolttoainejaloste (13.2) 📖 Knuutila, 84 [Bioenergian tuotanto]
puubiomassasta valmistettu korkealaatuinen puupolttoaine, jossa puun alkuperäinen rakenne on muuttunut ✍️ Hakila
ⓘ Puupolttoainejalosteet voivat olla kiinteitä tai nestemäisiä. ✍️ Hakila
облагороженное древесное топливо 📖 Бит & Бельский, 5
преобразованное древесное топливо 😞 📖 РЭИВ, 224

[Перевод финского определения: "высококачественное топливо, изготовленное из древесной биомассы, в котором в структуре древесины произошли изменения"; перевод финского пояснения: "облагороженное древесное топливо может быть твердым или жидким"].

На этом мы завершаем рассмотрение способов представления дополнительной информации о содержании специального понятия и переходим к другим аспектам значения специальных единиц.

Другие аспекты значения специальных единиц

В большинстве случаев значение термина совпадает с содержанием понятия, обозначаемого им. Однако в ряде случаев невозможно не учитывать и других компонентов значения единиц специальной лексики – коннотативных, оценочных, идеологических, ассоциативных (ср. Игнатъев 1975: 14; Котелова 1976; Прохорова 1996: 17–26; Татаринев 1996: 163–167). А Рейцак пишет:

Понятие как продукт логического мышления часто связано с чувственным образом. Следовательно, есть полное основание утверждать, что в таких случаях за словесным знаком закрепляется не одна только концептуальная часть чувственно-логического образа отражаемого предмета, т. е. понятие, а весь этот образ в целом (Рейцак 1973: 74).

В данном подразделе мы рассмотрим эти дополнительные к предметному компоненты значения и способы их представления в словаре.

Дополнительные компоненты значения термина могут быть связаны с не-терминологическими значениями языкового знака. Невозможно просто взять слово, снабдить его дефиницией и тем самым навеки изолировать его (Probert 1972: 53; цит. по: Лёзов 1986: 37). Например, если термин образуется от эмоционально окрашенных слов активного словарного запаса, то он может сохранять ту же эмоциональную окраску (Прохорова 1996: 17). Показательным случаем является группа терминов социальной работы, обозначающих людей, нуждающихся в социальном и медицинском обслуживании и помощи. Речь идет о наименованиях типа "алкоголик", "наркоман", "умственно отсталый" и т. д. С одной стороны, никто не станет спорить, что "алкоголик" – это термин, но с другой стороны – всем известно, какие коннотации присущи этому слову в обычном языке.

Для нивелирования отрицательных коннотаций и нежелательных компонентов смысла в языке, в том числе и ЯСЦ, появляются эвфемизмы, "политкорректные" наименования. В принципе, и "корректный", и "некорректный" термин указывают на один и тот же объект и имеют одно и то же предметное значение, однако разница между ними заключается в негативной маркированности одного

и отсутствии такой маркированности у другого. Естественно, словарь должен каким-то образом фиксировать эту разницу в значении, а не просто приводить оба термина как полные синонимы.

Положительные коннотации у терминов также возможны (напр., "благородный газ", "жемчужная ванна" – примеры В.Н. Прохоровой), однако потребность в их фиксации в словарях возникает редко.

Некоторые термины и особенно профессиональные жаргонизмы могут иметь ярко выраженные стилистико-оценочные компоненты значения. Ср.:

Пример 26 (Англо-русский словарь военного сленга = Судзиловский 1973):

dog food *груб фам* мясные консервы (букв. "собачья еда" – И.К.)

dog tent *шутл фам* небольшая палатка на одного [двоих] человек (букв. "собачья палатка", "конура" – И.К.)

tin can *фам пренебр* танк; эсминец; глубинная бомба; подводная лодка (букв. "жестяная консервная банка" – И.К.)

tit [сосок] *вульг* гашетка

Передача стилистико-оценочных компонентов значения возможна не только при помощи помет, но и через стилистически равноценные переводные эквиваленты и/или буквальный перевод. Ср.:

Пример 27 (Англо-русский словарь военного сленга = Судзиловский 1973):

dressing-down выговор, "разнос"

toe holder небольшой плацдарм, "пяточок"

Пример 28 (Valtioneuvoston sanasto 2004):

<i>fi</i>	iltakoulu <...>
<i>ru</i>	вечернее совещание правительства <i>n</i>
<i>ru</i>	«вечерняя школа» правительства <i>f sananmukainen käännös</i>
<i>Määritelmä</i>	<u>совещание правительства</u> , проводимое обычно в среду во внеслужебное время
<i>Selite:</i>	В отличие от других совещаний правительства, в вечернем совещании правительства участвуют также председатели парламентских фракций, представленных в правительстве.
<i>Huom:</i>	Название «вечерняя школа» появилось в 1930-х годах, когда <u>премьер-министр</u> А. К. Каяндер стал приглашать к себе домой министров вечером, накануне <u>пленарного заседания правительства</u> для предварительного обсуждения вопросов, выносимых на заседание.

К сожалению, подобная подача не гарантирует, что пользователь сделает правильный вывод о стилистико-оценочном компоненте значения исходной единицы. Кроме того, подобрать стилистически равноценные эквиваленты не всегда возможно. Представляется, что пометы являются наиболее точным средством отображения стилистико-оценочных компонентов значения.

Дополнительные компоненты значения могут также возникать из-за внутриязыковых связей слов. Слово может быть созвучно с каким-либо другим или быть связано с ним ассоциативно. В приведенном ниже примере термин "канализованность" оказывается неудачным из-за созвучия с "канализацией":

Пример 29 (ФРЛС):

uomatiheys (20.4) 📖 Päivänen 1990, 33 [Metsähydrologia ja -ojitus]
uomien yhteenlasketun pituuden ja alueen alan suhde 📖 EnDic
густота́ руслово́й се́ти 📖 ГОСТ 19179-73
≈ **густота́ речной се́ти** 📖 ГОСТ 19179-73
Термин "густота речной сети" обозначает густоту только речных русел. ✍ Рубцов
канализо́ванность *f* 😞 📖 Полетаев, 33

Общезыковое значение термина может иметь также стилистическую маркированность, ограничивающую употребление слова в терминологическом значении. Например, по мнению финских специалистов, термин *ikimetsä* ("коренной лес") является скорее поэтическим названием, чем выражением ЯСЦ (Kalliokuusi 1998: 15).

Общественно-политической лексике часто бывает присущ оценочный компонент значения, имеющий идеологическую окраску (напр., Лейчик 1983: 84–86; Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989: 24; Татаринцов 1996: 166–167; Маник 1997). Объективная фиксация этого компонента значения нередко затруднена из-за того, что составитель словаря может и сам смотреть на мир через призму той или иной идеологии, а кроме того, издатели, общество и/или власти могут потребовать приведения лексикографического описания в соответствие с господствующей точкой зрения (ср. Маник 1997).

В переводческих словарях важно предупреждать неносителей языка об ассоциациях, коннотациях (прежде всего негативных) и идеологических компонентах значения, с которыми связывается та или иная единица специальной лексики в иностранном языке (ср. Игнатъев 1976: 61; Татаринцов 1996: 166).

Для понимания сути термина важным является также отношение между содержанием понятия и т. н. внутренней формой термина, т. е. показатель мотивированности термина. Под мотивированностью термина принято понимать его семантическую прозрачность, свойство его формы давать представление о называемом термином понятии (Гринев 1993: 173). По степени соответствия внутренней формы содержанию понятия единицы специальной лексики можно разделить на правильно ориентирующие, нейтральные и неправильно ориентирующие (Краткое методическое пособие 1979: 30; ср. Лейчик 2006: 39). Существуют и более детальные классификации (см., напр., Кияк 1989: 39–40). С точки зрения терминографии важным является то, что нейтральные и особенно неправильно ориентирующие специальные единицы могут нуждаться в дополнительных пояснениях относительно их действительного содержания.

В ряде областей, например, в медицине, к термину может предъявляться требование эзотеричности, т. е. намеренной недоступности терминологии для

неспециалистов. Это делается с целью оградить пациентов от психологических травм и поставить барьер самолечению (Гринев 1993: 40). По-видимому, в медицинском словаре было бы полезно указать, какие термины отвечают этому требованию.

Итак, внутренняя форма специальной единицы, ее общеязыковые характеристики и внутриязыковые связи могут оказывать влияние на ее значение и отношение к ней носителей языка. Эти компоненты значения в ряде случаев оказываются достаточно существенными для того, чтобы найти отражение в словаре. В настоящее время подобная информация включается в словари нечасто, поэтому указать стандартные способы ее фиксации в словарях довольно трудно. По всей видимости, основными средствами ее отражения могут быть пометы и пояснения. Данный тип информации отчасти пересекается со стилистической и иными типами прагматической информации.

Информация о системных связях

В данном подразделе рассматриваются вопросы представления информации о системных связях единиц левой и правой части – логических, синонимических, антонимических и т. д. Эта информация, в частности, играет вспомогательную роль при раскрытии значения специальных единиц.

Информация о понятийных отношениях

В терминоведении традиционно выделяются три типа отношений между понятиями: родовидовые, партитивные (отношения "часть – целое") и неиерархические, или ассоциативные (англ. *associative relation*, *pragmatic relation* или *thematic relation*, финск. *funktiosuhde* – см. ISO 1087-1:2000: 5; ISO 704:2000: 6–12; ISO 12620:1999: 27–28; Sanastotyön käsikirja 1989: 28; Nykänen & Kalliokuusi 1999: 178).

Примерами ассоциативных отношений являются отношения временного следования, причинности, отношения типа "деятель – действие", "материал – продукт", "инструмент – функция", "владелец – собственность" и т. д. Разнообразие ассоциативных понятийных отношений не ограничено каким-либо замкнутым списком (Шелов 1995: 5; 1998: 155; ср. Никитина 1988: 73). Достаточно подробный список ассоциативных отношений приводится, в частности, в следующих работах: Черкасова 1990; ISO 704:2000: 12; Nuorpponen 2005.

По мнению С.Е. Никитиной (1988: 72), информация о понятийных отношениях решает три задачи: 1) помогает читателю специальной литературы понять смысл неясного или неизвестного термина; 2) дает представление о структуре соответствующей предметной области; 3) учит читателя-специалиста активно пользоваться специальным языком. При соответствующей организации сведений дополнительной выгодой от представления понятийных отношений является увеличение количества входов в словарь.

Традиции включения или невключения информации о понятийных отношениях в словари специальной лексики сильно варьируются от страны к стране. Например, в Финляндии включение логико-понятийных схем в терминологические словари фактически является нормой, в то время как в России это скорее исключение, причем в российских словарях обычно используются схемы, в которых не отражаются типы отношений между понятиями (ср. описание моделирования логико-понятийной схемы для словаря предметной области PR – Карпова & Щербакова 2005: 47–49; ср. Герд 1986: 30–35). Исследователи высказываются за более широкое представление информации о понятийных отношениях в словарях, в том числе переводческих (напр., Герд 1986: 57–61; Уткина 1986; Gerzymisch-Arbogast 1989; Герд 1996; Табанакова 2001; Temmerman 2003). Рассмотрим способы представления информации о понятийных связях.

По-видимому, наиболее практичным и наглядным способом представления системных связей являются логико-понятийные схемы. Этот способ удобен еще и потому, что позволяет отражать не только связи между двумя понятиями, но и целые понятийные поля. Как отмечает С.Д. Шелов (1995: 5), в семантической

структуре терминологии ее термины могут быть связаны понятийными отношениями не только парами, но "тройками", "четверками" и т. д.

Основные правила оформления логико-понятийных схем описаны в стандарте ИСО (ISO 704:2000: 6–14). Финским Центром терминологической работы (Sanastokeskus TSK) разработан также ряд дополнительных способов графического представления логико-понятийных схем. Они описываются в правилах пользования словарями, выпускаемыми этим центром, а также, например, в статье О. Нюкянена (Nykänen 1999). Полезным дополнением, облегчающим понимание пользователями логико-понятийных схем, является приводимая вверху каждой схемы расшифровка основных средств обозначения системных отношений (см. словарь *Geoinformatiikan sanasto* 2005).

Помимо самих отношений, в системах понятий часто указывается также основание, по которому производится деление понятий. В словарной статье для тех же целей может использоваться поле "аспект" (ср. ГОСТ 7.47-84: 15). Эта информация, безусловно, полезна для пользователей.

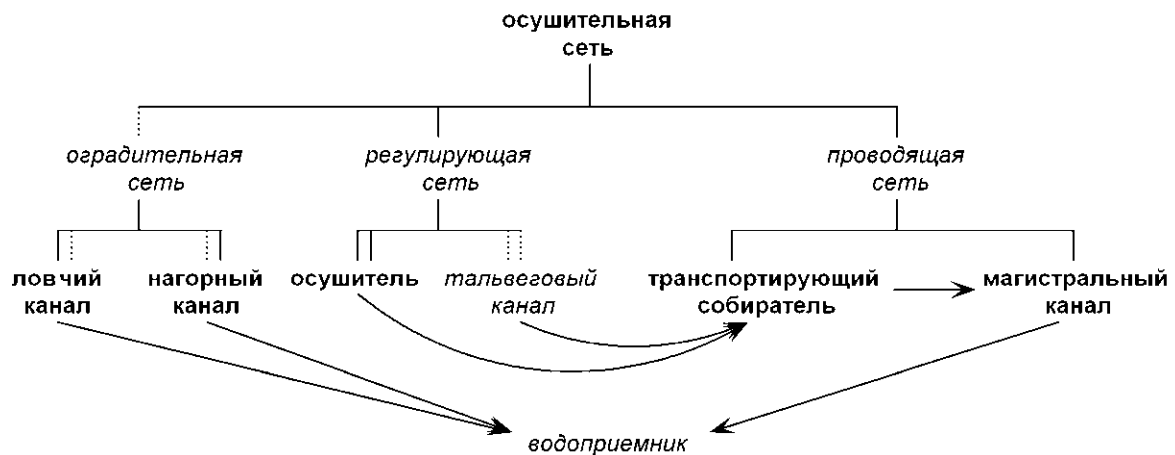
В ряде случаев более удобным средством репрезентации системы понятий оказываются не логико-понятийные схемы, а таблицы, графики или диаграммы (ср. Игнатъев 1975: 13). В частности, для описания отношений между номенами хорошо подходит табличное представление (ср. Kudashev 2005: 179).

Различные виды логико-понятийных схем и других наглядных способов представления отношений между понятиями приводятся, в частности, в работах Г. Фелбера (Felber 1984: 135–150), Г. Пихта и Дж. Драскау (Picht & Draskau 1985: 83–90) и С. Райт (Wright 1997). В работе Г. Пихта и Дж. Драскау (Picht & Draskau 1985: 64–65) перечисляются также требования, которым должны отвечать логико-понятийные схемы. Схемы должны быть доступными для понимания, в том числе неспециалистов и полуспециалистов. Типы отношений и критерии классификации должны быть четкими и понятными. При составлении схем должны учитываться естественные ограничения объема восприятия, характерные для человеческого мозга. Наконец, схемы должны быть гибкими, чтобы их можно было легко изменять и дополнять по мере эволюционирования системы понятий.

Приведем пример логико-понятийной схемы из ФРЛС:

Пример 30 (ФРЛС):

20.27 Устройство осушительной сети

В данной схеме "гребневидные" линии отображают отношения "часть-целое", а стрелки – функциональные отношения. Двойные линии свидетельствуют о множественности объектов (например, регулирующая сеть всегда содержит несколько осушителей). Пунктир обозначает факультативность множественности (например, в оградительной сети может быть один или несколько ловчих каналов). Термины, выделенные курсивом, не вошли в словарь.

В принципе, системные связи могут быть отражены и в отдельных полях самих словарных статей, хотя это гораздо менее наглядный способ представления. В информационно-поисковых тезаурусах используются поля "вышестоящее понятие", "родовое понятие", "целое", "прочие вышестоящие понятия", "нижестоящее понятие", "видовое понятие", "часть", "прочие нижестоящие понятия" и "ассоциативное понятие" (ГОСТ 7.47-84: 14–15). В ряде случаев целесообразно было бы также отражать "горизонтальные" отношения, т. е. отношения между соподчиненными понятиями. Как следует из результатов переводческого опроса (см. выше Таблицу 16), категории "родовое понятие" и "видовые

понятия" квалифицируются переводчиками как информация среднего уровня ценности.

Общепринятых маркеров для вышеуказанных полей, по-видимому, не существует. Для обозначения полей "нижестоящее понятие" и "видовое понятие" А.С. Герд (1986: 60) предлагает пометы "н" и "в". В ФРЛС, в рабочей версии которого имеются поля "родовое понятие", "видовые понятия" и "соподчиненные понятия", используются знаки $\hat{\uparrow}$, $\Downarrow$ и $\Leftrightarrow$. Употребление помет и знаков не стандартизовано. Например, в "Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике" (2002) стрелка ($\Rightarrow$) является отсылкой к синонимам, стрелка ($\Leftrightarrow$) – отсылкой к антонимам, а стрелка ($\hat{\uparrow}$) – отсылкой к родовому, видовым или соподчиненным понятиям, а в ряде случаев и к дериватам.

Ассоциативные термины часто помещаются в словарях за ссылками *см.*, *см. также*, знаком стрелки ($\Rightarrow$) и т. д. В ФРЛС для этих целей используется финская помета *Vrt.* ("сравни"). Стандарт ИСО рекомендует использование пометы *cf.* (ISO 10241:1992: 12).

Дополнительным средством акцентирования внимания на системных связях можно считать применяемую во многих словарях практику визуального выделения терминов, описание которых можно найти в этом же словаре. Чаще всего для этих целей используется курсив, но могут применяться и другие средства – звездочка, знак "указующего перста" и т. д.

Одной из проблем как графического, так и вербального представления системных связей, особенно ассоциативных, является то, что ни перечисленные пометы, ни способы акцентирования, ни значок стрелки, используемый в логико-понятийных схемах, не дают четкого представления о характере выражаемых отношений (ср. Герд 1986: 62; Табанаква 1999: 49–50; 2001: 20). Этот вопрос еще ждет своего решения.

Информация об омонимии и полисемии

В лексикологии омонимия и полисемия определяются следующим образом: омонимия – звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом; полисемия – наличие у единицы языка нескольких связанных между собой значений (см. Ахманова 1966/2004; Лингвистический энциклопедический словарь 2002).

В терминоведении многие авторы также проводят различие между омонимией и полисемией (см., напр., Даниленко 1977: 65–72; Haarala 1981: 39–42; Picht & Draskau 1985: 98–101, 105; Головин & Кобрин 1987: 48–53; Sanastotyön käsikirja 1989: 71–73; Гринев 1993: 99–106; 1995: 39). Вопрос о разделении омонимии и полисемии и применяемых для этого критериях имеет значение для терминографии из-за различий в подаче омонимов и многозначных единиц в словарях: омонимы помещают в разные словарные статьи, а многозначные единицы – в одну статью (см., напр., Борисова & Донской 1985; Убин 1992: 116–117). Таким образом, полисемия рассматривается как объект микроструктуры (структуры словарной статьи), а омонимия – как объект макроструктуры (структуры корпуса – см. Гринев 1995: 39; Дубичинский 1998: 39).

Явление омонимии в языках для специальных целей имеет определенные отличия по сравнению с языком для общих целей. Во-первых, терминология использует только одну разновидность омонимии, а именно ту, которая является результатом семантического развития слова. Разновидность омонимии, которая образуется в результате схождения слов, исторически различных по происхождению, чужда природе термина. Во-вторых, омонимия по отношению к терминологии может быть охарактеризована только как межсистемное явление: либо это термины разных предметных областей (например, "деривация" в лингвистике и военном деле), либо это термины лексико-семантического способа образования, ставшие омонимами по отношению к породившим их словам (например, "гусеница", "нос", "голова") языка для общих целей (Даниленко 1977: 72; ср. Головин & Кобрин 1987: 51–52).

Добавим к этому, что омонимами могут становиться не только термины разных предметных областей и терминосистем, но и термины разных научных школ и направлений, ср.: "...термин 'масса' в механике Ньютона означает совсем иное, чем в релятивистской механике, – точно также, как термин 'сплавы' в химии до и после Дальтона" (Петров 1987: 172; ср. Лейчик 1991: 116, 119).

Практически все без исключения авторы подчеркивают подвижность границы между полисемией и омонимией (напр., Даниленко 1977: 70; Головин & Кобрин 1987: 51; Фомина 2001: 76). О.С. Ахманова в своем "Словаре омонимов русского языка" отмечает, что во многих случаях омонимия находится в состоянии процесса, и стремится разграничить при помощи специальных обозначений "завершившиеся" и "незавершившиеся" процессы расхождения значений (см. Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 345). Известны также попытки введения промежуточной ступени классификации между омонимами и многозначными единицами (см. Берков 1977: 59).

Для разграничения омонимии и полисемии необходим целый комплекс критериев – семантических, этимологических, сочетаемостных, формальных и т. д. (напр., Дубичинский 1998: 39; Фомина 2001: 79), при применении которых неизбежна значительная доля субъективизма (Берков 1977: 58; Picht & Draskau 1985: 99; Берков 2004: 128–129). В языках для специальных целей не все из перечисленных методов применимы, поскольку "актуализация ... понятийных связей затушевывает предметную соотнесенность термина с объективной действительностью" (Головин & Кобрин 1987: 51).

В терминоведении некоторые исследователи предлагают следующий критерий разведения омонимии и полисемии: термины, совпадающие по форме, но различающиеся по значению, считаются полисемичными, если они принадлежат к одной терминосистеме (или ЯСЦ), и омонимичными, если они относятся к разным терминосистемам (ср. Борисова & Донской 1985; Гринев 1995: 39).

Другой возможный подход к разграничению омонимии и полисемии в терминоведении описан В.М. Лейчиком (1991) и основывается на анализе сем. При сохранении у различных лексико-семантических вариантов единицы общей

главной семы предлагается считать эти ЛСВ полисемичными, а при совпадении второстепенных сем и расщеплении главной – омонимичными.

Результат применения двух описанных подходов может приводить к противоположным результатам. Например, явление т. н. категориальной многозначности, когда существительное обозначает и процесс, и результат (например, "деформация"), трактуется сторонниками первого подхода как полисемия, а В.М. Лейчиком – как омонимия.

По нашему мнению, оба критерия достаточно сложны в применении, особенно если исходить из того, что составителем словаря специальной лексики может быть нефилолог. Реализация первого из критериев затруднена также тем обстоятельством, что на практике не всегда бывает просто провести границу между отдельными ЯСЦ и, соответственно, терминосистемами.

Мы согласны с мнением Ю.Н. Марчука (1992: 53), который пишет, что в терминографии удобно рассматривать каждое из значений специальной единицы отдельно, без дифференциации по степени близости (ср. Гринев 1995: 39–40). Это соответствует также общему духу и традициям терминографической практики и существенно упрощает структуру словарной статьи (напр., Picht & Draskau 1985: 134; Sager 1989: 167; Wright 2001: 578–579).

Вопрос о разграничении омонимии и полисемии может быть важен при составлении полиотраслевых словарей, а также при необходимости жесткой экономии словарного пространства. В остальных случаях мы рекомендуем выделять каждое значение в отдельную словарную статью и оформлять его как омоним.

Ориентиром при выделении отдельных значений является набор признаков, зафиксированный в определении. При появлении у лексической единицы определения, в котором набор признаков отличается от аналогичного набора в ранее приписанных ей определениях, можно говорить о выделении у нее нового значения (ср. Авербух 1988: 33). Таким образом, здесь применим тот же подход, что и при отделении собственных понятий области от привлеченных. Типичные модели образования полисемичных/омонимичных пар с примерами из

немецко-русской автомобильной терминологии приводятся в работе В.А. Татарина (1996: 179–181).

Рассмотрим способы оформления омонимов. Согласно В.П. Беркову (2004: 131), в мировой лексикографии существует несколько способов подачи омонимов. В России, как и в ряде других стран, омонимы отмечаются римской цифрой, которая ставится после заглавной единицы. В некоторых странах римская цифра ставится перед леммой. Применяются также подстрочные и надстрочные индексы.

Лексико-семантические варианты обычно предполагают использование определенных средств разграничения значений, например, кратких пояснений о значении каждой из единиц или пометы сферы употребления:

Пример 31 (ФРЛС):

haapatukki I (23.10) Kärkkäinen [Puutavaralajit ja laatuvaatimukset]
puutavaralaji: haavasta tehty tukki ≈ SESMS
оси́новое бревно́ ФРЛС
Сортимент.

haapatukki II (23.5) SESMS [Puutavaralajit ja laatuvaatimukset]
puutavarakappale: haavasta tehty tukki Kärkkäinen
оси́новое бревно́ ФРЛС
Единица лесоматериалов.

Средства разграничения значений необходимы не только в корпусе словаря, но и в указателях. Это особенно важно в словарях, организованных по тематическому принципу, т. к. в них лексико-семантические варианты могут располагаться далеко друг от друга.

Информация о синонимических отношениях

В "Лингвистическом энциклопедическом словаре" (2002) синонимия определяется как "тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в

полном или частичном совпадении их значений". В "Словаре лингвистических терминов" О.С. Ахмановой (1966/2004) синонимия трактуется как "совпадение по основному значению (обычно при сохранении различий в оттенках и стилистической характеристике)". В учебнике по лексикологии М.И. Фоминой (2001: 94) читаем: "К лексическим синонимам относятся близкие или тождественные по значению слова, по-разному называющие одно и то же понятие ..., но отличающиеся друг от друга либо оттенками значения, либо стилистической окраской".

В терминоведении наличие у единиц специальной лексики оттенков значения и стилистических различий, как правило, игнорируется или отрицается (ср. Гринев 1993: 108), поэтому синонимами, как правило, считаются различающиеся по форме наименования одного и того же языка, указывающие на одно и то же понятие (Picht & Draskau 1985: 101; ISO 704:2000: 25; ISO 1087-1:2000: 8). Наименования, указывающие на близкие, но не идентичные понятия, считаются "квазисинонимами" (Picht & Draskau 1985: 102–103; Гринев 1993: 108; ISO 704:2000: 25), хотя в одном из стандартов ИСО (ISO 12620:1999: 5) синонимы все же трактуются как единицы, указывающие на то же или близкое понятие, а квазисинонимы – как единицы, взаимозаменяемость которых ограничена определенным набором контекстов. При этом подчеркивается, что граница между синонимами и квазисинонимами может проводиться весьма субъективно.

Как в западном, так и в российском терминоведении наряду с синонимами выделяется категория вариантов, однако отношения между этими понятиями, а также классификации тех и других сильно разнятся от автора к автору.

Так, для С.В. Гринева (1993: 109–111) варианты – это абсолютные синонимы (синонимы с тождественным значением), полученные вариацией формы термина. Варианты подразделяются по признаку полноты на полные и краткие, а по признаку языкового уровня на графические, фонетические, морфологические, синтаксические и т. д. Соответственно, например, аббревиатуры рассматриваются С.В. Гриневым как варианты полной формы термина.

В.А. Татарinov (1996: 189–195) проводит различие между вариантами и синонимами. Варианты подразделяются им по типу варьирования на формально-

структурные и ономаσιологические. Формально-структурное варьирование (фонетическое, акцентное, морфологическое и графическое) не влечет за собой понятийно-семантических сдвигов в термине. Ономаσιологическое варьирование (аффиксальное, композитное, синтаксическое и т. д.) указывает на степень проявления того или иного свойства денотата. Синонимами же, по В.А. Татаринору, являются в терминологии лексические единицы, употребляемые по отношению к одному понятию, но с целью выделения в нем новых аспектов исследования благодаря вновь избранному языковому средству.

В стандарте ИСО (ISO 12620:1999: 6–7) варианты определяются как "одна из альтернативных форм термина", а в качестве примера приводятся орфографические варианты. В то же время полная и краткие формы рассматриваются как совершенно самостоятельные категории. Некоторые советские/российские авторы также не считают, например, аббревиатуры вариантами (см. Ханпира 1988: 17). При этом классификации кратких форм терминов в российских источниках и стандартах ИСО обычно не совпадают (см. Кудашев & Хаютин 2003: 104–105).

Как нам представляется, отдельное рассмотрение вариативности и синонимии и составление подробных классификаций вариантов и синонимов имеет смысл только в словарях, ориентированных на терминоведческие исследования. В переводческих словарях в этом нет необходимости. Полную форму от краткой, в принципе, легко отличить и без специальных помет, причем для процесса перевода неважно, как именно называется представленная в словаре сокращенная форма термина – акронимом, аббревиатурой или как-то иначе. По-видимому, не случайно в стандарте ИСО "Терминография, ориентированная на перевод" (ISO 12616:2002) категория "сокращенные формы термина" приводится без разбиения на подкатегории, в отличие от полного стандарта ISO 12620:1999. В "Лингвистической концепции терминологического банка данных машинного фонда русского языка" (1989: 56–57) синонимы и варианты также объединены в одно поле.

С точки зрения пользователя синонимы представляют собой единицы, которые "настолько близки по значению, что их правильное употребление в речи

требует точного знания различающих их семантических оттенков и стилистических свойств" (Ахманова 1966/2004: 407). Отметим, что если в ЯОЦ для правильного употребления синонимов требуется лингвистическая компетенция, то в языках для специальных целей на первый план выходит предметная компетенция.

С точки зрения перевода наличие синонимов оборачивается проблемой выбора переводного эквивалента из ряда близких по значению единиц, причем наибольшие трудности переводчик испытывает при переводе на неродной язык (Климзо 2003: 17–18). Абсолютно равнозначных по всем характеристикам единиц фактически не бывает: всегда можно найти причину, по которой один из возможных эквивалентов будет больше подходить для данного контекста, чем другой. Различия между синонимичными единицами не сводятся только к оттенкам значения или стилистической характеристике. На выбор эквивалента могут повлиять, например, его частотность, благозвучность, лингвистическая правильность. Важнейшей характеристикой является хронологическая: специальные единицы могут полностью совпадать по значению и многим другим показателям, однако относиться к разным временным пластам. Возможны также различия в сфере применения единиц, близких по значению. В качестве примера приведем цепочку "научный – производственный – торговый номен". Различия во всех этих характеристиках необходимо учитывать, когда мы говорим о синонимии с точки зрения перевода.

Не вполне ясно, как следует называть обозначения, указывающие на одно и то же понятие, но относящиеся к разным языкам или семиотическим системам. Согласно приведенным выше определениям, отношения между ними не являются синонимическими, но тогда необходимо ввести для них собственное название. Неясным остается также статус неалфавитных символов, используемых в ЯСЦ (таких как §, %, €), равно как и статус транскрибированных и транслитерированных вариантов, до сих пор присутствующих в некоторых терминологических банках данных (ср. ISO 12620:1999: 7–8).

На наш взгляд, для описания всех вышеперечисленных явлений необходимо ввести новое, более широкое понятие и термин – например, *вариантные*

способы выражения понятия. Под последними будут пониматься любые знаки, находящиеся в определенных отношениях вследствие того, что они являются различными способами представления одного и того же понятия. Вариантные способы выражения понятия можно далее подразделить на внутриязыковые, межъязыковые, межсемиотические и т. д. Внутри языка возможны также разбиения по хронологическому, географическому, стилистическому и другим признакам.

Внутриязыковые варианты, как правило, подаются как единицы основного словаря. Их удобно представлять в одной словарной статье, поскольку информация, относящаяся к понятию, является общей для всех единиц, выражающих это понятие. Межъязыковые и межсемиотические средства (например, средства искусственных языков, средства мультимедиа) целесообразно давать как элементы правой части, однако для них также может быть организован отдельный вход. Например, в словаре химических элементов формулы веществ, по всей видимости, вряд ли стоит давать как единицы словаря, однако можно сделать отдельный указатель, с помощью которого название химического вещества можно найти по его формуле. Подобные единицы могут также помещаться в приложение (Герд 1986: 44).

Для переводчика, конечно, важно знать, к какой языковой системе относится то или иное вариантное средство выражения понятия и какова область его применения, так как это оказывает влияние на выбор переводного соответствия. Информация об этом может содержаться либо в самих словарных статьях, либо в описании информационных категорий, например, в предисловии.

При описании вариантов способов выражения понятия естественным образом встает вопрос о том, какой из способов выражения считать основным, а какие – второстепенными. При наличии нормативных словарей или стандартов на термины и определения данной области этот вопрос решается, как правило, в пользу стандартизированной или рекомендуемой формы (Герд 1986: 46). Правда, в ряде случаев реальная языковая практика может отличаться от официальных рекомендаций. В этом случае составитель словаря должен решить, что будет важнее для пользователей словаря – узус или нормативные требова-

ния. В.П. Берков (2004: 45) считает, что переводческий словарь должен прежде всего отражать реальную языковую практику.

Если нормативных ориентиров нет, то терминологу приходится сопоставлять целый ряд характеристик вариантных средств выражения понятия. Обычно в качестве основной следует выбирать специальную единицу, имеющую наиболее длительную и устойчивую традицию употребления, встречающуюся в авторитетных книгах и статьях данной области знания (Герд 1986: 46; ср. Берков 2004: 45). На выбор могут влиять также такие характеристики специальной единицы, как краткость, частотность, своеязычность, системность, семантическая прозрачность, лингвистическая правильность, благозвучность, деривационные возможности, интернациональность (ср. Молодец 1980: 50; Марчук & Борисова 1985: 44; Герд 1986: 46–47; Морозова & Чельцова 1990: 40–41; Гринев 1995: 89).

Выбор основного варианта важен в переводческом словаре по двум причинам. Во-первых, пользователи словарей привыкли, что порядок следования единиц отражает их предпочтительность (Algeo 1989: 32). Во-вторых, пользователи обычно выбирают первый из перечисленных эквивалентов (Hartmann 1989a: 109).

Для процесса перевода важно также отразить отношения между единицами, указывающими на близкие, но несовпадающие понятия, которые переводчик может либо случайно перепутать, либо сознательно использовать в переводе в качестве относительного переводного соответствия. В обоих случаях составитель словаря должен предупредить пользователей как об "опасной смысловой близости" двух понятий, так и о различиях между ними.

Способы отражения отношений между близкими понятиями для единиц входного и выходного языка могут различаться. Единицы входного языка, соответствующие близким, но разным понятиям, имеет смысл помещать в разные словарные статьи, но объединять перекрестными отсылками, такими как русск. *ср.*, англ. *cf.*, финск. *Vrt.* (ср. Молодец 1980: 60). Единицы выходного языка, соответствующие близким понятиям, могут попасть в одну статью, если один из них или они оба являются частичными соответствиями единицы входного язы-

ка. В этом случае необходимо пояснение, в чем заключается различие между ними:

Пример 32 (ФРЛС):

tähde Kärkkäinen 2005, 334 [Bioenergian tuotanto]
raaka-aineen hyödyntämättä jäänyt osuus raaka-ainetta talteen otettaessa tai työstettä-
essä Hakila
Vrt. *jäte*.

остáтки *pl.* Уткин

≈**отхóды** *pl.* Будников & Сафронов, 98

Отходы включают в себя также использованную и потерявшую свои потребительские свойства готовую продукцию и должны быть надлежащим образом переработаны или ликвидированы. ≈ ЭЭС

Здесь встает вопрос о том, что следует считать "близкими" понятиями. Согласно финскому Центру терминологической работы (Sanastokeskus TSK), близкие понятия (*lähikäsitteet*) – это понятия, располагающиеся рядом в понятийной системе. Например, к близким понятиям относятся родовое понятие, видовые понятия, соподчиненные понятия и ближайшие неиерархические понятия (Nykänen & Kalliokuusi 1999: 177). Однако далеко не все из "близких по расположению" понятий могут вызывать трудности при переводе и, соответственно, не все из них имеет смысл отражать в статье и снабжать ссылками и пояснениями. Основным критерием здесь должно быть существование опасности смешения понятий при переводе, т. е. сугубо прагматические соображения. Кроме того, единицы, выражающие близкие понятия, должны быть взаимозаменяемыми, т. е. предполагается, что каждая из них может при определенных условиях выступать в роли переводного эквивалента данной специальной единицы входного языка. Взаимозаменяемость вообще рассматривается некоторыми исследователями как один из основных признаков синонимических отношений (см. Головин & Кобрин 1987: 53).

Во включении относительных соответствий в правую часть, как правило, нет необходимости, если существует точное переводное соответствие. В специальный словарь не должны также включаться переводные соответствия, не

имеющие отношения к данной предметной области. Избыток синонимичных переводных соответствий замедляет процесс выбора оптимального переводного соответствия и повышает вероятность ошибок (ср. Щерба 1955: 6; Патрик 1988: 13–14; Гринев 1995: 57–58; Берков 2004: 150–153).

Согласно результатам нашего опроса (см. выше Таблицы 15–17), больше всего переводчиками ценится информация о рекомендуемых синонимах (например, отсылки к более частотному или нормативному термину). Эта информация занимает четвертое место по востребованности (из двадцати двух). Шестую строчку занимают варианты (например, сокращенные формы и ареальные разновидности). Нейтральные синонимы входят в категорию средней востребованности, нерекондуемые синонимы отнесены респондентами к малозначимой информации. Следует подчеркнуть, что эти результаты применимы главным образом к правой части, т. е. к переводным соответствиям. Понятно, что переводчики гораздо больше заинтересованы в синонимах, которые следует использовать в качестве переводных соответствий, нежели в синонимах, которые использовать не рекомендуется. Однако в *словник* переводческого словаря желательно включать как рекомендуемые, так и нерекондуемые единицы. Если же предполагается высокая степень обратимости словаря, то нерекондуемые синонимы должны включаться и в правую часть словаря, или должна быть предусмотрена возможность добавлять их в словник при обращении словаря. Вариантные способы выражения понятий должны находить широкое отражение в словарях, претендующих на полноту, а также в регистрирующих словарях, систематизирующих лексику данной отрасли (Донской 1984: 17).

При отборе в словарь вариантных способов выражения понятия необходимо проводить различие между языковыми и речевыми (текстуальными) формами. В качестве последних обычно выступают более широкие по значению и более компактные по сравнению с исходными специальные единицы (чаще всего родовые понятия, например, "керамическая плитка для мозаичных полов" ⇒ "плитка" – см. Гринев 1993: 112). Обычно речевые формы в словарь включать не рекомендуется, хотя имеется и противоположное мнение (см. Герд 1986: 42–43).

Близкие по значению единицы принято отделять друг от друга запятой, более далекие – точкой с запятой (напр., Iapucci & College 1967: 201; Берков 2004: 119). Это не совсем удобно из-за того, что при этом возникают трудности с разделением близких синонимов, если один из них или они оба имеют в своем составе запятую (Koudachev 2001: 114). Вообще говоря, подача вариантов перевода через запятую или точку с запятой безо всяких комментариев считается большим недостатком переводческих словарей и критикуется во многих теоретических работах и рецензиях. Авторы одной из работ даже назвали подобную практику "смертным грехом переводной лексикографии" (Kromann, Riiber & Rosbach 1991: 2724). Таким образом, в переводческом словаре различия между вариантными способами перевода, в чем бы они ни заключались, всегда должны поясняться (Гринев 1995: 58; Kalliokuusi & Seppälä 1999: 84; Temmerman 2003: 125, 132–133; ср. Pearson 1998: 71; Hermans 1995: 30; Табанакова 1999: 80). Это особенно важно для пользователей, переводящих на неродной язык (Varantola 1992: 124–125; Климзо 2003:17–18).

В левой части словаря синонимы могут также приводиться в скобках. Близкие по форме вариантные средства выражения понятий могут компрессироваться, например, second(ary) electron (Донской 1990: 34). Возможна подача вариантных способов выражения понятия за особым знаком (<>, O и др. – Герд 1986: 40–43).

В ФРЛС было принято решение начинать вариантные формы выражения понятий с нового абзаца и выделять их полужирным шрифтом несколько меньшего кегля, чем заголовки словарных статей. Аналогично оформляются и вторичные переводные соответствия:

Пример 33 (ФРЛС):

luontomatkailu (11.1) [Metsien monikäyttö]

ekomatkailu ☹

ekoturismi ☹

metsien monikäytön osa: matkailu, jonka tavoitteena on luontoelämysten ja virkistykseen saaminen aiheuttamatta vahinkoa luonnolle tai sen toiminnalle 📖 ≈ SESMS

экотуризм (10.14) 📖 ппгд

экологический туризм 📖 УЛКР, 8

Подведем итоги данного подраздела:

- в переводческой терминологии вместо терминов "синонимы", "дубли-ты" и "варианты" проще использовать термины "вариантные способы выражения понятия" и "способы выражения близких понятий";
- вариантыные способы выражения понятий могут быть внутриязыковыми, межъязыковыми и межсемиотическими;
- внутриязыковые вариантыные способы выражения понятия удобно отражать в одной словарной статье;
- межъязыковые и межсемиотические вариантыные средства удобнее отражать в правой части, однако для них могут быть предусмотрены отдельные входы;
- отношения между близкими понятиями необходимо отражать в словаре в тех случаях, когда их обозначения взаимозаменяемы при переводе и/или существует опасность их смешения;
- средства выражения близких понятий удобно помещать в разные словарные статьи и снабжать их взаимными отсылками;
- вариантыные способы выражения понятий выходного языка усложняют проблему выбора переводного соответствия, поэтому различия между ними должны разъясняться.

Информация о переводческих соответствиях

Информация о переводческих соответствиях является наиболее важным типом информации в переводческих словарях, ради которой, собственно, они и составляются. Мы не будем описывать способы перевода единиц специальной лексики, поскольку это отдельная тема, освещенная в большом количестве работ. Вместо этого мы рассмотрим классификацию переводных соответствий, ориентированную на задачи переводческой терминологии, а также факторы, которые необходимо учитывать при подаче соответствий в переводческом словаре специальной лексики.

В нашей лицензиатской диссертации (Koudachev 1999: 76) мы на основе анализа различных источников составили следующую классификацию переводных соответствий (эквивалентов), ориентированную на задачи переводческой терминологии:

- абсолютные и относительные соответствия, в зависимости от полноты отображения информации, содержащейся в единице оригинала;
- естественные и искусственные соответствия, в зависимости от способа происхождения;
- регулярные и окказиональные соответствия, в зависимости от регулярности использования.

Рассмотрим подробнее каждый из выделенных классов, а также целесообразность и способы их представления в переводческом словаре специальной лексики.

Абсолютные эквиваленты – это единицы с максимальной степенью взаимозаменяемости, в достаточной мере совпадающие по всем характеристикам, релевантным для данной ситуации перевода. Если такие соответствия являются регулярными, т. е. подходят для большинства ситуаций перевода, то они обычно не нуждаются ни в каких дополнительных пояснениях.

Пример 34 (ФРЛС):

abioottiset tekijät *pl.* (7.15; 17.3; 17.10; 17.11; 17.12) 📖 BS [Metsäekologian perusteet]

abioottiset ympäristötekijät *pl. (harv.)* 📖 Vuorisalo, 12

elinympäristössä vaikuttavat fysikaaliset ja kemialliset tekijät 📖 ≈ BS

абиотические факторы *pl.* (7.48; 7.49; 18.3b) 📖 ЭЛХ II, 384

К относительным эквивалентам относятся условно взаимозаменяемые единицы, не совпадающие по одной или нескольким характеристикам, имеющим значение для данной ситуации перевода. Употребление подобных единиц в переводе может потребовать коррекции несовпадающих характеристик.

Пример 35 (ФРЛС):

aluetie (22.4) 📖 ТТК 2002, 451 [Puunkorjuu]

useaa leimikkoa palveleva metsätie, joka liittyy sivuhaarana runkotiehen tai yleiseen tiehen ✍ Kärkkäinen

📌 Aluetie rakennetaan yleensä kestävämpään syyskelirikon aikaisia raskaita kuljetuksia. Ajouradan leveys on 4 m. 📖 ≈ ТТК 2002, 451

≈**вётка лесовозной доро́ги** 📖 ЛПЛХ 2000

В отличие от финского русский термин обозначает временный лесовозный путь. ✍

В двуязычной лексикографии иногда встречаются ситуации, когда объем одного понятия входного языка в точности покрывается в выходном языке суммой двух или более понятий. Например, финское слово ruoliso в русском языке передается как "супруг/супруга"; sisarukset – как "братья/сестры" и т. д. В зависимости от контекста переводчику может потребоваться либо перечисление всех понятий, либо только одного-двух. В ФРЛС была принята следующая форма подачи подобного типа межъязыковых отношений:

Пример 36 (ФРЛС):

paakkutaimi (16.12) 📖 SESMS [Metsänhoito]

kennotaimi 📖 SESMS

pottitaimi 📖 SESMS

ruukkutaimi 📖 SESMS

taimi, jossa juuret ovat paakun sisällä metsään istutettaessa ✍ Kolström

📌 Paakkutaimet kasvatetaan taimitarhassa. Paakku muodostuu kasvatusvaiheessa erilaisissa kennostoissa tai turvelevystä leikkattaessa. ✍ Kolström

≈**сеянец с закрытой корнево́й систе́мой** 📖 Соколов & Харитонов, 22

≈**са́женец с закрытой корнево́й систе́мой** 📖 Соколов & Харитонов, 22

Финский термин может обозначать и сеянец, и саженец с закрытой корневой системой. ✍

Особый случай являют собой также соответствия с элементом и/или (например, "очаг вредителей и/или болезней леса"). Поскольку в некоторых словосочетаниях грамматические формы не позволяют однозначно определить место конъюнкции/дизъюнкции, целесообразно разбивать подобные словосочетания на составные элементы и снабжать их пояснением:

Пример 37 (ФРЛС):

tuhokeskus [Metsänsuojelu]

alue, jolla elollisten tuhonaiheuttajien aiheuttama tuho esiintyy voimakkaimmillaan

📖 ≈ SESMS

① Tuhonaiheuttajat, kuten hyönteiset tai sienet, voivat tuhokeskuksesta levitä laajemmalle alueelle. ✍️ Annila

≈ **очаг вредителей и болезней леса** 📖 ЭЛХ II

≈ **очаг вредителей** 📖 Воронцов и др., 40

≈ **очаг болезней леса** 📖 Воронцов и др., 40

В зависимости от контекста финскому термину может соответствовать любой из перечисленных терминов. ✍️

В терминоведении внимание нередко уделяется лишь степени пересечения объемов понятий, которым соответствуют сопоставляемые единицы (см. ISO 12620:1999: 21). Однако на степень взаимозаменяемости единиц могут оказывать влияние и многие другие семантико-прагматические характеристики: стилистическая, оценочная, хронологическая, региональная и т. д. Например, термины могут полностью совпадать по содержанию выражаемого понятия, однако если термин входного языка свободно употребляется в современном языке, а термин выходного языка является устаревшим, то вряд ли можно говорить об абсолютной эквивалентности этих единиц. Таким образом, степень эквивалентности нужно рассматривать с учетом всех параметров, релевантных для данной ситуации перевода.

Достаточно важным для перевода специальных текстов является также различие между эквивалентностью на уровне отличительных признаков и на уровне второстепенных признаков. Хотя единицы, у которых набор отличительных признаков понятий совпадает, в большинстве случаев выступают в роли абсолютных эквивалентов, в ряде контекстов могут актуализироваться различия на уровне второстепенных признаков, которые превращают соответствие в относительное и предполагают компенсационные меры при переводе. Подобные нюансы могут иметь большое значение в таких областях, как юридиспруденция (см., напр., Šarčević 1988; Šarčević 1990). К сожалению, возможности для описания второстепенных признаков в словарях, как правило, ограничены, и при их отборе неизбежен субъективизм (ср. Берков 2004: 164).

Для обозначения относительности соответствия на уровне содержания понятий в терминографии традиционно применяются знаки $<$, $>$ и $\approx$ (см. Sanastotyön käsikirja 1989: 110, 168; ср. Felber 1984: 121). Знаки $<$ и $>$ означают, что соответствия связаны отношениями включения, знак $\approx$ указывает на пересечение содержания понятий. Представляется, что с учетом многоуровневости и многокомпонентности понятия "эквивалентность", а также с учетом трудностей сопоставления понятий в разных языках и возможных различий во второстепенных признаках целесообразно использовать только знак $\approx$. Во всяком случае, именно такое решение было принято при проектировании ФРЛС. В качестве знака частичного несовпадения значений в словарях иногда используется также знак $\pm$ (Šarčević 1988: 969).

Довольно часто словари специальной лексики ограничиваются лишь констатацией того, что эквивалентность между двумя единицами является относительной (например, так делается во многих словарях, выпущенных Sanastokeskus TSK). Однако для принятия решения о том, можно ли использовать данное относительное соответствие в том или ином контексте и какие компенсационные меры нужно при этом предпринять, переводчику необходимо знать не только о самом факте наличия расхождений, но и об их содержании. Например, в ФРЛС все относительные соответствия снабжаются пояснением о том, в чем состоит различие между финским и российским понятием:

Пример 38 (ФРЛС):

keräilytuotteet *pl.* [Metsien monikäyttö]

rinnakkaistuotteet *pl.*

metsän rinnakkaistuotteet *pl.*

luonnonmarjat, sienet, koristejäkälä (palleroporonjäkälä) ja yrttikasvit $\approx$ SESMS

$\approx$ **продукты побочного лесопользования** *pl.* Курлович

Помимо перечисленных в финском определении продуктов, в России к продуктам побочного лесопользования относятся также сено, лекарственные растения, техническое сырьё, мёд, мох, подстилка, орехи и опавшие листья.

Переводчик может сделать вывод о различиях между единицами входного и выходного языка не только из пояснений, но также, например, сравнивая пометы, относящиеся к каждой из единиц:

Пример 39 (ФРЛС):

markkinakelvoton puu Hakila 2004, 28 [Puutavaralajit ja laatuvaatimukset]
puu, jolle heikon laadun tai korkeiden hankintakustannusten vuoksi ei ole kysyntää
puutavaramarkkinoilla Hakila
неликвідная древесина ЛХТС
неликвід (жарг.) Уткин

juolukka (11.6) (*Vaccinium uliginosum*) Hämet-Ahti et al. 1998, 211 [Metsien monikäyttö]
[Nimikko- ja opaskasvit]
голубика (11.23) БЭС
черника болотная (редк.) Цвелев, 359
гонобобель *m* (народн.) БЭС
дурника (народн.) ЛЭ I
пьяница (народн.) ЛЭ I

В приведенных примерах прагматические пометы *жарг.* и *народн.* предупреждают переводчика о более ограниченной сфере употребления соответствий по сравнению с финскими единицами.

В неодноязычной терминологической работе часто выделяется такая категория, как "ложные друзья" переводчика. Это единицы, близкие или совпадающие по графической и/или звуковой форме, а иногда и по общеязыковой семантике, но обозначающие в разных языках разные понятия (ISO 12620:1999: 22; Нелюбин 2003: 102–103). "Ложные друзья" переводчика могут приводиться в конце списка эквивалентов после знака ≠, который обращает внимание пользователя на нулевую эквивалентность данной единицы при схожести формы. Информация о ложном соответствии может быть также представлена в пояснении:

Пример 40 (ФРЛС):

ojitushanke (20.15) Päivänen 1990, 202 [Metsähydrologia ja -ojitus]
ojituksen suunnittelu ja toteutus Päivänen
 Ojitushanke voi koskea yhden tai usean maanomistajan maita. Päivänen
осушение (20.21) Бабилов, 68
Термин "проект осушения", являющийся буквальным соответствием финского термина, в русском языке обозначает документ по осушению, а не процесс осушения.

täydennysojitus (20.8) SESMS [Metsähydrologia ja -ojitus]
kunnostusojitus, jossa liian harvaan ojitetulle alueelle kaivetaan lisää ojia Päivänen
повторное осушение Сабо
<...>

Термин "дополнительное осушение", являющийся буквальным соответствием финского термина, в русском языке обозначает осушение дополнительных соседних участков.

По признаку происхождения можно выделить естественные и искусственные соответствия. Первые являются реально используемыми в выходном языке единицами, а вторые создаются в процессе перевода – как правило, для выражения понятия, отсутствующего в выходном языке. Использование в тексте искусственных соответствий может привести к ошибкам в интерпретации их значений реципиентами, поэтому искусственные соответствия часто приходится снабжать пояснениями. В связи с этим переводчику важно знать, является ли предлагаемое словарем соответствие естественным или искусственным. До недавнего времени такая информация отсутствовала в переводческих словарях, однако сейчас все больше терминографов начинают осознавать ее значимость. Например, в последних словарях Sanastokeskus TSK искусственные соответствия (termiehdotukset) предваряются звездочкой (см., напр., Geoinformatiikan sanasto 2005). В одном из стандартов ИСО (ISO/TR 12618:1994: 5) прямо указывается на необходимость четкого выделения искусственных эквивалентов как в бумажных, так и в электронных терминологических продуктах.

В ФРЛС для обозначения искусственных соответствий используется знак "пишущей ручки". Фамилия после знака ручки указывает на авторство соответствия. Отсутствие фамилии указывает на то, что соответствие предлагается авторским коллективом словаря:

Пример 41 (ФРЛС):

jäätymisvaurio [Metsätuhot]
<...>
разрыв тканей растения, вызванный морозом Мозолевская

kokoojaura (22.4) Uusitalo, 51 [Puunkorjuu]
ajoura tai sen osa, jota pitkin kuljettaessa kuormaa ei enää lisätä Kärkkäinen
блок для порожнего прогона трелёвочного средства

Среди естественных соответствий важно также выделять т. н. алиенизмы (варваризмы, экзотизмы) – общепринятые единицы для перевода иностранных реалий (см. Берков 2004: 60–61). Диахронически алиенизмы являются искусственными соответствиями, поэтому они могут потребовать дополнительных комментариев, ср.:

Пример 42 (Англо-русский политехнический словарь 1976):

abassi абасси (*белый египетский хлопок*)

Регулярными можно назвать соответствия, которые подходят в качестве эквивалента данной единицы входного языка в большинстве контекстов. Регулярными, как правило, являются соответствия с максимальной степенью близости к единице входного языка – прежде всего по логико-предметному значению, но также и по другим характеристикам. Возможны, правда, и случаи, когда существует определенная традиция перевода тех или иных единиц, хотя в выходном языке существуют единицы, более близкие к единице входного языка, чем традиционно используемое соответствие. Функция переводческих словарей заключается главным образом в сообщении переводчику регулярных соответствий.

Окказиональные соответствия отличаются от регулярных тем, что они могут выступать в качестве эквивалента в ограниченном числе контекстов. Никакой традиционный словарь не в состоянии отразить значительное количество окказиональных соответствий; это возможно, по всей видимости, только при использовании параллельных корпусов с соответствующими механизмами анализа текста. Окказиональные соответствия могут быть важны и интересны при переводе общеязыковых текстов, например, художественной литературы, однако в ЯСЦ их востребованность существенно ниже.

Составитель словаря должен учитывать разницу между регулярными и окказиональными соответствиями, в частности, при отборе эквивалентов из текстов переводов. Например, при переводе нередко используется прием генерализации, когда видовое понятие заменяется родовым. Составителю следует

соблюдать осторожность, чтобы не приписать случайно единицу, соответствующую родовому понятию, в качестве единственного эквивалента названия видового понятия. Регулярность соответствия можно проверить, попробовав подставить его в различные контексты. Понятийный анализ и статистические методы также могут помочь избежать включения в словарь окказиональных соответствий. Даже если окказиональные соответствия решено в определенном объеме включать в словарь, необходимо следить за тем, чтобы они не ставились прежде регулярных. Кроме того, необходимо указание на то, в каких контекстах данные соответствия могут употребляться.

Количество переводческих задач бесконечно, а число решений, которые может предложить словарь, даже самый полный, – конечно. В этом состоит неизбежная ограниченность переводческого словаря. Однако в любом случае словарь должен предоставить в распоряжение переводчика один или несколько *готовых* эквивалентов, хотя бы и искусственных, которые могут быть непосредственно использованы в переводе, а также обеспечить понимание единицы входного языка (Берков 2004: 141–142; ср. Щерба 1955: 6; Гак 1970: 76–77; Zgusta 1984: 147).

Из этого следует, что составитель переводческого словаря не должен оставлять безэквивалентную лексику без перевода или предлагать вместо готового соответствия "сырое" описание входной единицы на выходном языке (не следует путать с описательным переводом, который является распространенным способом передачи безэквивалентной лексики). Встречаются также случаи, и это особенно касается специальной лексики, когда в выходном языке существует точный эквивалент, однако лексикограф не берет на себя труд отыскать его, а перекладывает эту задачу на плечи пользователя, приводя лишь описание. Такая практика, естественно, нежелательна (Берков 2004: 145–146).

Межъязыковая эквивалентность – не всегда строго симметричное явление. Возможны случаи, когда единица одного языка является соответствием единицы другого языка, но не наоборот. Например, устаревший термин обычно может передаваться в другом языке современным термином, но современный термин не может переводиться устаревшим (подробнее о причинах асимметрии экви-

валентности см., напр., Гак 1970). Для обозначения степени обратимости в стандарте ИСО (ISO 12620:1999: 22–23) предусмотрена категория "направленность" (directionality) – эквиваленты могут помечаться как "двунаправленные" и "однонаправленные".

Стандарт ИСО (ISO 10241:1992: 12) рекомендует давать эквиваленты с новой строки и набирать их полужирным шрифтом. В многоязычных словарях сокращенные обозначения языков эквивалентов должны следовать стандарту ISO 639:1988. На практике, однако, в словарях часто используются однобуквенные сокращения языков (см., напр., словари: Шварц 1986; Бернар & Колли 1994). Сокращения языков не рекомендуется смешивать с сокращениями названий стран, а также использовать в качестве символов языков государственную символику (например, флаги). Дело в том, что ареал распространения языков далеко не всегда совпадает с границами государств.

При подаче эквивалентов следует четко различать собственно эквиваленты и пояснения к ним (см. Берков 1977: 126–128, 2004: 170–171; Zgusta 1984). Приведем пример, когда такое разделение не проведено:

Пример 43 (Koulutusalan sanasto 1998):

puitelaki закон в противоположность подзаконным актам

Корректной подачей была бы следующая: закон (*в противоположность подзаконным актам*), поскольку слова в скобках – это пояснение к собственно переводному соответствию "закон".

Одна из возможных причин для приведения пояснений при переводных соответствиях – желание уточнить сферу применения последних. Другая причина связана с тем, что соответствие само по себе может звучать неестественно. Например, ряд слов в русском языке предполагают указание на объект действия.

Пример 44 (ФРЛС):

hajalevitys [Metsänhoito]

lannoitteiden, torjunta-aineiden tai torjuntaeliöiden levitys tasaisesti koko alueelle

📖 ≈ SESMS

равноме́рный разбро́с (удобрéний, пестици́дов или агéнтов биологическо́й защúты) 📖 Новосельцев, 62

kotitarvepoiminta I (11.6; 11.8) 📖 ТТК 2002, 287 [Metsien monikäyttö]

kotitalouspoiminta I Salo

marjojen, sienten ja yrttikasvien poiminta omaan kulutukseen Salo

сбор (ягод, грибов и т. д.) для собственных нужд 📖 ЛК 1997

Пример 45 (Финско-русский словарь по социальному обеспечению = Kudashev 2000):

hoitolisä надбавка на уход (за кем-либо)

Особенно часто смешение переводной и поясняющей частей в словаре происходит при указании объекта действия, обозначаемого глаголом или отглагольным существительным (Берков 1977: 127). Для отделения эквивалента от пояснения рекомендуется подставить его в несколько различных контекстов, особенно содержащих указание на объект действия.

Пояснения должны визуально отделяться от эквивалентов. Обычно их набирают курсивом и заключают в круглые скобки. Пояснения могут также предшествовать эквиваленту или даже располагаться внутри его. Это создает значительные трудности при проектировании лексикографических процессоров, т. к. пояснения нарушают порядок сортировки, усложняют автоматическую генерацию обратных индексов и т. д.

Несколько слов необходимо сказать о порядке следования множественных переводных соответствий. По всей видимости, в любом переводческом словаре абсолютные эквиваленты целесообразно ставить перед относительными, а регулярные – перед окказиональными. Естественные эквиваленты, как правило, предпочтительнее искусственных, однако бывают случаи, когда искусственное соответствие выражает иноязычное понятие точнее, чем естественное, или

оказывается предпочтительнее последнего по сумме характеристик. Иногда также бывает важно дать искусственное соответствие для культурно-специфической единицы с целью ее четкого отделения от реалии другой страны:

Пример 46 (ФРЛС):

metsälaki (10.7) [Metsälainsäädäntö] [Ympäristönsuojelu]

kaikkia metsänomistajia koskeva yleislaki, jonka tavoitteena on edistää talousmetsien taloudellisesti, ekologisesti ja sosiaalisesti kestävää hoitoa ja käyttöä siten, että metsät antavat kestävästi hyvän tuoton samalla, kun niiden biologinen monimuotoisuus säilytetään ≈ MetsäL

Закон о лесах

В Финляндии.

≈ **Лесной кодекс** (10.16) ЛК 2006

В России.

metsärikkomus MetsäL [Metsälainsäädäntö]

maanomistajan tai hänen valtuuttamansa henkilön tai organisaation vähäinen oikeudenvastainen teko, joka kohdistuu metsään Kärkkäinen

① Metsärikkomuksista on säädetty rikoslaissa. Kärkkäinen

Vrt. *metsärikos*.

правонарушение в лесной сфере

≈ **правонарушение в лесном фонде**   Филиппчук

Лесной фонд – специфическое российское понятие, которое определяется как природно-хозяйственный объект федеральной собственности, лесных отношений, управления, использования и воспроизводства лесов, представляющий совокупность лесов, лесных и не-лесных земель в границах, установленных в соответствии с лесным и земельным законодательством. Филиппчук

На порядок следования соответствий, входящих в одну категорию (например, относительных), может влиять целый ряд факторов, приоритетность которых определяется составителями в зависимости от целей словаря. Например, в словарях нормативной направленности признак языковой и/или организационной нормативности важнее признака частотности, а в дескриптивных, как правило, наоборот. При прочих равных условиях на порядок следования эквивалентов могут влиять те же факторы, которые упоминались выше в связи с порядком следования вариантных средств выражения понятия.

Таким образом, для целей переводческой терминографии целесообразно выделять как минимум абсолютные и относительные, естественные и искусственные, а также регулярные и окказиональные соответствия. Для определенных целей может потребоваться также выделение "ложных друзей" переводчика, алиенизмов и двунаправленных-однонаправленных соответствий.

Информация об антонимических отношениях

По результатам нашего опроса, информация об антонимах заняла по востребованности предпоследнее место. Тем не менее эту информацию иногда можно встретить в переводческих словарях специальной лексики (Герд 1986: 61; Убин 1992: 112; Герд 1996: 305). Польза от этой информации двоякая: во-первых, антонимы позволяют лучше понять место данной единицы в понятийной системе, а во-вторых, они могут быть востребованы в том случае, если переводчик по каким-то причинам решит прибегнуть к антонимическому переводу (см. Нелюбин 2003: 21). В связи с этим представляется целесообразным кратко рассмотреть типы антонимов и способы их представления в переводческих словарях специальной лексики.

Антонимия распространена в языках для специальных целей не меньше, а возможно, даже больше, чем в языках для общих целей (Котелова 1970: 122; Даниленко 1977: 79; Татаринцов 1996: 195). В общей лексикологии содержание понятия "антоним" в последнее время существенно расширилось (Фомина 2001: 140–141). В "Лингвистическом энциклопедическом словаре" (2002: 36) выделяются три класса антонимов:

1. Антонимы, выражающие качественную противоположность и обнаруживающие градуальные (ступенчатые) оппозиции, например, "легкий – нетрудный – средней трудности – нелегкий – трудный". Антонимами считаются только крайние члены ряда.
2. Антонимы, выражающие дополнительность (комплементарность). Шкала противопоставления представлена двумя противоположными членами.

ми, дополняющими друг друга до целого. Например: "зрячий" – "слепой", "влажный" – "сухой", "соблюдать" – "нарушать".

3. Антонимы, выражающие противоположную направленность действий, признаков и свойств. Эта противоположность в языке основана на логически противоположных понятиях: "разбирать" – "собирать", "зажигать" – "гасить", "народный" – "антинародный".

В.А. Татаринцов (1996: 196–197) использует несколько другую классификацию антонимов (контрадикторные, контрарные, комплементарные, конверсивные). В целом, как отмечается в стандарте ИСО (ISO 12620:1999: 43), разбиение антонимов на подклассы для практической терминографии обычно не важно.

Поскольку термин "антоним" является интернационализмом, для обозначения антонимов во многих языках используются схожие пометы – *ant.*, *ant.* Возможно также использование пометы *cp.* (англ. *cf.*, финск. *Vrt.*), хотя это и менее рекомендуемый вариант по причине многозначности и многофункциональности этой пометы. Сведения об антонимии пользователь может также извлечь из логико-понятийных схем.

Мы рассмотрели основные типы отношений, которые могут иметь значение для перевода текстов на ЯСЦ, – понятийные, омонимические, полисемические, вариантно-синонимические, эквивалентные и антонимические. Разумеется, могут быть выделены и другие типы отношений, например, для целей информационного поиска (см. ГОСТ 7.47-84; ISO 12620:1999). Тем не менее эти типы отношений не имеют особого значения для процесса перевода и переводческих словарей специальной лексики.

Информация о сочетаемости

Сочетаемость – это свойство языковых единиц сочетаться при образовании единиц более высокого уровня (Лингвистический энциклопедический словарь

2002). В данном подразделе рассматриваются различные типы сочетаемости и способы их отражения в переводческих словарях специальной лексики.

Семантическая, или логическая сочетаемость предполагает, что компоненты сочетания не имеют противоречащих сем. Например, неодушевленные существительные не сочетаются с глаголами или прилагательными, выражающими действие или признак, характерные только для живых существ. В противном случае нарушается норма или переосмысливается как минимум один из компонентов (ср. Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 483). Семантическая сочетаемость, будучи основанной на внеязыковой действительности, является, как правило, универсальной и не нуждается в отражении в переводческом словаре.

Другим типом сочетаемости является лексическая сочетаемость, которая проявляется в избирательности лексем. Например, можно сказать "богатая синонимия", но не "большая синонимия" (пример из: Никитина 1988: 86). Этот тип сочетаемости слабо предсказуем для носителей языка (в случае с ЯСЦ – также для носителей языка, не владеющих данным ЯСЦ), в связи с чем он является постоянным источником ошибок (напр., Розина 1988: 261–262) и должен раскрываться в переводческих словарях как можно шире.

Лексическая сочетаемость может быть жесткоустойчивой, т. е. единица может сочетаться с очень ограниченным числом других единиц. Этот тип сочетаемости часто выводим из толкования. Например, "голеностопным" бывает преимущественно сустав, "водоплавающий" прочно ассоциируется с "птицей" и т. д. (см. Котелова 1978: 82–84). Однако чаще лексическая сочетаемость бывает менее жесткой, и тогда едва ли не единственным способом ее выявления становятся средства лингвостатистики и корпусной лингвистики.

Лексическая сочетаемость имеет особое значение при описании глаголов, прилагательных и наречий (Герд 1997а: 193). Она, как правило, описывается в словаре перечислением лексем, с которыми может сочетаться данная единица, или их обобщающих представителей (общих слов, называющих класс – см. Розина 1988: 261–265; Никонова 1986: 172). Способы описания различных типов

лексической сочетаемости в академических словарях русского языка подробно рассмотрены, в частности, в работе Н.З. Котеловой (1978).

Наконец, синтаксическая сочетаемость – это информация о том, с какими грамматическими формами других слов и с какими служебными словами сочетается данное слово или словосочетание. Сюда относятся, в частности, сведения об управлении и валентности данной единицы. Этот тип информации исследован и описан лучше других (Kromann, Riiber & Rosbach 1991: 2770).

В идеале словарь должен давать информацию как о сочетаниях, в которых данная единица является главенствующей, так и о сочетаниях, в которых она выступает как зависимый элемент. Первый тип управления проще для описания и регистрируется в современных двуязычных словарях общего языка достаточно последовательно. Второй тип управления описывать сложнее, и для этого может потребоваться отдельный грамматический очерк (Берков 2004: 112–114).

Существуют различные способы передачи информации о сочетаемости: примеры, местоимения в утвердительной или вопросительной форме, указание на падежи и т. п. Например:

вулканы расположены, развиты, образуются (*где?*) на берегах, островах, в островных дугах... **вулкан** богат, сложен (*чем?*) лавами, продуктами магмы (Бессонова 1988: 6);

титровать кислоту *чем-л.* (Никонова 1986: 172);

развод (*с Т – ...*) – имеется в виду, что при обозначении объекта должен употребляться предлог "с" и творительный падеж (пример из: Берков 2004: 112).

В ФРЛС сочетаемость демонстрируется главным образом при помощи примеров, помещаемых в конце статьи за знаком ромба:

Пример 47 (ФРЛС):

raivata [Metsänhoito]

poistaa vähäarvoinen puusto tai perata hakkuutähteet metsänuudistamisen helpottamiseksi 📖 ≈ CD-PS

расчищáть (*perf.* расч́истить) 📖 БТСР

очищáть (*perf.* оч́истить) 📖 БТСР

◇ raivata metsää – *расчищать лес*; raivata vesakkoa – *очищать (территорию) от нежелательной лиственной поросли*

При приведении примеров может отражаться не только собственная сочетаемость описываемой единицы, но и сочетаемость единиц, которые используются с данной. В приведенном выше примере раскрывается лексическая сочетаемость термина "вулкан" (образуется, богат и т. д.) и синтаксическая сочетаемость глаголов и прилагательных, сочетающихся с термином "вулкан" (образуется *где?*, богат *чем?*).

Поскольку информация об управлении часто распространяется на множество однотипных слов, в словарях используются различные методы компрессии этой информации. На уровне словарных статей это может проявляться, например, в том, что объединяется информация об управлении двух или более единиц (см. Берков 2004: 112, а также приведенные выше примеры). Существенно сэкономить место в переводческом словаре позволяет также контрастивный способ подачи информации о сочетаемости, когда словарь показывает только расхождения в моделях управления (Берков 2004: 112).

На уровне корпуса может быть принято решение о формировании базовых и отсылочных статей. В этом случае по полной схеме расписывается, например, термин "металлы", а при описании терминов, обозначающих конкретные виды металлов ("медь", "железо", "алюминий"), указывается только их собственная, специфическая для них сочетаемость. Для презентации несобственной, групповой сочетаемости делается отсылка к базовой статье (см. Никонова 1986: 172).

Наконец, повторяющаяся информация о сочетаемости может быть вынесена из корпуса в приложение (см. Крайнова 1997: 72; Kromann, Riiber & Rosbach 1991: 2774; Берков 2004: 196–203).

В "Энциклопедии лексикографии" (см. Kromann, Riiber & Rosbach 1991: 2774) перечисляются четыре фактора, от которых зависит объем и способы представления информации о сочетаемости в переводческом словаре. Первый фактор – это языковая компетенция и информационные потребности пользователей. Чем ниже языковая компетенция, тем больше потребность в информации о сочетаемости. Второй фактор – пара сопоставляемых языков, их особенности и степень различия. Третий фактор – функции и назначение словаря. Информация о сочетаемости необходима в словарях активного и пассивно-активного типа, тогда как в пассивных словарях она практически неважна. Четвертый фактор – принципы устройства словаря, а именно вопрос о целесообразности включения отдельного грамматического очерка.

Для переводческих словарей информация о сочетаемости довольно важна, поскольку даже в близкородственных языках этимологически тождественные слова со сходным смыслом обнаруживают различия в сочетаемости (Берков 1973: 10–11). Сочетаемость является одним из видов информации, за уточнением которой к словарям обращаются даже пользователи с высоким уровнем языковой компетенции (см. Atkins & Varantola 1998: 115). В настоящее время терминологические словари редко отражают сочетаемость, и многие исследователи считают подобную практику ошибочной (напр., Комарова 1995: 45; Ahmad, Fulford & Rogers 1992; Rogers & Ahmad 1998: 197). Разумеется, при переводе необходима прежде всего информация о сочетаемости единиц выходного языка. При высокой степени обратимости словаря повышается также актуальность информации о сочетаемости единиц входного языка. Как показали результаты нашего опроса, потребность в информации о сочетаемости тем выше, чем более связанным и/или частотным является сочетание (см. Таблицы 15 и 17; ср. Jacobsen, Manley & Pedersen 1991: 2787; Берков 2004: 64).

Поскольку одним из наиболее распространенных способов представления информации о сочетаемости являются примеры, в данном подразделе целесообразно рассмотреть их типы, функции, а также требования, предъявляемые к их форме. Относительно пользы примеров в лексикографии существует много

известных высказываний и афоризмов (относящихся, правда, главным образом к толковым словарям общего языка):

- "Словарь без примеров – это скелет" (Вольтер; цит. по: Дубичинский 1998: 133);
- "Словарь начинает жить с того момента, когда он обращается не к значению слов, а к их 'действию'" (Жорж Батай; цит. по: Рей & Делесаль 1983: 261);
- "Не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров" (Щерба 1958: 72).

С другой стороны, большое количество примеров на двух или более языках делает словарь большим, неудобным и дорогим (Al-Kasimi 1983: 158), поэтому примеры должны тщательно отбираться и соответствовать ряду требований. Примеры должны быть типичными, естественными, информативными, оптимальными по длине, законченными в смысловом отношении. Желательно, чтобы они не содержали сложных конструкций, отсылочных местоимений, а также более двух специальных единиц (Ahmad, Fulford & Rogers 1992: 141–142, 146; Robinson 1968: 95–100; Тооре 1996: 203–207).

Примеры могут выполнять несколько функций сразу – они могут являться источником информации о словоизменении, сочетаемости, различных аспектах значения и прагматических ограничениях, а также служить вспомогательным средством разграничения значений (Тооре 1996: 204–205; Jacobsen, Manley & Pedersen 1991: 2783–2784; ср. Ahmad, Fulford & Rogers 1992: 143). Хотя примеры как информационная категория могут отчасти пересекаться с другими типами информации, их основной функцией в словарях специальной лексики можно считать демонстрацию особенностей изменения и употребления специальных единиц.

Примеры могут быть заимствованы из реальных текстов (непосредственно или с модификацией) или придуманы составителем (напр., Ahmad, Fulford & Rogers 1992: 139; Bergenholtz & Tarp 1995: 139; Тооре 1996: 204). Согласно исследованиям, в учебных словарях примеры, составленные лексикографом, оказываются полезнее реальных (Laufer 1992: 75). Х. Бергенхольц и С. Тарп отме-

чают также, что придумать примеры – намного быстрее, чем выбрать их из корпуса текстов. Как правило, придуманные примеры также бывают более характерными. С другой стороны, они могут отражать субъективность составителя в тех или иных вопросах (Bergenholtz & Tarp 1995: 139–140; ср. Martin 1967: 156). Согласно одному из опросов лексикографов, придумывание примеров все же менее популярно, чем заимствование их из текстов. Обычно примеры берутся из текстов, но подвергаются редактированию (Ahmad, Fulford & Rogers 1992: 142).

Каким бы ни был источник примеров, последние должны быть информативными. Пример должен "работать", т. е. давать дополняющую и уточняющую информацию. В.П. Берков (2004: 63–64) приводит ряд "пустых" примеров из двуязычных словарей, например: "племянник" – "я ее племянник", "запасной выход" – "где запасной выход?", "рабочий день" – "так начинается мой рабочий день".

В выборе полезных сочетаний с глаголами может помочь анализ актантов – обозначений лиц или предметов, участвующих в действии, обозначаемом глаголом (Лингвистический энциклопедический словарь 2002). Как правило, актанты можно вывести из толкования глагола (Тестелец 2001: 158). Например, для глагола "вязать" актуальными будут три актанта – деятель, объект и инструмент: кто вяжет, что вяжет и чем вяжет. Другие сочетания со словом "вязать" (где вяжет, когда вяжет и т. д.) будут неактантными (Морковкин 1990: 24).

Ценные практические советы по выбору, оформлению и расположению примеров в переводческих словарях содержатся, в частности, в работах В.П. Беркова (2004: 63–75) и М. Тоопа (Тооре 1996).

Информация о тематической принадлежности

Согласно данным нашего опроса, информация о тематической принадлежности и сфере употребления специальных единиц занимает первое место по востребованности (см. выше Таблицу 15). Аналогичные результаты были полу-

чены и в ходе опроса ВЦП: 194 респондента высказались за включение помет о сферах применения слова и только трое сочли их излишними (Шайкевич & Убин 1988: 115).

Применение тематических помет особенно полезно и даже необходимо в словарях широкого профиля – полиотраслевых, межотраслевых и крупных отраслевых (ср. Герд 1986: 52–53; Герд 1985: 12; Vegenholtz & Tarp 1995: 152). Указание на тематическую принадлежность рекомендуется приводить в явном виде в тех словарях специальной лексики, авторы которых не предусматривают наличия тематического входа (Донской 1986: 12). Указание тематической области является также косвенным средством раскрытия значения специальной единицы и может быть рекомендовано в словарях, не содержащих определений (ср. Wright & Wright 1997: 151).

При всех недостатках существующих универсальных классификаций последние являются хорошим ориентиром для первичного установления границ предметных областей и разбиения их на подрубрики. Как правило, существующие классификации приходится корректировать в соответствии с задачами словарного проекта и особенностями собранного материала. Основные принципы корректировки – равномерность наполняемости рубрик и четкость их границ (Гринев 1995: 85).

Например, в ФРЛС разбиение на предметные области основывалось на классификации УДК и финской библиотечной классификации, однако оно было откорректировано при участии специалистов-предметников. Поскольку в ФРЛС тематическая помета проставляется в каждой словарной статье, некоторые названия предметных областей были сокращены и отредактированы. Это позволило сэкономить место в словаре и избежать нежелательных переносов помет на другую строку.

В крупных собраниях терминологических данных возможно иерархическое представление тематической принадлежности, вплоть до девяти подуровней. На практике, однако, двух–трех уровней бывает достаточно (ISO 12620:1999: 23). Например, в ТБД, применяемом во Всероссийском центре переводов, зона тематической принадлежности имеет два уровня глубины описания (Убин 1992:

98), а в канадском ТБД "ТЕРМИУМ" – три (Hutcheson 2001: 670). Излишняя глубина классификации не только бесполезна для пользователя, но может даже мешать ему; кроме того, она приводит к необоснованной трате ресурсов и повышает вероятность ошибок (ср. Убин 1992: 55, Гринев 1995: 85). С другой стороны, слишком поверхностная классификация, когда специальная лексическая единица относится лишь к самой общей категории, малоэффективна (ср. Vergeholtz & Tarp 1995: 152; Bononno 2000: 651).

Для определенной части материала может потребоваться детальное указание на область применения или даже узкий контекст. Например, в "Финско-русском словаре по социальному обеспечению" (Kudashev 2000) предметная область обычно не указывается – она задана в названии словаря. Однако в ряде случаев для разграничения значений терминов требуется указание на более узкую сферу функционирования терминов:

Пример 48 (Финско-русский словарь по социальному обеспечению = Kudashev 2000):

edunsaaja 1. (в страховании) выгодоприобретатель **2.** (в системе пенсий по случаю потери кормильца) член семьи, имеющий право на пенсию по случаю потери кормильца **3.** (в государственном секторе) работник

Указание на тематическую принадлежность является весьма распространенным и одним из самых экономичных средств разграничения значений (ср. Šarčević 1988: 966; Убин 1992: 117).

В целях экономии места или по каким-либо другим причинам названия тематических областей могут представляться в виде кодов, например, "электротехника" = УДК 621.3 (ISO 12620:1999: 24). Само по себе подобное представление тематической принадлежности является для большинства пользователей "непрозрачным", однако оно может оказаться полезным в сочетании со словесным представлением – например, если пользователь захочет найти источники, соответствующие данной рубрике. Если в словаре используются несколько классификационных систем сразу (например, УДК, ББК, ГАСНТИ), не-

обходимо введение категории "классификационная система" (см. ISO 12620:1999: 23).

При сокращении тематических помет важно избежать двух потенциальных проблем: непрозрачности и неблагозвучности. Х. Бергенхольц и С. Тарп критикуют целый ряд помет, взятых из технических словарей английского языка, за их "эзотеричность": например, помета *EC* может быть расшифрована и как *ecology*, и как *ecology*; пометы *MIN* и *MINE* могут быть отнесены как к минералогии (*mineralogy*), так и к горному делу (*mining*), пометы *FF* (*fluid flow*) и *RY* (*railway*) вообще с трудом поддаются расшифровке (Bergenholtz & Tarp 1995: 153; ср. аналогичные замечания в рецензии: Nukänen 1999b: 12–13). Приведем также пример непрозрачных русскоязычных помет: *ак.*, *св.*, *эк.* (словарь: Ягодкин & Калинин 1993). Следует отметить, что пометы, которые могут быть неправильно истолкованы, опаснее просто непонятных (ср. Algeo 1989: 33).

Стандарт ИСО дает следующие рекомендации по оформлению тематических помет: светлый шрифт, в угловых скобках, перед определением, на той же строке (ISO 10241:1992: 11). В больших двуязычных словарях приняты другие правила: тематические пометы даются курсивом без скобок; комментарии о сфере употребления, служащие средством разграничения значений, – курсивом в круглых скобках (Берков 2004: 132–133). Встречаются словари, в которых пометы даются в круглых (напр., *Страхование* 1994) или квадратных (напр., *Business Dictionary* 1994) скобках.

Тематических помет может быть несколько, если понятие относится сразу к нескольким подобластям и входит в разные системы понятий:

Пример 49 (ФРЛС):

erityisen tärkeä elinympäristö (8.2; 10.7) SESMS [Metsäluonnon monimuotoisuus]

[Ympäristönsuojelu]

erityisen arvokas elinympäristö Hakala et al., 119

<...>

особо ценное местообитание

Приведенное в примере понятие относится и к подобласти "Биологическое разнообразие лесов", и к подобласти "Охрана окружающей среды".

Тематическая принадлежность специальных единиц может задаваться не только в теле статьи. Как правило, она следует уже из самого названия словаря. Дополнительные сведения могут быть включены также в предисловие и/или аннотацию.

Если словарь снабжен логико-понятийными схемами (с соответствующими отсылками из корпуса), то принадлежность понятия к тематической группе можно, как правило, вывести из схемы. Более того, в систематических словарях тематическая принадлежность задается самим порядком расположения материала.

Информация о хронологическом статусе

Сведения о хронологическом статусе специальных единиц являются достаточно востребованным видом информации (см. выше Таблицу 16). При переводе особенно важно иметь представление о хронологическом статусе единиц выходного языка, чтобы случайно не использовать соответствие, вышедшее из употребления.

Устаревшая лексика, полностью вышедшая из употребления и отсутствующая даже в пассивном запасе пользователей ЯСЦ, является предметом исторической терминологии и крайне редко включается в обычные переводческие словари специальной лексики.

Устаревшая лексика, сохраняющаяся в пассивном запасе, может включаться в словари, претендующие на полноту описания. Устаревшие единицы могут включаться в словарь и по другим причинам. Например, в ФРЛС устаревшие единицы выходного языка, обнаруженные в ранее изданных словарях, специально включались в словарь с пометой *устар.*, чтобы предупредить пользователей о том, что в настоящее время эти соответствия уже вышли из употребления:

Пример 50 (ФРЛС):

kuivatusoja [Metsähydrologia ja -ojitus]

<...>

осушительный канáл 📖 Баби́ков, 104

дрена́жный канáл ☹️ 📖 TS

дрена́жная кана́ва (*устар.*) ☹️ 📖 TS

осушительная кана́ва (*устар.*) ☹️ 📖 TS

Устаревшая лексика может быть разбита на подклассы (см., напр., Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989: 63–64; ISO 12620:1999: 14–15), однако в большинстве случаев для целей практической переводческой терминографии в подобном разбиении нет необходимости. Переводчику специальной литературы, как правило, важно знать лишь то, используется ли данная специальная лексическая единица в настоящее время или она уже вышла из употребления. Причины, по которым единица больше не употребляется (выход из употребления референта, смена научной парадигмы и т. д.), редко оказывают влияние на переводческое решение. Кроме того, как отмечается в стандарте ИСО, критерии разбиения устаревшей лексики на подклассы могут быть довольно сложны, а сам процесс разбиения подвержен влиянию субъективных факторов (ISO 12620:1999: 14).

Стандарт ИСО рекомендует помещать устаревшие единицы на отдельной строке после единиц, имеющих хождение в настоящее время, и снабжать их соответствующей пометой (*deprecated*, *obsolete*) в угловых скобках (ISO 10241:1992: 10). В переводческих словарях хронологические пометы обычно даются курсивом без скобок (ср. Берков 2004: 172), хотя не исключена и подача в круглых скобках. Традиционная русскоязычная помета для устаревшей лексики – *устар.* (напр., Герд 1986: 53). Иногда используется также помета *уст.*, однако пользователи могут ошибочно расшифровать ее как "устное". Переводческие словари не всегда последовательны в способах маркирования устаревшей лексики (Берков 2004: 50).

Очень интересная система фиксации хронологического статуса принята в "Словаре морского языка" М.И. Солнышкиной (2005). Для устаревшей лексики в

этом словаре указывается период ее функционирования в языке. Для одних терминов этот промежуток указывается с точностью до года, для других – приблизительно. Поскольку слова, как правило, не сразу выходят из оборота, после ориентировочного года выхода лексической единицы из употребления может ставиться знак "+":

Пример 51 (Словарь морского языка = Солнышкина 2005):

каргабаш, -а, м. (Кор.) корабел., *уст.*, кон. 19 – нач. 20 в., Азов <...>

кастрюльник, -а, м. (Кор.) *уст.*, 1920 – 30+ <...>

катыша¹, -и, ж. (Кор., СМЖ) *СФ, БФ, подв. флот.* 1939 – 45 <...>

Дополнительная информация относительно хронологического статуса специальной единицы может быть вынесена в пояснение. Например, в нем могут разъясняться причины выхода специальной единицы из употребления, период, в который это произошло и т. п. (см. ISO 10241:1992: 10).

В словарях специальной лексики, фиксирующих организационную норму, важной информационной категорией является организационный хронологический статус специальных единиц, который не всегда совпадает с языковым. Имеется в виду информация о сроках действия нормативного документа, которым данная специальная лексическая единица была утверждена (см. ISO 12620:1999: 15, 19).

Маркироваться может не только устаревшая лексика, но и неологизмы. Для последних могут использоваться пометы *нов.* ("новый термин") или *неол.* ("неологизм" – Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989: 63). Эти пометы, в частности, предупреждает пользователя о возможных вариациях формы и значения данной единицы. Маркирование неологизмов важно также с точки зрения ведения и обновления словаря.

Информация об ареальном статусе

Ряд единиц специальной лексики может относиться к географической разновидности того или иного языка. Например, английский язык имеет британский, американский, канадский, австралийский, новозеландский, индийский и другие варианты; португальский язык – португальский и бразильский варианты; шведский язык – шведский и шведско-финский варианты и т. д. Под географической разновидностью языка понимают, как правило, вариант языка, использующийся на территории, обладающей значительной степенью политической и экономической самостоятельности (ср. Grindsted 1988: 183). В отсутствие подобной самостоятельности можно говорить о территориальных диалектах. Впрочем, при выделении и классифицировании региональных разновидностей зачастую приходится учитывать и целый ряд других факторов (ср. Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 133).

В языках для специальных целей географические разновидности довольно часто встречаются в культурно-специфических областях – например, сфере управления, права, социального обеспечения. Диалектизмы в ЯСЦ – явление, по всей видимости, достаточно редкое. Тем не менее, например, в "Лингвистической концепции терминологического банка данных машинного фонда русского языка" (1989: 75) предлагается предусмотреть поле для обозначения диалектного статуса специальных единиц. Диалектизмы встречаются, например, в физической географии (названия типов ландшафтов), в биологии ("народные" названия видов), при описании ремесел, народных промыслов или специфических элементов этнокультуры.

Региональное варьирование может проявляться не только в использовании различных специальных единиц, но и в варьировании смысла, вкладываемого в одну и ту же единицу (ср. тж. Берков 2004: 51):

Пример 52 (ФРЛС):

rantaniitty (8.5) EnDic [Metsäluonnon monimuotoisuus]

luhtaniitty EnDic

puuton luhta Päivänen

① Rantaniityiltä on saatettu niittää luonnonheinää karjalle, tai niitä on saatettu käyttää luonnonlaitumina.

 Päivänen

заливной луг ЧЭСТ

пойменный луг ЧЭСТ

полой (редк.) СМГТ

Полой – низменный луг на пойме, заливаемый весной. В разных регионах России значения этого термина могут варьироваться. ≈ СМГТ

tunturi [Metsäluonnon monimuotoisuus]

puurajan yläpuolelle ulottuva, tavallisesti pyöreälakinen vuori mannerjään aikoinaan peittämällä alueella, varsinkin Fennoskandiassa CD-PS

голец ЭЛХ I

Чаще мн. ч. – гольцы.

Горная вершина уплощенной или округлой формы, поднимающаяся выше верхней границы леса и почти лишённая растительности. Термин "голец" употребляется в Сибири. ≈ ЭЛХ I

Неадаптированные заимствования желательно снабжать информацией о том, из какого языка было произведено заимствование, т. к. для этих единиц могут быть характерны фонетические и грамматические особенности. Информация о языке заимствования отчасти пересекается с параметром "этимология":

Пример 53 (Англо-русский словарь по средствам массовой информации = Курьянов 1993):

actualites *фр.* последние известия

По результатам нашего опроса информация об ареальном статусе специальных единиц заняла 12-е место и была отнесена респондентами к категориям средней востребованности (см. выше Таблицу 16). Однако с учетом того, что неправильный выбор регионального варианта может привести к смысловым ошибкам, информация об ареальном статусе все же представляется весьма значимой для перевода.

Для сообщения информации об ареальном статусе специальной единицы чаще всего используются ареальные, или региональные пометы. Стандарты ИСО (ISO 10241:1992: 9; ISO 12620:1999: 13) рекомендуют по возможности использовать сокращения названий стран, установленные стандартом ISO 3166:1993 (например, GB, US). В более детальных классификациях разрешено использовать другие региональные обозначения, при условии, что они расшифровываются в правилах пользования. Допускается также представление с логическим оператором отрицания, например, NOT AUS.

Помимо ареальных помет, информация об особенностях регионального употребления может приводиться в свободном виде в пояснениях, схемах и таблицах (ср. Šarčević 1988: 967–968):

Пример 54 (Финансы и долги. Толковый словарь Всемирного банка. Англо-франко-испано-русский 1997):

income bond; participating bond

<...>

доходная облигация

В США это облигации, гарантированные как первоклассные <...> (Отметим, что в Великобритании доходные облигации связаны с вложениями средств под фиксированный процент в компании по страхованию жизни в форме немедленного аннуитета плюс отсроченный аннуитет)

Информация об организационном и юридическом статусе

Некоторые специальные единицы могут нести отпечаток принадлежности к терминологии той или иной организации. Иногда переводчиков даже снабжают списком соответствий, использование которых принято в организации-заказчике. В.А. Татаринев (1982: 121) отмечает, со ссылкой на Р.Г. Пиотровского, что одна и та же деталь, один и тот же технологический процесс часто называются в разных фирмах по-разному, и призывает учитывать это обстоятельство в словарях специальной лексики.

В стандарте ИСО (ISO 12620:1999: 13) организационная принадлежность специальной единицы ставится в один ряд с такими понятиями, как "вертикальная" классификация ЯСЦ и стилистическое расслоение ЯСЦ, однако мы предпочитаем рассматривать эти явления изолированно.

Востребованность информации об организационной принадлежности специальных единиц достаточно высока. В нашем опросе этот тип информации занял десятую строчку, опередив, например, сведения об ареальной принадлежности и грамматическую информацию (см. выше Таблицу 16).

В словарях специальной лексики информация об организационной принадлежности встречается нечасто, и общепринятых способов ее представления нет. Вероятно, она может отображаться тем же способом, что и другие прагматические пометы и пояснения – например, курсивом в круглых скобках.

Принадлежность специальной единицы определенной организации может быть закреплена юридически, как это имеет место в случае товарных знаков (trademark) и фирменных наименований (tradenamе; английские термины взяты из стандарта ISO 12620:1999; российские соответствия – из словаря: Баскакова 1998). Оба вида обозначений относятся к промышленной собственности, поэтому их употребление может иметь определенную специфику, в зависимости от национального законодательства. Например, может потребоваться сопровождение названия символами ® или ™, использование прописных букв и т. д. (см., напр., Landau 2001: 405–409). Эта информация, безусловно, важна для переводчика. По результатам нашего опроса она заняла пятое место, т. е. была отнесена респондентами к важным типам информации. Интересно отметить, что финские респонденты сочли эту информацию намного более существенной, чем российские (см. выше Таблицу 18). По-видимому, это можно объяснить отсутствием в России традиции специфического оформления торговых марок и фирменных наименований.

Помимо обозначений ® и ™ для маркирования юридического статуса специальных единиц используется помета *фирм.* (напр., Большой англо-русский политехнический 1991). За дополнительной информацией об особенностях упот-

ребления и оформления зарегистрированных наименований следует обращаться к национальному законодательству и стандартам.

По признаку ограниченности группы, пользующейся той или иной специальной лексикой, может быть выделена авторская лексика и лексика научной школы. Например, в "Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике" (2002) для терминов, имеющих фиксированную сферу употребления или связанных с определенной лингвистической теорией, после знака ☞ вводятся соответствующие отсылки: глоссематика, порождающая грамматика, логический анализ естественного языка и т. д. Кроме того, за знаком "карандаша" указывается авторство термина, если его удалось установить. Принадлежность термина той или иной школе, теории или автору часто следует также из пояснения:

Пример 55 (Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике 2002; специальные знаки воспроизведены приблизительно):

alternatives альтернативы, предъявление альтернатив ✧ Один из риторических предикатов, введенных Дж. Граймсом для описания вариантов действий, развития событий и пр. <...> ✎ Граймс Дж. ☞ лингвистика текста <...>

Можно порекомендовать более четко выделять указания на авторство специальных единиц, чтобы они не сливались с другими полями, как это произошло, на наш взгляд, в "Англо-русском словаре-минимуме психологических терминов" (1993):

Пример 56 (Англо-русский словарь-минимум психологических терминов 1993):

sign learning *(Толмен) знаковое научение (усвоение связи между стимулом-знаком и его значением – в отличие от научения двигательным реакциям на стимулы)*

"Толмен" в данном примере – фамилия автора термина, однако поскольку она оформлена так же, как последующее пояснение, то ее можно принять за синоним или еще одно пояснение.

Информация о стилистическом и нормативном статусе

Критерии выделения классов стилистически маркированной лексики зависят от множества факторов: в частности, от традиций, принятых в данном языке, особенностей данного национального языка и ЯСЦ, а также от задач терминографического описания.

В стандарте ИСО (ISO 12620:1999: 13–14) говорится не о стилистическом параметре, а о языковом "регистре" (register), причем к нему относится также "вертикальное" расслоение ЯСЦ (от абстрактно-научного до "заводского" уровня), а также организационная (но не правовая) принадлежность специальной единицы (in-house register). Помимо "жаргонного" (неформального) регистра выделяется также "вульгарный" – непрофессиональный или социально неприемлемый стиль общения. По-видимому, его можно соотнести с выделяемым в российской традиции классом "профессионального просторечия". В словарях специальной лексики чаще всего используются такие пометы, как *жарг.* (жаргонное), *разг.*, *colloq.* (разговорное) и *уст.* (устное).

На наш взгляд, минимальное разделение по стилистическому параметру можно провести в зависимости от того, используется ли специальная лексическая единица в официальных письменных документах или нет. Единицы, которые не могут использоваться в подобных документах, однозначно следует маркировать:

Пример 57 (Англо-русский словарь по средствам массовой информации = Курьянов 1993):

abortion проф. неудачный выброс (*при редактировании*)

spook разг. писатель-невидимка (*пишущий за другого*); составитель речей (*для другого лица*)

С точки зрения языковой нормы необходимо также маркировать профессиональное просторечие – единицы, не отвечающие стандартам установившейся в среде специалистов профессиональной нормы (ср. Герд 1986: 53).

Стилистический параметр занял по результатам нашего анкетирования третье место, т. е. был отнесен участниками опроса к числу наиболее важных типов информации (см. выше Таблицу 15). Это вполне объяснимо, поскольку использование в официальной документации единиц, характерных для сниженного или неформального стиля, является серьезной стилистической ошибкой.

Помимо языковой нормы во многих специальных областях особое значение имеет также организационная норма – степень одобрения или неодобрения специальных единиц уполномоченными организациями. Системы фиксации организационной нормы подробно описаны в руководствах по нормативной терминологической работе (см. ISO 12620:1999: 18–20). Впрочем, в разных странах классификации могут различаться. Например, в России принята градация "стандартизированный – рекомендуемый – допустимый – нерекондуемый – недопустимый термин" (Гринев 1995: 51), что не вполне соответствует рекомендациям ИСО (standardized – preferred – admitted – deprecated – superseded – legal – regulated term).

В дескриптивных словарях вместо нормативных помет могут использоваться рекомендательные. Например, в ФРЛС, который по своей сути является дескриптивным словарем, было принято решение снабжать термины, не рекомендуемые специалистами к употреблению, знаком ☹. В ряде случаев этот знак сопровождается также объяснением причин, по которым термин не рекомендуется:

Пример 58 (ФРЛС):

katkontakone 📖 Uusitalo, 56 [Koneet ja laitteet]

pölkkytyskone 📖 Granvik 1993, 184

rungon katkomiseen käytettävä kone 📖 ≈ Granvik 1993, 184

раскряжёвочная машина 📖 ТМЛР, 240

устано́вка для попере́чной раскряжёвки ☹ 📖 Гороховский & Лившиц, 395

Термин "установка для поперечной раскряжёвки" тавтологичен, т. к. раскряжёвка уже подразумевает поперечное деление (хлыста или долготья). ✍ Шегельман

Нерекондуемые синонимы могут также приводиться после рекомендуемых с пометами *исп. вместо* (используй вместо), *нерек.*, *нрк.* (нерекондуемые)

мый термин), по аналогии с запрещающей пометой *ндп.* (недопустимый термин):

Пример 59 (Рекомендации 1990):

6 аппарат искусственной вентиляции (лёгких); аппарат ИВЛ (Ндп. *аппарат искусственного дыхания; респиратор*)

По результатам нашего анкетирования, информация о нормативном статусе специальных единиц заняла девятую позицию и находится в начале списка категорий средней важности. Такой результат объясняется скептическим отношением к данному типу информации российских респондентов, которые при оценке ее важности разошлись во мнении с финскими коллегами на два порядка. Это, в свою очередь, может быть связано с тем, что в Финляндии нормативная терминологическая работа занимает более прочные позиции, чем в России.

Информация о частотности и употребительности

Информация о частотности/употребительности была отнесена участниками нашего опроса к малоценным категориям сведений (17-е место из 22). По-видимому, это можно объяснить тем, что для переводчика нет особой разницы, насколько распространенным является термин, если это единственный вариант перевода. Вместе с тем информация о частотности может существенно повлиять на переводческое решение в ситуации выбора из нескольких вариантов перевода.

Параметр частотности может быть важен для самоподготовки устных переводчиков, поскольку он позволяет сосредоточиться на заучивании наиболее употребительной лексики и не тратить время на низкочастотную. Для наиболее полной реализации этой возможности необходимо наличие в словаре частотного входа.

Для оценки частотности могут применяться различные методы и шкалы. Процедура и способы оформления результатов статистических расчетов описаны в работах по статистической лексикографии (напр., Алексеев 2001).

В обычных (не частотных) терминологических словарях чаще используются не количественные, а качественные оценки употребительности, находящие выражение в пометах типа *редк.* (редкое) или комментариях в свободной форме. Обычно такие оценки являются субъективными. Иногда бывает так, что термин редко используется в одной области, но является употребительным в другой. В этом случае требуются дополнительные комментарии. В ФРЛС за простановку пометы *редк.* отвечают специалисты-предметники.

Пример 60 (ФРЛС):

kokonaishaihdunta [Metsähydrologia ja -ojitus]

evapotranspiraatio

<...>

суммáрное испарéние Бабиков, 100

величинá эвапотранспира́ции (*редк.*) ГР

maavesi (4.1; 20.1) [Metsähydrologia ja -ojitus] [Metsämaa]

<...>

пóчвенные вóды *pl.* (20.16) ГОСТ 19179-73

пóчвенная вла́га (*редк.*) EnDic

Термин "почвенная влага" обычно используется в почвоведении и редко в гидрологии. Рубцов

В стандарте ИСО (ISO 12620:1999: 14) предлагается следующая шкала оценки употребительности: commonly used – infrequently used – rarely used (общеупотребительно – используется нечасто – используется редко). Допускается также количественное выражение частотности, если статистика основывается на компьютерном анализе корпуса текстов.

В ряде словарей используется система частотного рейтинга – например, с помощью количества звездочек (см. Temmerman 2003: 120). Параметр "употребительность" может также иметь частичное выражение. В некоторых словарях издательства Harper Collins специальным знаком помечаются наиболее частот-

ные единицы (например, входящие в первую треть общего частотного списка – см. Карпова 2004: 128).

Во многих словарях критерий употребительности используется при формировании словника, и если этот факт упоминается в названии словаря или предисловии, то это также можно считать недифференцированным имплицитным представлением параметра "употребительность" (ср. Донской 1989: 18).

Информация об этимологии

В "Энциклопедии лексикографии" упоминаются три основные причины для включения этимологической информации в словарь: 1) предоставление "сырья" для исследователей или студентов, интересующихся историей языка; 2) углубление понимания и стимулирование интереса к языкам вообще и конкретному языку в частности; 3) предоставление информации об истории данной культуры и ее взаимосвязи с другими культурами (Drysdale 1989: 527).

Перечисленные выше цели достаточно далеки от целей переводческих словарей. Неудивительно поэтому, что этимология оказалась в нашем опросе наименее востребованным типом информации (см. выше Таблицу 17). Включение этимологии в словари специальной лексики сдерживается и тем обстоятельством, что работа по установлению происхождения и развития слов требует огромных усилий, которые еще не гарантируют получения достоверных результатов. В общеязыковой лексикографии для выяснения этимологии обычно привлекают видных специалистов в этой области (Landau 2001: 381).

Этимологическая информация в переводческих словарях, в том числе словарях специальной лексики, носит, безусловно, факультативный характер и представляет интерес главным образом для исследователей. Соответственно, этимологическая информация больше уместна в словарях толково-энциклопедического типа, претендующих на полноту охвата предметной области. Другая полезная сфера применения этимологических сведений – учебные словари.

Одной из категорий специальных единиц, при которых этимологическая информация может быть полезна, являются номены. Номенклатура часто основывается на системных латинских и греческих терминологических элементах, понимание которых существенно облегчает понимание и запоминание номенов (ср. Landau 2001: 131). Кроме того, латинское или греческое происхождение номена обычно относительно легко установить. Отметим, что в стандарте ИСО (ISO 12620:1999: 17) в качестве примера, для которого указание этимологии оправданно, используется именно номен: aspirin (from acetyl + spiraeic acid). А.И. Березникова (1976: 88) рекомендует также включать в словари, претендующие на полноту описания, информацию о времени создания номена и его авторстве.

В стандарте ИСО (ISO 12620:1999: 16–17) описываются две категории, имеющие отношение к истории специальных единиц. Первая из них – term provenance ("происхождение термина") – отражает способ создания термина и включает в себя такие классы, как transdisciplinary borrowing ("междисциплинарное заимствование"), translingual borrowing ("межъязыковое заимствование", "заимствование из другого языка"), loan translation ("калька") и neologism ("неологизм"). Вторая категория – собственно этимология (etymology), которая определяется как "информация о происхождении слова и развитии его значения".

Как нам представляется, подобное разбиение не лишено недостатков. Во-первых, отделить вторую категорию от первой достаточно трудно. Во-вторых, в первой категории перечислены не все способы образования терминов. Например, не учтен вариант развития значения существующего термина той же предметной области. В-третьих, помета "неологизм" может быть ошибочно принята за хронологическую характеристику.

При описании этимологии терминографам стоит обратиться к опыту общеязыковой лексикографии. Вопросы подачи этимологии обсуждаются, в частности, в работах С. Ландау (см. Landau 1989: 98–104 или Landau 2001: 127–134) и П. Дрисдаля (см. Drysdale 1989). В качестве примера продуманной подачи этимологической информации А.С. Герд (1986: 53) приводит "Толковый словарь немецких геологических терминов". В этом словаре не только указывается эти-

мология терминов, но и приложены специальные таблицы опорных греческих и латинских слов, содержащих корни этих терминов.

Источники словаря и информация о них

Источники словаря и методы работы с ними оказывают значительное влияние на содержание словарного произведения. Работа с источниками включает в себя ряд задач:

- выбор типов источников;
- отбор конкретных материалов, которые будут использоваться в качестве источников;
- выбор методов извлечения, обработки и сохранения информации;
- собственно стадия извлечения, обработки и сохранения информации;
- фиксация информации об источниках словаря (для внутреннего пользования и/или конечных пользователей).

Данный подраздел посвящен рассмотрению перечисленных вопросов.

Выбор типов источников

Выбор источников начинается с определения критериев, которым они должны соответствовать, чтобы наилучшим образом отвечать задачам словаря и условиям проекта. В различных словарных проектах критерии могут быть даже противоположными. Например, при составлении нормативного терминологического словаря к источникам будет предъявляться требование их официальности, в то время как при составлении словаря профессионального жаргона требование к степени официальности будет обратным.

Тем не менее практически в любом словарном проекте основными требованиями к информации, которая будет представлена в словаре, а значит и к ее источникам, являются достоверность, достаточная степень общепринятости,

хронологическая адекватность (обычно имеется в виду актуальность), понятность, а также приемлемость затрат на получение и обработку информации. Именно с этих позиций, на наш взгляд, и следует прежде всего оценивать источники словаря.

Источники словаря редко отвечают всем перечисленным требованиям одновременно. Например, по шкале актуальности информации учебник для вузов занимает одно из последних мест среди текстов научного подстиля (его опережают, в порядке убывания, такие жанры, как сообщение на семинаре, препринт, сообщение на конференции, статья в отечественном журнале, экспресс-информация, статья в зарубежном журнале, тематический сборник статей, монография – Ефимов 1985: 38–39). Тем не менее по другим базовым критериям учебник занимает очень прочные позиции: это надежный источник, степень общепринятости информации в котором максимальна; он написан понятным языком; его несложно достать (большие тиражи, гарантированное наличие в крупных библиотеках); при широте охвата тематики в нем излагаются лишь наиболее важные факты, причем построение и полиграфическое оформление способствует быстрому извлечению терминологической информации (четкая рубрикация, наличие определений, графическое выделение наиболее важных моментов и т. д.).

Поскольку редкий тип источников отвечает всем требованиям одновременно, основная задача при выборе типов источников состоит в нахождении материалов с оптимальным с точки зрения задач словаря и условий словарного проекта соотношением характеристик.

Различные классификации источников (по стилю, жанру, типу автора, коммуникативной цели, характеру информации, объему, композиции и т. д.) можно найти в большом количестве работ (напр., Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989: 38–39; Квитко и др. 1986: 75). Эти классификации служат хорошей отправной точкой. Тем не менее при оценке того или иного типа источника с точки зрения пригодности для словарной работы целесообразно использовать упомянутую выше совокупность критериев, дополняя их при необходимости критериями, специфическими для данного проекта.

Рассмотрим несколько распространенных классификационных делений источников. Начнем с разделения источников на первичные (сфера функционирования терминологии) и вторичные (сфера фиксации). Из вторичных источников – словарей, энциклопедий, стандартов – информация извлекается намного быстрее, чем из первичных документов, однако последние, как правило, выигрывают в актуальности, а иногда и в достоверности.

Вторичные источники важно разделять на нормативные и дескриптивные. Первые обладают или, точнее, должны обладать большей степенью общепринятости. На практике, однако, нередко оказывается, что нормативно закрепленные термины и определения находятся в противоречии с реальным узусом (Убин 1992: 58; Гринев 1993: 23; Татаринев 1996: 258, со ссылками на ряд других работ). Соответственно, в описательном терминологическом проекте дескриптивные источники, особенно первичные, могут считаться более достоверными, чем нормативные.

Источники могут быть "внутрипроектными" (личная компетенция автора и/или рабочей группы) и внешними (приглашенные специалисты, литература). При подключении внешних источников происходит расширение компетенции от индивидуального уровня к коллективному (ср. Vergenholtz & Tarp 1995: 90–93; Hanks 1990). Привлечение внешних источников позволяет обеспечить большую достоверность и большую степень общепринятости материала, однако при этом возрастают временные, организационные и материальные затраты.

По способу существования информации источники традиционно принято подразделять на письменные и устные. Письменные источники считаются в большинстве случаев более надежными и общепринятыми, однако в связи с подверженностью научно-технической информации быстрому устареванию (за 3–5 лет в технике и за 8–10 лет в математике и описательных науках – Ефимов 1985: 35) печатные источники нередко оказываются устаревшими еще до выхода из типографии (ср. Гринев 1995: 82). Для получения наиболее свежей информации обычно рекомендуется обращаться к информантам (ср. Sanastotyön käsikirja 1989: 143). С другой стороны, к печатным источникам, как правило, проще получить доступ и на них легче ссылаться, чем на устные источники.

В последние годы электронные ресурсы и средства коммуникации внесли существенные изменения в традиционное представление о письменных источниках. Благодаря компьютерным сетям электронные тексты могут быть опубликованы едва ли не в режиме реального времени, однако зачастую они уже не обладают той степенью надежности и авторитетности, которая была присуща печатным произведениям. Долговечность электронных ресурсов на практике может быть весьма невелика. Вместе с тем электронные тексты предоставляют массу новых возможностей по поиску и обработке информации.

В западной общезыковой лексикографии составление серьезного словаря уже практически немыслимо без электронного корпуса текстов (ср. Карпова 2004: 16). В терминографии процесс перехода к корпусным методам сдерживается рядом факторов. Во-первых, создание достаточного по объему корпуса и инструментов работы с ним – это серьезный проект, требующий инвестиций, времени и специальных знаний. Ограниченность рынка сбыта словарей специальной лексики ставит экономическую целесообразность такого проекта под сомнение (ср. Bergenholtz & Tarp 1995: 94). Другим фактором, сдерживающим использование в терминографии корпусов, является упоминавшаяся выше скорость устаревания научно-технической информации. За то время, которое необходимо для формирования корпуса, информация в нем может уже устареть. Наконец, к специальным текстам не всегда бывает просто получить доступ. Многие из них предназначены лишь "для внутреннего пользования".

И все же по мере дальнейшего распространения электронной коммуникации можно прогнозировать все более широкое использование корпусов ЯСЦ в качестве источников словарей специальной лексики. Не исключено даже, что словари специальной лексики станут своего рода "побочным продуктом" корпусной лингвистики.

При использовании корпусов граница между печатными и электронными источниками стирается, т. к. корпусы текстов могут состоять и из документов, изначально опубликованных в электронном виде, и из печатных документов, переведенных в цифровой формат. С точки зрения удобства и скорости работы с материалом важно учитывать, в какой мере корпус оснащен специальным лин-

гвистическим программным обеспечением по поиску, отбору и обработке информации.

Использование корпуса текстов не исключает потребности в информантах. А. Бежуэн (Béjoint 1979: 26–27) отмечает два недостатка корпусов текстов, которые могут быть компенсированы за счет привлечения информантов. Во-первых, корпуса, как правило, в недостаточной степени отражают неформальный регистр речи. Во-вторых, корпусу невозможно задать уточняющие вопросы, которые нередко возникают при работе над словарем. В связи с этим многие руководства по терминологической работе и исследователи рекомендуют привлекать специалистов-предметников в качестве дополнительных источников информации (напр., Moulin 1983: 148; Герд 1986: 23; Sanastotyön käsikirja 143; ISO 10241:1992: 4). При составлении неодноязычных словарей требуются информанты как с входным, так и с выходным родным языком.

Для переводческой лексикографии особое значение имеет противопоставление аутентичных и переводных текстов. Переводные соответствия намного проще и быстрее обнаружить в текстах переводов, однако достоверность этой информации, как правило, ниже, чем при анализе аутентичных текстов. При подготовке международных стандартов на термины и определения использование переводных текстов допускается лишь в исключительных случаях (ISO 10241:1992: 3). Исследователи рекомендуют не полагаться полностью на переводные соответствия, найденные в параллельных текстах, а проверять их по аутентичным текстам (Sager 1990: 141; Bergenholtz & Tarp 1995: 95). Большую помощь при проверке переводных соответствий могут также оказать специалисты-предметники, особенно не владеющие входным языком (что позволяет избежать контаминации).

Для переводческой лексикографии могут быть также полезны корпуса псевдопараллельных текстов – аутентичных документов, близких по основным характеристикам (тематике, жанру и т. д.). Подобные корпуса могут использоваться в качестве источников специального словаря, причем часть задач по установлению межязыковых соответствий может быть автоматизирована (см., напр., Heid 1996; Hartmann 2001: 140–142).

Конкретные источники терминологической информации и их основные особенности рассматриваются в большом количестве терминологических руководств (см. Felber 1984; Герд 1986; Лингвистическая концепция терминологического банка данных 1989; Sanastotyön käsikirja 1989; ISO 10241:1992; Гринев 1995; Bergenholtz & Taap 1995), поэтому мы не будем обсуждать их здесь.

В принципе, чем разнообразнее материал для словаря, тем более полным и многоаспектным будет сам словарь. Поэтому целью анализа источников является не столько полное отсеечение тех или иных их типов, сколько выработка приоритетов, градация источников по степени их соответствия задачам словаря и условиям проекта. Следует начинать с источников приоритетного типа и лишь затем, при наличии возможностей, переходить к использованию других источников. Для удобства можно разделить типы источников на основные, второстепенные и прочие.

Представляется, что указанный метод наилучшим образом подходит для большинства проектов по составлению переводческих словарей специальной лексики. В лексикографии известны и другие принципы отбора источников – например, равномерное представление всех типов источников или определение процентных соотношений между типами, однако теоретически обосновать какие-либо рациональные пропорции между источниками разных типов довольно трудно (Алексеев 2001: 50).

Подведем итоги:

- в ходе планирования следует составить иерархию типов источников с точки зрения их соответствия задачам данного словаря и условиям проекта;
- для отбора источников удобно использовать традиционные классификации источников, однако оценку типов источников лучше всего производить по таким базовым признакам, как достоверность, общепринятость, хронологическая адекватность, понятность и уровень затрат на получение и обработку информации;
- базовые критерии могут быть при необходимости уточнены или дополнены другими, специфическими для данного проекта;

- при ранжировании типов источников следует отдавать предпочтение тем из них, которые обладают наилучшим сочетанием заданных параметров.

Отбор текстов

Вслед за выбором типов источников встает проблема отбора конкретных материалов. В связи с резким увеличением объема информационных потоков проблема отбора информации стоит в настоящее время намного острее, чем проблема доступа к ней (ср. Ahmad, Fulford & Rogers 1992: 140).

При отборе источников одного типа могут использоваться те же критерии, что и при отборе *типов* источников. Кроме того, в процессе обработки источников рано или поздно достигается "точка насыщения", когда привлечение новых материалов практически не приносит никакой новой информации. Надежных математических способов вычисления этой "точки насыщения", особенно для ЯСЦ, пока не найдено (ср. Симоненко 1971: 710; Sager 1990: 130; Bergenholtz & Tarp 1995: 95; Алексеев 2001: 51–55). Терминологам приходится определять ее эмпирическим путем или опираться на опыт аналогичных проектов. Если тексты существуют в компьютерном виде, то оптимальный объем выборки можно при наличии специального программного обеспечения определить с помощью ЭВМ (Марчук 1976: 124). В качестве ориентира приведем некоторые цифры и формулы определения достаточного объема корпуса текстов.

Для составления словарей языков для общих целей достаточным обычно считается корпус объемом 40–50 миллионов словоупотреблений. Соответствующие цифры для ЯСЦ привести трудно, поскольку многое зависит от размера и особенностей предметной области.

Например, для описания подобласти генных технологий на американском варианте английского языка достаточным оказался корпус в 500 тыс. словоупотреблений (Bergenholtz & Tarp 1995: 95). В работе Р.Г. Пиотровского с соавторами (1981: 52–53) приводится формула для расчета объема статистически достоверной выборки специальных текстов и несколько примеров ее примене-

ния. Так, для французской сельскохозяйственной подобласти при коэффициенте покрываемости терминологии 70 % потребовалась выборка около 300 тыс. словоупотреблений, что составляет около 900 страниц сплошного текста. Для более узкой подобласти – "Технология окраски в машиностроении" – и при менее жестких требованиях оказалась достаточной выборка в 100 тыс. словоупотреблений. На основании опыта составления частотных словарей утверждается также, что для покрытия текста большинства ЯСЦ на 98 % будет необходима выборочная совокупность объемом 250–300 тыс. словоупотреблений. При определении объема выборки следует учитывать особенности языков, поскольку, например, выборки фузионно-аналитических языков с элементами корневого строя (английский, французский) дают более высокую покрываемость наугад взятого текста, чем аналогичные выборки фузионно-синтетических (немецкий, русский) и агглютинирующих (финский, эстонский) языков. Отметим также, что и сами тексты должны быть при этом терминонасыщенными.

С.В. Гринев (1995: 70–71) приводит выведенную эмпирическим путем формулу определения количества подлежащих обработке источников, используемую при составлении информационных словарей. Согласно этой формуле, число обрабатываемых источников должно составлять 0,625 от среднего числа документов, поступающих по тематике избранной предметной области в специализированный информационный фонд (библиотеку) в течение года. Для словарей с объемом словника 1–2 тыс. единиц достаточным обычно считается объем выборки в 1 тыс. документов (в основном рефератов).

Таким образом, объем выборки в приведенных выше примерах колеблется от 100 до 500 тысяч словоупотреблений, в среднем составляя 200–250 тыс. (не менее 600–750 страниц сплошного терминонасыщенного текста). Объем выборки зависит также от особенностей выбранного национального языка и ЯСЦ, а также от задач словарного проекта.

Выбор участников и методов обработки информации

Участники и методы работы с источниками достаточно подробно обсуждались выше, в разделе о формировании словника. Выбор участников и методов работы с источниками зависит главным образом от формы существования источников (бумажные, электронные или устные), а также от степени подготовки рабочей группы, технических возможностей и материально-временных ресурсов словарного проекта.

При работе над словарным материалом целесообразно пользоваться специальными терминографическими процессорами (terminology management programmes), поскольку обычных текстовых редакторов, как правило, недостаточно для обработки таких больших и сложных массивов текста, какими являются современные переводческие словари специальной лексики. Требования к терминографическим процессорам описаны, в частности, в таких работах, как Schmitz 2001 и Kudashev 2004. К сожалению, в настоящее время трудно назвать универсальный терминографический процессор, с помощью которого можно бы было составлять серьезные переводческие словари.

В этих условиях оптимальным решением является, по-видимому, адаптация существующих программ для нужд проекта или разработка собственных приложений, однако это требует привлечения программистов и создания соответствующего лингвистического обеспечения. Модификация существующих программ возможна лишь в ряде случаев (напр., собственные разработки или программы с открытым кодом). По опыту ФРЛС можно сказать, что для словарного проекта средних масштабов разработка собственного терминографического процессора целесообразна и окупаема.

Развитый терминографический процессор позволяет не только добавлять, редактировать и удалять словарные статьи, но и выполняет ряд других функций. В частности, процессор, применяемый при создании ФРЛС, обладает следующими возможностями (см. Kudashev & Kudasheva 2006):

- позволяет выполнять простой и расширенный поиск (вплоть до поиска по шаблону) во всех полях, использующихся в словаре;
- позволяет работать с частями словаря, отобранными по определенным критериям;
- автоматически генерирует, обновляет и удаляет отсылочные статьи;
- проверяет правильность структуры словарной статьи (например, следит за тем, чтобы не было несочетающихся полей или дочерних полей без материнских, чтобы обязательные поля были заполнены);
- автоматически добавляет скобки, пометы, специальные знаки, форматирование.

В будущем, по-видимому, терминографический процессор станет частью целого набора инструментов, позволяющего извлекать, обрабатывать, сохранять и публиковать терминологическую информацию, а также использовать ее в накопителях переводов (*translation memory*) и системах машинного перевода (ср. Schmitz 2001: 548).

При разработке методов работы с источниками следует уделять внимание эффективности их использования. Следует организовать работу таким образом, чтобы из источников извлекалось максимальное количество полезной информации за минимальное количество обращений к ним. Например, синонимы, антонимы, информацию для определений и пояснений и т. д. рекомендуется извлекать одновременно с извлечением единиц словника (ср. ISO 10241: 4). Поскольку повторные обращения к источникам на практике все же неизбежны (например, могут потребоваться соответствия или ссылки на авторитетный источник для вновь обнаруженных единиц словника), желательно иметь возможность размечать текст источника при первой его обработке (например, выделять графически термины и определения). Это позволит существенно сократить время поиска нужной информации в будущем. Методы извлечения, обработки и сохранения информации желательно как можно подробнее описать в инструкции для рабочей группы, с тем чтобы обеспечить гомогенность отобранного материала и системность его обработки.

Информация об источниках словаря

В последнее время в словарях все чаще приводятся источники словарного материала. Хотелось бы привести несколько доводов в поддержку этой практики:

- Указание на источники позволяет пользователям косвенно оценить качество словарного материала. Если у них возникли сомнения в отношении той или иной информации, представленной в словаре, они могут посмотреть, откуда она заимствована.
- Указывая источники, составитель словаря страхует себя от критики в свой адрес. Критика пользователей может быть направлена на выбор источников или методы их обработки, но ответственность за содержание сведений в значительной мере переходит к автору источника.
- Указывая источники информации, составитель словаря проявляет уважение к авторским правам и интеллектуальному вкладу других авторов.
- Ссылка на источники помогает в споре со специалистами-предметниками, редакторами, критиками.
- Фиксирование источников в рабочей версии позволяет легче обнаруживать разногласия между источниками.

Степень дифференцированности информации об источниках может сильно варьироваться. В экстремальном случае источник указывается отдельно для каждого поля или даже для каждого отдельного кванта информации. С другой стороны, источники могут указываться в самом общем виде – например, в виде библиографии (см., напр., словари: Судзиловский 1973; Краткий русско-английский терминологический словарь по коммерции 1990; Англо-русский словарь-минимум психологических терминов 1993; Чмель 1995; Страхование 1994; Kudashev 2000) – или просто упоминаться в предисловии (напр., словари: Ягодкин 1984; Ягодкин & Калинин 1993; Курьянов 1993; Англо-русский словарь рекламных терминов 1994).

Указание на ту часть в источнике, откуда заимствована информация, также может осуществляться с большей или меньшей степенью точности. Например, при ссылках на документы Интернета может быть указан адрес конкретной страницы, а может приводиться только ссылка на домашнюю страницу ресурса, из которого заимствована информация. При указании на печатные источники обычно приводятся номера страниц. Заметим, что номера страниц нет необходимости указывать при ссылке на словари, энциклопедии и справочники, если ссылка относится к статье с такой же заголовочной единицей.

При использовании ссылок на источники обычно бывает необходимо выработать систему сокращения названий источников (ср. Felber 1984: 317; ISO 10241:1992: 3). Каких-либо жестких правил сокращения названий источников, по-видимому, не существует. В качестве примера приведем систему, которую мы нашли практичной и удобной при работе над ФРЛС. В этой системе при сокращении названий словарей, энциклопедий и книг без автора используются первые буквы названия. Предлоги и союзы опускаются. Если название длинное, используются первые четыре буквы, например, "Указатель терминов и сокращений по охране окружающей среды" = УТСО.

Сокращения названий других печатных источников образуются по фамилии автора. Если у книги два автора, они указываются оба, например, Laine & Vasander. Если авторов больше двух, сокращение образуется по фамилии первого из авторов, к которому прибавляется латинское сокращение *et al.* Год указывается в том случае, если в списке источников имеются две или более книг того же автора, например: Kellomäki 1999 и Kellomäki 2000. Если в списке источников имеются две или более книг того же автора, изданных в один год, к сокращениям второй и последующих книг прибавляются латинские буквы *b*, *c* и т. д., например: Kellomäki 1999 и Kellomäki 1999*b*. Подобная система позволяет добавлять новые источники без изменения обозначения старых.

Интересная система ссылок на источники разработана в словаре "Страхование. Англо-русский словарь сокращений" (1994). Источники английского термина и его русскоязычного соответствия даются в квадратных скобках в виде

пары номеров через косую черту. Эти номера являются отсылками к соответствующим нумерованным источникам в библиографии:

Пример 61 (Страхование. Англо-русский словарь сокращений 1994):

A.C.I.I. – *Associate of the Chartered Insurance Institute (UK)* – член (-корреспондент) Высшего страхового института [Великобритания] [4/8]. "Chartered" в названии организации означает, что она создана по королевскому указу [Royal Charter] [5]

Несомненным достоинством подобной системы является предельная компактность. Трудностью является то, что заранее знать окончательные порядковые номера источников в библиографии невозможно. Однако эта проблема легко разрешима, если имеется возможность автоматической замены временных обозначений источников окончательными.

Ссылка на (письменный) источник иногда предваряется в словарях знаком раскрытой книги (напр., словари: Hartmann & James 1998; ФРЛС). Устные и электронные источники могут обозначаться по-другому. Например, для Интернет-источников может использоваться знак компьютера (см. Hartmann & James 1998). Для обозначения устных источников в ФРЛС применяются два типа обозначений: "галочка" и "ручка". "Галочка" означает, что специалист-предметник подтверждает существование термина. "Ручка" и фамилия специалиста представляется в тех случаях, когда определение или пояснение составлено специалистом, а также для обозначения автора искусственного соответствия. Ручка без фамилии специалиста означает, что автором искусственного соответствия или пояснения является коллектив словаря:

Пример 62 (ФРЛС):

karsintahaava SESMS [Metsätuhot]

pystykarsinnassa runkoon syntynyt mekaaninen vaurio Annila

 Lahottajasienet voivat iskeytyä kylestymättömän karsintahaavan kautta puuhun. SESMS

**механическое повреждение в результате обрубki сучьев в
древостое**

≈ **механическая рана** Мозолевская

Механическая рана появляется в результате рубок, падения деревьев и т. д. Финский термин обозначает механическое повреждение в результате обрубki сучьев в древостое.

Довольно часто возникает ситуация, когда информация, заимствованная из источника, подвергается обработке или модификации. Подобные случаи желательно маркировать. В ФРЛС для обозначения непрямой цитаты после знака раскрытой книги ставится знак ≈.

При планировании информационных категорий словаря и способов указания на источники необходимо учитывать, что одному полю не обязательно соответствует один источник. Например, может возникнуть необходимость подтвердить существование специальной единицы двумя или тремя источниками. С другой стороны, обширные информационные категории, например, пояснения, могут включать в себя информацию из нескольких источников. В этом случае для однозначной маркировки источников приходится создавать несколько полей "пояснение", к каждому из которых относится свое указание на источник. Этот нюанс важно учитывать, например, при проектировании терминографического процессора.

Список источников, к которому делаются отсылки из корпуса, помещается обычно либо во вводной части словаря, либо в приложении. Источники целесообразно оформлять по правилам, принятым в стране их опубликования. Следует отметить, что способы оформления библиографии, как правило, не регламентированы стандартами. Например, в российском стандарте по библиографической записи (ГОСТ 7.1-2003) говорится, что данный стандарт предназначен для описания документов библиотеками и не распространяется на библиографические ссылки. Аналогичная ситуация имеет место и во многих других странах.

В принципе, для целей терминологической работы разработан библиографический стандарт ISO 12615:2004. Помимо него мы бы рекомендовали при выборе способа оформления библиографических ссылок ориентироваться на правила, принятые в авторитетных издательствах и научном обиходе. Следует помнить, что информация об источниках сообщается, в частности, для того, чтобы пользователь смог оценить источник информации с точки зрения его надежности и актуальности, поэтому не следует опускать, например, информацию об издательстве и количестве страниц.

Аналогичными соображениями следует руководствоваться и при описании устных и электронных источников. Например, в ФРЛС при описании устного источника, т. е. специалиста-предметника, сообщаются сведения о его званиях и научных степенях, месте работы. При описании Интернет-источников желательно привести сведения об организации или лице, несущем ответственность за цитируемую информацию, сведения об авторе, а также дату цитирования материала.

Источники, выходные данные которых содержат символы других алфавитов, желательно приводить в оригинальном написании, без использования транскрипции и транслитерации. Это облегчает задачу как составителей, так и пользователей, и позволяет избежать ошибок при кодировании-декодировании названий. Источники на разных алфавитах приходится приводить отдельными списками. В то же время различные типы источников лучше, на наш взгляд, не выделять в отдельные списки, как это иногда делается, а давать единым списком. Это существенно сократит время поиска пользователем нужной библиографической ссылки.

Наряду с библиографией, на которую делаются ссылки из корпуса словаря, могут приводиться также источники, которые использовались при подготовке словаря, но не упоминались в корпусе. Так делается, например, в словаре EnDic2000, в котором дополнительные источники перечисляются под заголовком *used but not quoted* ("использованные, но не процитированные"). В словарях толково-энциклопедического типа в конце словарной статьи или в приложении

может приводиться список рекомендуемых источников по тому или иному вопросу (см., напр., Hartmann & James 1998).

При представлении библиографии в компьютерном виде библиографическая запись может быть разбита на ряд подкатегорий, по которым можно проводить отдельный поиск в базе данных. Список подобных категорий приводится, в частности, в стандарте ИСО (ISO 12620:1999: 45–48).

В заключение подраздела кратко обсудим юридические аспекты заимствования материала из других источников, в том числе из ранее изданных словарей. Как отмечают исследователи, это проблема непроста. Поскольку словари описывают общую для определенного языкового коллектива языковую реальность, объективно невозможно в каждом случае создавать новый, абсолютно независимый словарь (Hausmann 1989: 99; Дубичинский 1998: 23; Герд 2005: 2). Кроме того, авторских прав на язык быть не может (Hausmann 1989: 99), как не может быть авторских прав и на факты (см. пункт 4 статьи 6 "Закона об авторских и смежных правах" от 09.07.1993), в том числе языковые. Например, абсурдной была попытка получить копирайт на информацию о грамматическом статусе слов или устойчивое межъязыковое соответствие типа *вода = water*. По-видимому, авторские права не распространяются и на словник (ср. Герд 2005: 2).

Сложнее определить статус лексикографических описаний, требующих большего интеллектуального вклада и творческого подхода, например, определений и пояснений (см., напр., Williams 1992; Landau 2001: 402–404; Герд 2005: 2). Обратим внимание на тот факт, что сборники (такие как энциклопедии, антологии, базы данных) и другие составные произведения, представляющие собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда, а также производные произведения (переводы, обработки, аннотации, рефераты, резюме, обзоры) относятся к объектам авторского права (см. пункт 3 статьи 7 российского "Закона об авторских и смежных правах" от 09.07.1993; ср. Galinski & Wright 1997: 282). По-видимому, словари могут быть отнесены как к первой, так и ко второй категории.

На наш взгляд, при использовании в словаре материала из других источников не должно возникнуть проблем с авторскими правами, если источники эксплицитно указываются, изменения в оригинальном тексте маркируются, а в отношении объема текста заимствование подпадает под цитирование. На практике основные проблемы могут быть связаны с различным толкованием владельцем авторских прав и цитирующим последней категории, т. е. приемлемых границ цитирования. Как отмечает А.С. Герд (2005: 3), необходима разработка шкалы оценок новизны лексикографического произведения и четкое определение понятия "плагиат в лексикографии".

Временная информация

К временной информации относятся сведения, которые не являются релевантными с точки зрения назначения словаря и требуются только в процессе работы над ним. К временной информации относятся прежде всего служебные категории, подробный список которых приводится в стандарте ИСО (ISO 12620:1999: 37). В качестве примера перечислим временные сведения, использованные в рабочей версии ФРЛС:

- номер словарной статьи (он служит идентификатором статьи в базе данных);
- временное указание на источник термина входного языка (оно удаляется из конечной версии, если источник термина совпадает с источником определения);
- определение понятий выходного языка (оно помогает при установлении степени эквивалентности единиц входного и выходного языка и составлении контрастивных описаний);
- название микрообласти (оно позволяет отбирать и обрабатывать термины, относящиеся к той или иной логико-понятийной схеме, а также помогает при построении отсылок к схемам);
- вопросы специалистам и/или редакторам;

- рабочие комментарии;
- автор и редактор терминологической записи;
- время создания и последнего редактирования записи;
- статус терминологической записи (комментарии относительно степени готовности словарной статьи).

В следующем примере представлена словарная статья ФРЛС со служебными сведениями и без них:

Пример 63 (ФРЛС):

5451

biopolttoaine (13.1; 13.2) [Bioenergian tuotanto]

biomassasta tuotettu polttoaine ≈ CEN/TS, 7

биотопливо (13.4) Бит & Беленький, 4

Биологическое топливо: различные органические материалы, выделяющие в процессе разложения тепло, которое используется для обогрева теплиц, парников и утепленного грунта.

 БСЭ

биологическое топливо Бит & Беленький, 5

NB Перевод финского определения: "Топливо, полученное из биомассы".

↑ bioenergia

✓ korjattu_ Laitila_Inkeri_060206; valmis_Utkin_270506

🕒 2004-11-17 23:12:35

🕒 2007-06-07 18:29:38

inputter: **igor**

updater: **irina**

biopolttoaine (13.1; 13.2) [Bioenergian tuotanto]

biomassasta tuotettu polttoaine ≈ CEN/TS, 7

биотопливо (13.4) Бит & Беленький, 4

биологическое топливо Бит & Беленький, 5

В терминографическом процессоре временные сведения должны быть визуально четко отделены от конечных (в рабочей версии ФРЛС используется выделение цветом). Кроме того, должна быть предусмотрена возможность включения и отключения временных сведений (Kudashev 2004: 11).

Дополнительные корпуса

В некоторых словарях ряд единиц (например, сокращения, имена собственные) выделяется в отдельные корпуса, которые следуют за основным корпусом. Как пишет Б.И. Игнатъев (1975: 29), доводы, выдвигаемые в защиту подобной практики, сводятся к тому, что отдельные списки дают возможность обозреть всю совокупность соответствующих единиц и что это удобнее для редактирования, так как лучше видна степень полноты списка.

На наш взгляд, это малоубедительные аргументы, т. к. аналогичным образом тогда должны бы были обрабатываться и все другие классы лексики. Между тем если пользователь не знает о существовании дополнительных корпусов, он может вообще не найти искомую единицу. В любом случае наличие дополнительных корпусов увеличивает среднее время поиска нужной единицы словника (Берков 2004: 206; ср. Tomaszczyk 1988: 290–291).

Единственный, на наш взгляд, случай, когда использование дополнительных корпусов оправданно и необходимо, – это представление единиц, относящихся к другим алфавитным или знаковым системам (например, латинских выражений в словаре с кириллическим алфавитом, специальных символов или знаков).

Хотя рациональные доводы для помещения, например, сокращений в отдельный раздел найти довольно сложно, многие пользователи привыкли именно к такой практике и поддерживают ее. Например, по результатам опроса ВЦП (Шайкевич & Убин 1988: 114), 233 респондента высказались за выделение сокращений в отдельный раздел и лишь пятеро были против. Результаты нашего опроса продемонстрировали четкую зависимость предпочтений от лексикографических привычек: большинство российских респондентов высказалось за выделение сокращений в отдельный раздел, в то время как большинство финнов выступает за их подачу в основном корпусе. На наш взгляд, это объясняется тем, что в Финляндии сокращения не принято выделять в отдельный раздел,

поэтому у пользователей нет столь сильной привязанности к данной практике, хотя они и встречаются с ней при работе с иноязычными словарями.

Сокращения следует помещать...	всего, %	финнов, %	русских, %
в основной корпус словаря	46,27	55,56	27,27
в отдельный раздел	50,75	40	72,73
нет ответа	2,99	4,44	0

Таблица 21. Результаты ответа на вопрос о том, следует ли помещать сокращения в основной корпус словаря или в отдельный раздел.

В заключение отметим, что в общей лексикографии, откуда, по всей видимости, и была в свое время заимствована практика выделения отдельных корпусов, наметилась тенденция к включению всех описываемых единиц в основной корпус (Landau 2001: 149).

На этом мы заканчиваем рассмотрение вопросов, относящихся к проектированию основного содержания переводческого словаря специальной лексики, и переходим к рассмотрению дополнительных частей, таких как обложка, титульный лист, вводная часть и приложения.

9. Проектирование дополнительных частей переводческого словаря специальной лексики

Основной, неотъемлемой частью словаря является его корпус (или корпуса), однако в большинстве случаев словарь содержит также ряд дополнительных частей, рассмотрению которых и посвящена данная глава. Хотя состав дополнительных частей словаря жестко не регламентирован (возможно, за исключением стандартов на термины и определения), на практике сложились определенные тенденции к унификации этих элементов (Гринев 1995: 37).

С другой стороны, конкретный набор дополнительных частей и их информационное наполнение во многом зависят от типа словаря. Например, во вводной части стандартов на термины и определения обычно приводится такая информация, как "область распространения стандарта", "уточнение объекта стандартизации", "взаимосвязи с другими стандартами" и т. п. (Волкова 1988: 22–23). Понятно, что такого рода сведения релевантны только для данного типа терминологических изданий.

Набор приложений определяется прежде всего спецификой предметной области: например, в "Архитектурно-строительном словаре" можно найти перечень терминов декоративного садоводства, древнерусской архитектуры и названия основных красок, в "Ракетно-космическом словаре" – названия планет и созвездий и т. д. (Игнатъев 1975а: 29).

Названия дополнительных частей словаря, их состав и композиция варьируются от словаря к словарю. Например, предисловие и правила пользования могут быть оформлены как единое целое или же как две самостоятельные части. Наконец, место дополнительных частей словаря также непостоянно. Например, в российской лексикографии аннотация словаря обычно приводится на обороте титульного листа, тогда как в западной лексикографии аналогичная часть – *informative label* – обычно помещается на задней обложке. С точки зрения нашего исследования важно рассмотреть не столько конкретные типы до-

полнительных частей, сколько типы информации, которые было бы целесообразно в них размещать.

В западной лексикографической традиции дополнительные части словаря (*outside matter*) делятся на части, предшествующие корпусу (*front matter*), расположенные внутри корпуса (*middle matter*) и следующие за корпусом (*back matter* – см., напр., Hartmann & James 1998: 12, 60, 94, 104; Bergenholtz & Tarp 1995). На наш взгляд, подобное разделение является излишне "полиграфическим". Например, обложка (передняя и задняя) и титульный лист с оборотом концептуально выступают обычно как единое целое, однако в приведенной выше классификации передняя и задняя обложка попадают в разные классы.

Между тем *front matter* и *back matter* различаются не только расположением. Эти два класса психологически воспринимаются пользователями по-разному. Части, предшествующие корпусу, воспринимаются как необходимые для успешной работы с корпусом. Части, расположенные после корпуса, воспринимаются как "полезные излишества", "бонусы" (ср. Kirkpatrick 1989: 760). Соответственно, можно предположить, что энциклопедический или лингвистический очерк, помещенный перед корпусом, имеет больше шансов быть прочитанным, нежели расположенный после корпуса.

С концептуальной точки зрения дополнительные части словаря делятся, на наш взгляд, на три большие части: обложка и титульный лист, вводная часть и послекорпусная часть. Вставки, как правило, используются в словарях по чисто техническим причинам. Концептуально они относятся к разряду приложений.

В пользу подобного разделения говорит и то, что в электронных словарях понятия *front matter*, *middle matter* и *back matter* теряют смысл. Вместе с тем разница между вводной и послекорпусной частями сохраняется, и она находит отражение в оглавлении файла справки электронного продукта: предисловие, правила пользования, расшифровка сокращений и другая информация, необходимая для работы со словарем, располагается в содержании раньше приложений. Обычно в электронных продуктах есть и свой аналог обложки и титульного листа – это т. н. "титульная страница" и/или пункт "О программе...".

В.Д. Табанакова (2001: 16; 2002), подробно исследовавшая словарную аннотацию как тип текста, пришла к заключению, что для этой дополнительной части словаря характерно наличие трех прагматических функций: информативной, инструктивной и оценочной. По-видимому, это в основном справедливо и для других дополнительных частей словаря, хотя степень выраженности каждой из перечисленных функций в той или иной дополнительной части зависит от назначения последней.

Ниже перечисляются основные виды информации, которые можно встретить в дополнительных частях переводческого словаря специальной лексики, с указанием названия части или частей, в которых каждый из видов информации обычно расположен:

- основные параметры словаря: читательский адрес, назначение, описываемый пласт лексики, языки, объем ⇒ обложка, титульный лист, предисловие;
- информация о словарном проекте: история, участники, материал, методы, обоснование тех или иных решений, ограничения словаря ⇒ предисловие;
- выражение благодарности участникам проекта ⇒ предисловие;
- устройство словаря, расшифровка лексикографических конвенций ⇒ правила пользования;
- лингвистические или фактические сведения, которые неудобно или неэкономично размещать в корпусе ⇒ грамматический, фонетический, словообразовательный и другие очерки, приложения;
- дополнительная информация о предметной области ⇒ энциклопедический очерк;
- дополнительная информация о данном ЯСЦ ⇒ филологический очерк об особенностях ЯСЦ, обычно совмещенный с энциклопедическим очерком;
- средства увеличения входов в словарь ⇒ алфавитные и систематические указатели;
- повышение степени обратимости словаря ⇒ обратные указатели;

- облегчение навигации по частям словаря ⇒ оглавление;
- облегчение навигации по корпусу ⇒ алфавит входного языка, правила пользования;
- маркетинг словаря ⇒ обложка, титульный лист, отчасти предисловие;
- информация рекламного характера, не относящаяся к данному словарю ⇒ обложка, приложения.

Итак, дополнительные части словаря, как правило, содержат информацию о словарном продукте и правилах пользования им. Кроме того, в них может сообщаться информация о словарном проекте, особенностях описываемой предметной области и ЯСЦ. Возможно также наличие рекламы. Концептуально дополнительные части делятся на обложку и титульный лист, вводную часть и послекорпусную часть.

Обложка и титульный лист

На обложке и титульном листе с оборотом обычно содержатся следующие сведения:

- название словаря;
- подзаголовок (факультативно);
- в частях многотомного издания – номер тома и диапазон начальных букв единиц словника, описываемых в данном томе;
- другие выходные данные;
- копирайт (обычно на обороте титульного листа)
- аннотация (может располагаться на обороте титульного листа или на задней обложке; иногда отсутствует);
- иная маркетинговая информация (обычно размещается на задней обложке).

Принципы распределения информации между основным названием и подзаголовком могут варьироваться. В общем случае в заголовок должны выноситься важнейшие сведения о словаре, а подзаголовок должен служить для

сообщения дополнительных сведений. Рекомендаций относительно выбора названия для словаря в лексикографической литературе фактически не встречается, хотя в "Энциклопедии лексикографии" отмечается, что выбор названия может иметь большое значение с точки зрения коммерческой реализации словаря (Whitcut 1989: 92).

В случае со словарями специальной лексики обязательной составляющей названия является указание на предметную область, описываемую словарем. Если в словаре описываются определенные пласты специальной лексики, это также обычно отражается в названии, например (жирный шрифт везде мой – И.К.): "Англо-русский исторический словарь: 30 000 **имен, названий, терминов**" (= Николаев 1995); "Англо-русский словарь **сокращений** по связи и радиоэлектронике: Ок. 30 000 сокращений" (1989); "Русско-английский словарь **общепотребительных слов и словосочетаний** научно-технической литературы. Свыше 22 000 терминов" (= Климзо 2002); "Сленг – что это такое? Английская **просторечная** военная **лексика**. Англо-русский словарь военного **сленга**" (= Судзиловский 1973). Напомним, что в название словаря может выноситься характеристика, общая для всех единиц словника, что позволяет избежать ее многократного повторения в корпусе.

Важнейшей характеристикой переводческих словарей является указание на их неодноязычность. Если словарь содержит от двух до четырех–пяти языков, все они обычно перечисляются. Ср.: "Словарь по электронике (**английский, немецкий, французский, испанский, русский**)" (1988); "Толковый экономический и финансовый словарь. **Французская, русская, английская, немецкая, испанская терминология**" (= Бернар & Колли 1994); "Физический словарь (**английский, французский, русский**): 10 943 термина" (= Новиков, Погребная & Борщ 1995). Если языков больше, могут использоваться характеристики типа "многоязычный", "на стольких-то языках", "на основных европейских языках" и т. д., например: "Словарь банковско-биржевой лексики **на шести языках**" (1992); "Словарь сокращений английского, немецкого, голландского и **скандинавских языков**" (= Блувштейн 1964). Возможно также указание на наличие

обратного указателя, ср.: "Англо-русский словарь-минимум психологических терминов (с указателем русских эквивалентов)" (1993).

Как видно из приведенных выше примеров, в словарях, изданных в СССР/России, в подзаголовках часто выносятся сведения об объеме словника, хотя во многих других странах такой традиции нет. Объем/полнота словаря могут также выражаться не количественной, а словесной характеристикой или их сочетанием, например: "Англо-русский **полный** юридический словарь. **35 000** слов и устойчивых словосочетаний" (1993); "**Большой** англо-русский и русско-английский словарь по бизнесу" (= Загорская & Петроченко 1994); "**Краткий** англо-русский технический словарь: **Ок. 30 000** терминов" (1992); "Частотный англо-русский словарь-**минимум** по электронике" (1971). Полнота словника и критерии его формирования могут также выражаться имплицитно, например: "Русско-английский словарь **активной** деловой лексики" (= Крупнов 1997).

В качестве указания на тип издания в русском языке обычно используется слово "словарь", хотя возможны и такие наименования, как "словарь-справочник", "словарь-разговорник" и т. д., ср.: "Англо-русский **словарь-справочник** по торговому праву и деловой документации: Учебное пособие" (= Федотова 1992); "Краткий русско-английский **словарь-разговорник** для делового человека" (1991). В английском языке для обозначения словарных продуктов используется целый ряд наименований, в частности, glossary, vocabulary и dictionary. По мнению некоторых лексикографов, эти наименования используются настолько произвольно, что в настоящее время по названию на обложке совершенно невозможно судить о содержании книги (Landau 1989: 22).

В названии могут подчеркиваться особенности содержания правой части словаря, например: "Финансы: Оксфордский **толковый** словарь: Англо-русский" (1993); "Англо-русский словарь по средствам массовой информации (с **толкованиями**)" (= Курьянов 1993); "**Иллюстрированный** словарь по машиностроению (англо-немецко-французско-испанско-русский): 3614 терминов" (= Шварц 1986).

В словарях с нестандартным (неалфавитным) порядком следования эта особенность организации словаря также часто выносится в название, напри-

мер: "Купля – продажа – оплата: **Тематический** англо-русский словарь" (2002); "**Частотный** англо-русский словарь-минимум по судовождению" (1978).

Наконец, в названии может подчеркиваться новизна словаря, его отличие от предыдущих изданий, например: "**Новый** большой русско-английский политехнический словарь: В 2 т. Свыше 135 000 терминов" (1995).

Аннотация может размещаться на обороте титульного листа или на задней обложке. В словарях, изданных в СССР/России, аннотация обычно размещается на обороте титульного листа и представляет собой один-два абзаца длиной от пяти до двадцати строк. В аннотации в сжатой форме перечисляются основные параметры и достоинства словаря. Отчасти аннотация дублирует название и подзаголовки и представляет собой их развернутую версию (например, в аннотации может уточняться состав предметных областей или пластов лексики, описываемых словарем). При этом обычно добавляются сведения о читательском адресе и назначении словаря и подчеркивается его оригинальность и/или новизна.

В словарях, издаваемых на Западе, аннотация обычно помещается на задней обложке. Отметим полезную практику приведения аннотации не только на языке страны издания словаря, но и на других языках, входящих в словарь (см., напр., словарь Korkeakoulusanasto 2005). Помимо аннотации, на задней обложке могут приводиться образцы словарных статей из словаря, высокие оценки рецензентов, а также применяться другие маркетинговые приемы, имеющие целью привлечь покупателя, оказать воздействие на его эмоции (Табанаква 2002: 116–117). Согласно исследованиям, титульный лист и задняя обложка играют очень важную роль при выборе книги (Ekholm & Heinisuo 1996: 50).

И передняя, и задняя обложка издаваемых на Западе словарей обычно оформляются красочно и наглядно. При наличии суперобложки ее содержание должно дублироваться также на основной обложке (Bergenholtz & Tarp 1995: 214). Информация на обложке и титульном листе приобретает особое значение в условиях электронной торговли, поскольку в этом случае покупатель обычно не имеет возможности ознакомиться с другими частями словаря.

Таким образом, обложка и титульный лист служат прежде всего для информирования потенциального покупателя об основных параметрах и достоинствах словаря, а также для стимулирования желания приобрести словарь. Соответственно, успешность оформления этих частей зависит от знания психологии пользователей и умения "показать товар лицом".

К обложке можно отнести и т. н. "корешок" словаря, на котором обычно дублируется название словаря, а в многотомном издании – номер тома и диапазон начальных букв единиц словника. Корешок должен быть спроектирован таким образом, чтобы пользователь обратил на него внимание в книжном магазине, а затем мог быстро найти интересующий его словарь на полке. Это предполагает использование крупного шрифта, контрастных цветов и других аналогичных полиграфических приемов.

Вводная часть

По наблюдениям В.Д. Табанаковой (1999: 38–45, 52; 2001: 15), теория вводной части словарей пока разработана слабо, и вводные части многих словарей страдают неполнотой, носят отрывочный и бессистемный характер. Часто именно вводная часть становится основным объектом критики рецензентов, особенно если они поленились подробно ознакомиться с основной частью (Landau 2001: 148).

Состав вводной части может сильно варьироваться в зависимости от типа словаря и замысла составителей, однако один элемент в нем является фактически обязательным – это правила пользования словарем (ср. Bergenholtz & Taip 1995: 167; Гринев 1995: 20, 31). Исключение, вероятно, могут составлять небольшие словарики с очень простой структурой. Однако отсутствие правил пользования в больших и сложно организованных словарях (напр., Фаградянц 1998) вызывает недоумение.

На практике помимо правил пользования вводная часть обычно содержит еще как минимум предисловие. Если предисловие и другие компоненты ввод-

ной части очень небольшие, их можно объединить с правилами пользования. В остальных случаях желательно выделять их в отдельный раздел (ср. Bergenholtz & Tarp 1995: 170). В одной из статей (Koudachev 2001: 111) мы приводили положительные (словари Karvanen & Pesonen 2001; Metsäalan hallinnon sanastoja 1997) и отрицательный (словарь Hiltunen 1998) примеры структурирования вводной части. В последнем из упомянутых словарей предисловие совмещено с правилами пользования и занимает пять страниц мелкого шрифта без подразделов. Конечно, пользователям весьма трудно ориентироваться в такой вводной части, особенно если им нужно быстро навести справку относительно тех или иных лексикографических конвенций, принятых в словаре.

Хорошей лексикографической практикой считается представление всех или хотя бы основных элементов вводной части (прежде всего правил пользования и предисловия) на всех или хотя бы на основных языках, используемых в словаре (ср. Atkins 1996: 541). Дополнительные части, переведенные составителем на неродной язык, должны быть проверены носителями языка. Аннотация и предисловие – это те части, к которым прежде всего обращается читатель при знакомстве со словарем, поэтому ошибки в этих разделах должны быть исключены. Иначе пользователь словаря по здравому разуму вряд ли поверит, что представленные в словаре термины будут "также понятны как медикам и так и обычным людям" (предисловие к словарю Laine 1997; ср. тж. Nykänen 1999b: 13 – рецензия на словари компьютерных терминов).

Предисловие

Среди лексикографов бытует твердое и небезосновательное убеждение, что пользователи словарей не читают предисловий (Ступин 1985: 43; Algeo 1989: 32; Kirkpatrick 1989: 754; Varantola 1998a: 180; Дубичинский 1998: 25; Landau 2001: 148; Берков 2004: 194). Такая проблема, безусловно, существует, и надежных способов ее решения пока не найдено. Тем не менее это не должно служить поводом для отказа лексикографов от написания предисловий, по-

сколькx предисловия и правила пользования являются важным средством повышения лексикографической грамотности пользователей (ср. Varantola 2001: 233; Hartmann 2001: 93).

Обычно предисловие начинается с констатации и/или обоснования важности и актуальности словаря и перечисления его отличий от предшествующих и/или конкурирующих изданий. В качестве причин актуальности часто указываются динамичное развитие описываемой предметной области, повышение роли языка или языков, которые включены в словарь, увеличение интенсивности международных контактов в данной сфере. Возможна и прямая самореклама типа "на сегодняшний день это лучший словарь по данной тематике" (см. Англо-русский словарь бухгалтерских терминов = Чмель 1995).

Затем, как правило, приводится информация о словарном проекте: перечисляются составители, редакторы, привлеченные специалисты, технический персонал, упоминаются руководящая и финансирующие организации. Иногда здесь же выражается благодарность всем участникам проекта, хотя чаще благодарности помещаются в конце предисловия. Для пользователя могут представлять интерес хронологические рамки проекта, поэтому их также желательно указывать. В этом же разделе могут описываться методы работы (например, привлечение корпуса текстов или информантов, использование понятийного анализа и т. п.).

Далее обычно следует подробное описание параметров словаря. Обязательно должны указываться читательский адрес и назначение словаря, описываемые языки и предметные области, полнота и критерии формирования словаря, его объем, источники словаря (Bergenholtz & Tarp 1995: 169). Если источников немного, они могут перечисляться прямо в предисловии; в противном случае дается ссылка на библиографию. Если ассортимент информационных категорий словаря достаточно богат, имеет смысл пояснить состав правой части. Возможно также указание на организацию материала в словаре, особенно если в нем используются какие-либо нетрадиционные приемы. Следует обратить внимание пользователя на наличие дополнительных частей словаря и их значение для успешной работы со словарем.

В предисловии нередко описываются также особенности лексикографируемой области, пластов специальной лексики или способов их описания. В ряде случаев подобная информация может выделяться в самостоятельный очерк. Например, в "Англо-русском словаре военного сленга" (= Судзиловский 1971) раздел "Введение" посвящен описанию профессионального сленга как явления и способам перевода сленгизмов и занимает 65 страниц. Многие частотные словари, выпущенные в СССР группой "Статистика речи" (напр., Частотный англо-русский словарь-минимум по судовождению 1978), предваряются очерком о принципах статистической лексикографии. В больших словарях со сложным и развитым метаязыком в отдельный раздел могут выноситься принципы и методы лексикографического описания (ср. Bergenholtz & Tarp 1995: 169–170).

Весьма важным пунктом предисловия является описание ограничений и компромиссов словаря с разъяснением их причин. Эта информация необходима для того, чтобы у пользователей не сформировалось нереалистичных ожиданий в отношении словаря. Иногда в предисловиях отмечается, что те или иные ограничения не являются особенностью данного словаря, а характерны для словарей вообще (см., напр., Русско-английский политехнический словарь 1995). Подобные упоминания полезны для формирования адекватного восприятия словарей пользователями, которые, как говорилось выше, нередко не понимают естественных ограничений и антиномий лексикографии.

Помимо упоминания об ограничениях словарь может также содержать указание на конкретные источники и типы источников, к которым рекомендуется обращаться за дополнительной информацией. Например, "Большой англо-русский политехнический словарь" (1991) рекомендует пользователям обращаться также к отраслевым и узкоотраслевым словарям. В словарях, входящих в серию, необходимы взаимные отсылки.

В предисловии составители словаря могут рассказать о лексикографических решениях, принятых в словарном проекте, и обосновать их. Предисловие является также единственным местом в словаре, где автор может "выговориться": например, описать трудности, с которым словарному проекту пришлось столкнуться, или обратить внимание на нелегкое положение словарного дела вооб-

ще (см., напр., предисловие к "Русско-финскому техническому словарю" 1988). Исследователи отмечают, что для будущих составителей словарей специальной лексики было бы очень полезно, если бы авторы уже изданных словарей делились в рамках предисловия своим положительным и отрицательным опытом (Перевод научно-технической литературы 1983а: 43).

В конце предисловия обычно содержится призыв к пользователям присылать свои комментарии и замечания авторскому коллективу или издательству. Приводимая при этом контактная информация должна оставаться неизменной в течение достаточно длительного промежутка времени. Желательно указать сразу несколько каналов связи (например, адрес электронной и обычной почты).

При переиздании словаря часто составляется отдельное предисловие к новому изданию, в котором приводится информация о предыдущем издании и основных изменениях в новой версии (Bergenholtz & Tarp 1995: 169).

Правила пользования

Как уже говорилось, правила пользования являются фактически обязательным компонентом словаря, и их отсутствие допустимо только в небольших и очень простых по устройству словарях. Чрезвычайно желательно, чтобы правила пользования были переведены на все языки, представленные в словаре, или хотя бы на основные из них. Жестких предписаний в отношении составления правил пользования нет, однако существуют определенные традиции и тенденции (ср. Kirkpatrick 1989: 760).

Основная функция правил пользования – описать типы информации, представленные в словаре, показать, как следует их интерпретировать, и подсказать читателю оптимальную стратегию поиска интересующей его информации. Иными словами, правила пользования отвечают на вопросы "Что есть в словаре?", "Что это означает?" и "Как это найти?" (Landau 2001: 149; Bergenholtz & Tarp 1995: 170–171).

Достаточно полные правила пользования должны содержать, в частности, следующие сведения:

- информацию о составе, расположении, назначении и устройстве частей словаря (с отсылкой к оглавлению, если оно есть);
- информацию о форме единиц словника и принципах лемматизации;
- информацию о порядке следования единиц словника и способах входа в словарь;
- информацию о составе и структуре словарных статей всех типов;
- расшифровку условных сокращений и специальных знаков;
- описание приемов компрессии;
- правила интерпретации лексикографических параметров и порядка их расположения (если последний является значимым);
- описание системы навигации (выделений, колонтитулов, нумерации и т. д.).

В электронных словарях в дополнение к этому необходимо описание правил пользования словарем как программным продуктом (системные требования, совместимость, интеграция с операционной системой и другими приложениями, способы обновления и т. д.).

Поскольку различные составляющие словаря взаимосвязаны (например, систему навигации нелегко отделить от оформления и порядка следования сведений), перечисленные выше пункты следует воспринимать скорее как "контрольный список", чем как готовый план правил пользования словарем.

Правила пользования должны быть логично выстроены и хорошо структурированы, например, при необходимости разбиты на разделы и подразделы (Bergenholtz & Tarp 1995: 176). Каждое новое правило принято начинать с абзаца. Для дальнейшего облегчения навигации во многих словарях ключевые слова параграфов выделяются жирным шрифтом или разрядкой, поскольку правила пользования предназначены не только для сплошного прочтения, но и для быстрого наведения справок о тех или иных конвенциях.

Одним из требований к правилам пользования является наглядность. Каждое правило желательно иллюстрировать реальным примером или примерами

из словаря (Bergenholtz & Tarp 1995: 170). Наиболее дружественным для пользователя способом представления состава и устройства словарной статьи считается "разбор" типичной статьи при помощи рамок, указателей, пояснительных надписей, цветовых выделений (см. Kirkpatrick 1989: Bergenholtz & Tarp 1995: 756; ср. Landau 2001: 149).

В правилах пользования словарем желательно разъяснять значения специфических лексикографических и типографских терминов (напр., "в подбор", "пермутационный порядок", "лемма"). Все сокращения, используемые в словаре, должны расшифровываться (Bergenholtz & Tarp 1995: 175). Иногда в словарях приводится два списка сокращений – общепринятые и принятые в данном словаре. Специалисты рекомендуют также разделять список сокращений и список помет (Крупенникова 1974: 51; Гринев 1995: 37). Списки сокращений и помет часто оформляются как самостоятельные разделы, следующие за правилами пользования. В этом случае в правилах пользования должны быть отсылки к этим разделам.

Пометы должны не только расшифровываться, но и разъясняться – например, следует пояснить, чем отличаются друг от друга такие регистры речи, как "разговорный", "просторечный" и "жаргон" (ср. Kirkpatrick 1989: 759). Если подробных пояснений набирается много, можно вынести их в отдельный раздел, например, "Принципы лексикографического описания". Х. Бергенхольц и С. Тарп (Bergenholtz & Tarp 1995: 173) обращают особое внимание на то, что в правилах пользования должны разъясняться принципы интерпретации не только эксплицитной, но и имплицитной информации.

Правила пользования дополнительными частями словаря могут быть размещены непосредственно перед соответствующими разделами, с отсылкой к ним из общих правил пользования. Например, в ФРЛС логико-понятийные схемы на финском и русском языках приводятся в качестве приложения к словарю, и правила их интерпретации помещаются непосредственно перед этим приложением.

Энциклопедические и языковые очерки

Большие общезыковые словари (одноязычные и двуязычные) обычно включают в себя языковые очерки (чаще всего фонетический и грамматический), которые дают пользователю достаточно полное представление о соответствующих системах описываемых языков, а также позволяют существенно сэкономить место в словарных статьях за счет вынесения повторяющейся информации в отдельный раздел. В словарях специальной лексики языковые очерки встречаются крайне редко (ср. Игнатъев 1975а: 29; Перевод научно-технической литературы 1983а: 29). Между тем, во многих словарях специальной лексики был бы уместен очерк, в котором освещались бы основные особенности описываемого ЯСЦ. В ряде областей полезными были бы также правила построения терминов и перечни типичных терминологических элементов (ср. Лингвистический аспект стандартизации терминологии 1993: 10; Бекишева 1991: 4–5; см. словарь: Куркин, Новодранова & Куркина 2002). Вопросы организации языковых очерков общезыковых словарей рассматриваются, в частности, в следующих работах: Kromann, Riiber & Rosbach 1991; Haraldsson 1996; Берков 2004: 196–206; см. тж. Bergenholtz & Tarp 1995: 179.

В свою очередь, словари специальной лексики могут включать в себя энциклопедический очерк, в котором рассматривается описываемая словарем предметная область. Энциклопедические очерки более всего востребованы в тех областях, где понятийные и терминологические поля в разных языках не совпадают, однако потребность в максимально точной коммуникации велика. По этой причине энциклопедические очерки часто можно встретить, например, в словарях по юриспруденции (ср. Šarčević 1988: 966; Šarčević 1988а: 312) и дипломатии (см. словарь Vares & Jermolova 2005). Энциклопедический очерк может называться, например, "Свод базовых понятий и определений" (словарь Project management 2000).

В двуязычных словарях энциклопедические очерки должны носить сопоставительный, контрастивный характер и составляться на обоих языках. В много-

язычные словари энциклопедические очерки обычно не включаются из-за дефицита места. Энциклопедический очерк может быть помещен и в приложения, однако чаще он размещается во вводной части, сразу после правил пользования. Очерк должен иметь четкую структуру; его лучше строить по систематическому, а не алфавитному принципу. Он также должен быть связан с основным корпусом – например, системой перекрестных отсылок (Bergenholtz & Tarp 1995: 176–177).

Послекорпусная часть

Для обозначения материалов, которые размещаются в словаре между основным корпусом (или последним из дополнительных корпусов) и задней обложкой, мы решили ввести термин *послекорпусная часть*. Более традиционный термин – "приложения" – не вполне устраивает нас по той причине, что после корпуса могут следовать также материалы, непосредственного отношения к словарю не имеющие – например, реклама издательства или раздел "для заметок". Под *приложениями* мы будем понимать части словаря, дополняющие его по содержанию. При этом указатели, в нашем представлении, не относятся к приложениям, поскольку они выполняют не столько информационную функцию, сколько повышают степень обратимости словаря и увеличивают количество входов в словарь.

Приложения

В общеязыковых словарях приложения носят преимущественно рекламный характер и включаются в словарь главным образом для того, чтобы заинтересовать неискушенного читателя видимым обилием информации (Ступин 1985: 45; Varantola 2001: 230). В переводческих словарях специальной лексики при-

ложения, напротив, представляют собой полезный справочный материал и высоко ценятся пользователями (Климзо 2003: 57).

Достаточно традиционным для словарей специальной лексики типом приложения являются таблицы перевода мер и весов (напр., Игнатъев 1975: 27–28; Гринев 1995: 37). Б.И. Игнатъев (1975: 28, 29) рекомендует не дублировать в специальных словарях традиционные таблицы перевода мер (например, из англо-американской системы в метрическую), которые обычно можно найти в больших общеязыковых или политехнических словарях, а вместо этого шире представлять сравнительные таблицы, характерные именно для той предметной области, которую описывает словарь. Например, табличное представление прекрасно подходит для наглядной демонстрации расхождений в системах диапазона частот, воинских званий, классов шероховатости поверхности и т. д.

Чрезвычайно полезным видом приложений являются логико-понятийные схемы. С их помощью можно получить более полное и наглядное представление о понятийной структуре данной области. Логико-понятийные схемы особенно важны для самоподготовки устных переводчиков, а также для учебного процесса, поскольку они представляют предметную область по содержательному, а не формальному принципу. Наряду с логико-понятийными схемами приложения могут содержать и другие графические материалы – диаграммы, чертежи, фотоснимки (Игнатъев 1975: 27; Справочные издания 1982: 121; Bergenholtz & Tarp 1995: 185). В алфавитном словаре в приложение рекомендуется выносить иллюстрации, относящиеся к нескольким словарным статьям сразу (Bergenholtz & Tarp 1995: 185).

Полезным приложением представляется список организаций и/или фирм, работающих в данной области (ср. Татаринов 1982: 119; см. словари: Англо-русский словарь по противовоздушной и противоракетной обороне 1961; Англо-русский ракетно-космический словарь 1966; Англо-русский дипломатический словарь 1989). Если этот список снабжен также адресами организаций в Интернете, как это сделано, например, в "Финско-русском словаре по социальному обеспечению" (Kudashev 2000), пользователь может обратиться за дополнительной информацией к соответствующим сайтам.

В целом набор приложений словаря специальной лексики обусловлен характером описываемой области (Игнатъев 1975: 29; Bergenholtz & Tarp 1995: 184), поэтому универсальные рекомендации в отношении приложений дать трудно. Ограничимся несколькими примерами интересных приложений:

- балансовое уравнение, образцы бухгалтерских отчетов и аудиторских заключений (Англо-русский словарь бухгалтерских терминов = Чмель 1995);
- правила составления деловых писем, телеграмм и телетекстов, сокращения в телексах, деловых письмах и документах, образцы писем, денежные единицы стран мира, названия деловых документов, маркировка ящиков (Англо-русский коммерческий словарь-справочник 1992);
- организация инженерного корпуса армии США, условные обозначения, принятые в вооруженных силах США (Англо-русский военно-инженерный словарь = Володин 1962);
- общее устройство бронетанковой техники (с иллюстрациями), марки различных видов бронетанковой техники (Англо-русский автобронетанковый словарь 1961);
- типовые промышленные процессы нефтепереработки и нефтехимического синтеза, графические обозначения, встречающиеся в англо-американской химической литературе (Англо-русский словарь по химии и переработке нефти = Кедринский 1975);
- названия астрономических объектов, астрономические знаки, астрономические постоянные (Англо-русский астрономический словарь = Мельников и др. 1971).

Если приложений несколько, рекомендуется пронумеровать их и привести их названия в оглавлении (ср. Sanastotyön käsikirja 1989: 182; Bergenholtz & Tarp 1995: 186).

Указатели

Указатели в словарях бывают двух основных типов. Первый тип указателей касается единиц словника и позволяет увеличить количество входов в словарь. Это, например, алфавитный указатель при тематическом словаре и тематический при алфавитном. Второй тип указателей, встречающийся преимущественно в переводческих словарях, относится к единицам правой части и предназначается для повышения степени обратимости словаря.

Правила составления обоих типов указателей в целом схожи. Основное различие связано с полнотой охвата индексируемых единиц. В алфавитный указатель включаются все без исключения единицы словника, в том числе не-рекомендуемые синонимы, которые можно помечать как таковые и в указателе (Sanastotyön käsikirja 1989: 182). Что же касается переводных (обратных) указателей, то здесь необходимо решить вопрос о целесообразности и корректности включения искусственно созданных соответствий. Существует мнение (напр., Bergenholtz & Taap 1995: 183), которое мы поддержали в одной из статей (Koudachev 2001: 112), что искусственные соответствия приводить в обратном указателе, во-первых, бесполезно, поскольку никто не будет их искать, во-вторых, некорректно, поскольку они не являются единицами лексики выходного языка. Тем не менее в дальнейшем обнаружили как минимум две причины, которые изменили нашу точку зрения.

Первая и главная причина заключается в том, что искусственно созданные соответствия могут с течением времени стать единицами выходного языка. Например, когда мы работали в конце 1990-х гг. над "Финско-русским словарем по социальному обеспечению" (Kudashev 2000), для русского языка были новыми и непривычными такие термины, как "социальная работа", "социальный работник", "диакония", "хоспис" и т. д. Тем не менее уже через несколько лет они вошли в обиход. Вторая причина заключается в том, что если искусственно созданные соответствия не помечались как таковые в ходе проекта, работа по удалению их из указателя может отнять у составителей много времени.

Таким образом, мы считаем, что искусственно созданные соответствия можно приводить в обратном указателе. Возможно, их целесообразно при этом соответствующим образом маркировать, чтобы они не сбили пользователей с толку и не оказались случайно в числе входных единиц словаря обратной направленности (ср. Varantola 2001: 222; ISO/TR 12618:1994: 5).

Алфавитный указатель необходим в любом словаре, корпус которого построен не по алфавиту, а количество словарных статей превышает два десятка (Sanastotyön käsikirja 1989: 182; Bergenholtz & Tarp 1995: 182). Порядок следования единиц указателя может быть простым алфавитным, а может быть алфавитно-гнездовым, когда многокомпонентные единицы следует искать на опорное слово. Приведем пример подобного указателя:

Пример 64 (Иллюстрированный словарь по машиностроению = Шварц 1986):

бункер 7.75, 11.113, 14.84
    опрокидной б. 7.173
    песочный б. 14.38
    поворотный б. 7.173
    б. флюсового аппарата 9.91

Кроме того, указатель может быть пермутационным (напр., Felber 1984: 328; Донской 1986: 13). Это означает, что многокомпонентные термины можно найти на все значимые части. Например, словосочетание "опрокидной бункер" можно найти как на существительное "бункер", так и на прилагательное "опрокидной". Использование пермутационного порядка увеличивает объем указателя, но упрощает пользователям задачу по поиску словосочетаний.

В указателях с прямым алфавитным порядком единицы словника даются, как правило, без инвертирования, например, "карданный вал", а не "вал, карданный" (ср. Sanastotyön käsikirja 1989: 185). В указателях с гнездованием может также использоваться инвертированный порядок слов. При гнездовании опорное слово, как правило, заменяется в целях экономии места первой буквой с точкой (как в приведенном выше примере) или знаком тильды.

В указатель не следует включать определения и пояснения к терминам, как это сделано, например, в словаре (Ulkoмаанкаупан erikoistermit 1992). В противном случае у пользователя возникнут трудности с поиском терминов. Например, первый термин на букву "В" в указателе упомянутого словаря начинается с необязательной части: (*в маркетинге*) текущая политика и т. д. Исключение могут составлять пояснения при омонимах, однако эти пояснения следует помещать после термина.

Словари, корпус которых построен по алфавитному принципу, полезно снабжать тематическими указателями, которые позволяют войти в словарь не от формы, а от содержания (Герд 1986: 62; Bergenholtz & Tarp 1995: 182). Хорошим примером словаря с тематическим указателем является Nordisk leksikografisk ordbok (1997). Тематический указатель может быть составлен различными способами (см. примеры в Sanastotyön käsikirja 1989: 183–184 и Герд 1986: 62–65). При соответствующей организации тематическим входом могут также служить логико-понятийные схемы.

Для удобства и скорости поиска большое значение имеет форма представления отсылок в указателе. В словарях с тематическим основным корпусом словарные статьи обычно нумеруются и отсылка производится к номеру словарной статьи (Felber 1984: 328; Sanastotyön käsikirja 1989: 186). Отметим, что если словарь разбит на разделы и подразделы, нумерация которых производится иерархически, отыскать словарную статью с нужным номером бывает нелегко. Номера разделов необходимо указывать в колонтитуле. Еще более удобным для пользователей вариантом было бы указание наряду с номером статьи номера страницы (Koudachev 2001: 112).

В обратных указателях отсылка обычно производится к номеру страницы. Поскольку словарных статей на странице может быть довольно много, некоторые составители стараются облегчить пользователям задачу по поиску нужной статьи указанием на номер колонки, если их две или три (напр., Финско-русский лесотехнический словарь = Ягодкин 1984; Англо-русский словарь по биотехнологии = Дрыгин 1990), или на номер строки (Убин 1992: 35–36).

Если отсылок несколько, они должны следовать в порядке нумерации или по алфавиту; наиболее значимая или значимые из отсылок могут выделяться жирным шрифтом (Bergenholtz & Tarp 1995: 184). Отсылки не должны далеко отстоять от входных единиц указателя; в противном случае промежутки должны заполняться точками (см. неудачный в этом смысле словарь Granvik 1993).

При указании на точное местоположение словарной статьи (номер страницы, колонка) указатель можно составить только на основе уже сверстанной версии словаря, что не всегда удобно. Нумерация статей и строк также не всегда возможна. При работе над ФРЛС проблема составления указателя до верстки была решена путем отсылки к заголовкам словарных статей, а не к номерам статей или страниц. Следует отметить, что такой способ отсылки обеспечивает также более удобный и быстрый поиск словарной статьи по сравнению с указанием на номер страницы.

В неодноязычных словарях указатели должны быть составлены для всех языков, включенных в словарь (Felber 1984: 328; Sanastotyön käsikirja 1989: 187). Для удобства навигации указатели могут печататься на цветной бумаге или бумаге с цветными краями. Имеются рекомендации относительно подходящих цветов для скандинавских языков (см. Sanastotyön käsikirja 1989: 183).

"Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике" (2001) демонстрирует хороший пример предисловия к указателю. В нем содержится предостережение, что указатель не следует воспринимать как полноценный обратный словарь; рассказывается о том, какие единицы вошли и какие не вошли в указатель; раскрываются функции пояснений и т. д. Все эти сведения, безусловно, полезны. Правила пользования указателем можно размещать непосредственно перед ним, упомянув об этом в общих правилах пользования.

Относительно оптимального места расположения указателей существуют различные точки зрения. Например, Х. Бергенхольц и С. Тарп (Bergenholtz & Tarp 1995: 183) считают, что указатели должны располагаться непосредственно после тех частей, к которым они относятся. В другом источнике тематические указатели рекомендуется помещать до алфавитного корпуса, сразу после предисловия (Sanastotyön käsikirja 1989: 183). Мы считаем, что указатели должны

располагаться после корпуса (или корпусов), но могут быть отделены от них, например, приложениями.

В заключение отметим, что в электронных словарях потребность в указателях фактически отпадает, если в них имеется поиск по единицам правой части. Если электронный словарь все же снабжается указателем, то отсылки в нем должны действовать как гиперссылки.

Другие дополнительные части словаря

В данном подразделе будут рассмотрены некоторые дополнительные части словаря, которые встречаются как во вводной, так и в послекорпусной части. К таким частям относятся, например, оглавление, алфавит, раздел "для заметок", указание на замеченные ошибки и опечатки, реклама.

Оглавление необходимо практически в любом словаре, хотя составители словарей специальной лексики нередко им пренебрегают (Bergenholtz & Tarp 1995: 167–168). Оглавление информирует пользователя о составе частей словаря и их расположении. В некоторых словарях в оглавление выносятся также местоположение начальных букв единиц словника в корпусе словаря (напр., *Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике* 2001). В словарях, организованных по тематическому принципу, оглавление является обязательным элементом (Sanastotyön käsikirja 1989: 181). В словарях, состоящих из нескольких частей или образующих серию, в каждой части желательно приводить краткие сведения о содержании других частей.

В словарях, издаваемых на Западе, оглавление обычно помещается в начале книги; в советских/российских словарях его чаще можно встретить в конце. С учетом сказанного выше о различиях в восприятии вводной и послекорпусной частей оглавление лучше, на наш взгляд, помещать в начале словаря, сразу после титульного листа (ср. Bergenholtz & Tarp 1995: 167–168).

В некоторых переводческих словарях специальной лексики встречается таблица алфавита входного языка, которая призвана помочь пользователям в

отыскании в корпусе нужной буквы. В принципе, в необходимости алфавитной таблицы можно усомниться, поскольку знание алфавита относится к базовым знаниям. В финских словарях таблица алфавита чаще помещается в самом конце, в российских – перед корпусом. Возможно, оптимальное место для алфавитной таблицы – на переднем форзаце, как в учебных словарях.

Во многих советских/российских словарях в конце имеется раздел "для заметок" или "для новых терминов", назначение которого понятно из названия. Для удобства пользователей листы могут быть разлинованы (напр., Англо-русский юридический словарь 1993).

Поскольку в процессе подготовки словаря к печати могут обнаружиться ошибки, которые по техническим или экономическим соображениям трудно исправить, в некоторых словарях (напр., Русско-финский технический словарь 1988) приводится перечень с указанием и исправлением замеченных ошибок.

Наконец, во многих словарях встречается реклама. Рекламу, как правило, размещает издательство, ведущая организация или спонсоры словаря. Для составителей словаря и издательства размещение в словаре рекламы может стать одним из способов получить дополнительное финансирование или прорекламировать другие свои продукты, которые могут заинтересовать пользователей данного словаря.

В заключение подраздела приведем мнение переводчиков о том, какие дополнительные части словаря они считают полезными.

Отметьте те части терминологического словаря, которые Вы бы отнесли к весьма желательным	всего, %	финнов, %	русских, %
содержание	85,07	88,89	77,27
предисловие	28,36	33,33	18,18
правила пользования	61,19	73,33	36,36
алфавит	23,88	26,67	18,18
список источников	46,27	53,33	31,82
грамматический очерк	8,96	8,89	9,09
энциклопедический очерк (напр., краткое описание системы права страны ИЯ в юридическом словаре)	68,66	73,33	59,09
краткое описание словаря на задней обложке	80,60	86,67	68,18

Таблица 22. Результаты ответа на вопрос "Отметьте те части терминологического словаря, которые Вы бы отнесли к весьма желательным".

Как видим, к наиболее полезным дополнительным частям переводчики относят содержание, аннотацию и энциклопедический очерк. Определенный интерес вызывает список источников. В правилах пользования финские респонденты заинтересованы намного больше российских, а вот предисловия действительно непопулярны среди большинства респондентов вне зависимости от их родного языка. Интересы к грамматическому очерку и алфавиту переводчики практически не проявили.

На этом мы завершаем обзор дополнительных частей словаря и переходим к вопросу о способах экономии и компрессии информации в словаре.

10. Проектирование средств экономии и компрессии информации в переводческом словаре специальной лексики

Место в словаре любого объема следует расходовать экономно, в связи с чем рекомендуется использовать различные приемы экономии и компрессии информации. Среди причин для экономии и компрессии следует отметить следующие:

- забота о пользователе: лаконичное и компактное представление информации уменьшает нагрузку на внимание и сокращает время поиска;
- экономические причины: компрессия словарного материала снижает себестоимость словаря;
- организационные причины: сокращение объема текста уменьшает время работы над ним и снижает вероятность ошибок.

Приемы компрессии не должны являться самоцелью, и их не следует применять, если они не достигают своих целей или приводят к обратному результату. Например, дополнительная компрессия словаря небольшого объема может нанести ущерб его "представительности" и негативно сказаться на продажах, что сведет на нет усилия по снижению его себестоимости. Использование излишне лаконичных сокращений заставит пользователя постоянно обращаться к списку сокращений и в конечном итоге лишь увеличит время, затраченное на поиск и декодирование информации.

Особую осторожность следует соблюдать при компрессии единиц словника и иноязычных соответствий. Еще в 1930-е гг. Д.С. Лотте (1936/1994: 196) указывал в предисловии к "Немецко-русскому автомобильному словарю" на то, что различные приемы сокращения единиц словника и переводных соответствий затрудняют пользование словарем и способствуют развитию известной небрежности при употреблении терминов.

Достижение положительного эффекта по одному показателю не должно наносить значительного ущерба по другим. В идеальном случае отправной точкой

в иерархии ценностей должны служить интересы пользователей. В.П. Берков (2004: 73) провозглашает принцип "максимум информации на минимуме места – без ущерба интересам пользователя" одним из ведущих в лексикографии.

Рациональное использование места в словаре предполагает прежде всего тщательную оценку востребованности тех или иных единиц словника и типов информации. Как уже говорилось, при планировании словаря на решения составителей могут оказывать влияние факторы, не имеющие прямого отношения к потребностям пользователей: например, оглядка на словари предшественников и/или конкурентов, опыт других словарных проектов и т. д. Влияние подобных факторов следует по возможности исключить. Большое значение имеет также формирование достоверной картины в отношении информационных потребностей будущих пользователей.

Компрессия словника достигается главным образом за счет лемматизации. Кроме того, сэкономить место в словаре можно путем демонстрации типичных, регулярных моделей терминообразования в исходном языке и моделей образования переводных эквивалентов (см. выше Пример 13; ср. Цвиллинг 1976: 121–123; Козлов 1987: 189).

Во многих словарях вариативные формы терминов, различающиеся одним-двумя элементами, объединяются в единую статью, например:

Пример 65 (Финско-русский технический словарь = Ягодкин & Калинин 1993):

rolili
rolilipurje ⇒ **rolili(purje)**

Пример 66 (EnDic2000. Ympäristösanakirja 2000):

puhtaanapito
puhtaanapitotekniikka ⇒ **puhtaanapito[tekniikka]**

Аналогичный прием используется и для сокращения переводных соответствий:

Пример 67 (EnDic2000. Ympäristösanakirja 2000):

избыточный ил
избыточный активный ил ⇒ **избыточный [активный] ил**

Вместе с тем круглые и квадратные скобки могут использоваться для обозначения не только факультативных, но и взаимозаменяемых частей переводных соответствий, например:

Пример 68 (Финско-русский технический словарь = Ягодкин & Калинин 1993):

круглая печатная форма
цилиндрическая печатная форма ⇒ **круглая [цилиндрическая] печатная форма**

Иногда вместо скобок используются другие показатели взаимозаменяемости, например, знак дроби или союз *или*, набранный курсивом:

Пример 69 (Финско-русский лесотехнический словарь = Ягодкин 1984):

проба клея
проба связующего ⇒ **проба клея или связующего**

Пример 70 (Русско-английский дипломатический словарь 1995):

violation of an agreement
breach of an agreement ⇒ **violation/breach of an agreement**

В ряде словарей переводные соответствия сокращаются без особых оговорок и не вполне последовательно, например:

Пример 71 (Koulutusalan sanasto 1998):

pilottiprojekti пилотный проект, опытный, экспериментальный проект
suullinen esitystaito умение устно выразить свои мысли, произносить речи

Указанные приемы сокращения вариативных или факультативных единиц не без труда поддаются расшифровке, а многофункциональность условных

обозначений вынуждает пользователей постоянно обращаться к правилам пользования, в которых, кстати, правила чтения факультативных частей не всегда оговариваются (ср. Мальковский 1968: 114–116).

Распространенным приемом компрессии единиц словника является замена повторяющегося заголовка словарной статьи или его части сокращением или условным знаком. Иногда в качестве заменителя используется первая буква заголовочной единицы с дефисом или точкой (Берков 2004: 77), иногда – тире или дефис (Хяютин 1998: 42), но чаще всего – тильда (Hausmann & Wiegand 1989: 344; ISO 1951:1997: 8; Берков 2004: 77). Тильда используется также при гнездовании – объединении в общую словарную статью нескольких (иногда значительного количества) единиц с общей начальной частью. Правила гнездования и использования тильды подробно рассмотрены в работе В.П. Беркова (2004: 76–80), поэтому мы не будем их перечислять, а просто дадим пример статьи, в которой эти приемы используются:

Пример 72 (Русско-английский дипломатический словарь 1995):

нарушител|ь violator, breaker, transgressor; ~ **границы** frontier intruder/violator; ~ **закона** law breaker; ~ **общественного порядка** disturber of the peace, peace-breaker; ~и **трудовой и государственной дисциплины** violators of labour and state discipline

В.П. Берков (2004: 72–75) описывает три приема, с помощью которых можно достичь экономии в представлении как единиц словника, так и переводных соответствий. Эти приемы в основном касаются подачи словосочетаний с опорным словом и имеют ограниченное употребление в терминографии, поскольку в словарях специальной лексики словосочетания чаще приводятся как заголовки словарных статей. Тем не менее для некоторых типов словарей специальной лексики эти приемы могут оказаться полезными.

Первый прием заключается в том, что в конце статьи на опорное слово приводится список тех слов, в статьях о которых приведены словосочетания с данным словом. Например,

море ... Δ капля, колено, щука

означает, что словосочетания *капля в море, море по колено, на то и щука в море, чтоб(ы) карась не дремал*, не включенные в статью *море*, пользователю следует искать в статьях, перечисленных за треугольником.

Другой прием касается подачи одинаковых конструкций, наполняемых определенной группой слов. Например,

вторник ... *tirsdag -en, -er* ⇒ воскресенье

означает, что все конструкции со словом "вторник" совпадают с конструкциями со словом "воскресенье", приведенными в соответствующей статье.

Наконец, третий прием заключается в том, что в пределах одной статьи объединяются примеры, переводимые сходным образом, например:

наброситься на еду {газету, работу} *kaste seg over maten* {*avisen, arbeidet*}

Одним из методов компрессии информации в правой части является распределение информации между корпусом и другими частями словаря – например, вынесение повторяющейся информации о произношении, грамматике или предметной области в фонетический, грамматический и энциклопедический очерки соответственно. Еще одним эффективным способом компрессии правой части словаря является неоднократно упоминавшийся прием использования "нулевой формы параметра", когда отсутствие информации в статье становится значимым.

Компрессия информации может также достигаться путем объединения в одну статью единиц словника с совпадающими характеристиками. Например, в ФРЛС термины, относящиеся к одному понятию, объединяются в общую словарную статью, что позволяет не повторять при каждом из них определения, пояснений, переводных соответствий и т. д. Варианты и синонимы основного термина помещаются в корпусе на своих местах с ссылкой к основному термину:

Пример 73 (ФРЛС):

luonnonyrtti (11.12; 11.15; 11.16; 11.17; 11.18; 11.19) Salo [Metsien monikäyttö]

luonnonyrttikasvi ТТК 2002, 287

yrttikasvi ТТК 2002, 287

yrtti ТТК 2002, 287

(ruoho)kasvi, jota on käytetty tai käytetään lääkkeenä tai mausteena tai kosmeettisen teollisuuden raaka-aineena CD-PS

травянистое сырьевое растение Курлович

luonnonyrttikasvi ⇒ **luonnonyrtti**

...

yrtti ⇒ **luonnonyrtti**

yrttikasvi ⇒ **luonnonyrtti**

Некоторые однотипные категории информации могут оказаться связанными таким образом, что использование одной из них позволяет не приводить другую. Например, в ФРЛС ссылка на источник термина не проставляется, если определение соответствующего понятия заимствовано из письменного источника. При этом подразумевается, что сам термин можно найти в том же источнике:

Пример 74 (ФРЛС):

aarnipuu [Metsäluonnon monimuotoisuus]

erityisen kookas ja iäkäs puu SESMS

крупное старое дерево Борисов

В текстах словарных статей могут использоваться сокращения – как общепринятые, так и условные. Вербальные символы могут также заменяться на более компактные графические. Как уже говорилось, использование сокращенных форм не должно затруднять пользование словарем, т. е. сокращения и условные знаки должны быть достаточно "прозрачными" и легко поддаваться дешифровке. При использовании специальных символов и графики необходимо предварительно выяснить технические возможности издательства, а в случае

электронных словарей – позаботиться о том, чтобы символы могли отображаться на компьютерах пользователей в неизменном виде.

Наконец, существуют полиграфические способы экономии места в словаре. Например, может оказаться экономичнее располагать словарные статьи не вертикально, а горизонтально. Горизонтальное расположение материала чаще всего используется в многоязычных словарях (ср. ISO 10241:1992: 7; Маткина 2002: 144). Использование двух или даже трех колонок позволяет расходовать место на странице значительно более эффективно, а также делает работу с текстом более комфортной для глаз (ср. Ступин 1985: 44). Довольно существенной экономии можно достичь, отказавшись от чрезмерно больших отступов и втяжек. Целесообразно ограничить количество полей, которые будут начинаться с новой строки и/или заканчиваться переводом строки. Не стоит злоупотреблять символами неразрывного пробела, которые часто приводят к растягиванию строк. Желательно не использовать символы, вертикальный размер которых превышает размер базового шрифта, иначе вся строка будет занимать больше места. Следует также экономно использовать курсив и жирный шрифт.

При планировании полиграфических средств экономии целесообразно обратиться за советом к представителям издательства и особенно к тем специалистам, которые будут на практике заниматься версткой словаря.

11. Проектирование структуры основного корпуса переводческого словаря специальной лексики

Проектирование структуры словаря целесообразно начинать с проектирования структуры микростатей. Напомним, что под микростатьей понимается единица словника или единица правой части с относящейся к ней информацией. Хотя в ряде случаев словарная статья может включать в себя лишь одну микростатью, обычно микростатья оказывается более мелким элементом по сравнению со словарной статьей.

На первом этапе составляется классификация микростатей (например, выделяются микростатьи имен существительных, глаголов, терминоэлементов и т. д.) и осуществляется проектирование их наполнения и структуры. Затем можно приступать к объединению микростатей в естественные совокупности. Например, в неодноязычном словаре микростатьи единиц словника объединяются с микростатьями переводных соответствий. При необходимости к совокупностям единиц словника и единиц правой части добавляется контрастивная информация. На этой стадии можно начать планировать способы компрессии информации, относящейся к единицам словника, сопоставляемым им единицам правой части и совокупностям микростатей.

Далее микростатьи и их совокупности распределяются между основным и дополнительными корпусами, если таковые предполагаются. При необходимости в корпусах формируются более крупные совокупности микростатей с учетом потребности в отображении системных связей и/или применения компрессии (например, гнездования).

На последнем этапе производится окончательный выбор способа размещения, порядка следования и оформления микростатей в основном и дополнительных корпусах с учетом требования легкого и быстрого доступа пользователя к искомой информации.

Вопросы наполнения словарной статьи, компрессии информации, а также ее распределения между различными частями словаря рассматривались выше.

В данной главе мы сосредоточимся на организации и порядке следования словарных статей в основном корпусе словаря.

Проектирование организации словарной статьи

Проектирование словарной статьи целесообразно начать с микростатей единиц словника. Порядок следования различных типов информации о заголовке микростатьи жестко не регламентирован и зависит от типа словаря (Bowker 2003a: 163) и множества других факторов, однако традиционно информационные категории располагаются в следующем порядке: информация о форме единицы, о ее значении, системных связях и особенностях употребления.

В неодноязычных словарях к заголовку микростатьи единицы словника чаще всего относятся одно или несколько переводных соответствий. Микростатья единицы словника с относящимися к ней переводными соответствиями образует в неодноязычном словаре простейший тип словарной статьи. В более сложном случае каждое из переводных соответствий может образовывать собственную микростатью. Кроме того, совокупность единицы словника и единицы правой части может сопровождаться контрастивной информацией. Дальнейшее усложнение структуры возможно за счет включения в статью вариантных средств выражения понятия входного языка, каждое из которых также может формировать свою микростатью. Приведем пример статьи с подобной усложненной структурой:

Пример 75 (ФРЛС):

ojitusalue (20.9) Hokajärvi, 31 [Metsähydrologia ja -ojitus]

kuivatusalue Päivänen

alue, jolta tietty ojasto johtaa vedet pois Päivänen

осуша́емые зе́мли *pl.* (20.23) Полетаев, 41

осуша́емая террито́рия Полетаев, 41

В лесном и сельском хозяйстве обычно говорят об "осушаемых землях", в ландшафтной архитектуре употребляется также термин "осушаемая территория". Сабо

осу́шенные зе́мли *pl.* (*редк.*) БЛСК, 62

осу́шенная террито́рия (*редк.*) Сабо

Термины "осушенная территория" и "осушенные земли" в настоящее время употребляются редко, т. к. осушение создает неустойчивую систему, стремящуюся обратно к заболачиванию. Сабо

Порядок взаимного расположения однородных микростатей (например, вариантных средств выражения понятия или переводных эквивалентов) может нести определенную информацию или быть формальным. Например, в ФРЛС вариантные средства выражения понятия располагаются по убыванию частотности и рекомендуемости, а переводные соответствия – в первую очередь по степени эквивалентности, а затем по рекомендуемости и частотности. В целом пользователи привыкли, что порядок расположения однородных элементов в словаре является значимым и отражает предпочтительность единиц (Algeo 1989: 32).

В многоязычных словарях приходится также решать вопрос о порядке следования разноязычных переводных соответствий. Если этот порядок не регламентирован какими-либо инструкциями, начинать следует с наиболее крупных и важных для данной области языков.

Единицы идиоматического характера с участием единицы словника могут образовывать собственные микростатьи, которые обычно помещаются в конце словарной статьи за знаком ромба или выделяются иным способом. Идиоматические обороты могут также приводиться в виде отдельных словарных статей, однако в этом случае к ним желательно давать отсылку от каждого из значимых компонентов оборота (Малаховский 1984: 154; ср. Берков 2004: 72).

При объединении в одной словарной статье единиц, относящихся к разным понятиям, образуется гнездо. Единицы словника могут быть объединены в гнездо по признаку формы или на основании смысловых и/или системных связей.

Гнездование на основе смысловых и системных связей нарушает формальный порядок следования единиц словника и требует использования отсылок. Этот тип гнездования может быть полезен в словообразовательных и учебных словарях, однако в переводческих словарях, при работе с которыми важны скорость и удобство поиска входных единиц на основе их формы, его применять не рекомендуется (ср. Гринев 1995: 38).

Гнездование единиц словника по признаку формы позволяет экономить место в словаре за счет замены повторяющейся части терминов тильдой или иным условным знаком. Кроме того, подобный тип гнездования позволяет частично отразить системные связи терминов. С другой стороны, поиск единиц словника усложняется, особенно если гнезда получаются большими. Гнездование не рекомендуется использовать в статьях с богатой правой частью (Bergenholtz & Tarp 1995: 194–195).

Подстатьи при гнездовании могут размещаться в одну строку или каждая на отдельной строке. Подача в одну строку позволяет экономить больше места, однако она применима главным образом в словарях, правая часть которых ограничивается переводными соответствиями и минимальным набором помет.

На группирование подстатей по признаку формы может оказывать влияние принятый порядок следования компонентов словосочетаний. В некоторых словарях словосочетания подаются в инвертированной форме:

Пример 76 (Словарь по лесной промышленности и лесному хозяйству = Шегельман 2004):

СОЕДИНЕНИЕ СТОЛЯРНОЕ УГЛОВОЕ КОНЦЕВОЕ <...>

СОЕДИНЕНИЕ СТОЛЯРНОЕ УГЛОВОЕ СРЕДИННОЕ <...>

Инверсия обычно применяется с целью акцентирования внимания на смысловом существительном и объединения однородных понятий. Смысловое существительное часто отделяется от остальной части термина запятой. Инверсный порядок подачи единиц словника имеет определенные преимущества в изданиях, обслуживающих нужды производства (каталоги, классификаторы и т. д. – Татаринов 1996: 220–221). Вместе с тем в словарях, ориентированных не на специалистов-предметников, инверсию применять не рекомендуется, поскольку у пользователя могут возникнуть трудности при приведении единицы словника к исходной форме. Например, может быть непонятно, как следует читать приведенные в примере словосочетания, – "концевое угловое столярное соединение" или "угловое концевое столярное соединение". В связи с этим в переводческих словарях рекомендуется использовать прямой порядок слов (ср. Гринев 1995: 38–39, 84; *Sanastotyön käsikirja* 1989: 162). Для логического объединения однородных понятий и акцентирования смысловых доминант следует использовать различные виды понятийного входа.

При проектировании словарной статьи целесообразно в наглядной форме представить порядок следования полей, микростатей и подстатей, а также отношения между ними. В одном словаре может быть несколько самостоятельных типов статей. Например, в ФРЛС были созданы схемы для четырех типов статей: существительного, прилагательного, глагола и отсылки. Приведем сокращенный пример схемы базовой статьи существительного:

Финский термин

Грамматические пометы

Прагматические пометы

Номер финской логико-понятийной схемы

Помета сокр.

Рекомендуемость

Ссылка на источник (если не совпадает с полями *Источник определения* или *Источник латинского названия*)

Латинское название

Источник латинского названия

** Предметная область

** Вариантные средства выражения финского понятия

Грамматические пометы

<...>

Финское определение

Источник определения

Финское пояснение

Источник пояснения

Поле *см. тж.*

Степень эквивалентности основного переводного соответствия

Основное переводное соответствие

Грамматические пометы

Прагматические пометы

Номер русской логико-понятийной схемы

Рекомендуемость (если не заполнено поле *Предупреждение об искусственности основного переводного соответствия*)

Помета сокр.

Источник основного переводного соответствия

или: Подтверждение соответствия специалистом

или: Предупреждение об искусственности основного переводного соответствия

Автор искусственного соответствия

[Определение русского понятия]

[Источник определения русского понятия]

Пояснение к основному переводному соответствию (обязательно, если заполнено поле *Степень эквивалентности основного переводного соответствия*)

Источник пояснения

Степень эквивалентности других переводных соответствий

** Другие переводные соответствия

<...>

**[Рабочий комментарий]

[Указание на микрообласть]

[Степень готовности статьи]

[Служебные сведения]

В данной схеме используются следующие условные обозначения:

- микростатьи и другие достаточно самостоятельные блоки информации отделены друг от друга пустой строкой;
- "дочерние" поля даются с отступом по отношению к "материнским";
- подчеркивание означает, что поле является в конечной версии словаря обязательным;
- квадратные скобки означают, что поле используется только в рабочей версии словаря;
- двойная звездочка означает, что данное поле со всеми относящимися к нему полями может повторяться несколько раз;
- помета *или*: означает, что перечисленные поля не могут использоваться одновременно;
- если нет возможности использовать графические способы отображения отношений между полями, используются пояснения (*если не заполнено поле...; если не совпадает с полем... и т. д.*).

Схема словарной статьи из ФРЛС приводится только в качестве примера. В ней указаны и размечены наиболее типичные, но далеко не все возможные типы отношений между полями и микростатьями. В вопросах, касающихся строгого и формализованного проектирования словарных статей, особенно при разработке компьютерных приложений, следует обращаться к техническим стандартам (напр., ISO/TR 12618:1994 – Computational Aids in Terminology – Creation and Use of Terminological Databases and Text Corpora; ISO 12620:1999 – Computer Applications in Terminology).

Проектирование порядка следования словарных статей

Наиболее привычным для пользователей является алфавитный порядок следования словарных статей. Алфавитный порядок – универсальная черта справочно-информационной литературы. Это единственный способ упорядочения материала, с которым пользователь знаком заранее и который гарантирует

высокую скорость поиска (Денисов 1977: 215; Hausmann & Wiegand 1989: 329; Opitz 1990: 1512; Bergenholtz & Tarp 1995: 190). Все другие способы расположения материала требуют использования алфавитного указателя.

Существенным недостатком алфавитного порядка с точки зрения составителя словаря является то, что этот порядок не отражает смысловые и словообразовательные связи единиц словника. Этот недостаток может быть отчасти компенсирован использованием терминографических процессоров, которые позволяют сортировать словарный материал по определенным критериям. В целом нужно согласиться с утверждением, что "словари, в которых целесообразно применить алфавитный порядок расположения словарных статей... должны быть результатом преобразования словарей с системным порядком" (Лейчик 1996: 335; Лейчик & Дородных 1996: 87; ср.: Picht & Draskau 1985: 130).

Общепризнано, что алфавитный порядок является не лучшим вариантом, например, в учебных словарях, в которых важна систематичность изложения материала. С другой стороны, алфавитный порядок идеально подходит для словарей, к которым обращаются главным образом за эпизодическими справками. К последней категории относятся и переводческие словари специальной лексики, поэтому в них рекомендуется использовать алфавитный порядок расположения материала (напр., Борисова 1988: 61; Марчук 1992: 51; Гринев 1995: 34).

Несмотря на кажущуюся простоту задачи, сортировка словарных статей по алфавиту в словаре специальной лексики требует знания множества нюансов, что особенно явно проявляется при проектировании или настройке терминографических процессоров. В принципе, можно полностью доверить сортировку статей компьютеру, однако позднее наверняка выяснится, что компьютерная сортировка не отвечает интуитивным представлениям составителей и пользователей о "правильном" порядке расположения статей.

Как отмечают Х. Бергенхольц и С. Тарп (Bergenholtz & Tarp 1995: 190), алфавит в словаре – это не то же самое, что национальный алфавит. Единицы словника могут включать в себя символы других национальных алфавитов, цифры, дефисы, апострофы, знаки препинания, пробелы, специальные симво-

лы и т. д. В трудных случаях рекомендуется ориентироваться на стандарты (Sanastotyön käsikirja 1989: 179) и/или традиции, принятые в данном культурном ареале (Zgusta 1989: 297). Например, в Финляндии порядок алфавитной сортировки регламентирован стандартом SFS 4600. Для языков на основе латиницы существует также международный стандарт ISO 12199:2000. Проблема, однако, заключается в том, что в стандартах могут быть оговорены не все трудные случаи сортировки, а традиций может быть сразу несколько. Рассмотрим основные правила и трудности алфавитной сортировки в языках на основе латиницы.

Буквы с диакритическими знаками, а также ди- и триграфами (á, â, ã, ä, ù, ü, ů и т. д.) обычно приравнивают к буквам без диакритики (в данном случае к букве "a" или "u"), если только они не являются полноправными буквами национального алфавита (например, в финском алфавите буквы ä и å являются самостоятельными буквами и размещаются в конце алфавита).

В некоторых языках буквы, изображаемые одним символом, сортируются как две буквы, например немецкое ß = ss или староанглийское æ = ae. С другой стороны, две буквы могут считаться единой графемой (напр., ch в испанском и чешском). Некоторые буквы могут считаться равноправными (например, в финском языке при сортировке не различаются v и w).

Арабские цифры при сортировке либо игнорируются, либо располагаются перед алфавитными символами. Имеется также вариант замены букв соответствующими числительными, например 3-D = three-D (Bergenholtz & Tarp 1995: 191). Римские цифры, как правило, считаются равными соответствующим латинским буквам (I, V, X и т. д.).

Знаки препинания, апострофы и специальные символы обычно игнорируются. Заглавные буквы считаются равными строчным буквам. Верхние и нижние индексы либо игнорируются, либо приравниваются к строчным буквам. Отметим, что в словарях специальной лексики могут потребоваться уточненные правила сортировки специальных символов, заглавных букв и индексов. С. Ландау (Landau 2001: 109) приводит в качестве примера следующую последовательность единиц, которые при обычных правилах сортировки будут расположены фактически в произвольном порядке: Hg, hG, HG, hG, 1hg, hg1, hg⁻¹, hg[∞], √hg,

ng, h_g. В каждом словаре вопрос о правилах сортировки специальных символов решается по-своему (Landau 2001: 109).

Определенной проблемой является сортировка единиц, содержащих пробелы. Существует два метода обработки подобных единиц: "пословный" (англ. word-by-word) и "побуквенный" (англ. letter-by-letter). При первом методе пробелы считаются старшими символами по отношению к буквам, в результате чего получается, например, такой порядок следования:

лес в стадии климакса
лес на минеральных почвах
лес с растянутым беспожарным периодом
лесистое пастбище

При втором методе пробелы игнорируются, т. е. приведенные словосочетания будут располагаться в следующем порядке:

лес в стадии климакса
лесистое пастбище
лес на минеральных почвах
лес с растянутым беспожарным периодом

Преимущество первого метода заключается в том, что список однородных единиц не прерывается другими единицами, поэтому некоторые авторы отдают предпочтение этому способу сортировки (напр., Bergenholtz & Tarp 1995: 192). Иногда старшим символом при "пословном" методе считается не только пробел, но и тире/дефис (Ступин 1985: 45; Spears 1990: 348).

Между тем следует признать, что второй метод сортировки является более универсальным. Он позволяет найти искомую единицу даже в том случае, если пользователь не знает, пишется ли она отдельно, слитно или через дефис. Кроме того, пользователю не нужно запоминать, какие символы игнорируются, а какие нет (ср. Ступин 1985; Spears 1990: 348; Landau 2001: 107). Тем не менее даже при применении второго, более понятного и универсального способа, су-

ществует опасность, что пользователи не найдут искомую единицу, поскольку будут искать ее по первому методу. По наблюдениям Л.П. Ступина (1985: 45), в словарях английского языка обычно используются компромиссные варианты сортировки, ибо наглядность словаря и быстрота получения в нем справки являются важнейшим условием для лексикографа. При использовании только по-словного или только побуквенного метода сортировки целесообразно оговорить это в правилах пользования словарем.

Иногда при сортировке игнорируются артикли, предлоги и служебные слова (ср. Landau 2001: 108). Подобный прием оправдан в определенных типах справочной литературы (например, в каталогах имен собственных), однако он усложняет поиск единиц и вряд ли может быть рекомендован в словарях специальной лексики.

Игнорирование или уравнивание при общей сортировке тех или иных символов не снимает задачу их взаимной сортировки. Например, если мы решили игнорировать цифры и/или индексы, но у нас имеются единицы hg^1 и hg^2 , было бы неправильно не отсортировать их по возрастанию индексов. Аналогичная ситуация возникает с заглавными буквами и специальными символами.

Еще одним нюансом, который необходимо учитывать при разработке алгоритмов алфавитной сортировки, является необходимость упорядочения единиц по длине, если их начальные части совпадают. Например, статья "яшень" должна располагаться раньше статьи "яшень обыкновенный".

На порядок сортировки словарных статей могут оказывать влияние не только форма единиц словника, но и другие факторы. Например, если у специальной единицы имеется несколько значений, приходится решать вопрос о порядке их расположения. В практике лексикографии используются три основных принципа расположения значений входной единицы: исторический, частотный и "логический". В первом случае значения располагаются в порядке их возникновения, во втором – по степени убывания частотности, в третьем акцент делается на особенности логической структуры значения (Берков 2004: 123).

Исторический принцип расположения значений в неодноязычных словарях практически не используется (Scherrenburg 1990: 54). Что касается частотного

метода, то в общей лексикографии оценить частоту употребления тех или иных значений слова достаточно трудно даже при наличии корпуса текстов (Берков 2004: 123). В терминографии, по-видимому, дело обстоит несколько проще. В ЯСЦ специальные единицы в пределах одной тематической подобласти обычно употребляются только в одном значении, поэтому при наличии корпуса текстов с достаточно подробной тематической рубрикацией выявить частоту употребления отдельных значений специальной единицы сравнительно легко.

Частотный порядок расположения значений является предпочтительным с точки зрения интересов пользователя. Вместе с тем, когда это возможно, следует также донести до пользователя логику структуры значений, их связь (Берков 2004: 123; Scherrenburg 1990: 54). Более общие значения должны, как правило, предшествовать частным, нейтральные – стилистически окрашенным и т. д. Поскольку одновременно применяемых критериев расположения значений может быть несколько и все они могут иметь в различных условиях разный вес, каждая многозначная единица требует индивидуального подхода.

В политематических ТБД появляется интересная возможность динамически изменять порядок следования значений в зависимости от той предметной области, с которой работает пользователь. Так, если пользователь работает с подобластью фото- и видеотехники, то первым у термина *frame* будет стоять значение "кадр", а при работе с текстами по лингвистике – "фрейм" (Убин 1992: 124).

В языках, в которых одно и то же слово может выполнять функцию различных частей речи, обычно существуют свои традиции размещения соответствующих словарных статей. Например, в словарях английского языка сначала помещаются существительные, а затем глаголы.

При использовании гнездования встает вопрос о том, под каким словом следует размещать многокомпонентные единицы (словосочетания и сложные слова). В практике мировой лексикографии применяются четыре критерия выбора опорного слова: синтаксический, семантический, порядковый и частотный, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки (Берков 2004: 71–72). В терминографии словосочетания обычно помещаются на опорное существи-

тельное. Впрочем, отдельные виды словосочетаний (например, с участием глаголов и наречий) могут потребовать иного подхода. Подробные рекомендации относительно их оптимального расположения можно найти в статье П. Томас (Thomas 1993).

Одним из решений проблемы выбора опорного слова является использование пермутационного порядка, при котором многокомпонентная единица приводится на каждый из входящих в ее состав значимых компонентов. Этот порядок одобряется многими авторами как дружественный для пользователя (напр., Герд 1986: 48–49; Марчук 1992: 51; Гринев 1995: 34). Единственным недостатком применения пермутационного порядка является увеличение объема словаря и количества повторяющейся информации. Опыт работы над "Финско-русским словарем по социальному обеспечению" (Kudashev 2000) показал, что в словаре, содержащем в правой части только переводные соответствия, применение пермутационного порядка увеличивает объем корпуса примерно на 14 % (Koudachev 1999: 185). При богатой правой части прибавка получается намного более значительной и цена облегчения поиска может оказаться слишком высокой. Обратим внимание на то, что при пермутационном порядке не следует выделять в отдельную статью служебные слова, как это делается в ряде словарей (напр., словарь: Фаградянц 1998).

Если не указывать переводчикам явным образом на вероятные прагматические последствия реализации пермутационного порядка (такие как увеличение объема словаря и его стоимости), то они в целом положительно относятся к этому способу расположения материала:

Словосочетание "местное самоуправление" следует помещать на слово...	всего, %	финнов, %	русских, %
местный	1,49	2,22	0
самоуправление	52,24	44,44	68,18
на оба	46,27	53,33	31,82

Таблица 23. Результаты ответа на вопрос о том, на какое слово следует помещать словосочетание "местное самоуправление".

В словарях специальной лексики помимо алфавитного часто используется также тематический порядок расположения словарных статей. Существует множество разновидностей тематического порядка, но в словарях специальной лексики чаще всего используется т. н. систематический порядок, при котором статьи организуются в соответствии с логико-понятийной структурой описываемой предметной области (см., напр., Гринев 1995: 35–36). Организация корпуса по тематическому принципу вынуждает пользователя постоянно обращаться к алфавитному указателю, что сильно замедляет работу. По этой причине тематический порядок не рекомендуется использовать в корпусе переводческих словарей специальной лексики. Отметим также, что упорядочение по тематическому принципу – намного более ответственная задача по сравнению с алфавитной сортировкой и требует бóльших затрат времени и ресурсов (Bergenholtz & Tarp 1995: 198). Тем не менее тематический указатель является полезным дополнением к алфавитному корпусу (Донской 1986: 13; Герд 1986: 62). Правила тематической организации материала описаны во многих руководствах по терминографии (напр., Bergenholtz & Tarp 1995: 195–199).

В словарях специальной лексики могут использоваться и другие принципы упорядочения единиц словника – потекстовый, хронологический, частотный (Гринев 1995: 35), однако они обычно применяются в особых типах словарей. Частотный принцип упорядочения мог бы быть полезен в словарях, предназначенных для самоподготовки устных переводчиков.

Таким образом, для корпуса переводческих словарей специальной лексики лучше всего подходит алфавитный порядок следования словарных статей. В словарях с небогатой правой частью возможно также использование формального гнездования и пермутационного порядка.

12. Проектирование средств навигации в переводческом словаре специальной лексики

К навигационной информации относятся средства, помогающие пользователям легче ориентироваться в словаре и быстрее находить в нем необходимую информацию. Навигационная информация, как правило, существует на нескольких уровнях – на уровне частей словаря, отдельных разделов, словарных статей, подстатей, микростатей, полей и т. д. В словарных сериях и многотомных изданиях имеются также средства навигации между отдельными частями серии и томами – например, общее оглавление, взаимные отсылки, номера томов и диапазоны начальных букв единиц словника в заголовке, подзаголовке и на корешке (ср. Bergenholtz & Tarp 1995: 219–220).

Основными элементами навигации на уровне частей словаря являются оглавление и нумерация страниц. В некоторых словарях применяются также дополнительные приемы, например, простые или цветные линии или цветная бумага для более четкого выделения различных частей словаря. Следует отметить, что использование цветной бумаги не всегда целесообразно, поскольку она ухудшает читабельность текста и затрудняет использование цветных иллюстраций и цветовых выделений (ср. Bergenholtz & Tarp 1995: 220–221).

Следующим уровнем навигации обычно является уровень словарных статей. При неалфавитном расположении материала вход в словарь обычно происходит через алфавитный указатель. В корпусе, построенном по алфавитному принципу, может использоваться целый ряд приемов, помогающих быстрее найти искомую статью.

Корпус обычно делится на разделы в соответствии с первой буквой единиц словника. В больших словарях нередко делаются вырубki (англ. thumb index), позволяющие сразу перейти к нужной букве (Bergenholtz & Tarp 1995: 221). Иногда приводится таблица алфавита входного языка.

Во многих словарях навигационная информация помещается в колонтитулы (чаще верхние). Обычно в верхнем левом углу левой страницы разворота ука-

зывается заголовок первой статьи, размещенной на данной странице, а в верхнем правом углу правой страницы – заголовок последней статьи (англ. running head – см. Hausmann & Wiegand 1989: 338; Bergenholtz & Tarp 1995: 220). Иногда указывается не весь заголовок словарной статьи, а только три-четыре начальные буквы.

Отдельные значения одной и той же единицы снабжаются индексами (обычно римскими или арабскими цифрами). При этом часто приводится также поясняющая информация, позволяющая пользователю быстрее выяснить, какое из значений единицы описывается в данной статье или подстатье. В качестве пояснений могут приводиться синонимы или родовые понятия, например, выброс¹ (*процесс*); выброс² (*результат*). Пояснение или помета с обозначением предметной подобласти особенно важны в отсылочных статьях с омонимами, поскольку они обычно являются единственной информацией, помогающей пользователю правильно выбрать отсылку. Подробные рекомендации по использованию в двуязычных словарях пояснений для различения значений входных единиц содержатся в работах В.П. Беркова (напр., Берков 2004: 132–136). Единицы, которые могут выполнять функцию различных частей речи, обычно снабжаются грамматической пометой, которая является в этом случае элементом навигации.

Заголовки словарных статей обычно выделяются полужирным шрифтом. Иногда используются и другие приемы выделения, например, капитель. Правда, капитель неудобна в том отношении, что становится невозможным различение во входных единицах прописных и строчных букв, что важно, например, для правильного написания имен собственных.

Словарная статья традиционно оформляется в виде абзаца (Берков 2004: 77), т. е. начинается с новой строки и заканчивается переводом строки. Иногда в конце словарной статьи ставится точка. Оформление статьи в виде абзаца подразумевает использование либо красной строки, либо, наоборот, отступа влево. Отступ влево позволяет четче отграничить одну статью от другой (Bergenholtz & Tarp 1995: 221), однако он приводит к неэкономичному использо-

ванию словарного пространства. Словарные статьи могут также отделяться друг от друга пустой строкой.

Средства навигации в пределах словарной статьи сложны и многообразны. Их роль заключается в обозначении границ микростатей и отдельных полей. Заголовки подстатей обычно даются с новой строки и выделяются полужирным шрифтом. Заголовки микростатей также могут выделяться. Например, в ФРЛС все вариантные средства выражения понятий и все переводные эквиваленты начинаются с новой строки и выделяются полужирным шрифтом (см. выше примеры из ФРЛС). При этом вариантные средства выражения понятий и переводные эквиваленты набираются более мелким шрифтом по сравнению с заголовком словарной статьи, а вторичные переводные соответствия – более мелким шрифтом по сравнению с основным соответствием. Выделение переводных соответствий – не редкость в переводческих словарях, поскольку это важнейший для пользователя тип информации (Bergenholtz & Tarp 1995: 222). Часть словарной статьи, в которой обычно помещаются единицы идиоматического характера, в российской традиции отделяется от остальной статьи знаком ромба.

Основной задачей при планировании навигационной структуры на уровне отдельной статьи является четкое обозначение границ отдельных полей. Здесь следует исходить из традиций оформления тех или иных типов информации, а также из моделей статей, построенных на этапе проектирования структуры. Например, грамматические пометы принято давать мелким курсивом без скобок, а латинские названия – курсивом среднего кегля в круглых скобках. Эти особенности оформления служат "визитной карточкой" данных полей и являются отправным пунктом при планировании средств навигации на уровне статьи.

Особенности оформления могут быть не только шрифтовыми. Например, если принято решение начинать определения со строчной буквы и не ставить в конце точку, а пояснения – начинать с прописной буквы и заканчивать точкой, то эти признаки также могут служить для идентификации данных полей, особенно в сочетании с информацией о том, что определение всегда предшествует пояснению. Другой пример: смена языка чаще всего свидетельствует об

окончании микростатьи единицы входного языка и начале микростатьи единицы выходного языка.

Тем не менее подобные маркеры не всегда надежны. Например, определение может начинаться с прописной буквы, если первым словом стоит имя собственное, и заканчиваться точкой, если в конце стоит сокращение. Смена языка может быть очевидна при сопоставлении неродственных языков, особенно с разными алфавитами (например, в финско-русском словаре) и намного менее очевидна в словарях близких языков (русско-украинский, шведско-датский и т. д.). Кроме того, подобные средства идентификации требуют от пользователя достаточно глубокого анализа контекста, т. е. навигация происходит крайне медленно. По этой причине необходимы дополнительные визуальные маркеры.

Если четких традиций оформления полей нет или если выбранная модель словарной статьи требует внесения корректив в традиционную практику, приходится обращаться к общим принципам полиграфического маркирования. Приведем ряд рекомендаций из работы А.А. Реформатского "Техническая редакция книги. Теория и методика работы" (Реформатский 1933, при участии М.М. Каушанского). Несмотря на солидный возраст этого издания, большинство изложенных в нем принципов актуальны и поныне.

При выборе маркеров необходимо учитывать, что связь обозначающего и обозначаемого – это в значительной степени условная связь, характерная для данного контекста. Основным принципом контекста является то положение, что составляющие его знаки образуют замкнутую, взаимообусловленную систему. Если в данный контекст вводится какой-то новый элемент, требующий своего обозначения, соответствующий знак должен быть согласован со всей системой, так как он должен быть несхожим (контрастным) по отношению к знакам, имеющим несхожее значение, и схожим со знаками, обозначающими близкие значения. Если в данный контекст вносится новый элемент, требующий согласованного со всей системой обозначения, а средств для его контрастного оформления больше нет, приходится перестраивать всю систему. Каждый обозначаемый элемент смысла должен иметь одно обозначающее, т. е. нежелательна многозначность (синонимия) знака. Каждое обозначающее, в свою оче-

редь, должно соответствовать одному обозначаемому элементу смысла, т. е. нежелательна омонимика знака (Реформатский 1933: 98–101).

На уровне шрифта существуют вариации по стилю шрифта (например, с засечками – без засечек), величине (кегель шрифта), "пятну" (жирный – полужирный – светлый), рисунку (прямое – курсивное начертание), размеру букв (прописные – строчные – малые прописные), расстоянию между буквами (разрядка), дополнительным приемам (например, подчеркивание). Различные зрительные впечатления проявляются в сознании как переживания единства, подобия или контрастности. При этом шрифтовые признаки не равноценны по силе воздействия на восприятие. Например, шрифт бóльших размеров сильнее действует на восприятие, чем меньших, жирный шрифт – сильнее полужирного, а этот, в свою очередь, сильнее светлого (Реформатский 1933: 104–107).

Помимо шрифтовых графических признаков для дифференциации элементов текста используется большое количество добавочных признаков. Во-первых, это знаки пунктуации (точка, запятая, тире, дефис, точка с запятой и др.), кавычки (в русском – "лапочки" и "елочки") и скобки (круглые, квадратные, угловые, фигурные). Во-вторых, это специальные символы, условные знаки. В-третьих, это различные способы расположения шрифтовых знаков на площади страницы: красной строкой, в абзац, с различными видами выравнивания и т. д.). Эти вспомогательные графические признаки могут усиливать или ослаблять эффекты шрифтовых графических признаков (Реформатский 1933: 108–109).

При проектировании системы дифференциации элементов текста А.А. Реформатский рекомендовал использовать систему "защит". Различается недостаточная, достаточная и избыточная защита. Для достижения оптимальной защиты, т. е. приемлемой контрастности между двумя соседними полями, обычно достаточно бывает изменить один из графических признаков какого-либо из этих полей. Если происходит изменение по двум или сразу нескольким графическим признакам, это может привести к избыточной защите. Избыточная защита нежелательна потому, что средства дифференциации расходуются не-

экономно, а резкое различие знаков (на несколько признаков) вносит в текст излишнюю пестроту (ср. Реформатский 1933: 110–117).

Следует отметить, что правило изменения графических признаков между соседними полями только на один параметр не следует воспринимать как аксиому. Во-первых, существуют традиции оформления определенных типов информации. В уже упоминавшихся примерах с грамматическими пометами и латинскими названиями изначально предусмотрено изменение сразу двух графических признаков относительно обычного текста – по размеру и наклону и по наличию скобок и наклону. Во-вторых, наиболее важные виды информации даже целесообразно "защищать" двумя или несколькими признаками сразу. В-третьих, как уже говорилось, графические признаки различаются по силе воздействия на читателя. "Слабые" признаки можно и нужно объединять. Об особенностях воздействия тех или иных графических признаков на читателя можно узнать из специальной литературы по полиграфической семиотике и эргономике (напр., Brusila 2002).

При проектировании словарной статьи задача сводится к поиску такой комбинации графических признаков полей, которая позволяет быстро находить нужные поля и их границы, но не приводит к излишней пестроте текста и нагрузке на восприятие. При этом значительное количество полей, сложная структура статьи и наличие в словаре нескольких типов статей существенно затрудняют проектирование, что может повлечь необходимость пересмотра структуры словарных статей. В связи с этим проектирование навигационной структуры словаря необходимо начинать на самом раннем этапе работы (ср. Zgusta 1971: 353). Желательно также привлечь к планированию технического редактора издательства, чтобы убедиться в практической реализуемости концепции (ср. Андрущенко 1989: 133).

В заключение отметим, что на структуру и оформление словаря может оказывать влияние и ряд других факторов. Издание должно отвечать требованиям, связанным с возрастными, психологическими и другими особенностями потребителя, соответствовать его образовательному цензу. Помимо этого, внешние факторы связаны с условиями, в которых используется издание (например,

карманный формат), экономическими возможностями читателя, эстетическими идеалами и т. д. (Гасов & Цыганенко 1998: 23).

Важное значение имеет также эргономика и дружелюбность оформления. Общая информация по данному вопросу содержится, например, в сборнике Brusila 2002, применительно к компьютерным системам – в книге Е.Б. Моргунова (1994). Некоторые аспекты словарной эргономики рассмотрены также в следующих работах: Opits 1990: 1510; Pätzold 1991: 2961–2962; Bergenholtz & Tarp 1995: 224–230.

13. Планирование словарного проекта. Проектная документация

Параллельно с проектированием словаря неизбежно приходится планировать такие аспекты, как сроки выполнения работ, ресурсы, состав рабочего коллектива и т. д. (Касарес 1958: 257). Мы не имеем возможности рассмотреть эти вопросы детально в рамках данной работы, поскольку они относятся не столько к лексикографии, сколько к сфере управления проектами. Тем не менее мы считаем необходимым перечислить эти аспекты, поскольку они могут косвенным образом оказывать влияние на характеристики словаря.

Процесс создания многих словарей, особенно словарей специальной лексики, по форме представляет собой проект. Управляемыми (и планируемыми) параметрами проектов являются, в частности, следующие (Project management 2000: 12; ср. ISO 15188:2001: 4–5):

- объемы и виды работ по проекту;
- расходы по проекту;
- сроки и продолжительность выполнения работ, этапов, фаз проекта;
- взаимосвязи работ;
- людские, финансовые и материально-технические ресурсы;
- качество.

Информацию о планировании этих аспектов в словарных проектах можно найти, в частности, в следующих источниках: Picht & Draskau 1985: 175–177; Sanastotyön käsikirja 1989: 132–133; 195–198; Whitcut 1989; Морковкин 1990: 50–53; Nykänen 1993; Nykänen 1999a; Landau 2001: 347–356; Берков 2004: 209–221. Во многих отношениях словарные проекты ничем не отличаются от любых других проектов, поэтому к ним применимы положения общей теории управления проектами.

Основная цель планирования проектной деятельности состоит в построении модели реализации проекта. Обычно выделяют следующие виды планирования: концептуальное, стратегическое и тактическое. Концептуальное планиро-

вание проводится в начальный период жизненного цикла проекта. Оно представляет собой процесс разработки основной документации по проекту, оценок, процедур контроля и управления. Стратегическое планирование связано с составлением укрупненных, долгосрочных планов реализации проекта. В ходе тактического планирования осуществляется разработка детальных планов для оперативного управления на уровне ответственных исполнителей (Управление проектами 2006: 348–352).

Результаты планирования обычно оформляются в письменной форме – в виде концепций, стратегий, планов, графиков и т. д. Рассмотрим, какие виды проектной документации целесообразно разрабатывать в словарном проекте и каким может быть их примерное содержание.

Основным собственно лексикографическим документом словарного проекта обычно является концепция словаря. В ней детально описываются все параметры словаря: адресная группа, назначение, связь с другими произведениями, носитель, критерии отбора единиц словника, состав информации о единицах словника и единицах правой части, состав контрастивной и дополнительной (например, энциклопедической) информации, состав временной и служебной информации, критерии отбора источников словаря, состав частей словаря, средства экономии и компрессии, структура словаря на всех уровнях, средства навигации (ср. Морковкин 1990: 55). Некоторые из перечисленных выше пунктов могут быть актуальны только для тех или иных видов словарей (например, в словаре может не быть контрастивной или дополнительной информации).

Концепция отражает результаты стратегического планирования, и ее содержание в идеале не должно подвергаться существенным изменениям в течение проекта. Состоятельность концепции можно проверить, составив некоторое количество пробных статей словаря. Желательно, чтобы пробный материал был максимально разнообразным – на разные части речи, разные типы специальных единиц и т. д. Целесообразно получить отзыв на пробные статьи от представителей адресной группы и заказчиков словаря.

В крупных проектах на основании концепции словаря может разрабатываться также инструкция для составителей (англ. style manual – см., напр., Landau

2001). В отличие от концепции, инструкция носит сугубо практический, прикладной характер. В ней на конкретных примерах и образцах словарных статей описываются методы работы над словарным материалом, способы решения типичных проблем. В небольших проектах роль инструкции может выполнять концепция, которая в этом случае должна быть наглядной и доступной для понимания конечных исполнителей.

До начала разработки концепции обычно создается первоначальный план словаря, в котором его основные параметры описываются в первом приближении. Акцент делается на адресной группе и назначении словаря, описываемых предметных областях, составе и количестве языков, носители, объеме и примерном составе словника, важнейших информационных категориях, общей структуре словаря. При подаче заявки на финансирование обычно важно подчеркнуть актуальность и новизну словаря, его научное и общественное значение и соответствие целям финансирующей организации.

Вопросы сроков, ресурсов и бюджета словарного проекта желательно тщательно и детально проработать еще до подачи заявки на финансирование. Л. Згуста писал: "Я, конечно, не могу судить обо всех лексикографических проектах, реализованных в прошлом или реализуемых в настоящем, но из тех, о которых я знаю, ни один не был завершен в положенное время и на те средства, которые первоначально считались достаточными для его реализации" (Zgusta 1971: 348). В.В. Морковкин (1990: 50–52) предлагает при планировании сроков и бюджета словаря принимать во внимание "коэффициент непредсказуемых трудностей" и "коэффициент следящего совершенствования концепции словаря". Иными словами, следует оставлять определенный резерв как по срокам, так и по средствам. Работа над пробными статьями позволяет точнее определить поправочные коэффициенты. В теории управления проектами существуют также специальные методы идентификации и оценки рисков и разработки компенсационных мер (см., напр., Управление проектами 2006: 588–634).

Планирование людских ресурсов целесообразно завершать подписанием юридических документов – трудовых соглашений, договоров о распределении обязанностей, авторских прав, гонораров и т. д. Юридическое оформление от-

ношений позволяет избежать разногласий, которые нередко встречаются в коллективных проектах (Герд 2004).

Финансовый план проекта обычно включает такие статьи, как зарплата работников, гонорары консультантов, оборудование, программное обеспечение, расходные материалы, аренда помещения, дорожные расходы. В идеале за финансовое планирование и ведение бухгалтерии должны отвечать специалисты, имеющие соответствующую квалификацию.

Тактическое планирование и контроль за выполнением ранее разработанных планов, как правило, осуществляется на заседаниях рабочей и руководящей групп проекта. Эти заседания должны проводиться регулярно, а их результаты следует закреплять в виде протоколов (см., напр., *Sanastotyön käsikirja* 1989: 197).

В заключение приведем список наиболее типичных ошибок, допускаемых при планировании проектов (Управление проектами 2006: 367–368):

- нечеткость формулирования целей;
- планирование без учета опыта конкретных исполнителей;
- планирование без учета опыта аналогичных проектов;
- планирование ресурсов (особенно трудовых) без учета их доступности;
- просчеты в планировании координации между частями проекта;
- недостатки в планировании мер по обеспечению мотивации сотрудников;
- планирование с излишней детализацией;
- планирование ради планирования.

Последние два пункта напоминают нам о том, что при всей своей важности планирование является лишь инструментом для достижения целей, и оно не должно превращаться в самоцель. Основным продуктом словарного проекта должен быть словарь, а не подшивка проектной документации.

14. Заключение

Настало время подвести итоги данного исследования.

В **первой главе** нами было выработано лексикографическое определение словаря. Согласно ему, словарь является самостоятельным произведением, частью другого произведения или системы произведений, центральным элементом которого является расположенная на внешнем носителе и упорядоченная в интересах упрощения поиска система знаков, предназначенная для несплошного чтения и снабженная относительно лаконичным набором сведений, имеющим основной целью помочь предполагаемым пользователям в интерпретации, употреблении или замене описываемых знаков.

Это определение позволило нам выделить словари среди других типов справочных изданий, а также очертить круг основных проектируемых параметров словаря. К таким параметрам относятся: адресат словаря, его назначение, связь с другими произведениями, носитель информации, состав левой и правой частей словаря, состав дополнительных частей, средства экономии и компрессии информации, средства навигации. Этот список во многом определил дальнейшее содержание и структуру работы.

В первой главе были также описаны основные лексикографические понятия и термины, необходимые при проектировании словаря, – прежде всего названия типов словарной информации и элементов структуры словаря. В ряде случаев потребовалось уточнение значения существующих терминов или введение новых.

Анализ типов словарной информации позволил сделать вывод о том, что словарь состоит как минимум из словника, информации о единицах словника и навигационной информации. Кроме того, возможно наличие информации об элементах единиц словника, информации о единицах правой части, информации об элементах единиц правой части, контрастивной информации, а также информации о лексикографическом продукте. В рабочей версии словаря может также присутствовать временная информация.

В подразделе о названиях типов информации было уточнено понятие "вход в словарь". Вход в словарь представляет собой лексикографический инструмент, направляющий пользователя к определенной словарной статье на основе заданной характеристики единицы словника. Подобное определение позволяет отграничить вход в словарь от понятия "навигационная информация" и механических способов указания на словарную статью (например, отсылки).

В подразделе о названиях элементов структуры словаря был сделан вывод о том, что традиционные понятия "макроструктура" и "микроструктура", во-первых, многозначны и неточны, во-вторых, недостаточны для целей проектирования словаря. В этом же подразделе рассмотрено содержание таких понятий, как "основной корпус", "дополнительный корпус", "дополнительные части словаря", "словарная статья", "подстатья", "скрытая статья", "микростатья", "словарное гнездо", "заголовок словарной статьи", "тело словарной статьи". Кроме того, уточнено содержание понятий "единица словника", "лемма", "нелемматизированный словник" и "лемматизированный словник", и рассмотрены некоторые способы компрессии левой и правой частей, такие как гнездование (на основе формы и семантическое), лемматизация, пристатейная подача единиц словника.

В первой главе были также очерчены границы этапа проектирования словаря. Был сделан вывод о том, что какого-либо универсального набора этапов работы над словарем и жесткой последовательности этапов не существует, однако возможно создание моделей работы над словарем, имеющих практическую ценность. Условными границами этапа проектирования было предложено считать промежуток от формулирования общего замысла словаря до оформления результатов проектирования в виде концепции. Внесение изменений в концепцию в ходе проекта предложено считать *перепроектированием*.

Во **второй главе** приводятся классификации факторов, влияющих на параметры словаря и процесс его создания. Эти факторы предложено разделить на собственно лексикографические и внешние. Собственно лексикографические факторы связаны с удовлетворением потребностей пользователей словаря. Внешние факторы корректируют проект словаря в соответствии с реально

имеющимися ресурсами, а также с учетом иных мотивов лексикографической деятельности, не имеющих непосредственного отношения к удовлетворению потребностей пользователей.

К собственно лексикографическим факторам отнесены пользователи, материал, над которым пользователи производят те или иные операции, характер этих операций, а также производные от суммы этих факторов информационные потребности пользователей и потребности, связанные с особенностями поиска и восприятия информации. Достоверность сведений о реальных потребностях пользователей зависит от участников и методов сбора информации.

Внешние факторы представляют собой ресурсы, требования сторон, предоставляющие эти ресурсы, ограничения, связанные с носителем информации и его физическими параметрами, а также мировоззренческие установки авторов словаря. По нашему мнению, наилучшим образом интересам пользователей будет отвечать словарь, проектирование которого начинается с учета собственно лексикографических факторов. Вместе с тем словарь не может быть реализован и без учета внешних факторов. Задача проектировщика словаря состоит в нахождении оптимального компромисса между противоборствующими факторами.

Внутренние диалектические противоречия, присущие словарю, а также необходимость однозначно решать в словаре вопросы, еще не имеющие общепринятого решения, приводят к широкому распространению в лексикографии субъективных факторов, с трудом поддающихся формализации.

Третья глава посвящена описанию лексикографируемого материала – языков для специальных целей и типов специальных единиц. В ней также приводятся критерии выбора ЯСЦ для описания в словаре.

На основании анализа существующих точек зрения на сущность языков для специальных целей нами было предложено следующее определение ЯСЦ: совокупность естественных или естественно-искусственных языковых средств, использующаяся в какой-либо области знаний и/или деятельности главным образом для передачи предметной информации и отражающая понятийный аппарат, не являющийся достоянием большинства носителей данного национально-

го языка. Это определение задает массив текстов и набор языковых средств, которые могут являться объектами терминографии. Далее нами были описаны критерии, которые следует принимать во внимание при выборе входных и выходных языков для словаря, их количества, степени обратимости словаря, а также критерии выбора ЯСЦ.

В третьей главе была также приведена классификация единиц специальной лексики, ориентированная на процесс проектирования словаря. На наш взгляд, существуют три основные причины для выделения тех или иных классов специальной лексики в практической терминографии: 1) совокупность специальных единиц обладает свойствами, которые влияют на их включение в словарь или исключение из него; 2) совокупность специальных единиц обладает свойствами, которые требуют описания в правой части; 3) совокупность специальных единиц обладает свойствами, которые затрудняют процесс подготовки словаря (например, создают технические трудности).

В соответствии с этими критериями были выделены следующие наиболее общие классы специальной лексики: собственная и привлеченная специальная лексика; имена собственные, термины и номенклатура; терминоиды; лексика, имеющая ограниченное употребление; устаревшая лексика и неологизмы; неалфавитные элементы ЯСЦ; несубстантивные классы специальных единиц, а также несколько морфо-синтаксических классов специальной лексики (цельнооформленные и раздельнооформленные единицы, слова, словосочетания, коллокации, клише, терминоэлементы и т. д.). Практически для всех названий классов специальных единиц потребовалось уточнение их содержания в соответствии с целями данного исследования.

В четвертой главе были перечислены основные пользователи терминологических продуктов, дано определение понятия "переводчик специальной литературы", а также рассмотрены различные аспекты компетенции этой группы пользователей. Основными группами пользователей неоязычных терминологических продуктов являются переводчики и специалисты-предметники, однако существует также большое количество других адресных групп. В словаре

можно постараться учесть интересы различных групп в разной степени, выделив основную и второстепенные группы пользователей.

Для целей проектирования словаря целесообразно классифицировать пользователей в соответствии с их информационными потребностями, которые являются производными от уровня их компетенции. Необходимо учитывать по крайней мере три аспекта компетенции: предметную, лингвистическую и лексикографическую. Помимо информационных, у пользователей могут быть и другие потребности, в частности, экономические, эргономические, эстетические.

При уточнении понятия "переводчик специальной литературы" выяснилось, что выделить формальные критерии, необходимые для признания человека переводчиком (переводческое образование, определенный стаж работы, полный рабочий день и т. п.), достаточно трудно. В качестве основного критерия было предложено принять социальную роль переводчика, в результате чего переводчик специальной литературы был определен нами как "человек, который (относительно регулярно) берет на себя обязанность переводить для других тексты, написанные на ЯСЦ".

Изучение предметной и лингвистической компетенции переводчиков специальных текстов позволило сделать следующие выводы: 1) предметная и лингвистическая компетенция должны оцениваться отдельно для каждого языка, причем лингвистическая – отдельно для ЯОЦ и ЯСЦ; 2) в настоящее время основную адресную группу переводческих словарей специальной лексики составляют т. н. "переводчики-филологи", для которых в целом характерна достаточно хорошая лингвистическая компетенция в области ЯОЦ на родном и иностранном языке, но слабая предметная и лингвистическая компетенция в ЯСЦ; 3) предметная компетенция переводчиков сильно зависит от характера предметной области; 4) при составлении словаря специальной лексики целесообразно ориентироваться на уровень студентов начальных курсов, знакомых с основами специальности; 5) словарь бывает более всего полезен при переводе текстов среднего уровня сложности.

Лексикографическая компетенция пользователей, в том числе и переводчиков-филологов, нередко оставляет желать лучшего. В том числе и по этой при-

чине необходимо обеспечить пользователя всей полнотой информации, которая может потребоваться при работе со словарем: правилами пользования, списками помет, сокращений и условных знаков и т. д. Желательно также найти стимулы для пользователей, чтобы они ознакомились с этой информацией.

В конце четвертой главы рассматриваются потребности переводчиков специальных текстов в отношении словаря специальной лексики. В большинстве случаев к переводческому словарю специальной лексики предъявляются следующие требования: 1) наличие информации, позволяющей принять решение на перевод специальных единиц; 2) физическая и экономическая доступность словаря; 3) оптимальная скорость доступа к информации; 4) простота лексикографического описания; 5) наличие детальных правил пользования словарем; 6) удобство в пользовании, дружелюбность и эргономичность; 7) эстетичность; 8) долговечность. В подразделе также рассматриваются различные способы получения информации о потребностях пользователей, преимущества и ограничения этих способов.

В **пятой главе** рассматривается назначение словарей специальной лексики, под которым понимается ориентация словаря на обслуживание определенного вида деятельности. Классификация видов деятельности является открытой, а ее глубина и дробность зависят от задач словарного проекта. Нас интересовала преимущественно ориентация словарей специальной лексики на терминологический межъязыковой перевод, т. е. на перевод текстов на ЯСЦ с одного национального языка на другой.

При проектировании словаря специальной лексики важно учитывать следующие обстоятельства: 1) на какой этап или этапы перевода будет ориентироваться словарь; 2) будет ли перевод письменным или устным; 3) будет ли перевод осуществляться с иностранного языка на родной или наоборот. В ряде случаев приходится также учитывать различные степени свободы при передаче единиц специальной лексики.

В **шестой главе** описываются основные различия между бумажными и электронными словарями, которые могут повлиять на выбор носителя для словаря. Был сделан вывод о том, что электронные словари потенциально обла-

дают рядом значительных преимуществ перед бумажными словарями, однако для реализации этого потенциала требуются значительные усилия со стороны лексикографов и профессиональных программистов. Поскольку будущее, безусловно, за электронными словарями, при прочих равных условиях целесообразно выбирать электронные носители информации или выпускать словарь параллельно на электронном и бумажном носителях. С другой стороны, есть основания полагать, что и бумажные словари в обозримом будущем будут достаточно востребованы.

Седьмая глава посвящена проектированию связей словаря специальной лексики с другими изданиями. Любое справочное произведение создается в широком контексте уже изданных и готовящихся к изданию публикаций по той же теме. Кроме того, словарь может и сам входить в состав другого издания. В связи с этим составитель словаря должен оценить, какое влияние оказывают на параметры словаря другие части того же издания, а также другие изданные и готовящиеся к изданию словарные и иные произведения, близкие по типу и тематике (в основном справочно-учебные).

Переводческий словарь не может содержать всей информации по той или иной специальной области. Для переводческого словаря главным являются переводные эквиваленты и другая информация, необходимая для установления отношений эквивалентности и порождения текста на языке перевода. Прочая информация должна содержаться в других справочных изданиях, с которыми словарь можно связать отсылками.

Для рационального распределения информации между несколькими словарными изданиями необходим переход к системному лексикографированию, когда вся словарная система тщательно проектируется заранее. В главе описываются несколько возможных способов образования систем словарей специальной лексики.

Восьмая, самая большая по объему глава, посвящена вопросам проектирования основного содержания переводческого словаря специальной лексики – словника, информации о единицах словника, контрастивной информации и т. д.

В подразделе о формировании словника переводческого словаря специальной лексики констатируется, что на состав словника чаще всего влияют следующие факторы: 1) информационные потребности пользователей, прежде всего потребность в переводных соответствиях, особенно нерегулярных, а также в контрастивной информации; 2) важность единиц для специальной коммуникации, их частотность и воспроизводимость; 3) системность; 4) теоретические определения единиц специальной лексики и практические критерии их выделения; 5) специфика лексикографируемой предметной области; 6) состав источников словника и методы отбора материала; 7) компетенция, квалификация и предубеждения участников отбора; 8) состав словника ранее изданных и конкурирующих словарей по той же тематике; 9) назначение и проектируемый объем словаря, состав и объем информации о единицах словника, временные, материальные, людские и технические ресурсы словарного проекта.

Каждый из этапов формирования словника может быть в той или иной степени автоматизирован. Систем, позволяющих полностью автоматизировать составление словника словаря специальной лексики, пока не существует, однако корпуса текстов и лингвостатистические инструменты могут оказать лексикографу большую помощь. Для формирования словника имеет значение последовательность обработки словника специалистами различных профилей. Участники формирования словника должны быть снабжены четкими инструкциями, которые желательно проверить на экспериментальном массиве. В заключение подраздела о формировании словника произведена оценка значимости различных классов специальной лексики для переводчиков специальной литературы, а также рассмотрены вопросы построения лемматизированного словника.

В подразделе о проектировании правой части словаря говорится о содержании и способах представления информации о единицах словника, информации о единицах правой части и контрастивной информации. На основе анализа большого количества стандартов, руководств и статей по терминоведению и лексикографии нами был составлен сводный список наиболее общих классов лексикографической информации. В него вошли следующие типы информации: орфографическая, орфоэпическая, словообразовательная, информация о сло-

воизменении, значении, системных связях, сочетаемости, фразеологии, прагматическая информация и информация об этимологии.

Выяснилось, что помимо наличия или отсутствия того или иного вида информации необходимо проектировать детализацию и глубину его разработки. Различные виды единиц могут потребовать разного лексикографического описания, в связи с чем необходимо составлять информационные профили единиц словарика и на их основе разрабатывать классификацию словарных статей.

Для переводческих словарей большое значение имеет контрастивная информация, которая чаще всего образуется при сопоставлении единиц разных языков. Эффективное использование контрастивной информации предполагает соблюдение некоторых условий: 1) описание должно быть системным; 2) пользователю должна быть известна информация, опускаемая словарем при контрастивном типе описания; 3) отсутствие информации должно быть для пользователя значимым; 4) пользователю должно быть понятно, между какими языками проводится сопоставление.

В переводческих словарях часто возникает проблема выбора языка представления вторичной информации – толкований, пояснений и т. д. Как правило, у составителя нет возможности дублировать вторичную информацию на всех языках, представленных в словаре. Проблему выбора языка вторичного описания можно до некоторой степени упростить за счет использования интернациональных помет, условных знаков и типографских средств, а в электронных словарях – предоставив пользователю возможность самому выбирать язык вторичной информации.

На основе данных анкетирования и ряда других источников нами был составлен своего рода "рейтинг" востребованности различных типов информации в переводческих словарях специальной лексики. Был отмечен тот факт, что предпочтения переводчиков нередко зависят от их принадлежности к тому или иному культурно-языковому ареалу. Поскольку дву- и многоязычные словари, как правило, адресуются представителям двух или нескольких языковых сообществ, при проектировании словаря следует по возможности учитывать интересы и предпочтения разноязычных групп пользователей.

Далее были рассмотрены общие способы представления информации в словаре. Значительная часть информации может быть представлена в словаре имплицитно, когда само отсутствие информации является значимым. Информационные категории могут быть также выражены эксплицитно за пределом корпуса словаря – например, в заглавии или вступлении, а в корпусе иметь нулевое выражение. Информация может быть представлена прямо или опосредованно, с помощью символической записи. Одни информационные параметры являются "открытыми", в то время как "область значений" других может быть ограниченной. Минимальными компонентами информации в словаре являются фрагменты текста, обладающие смысловой завершенностью и условно неделимые в рамках данного словаря.

Перечислить все способы представления лексикографической информации в переводческих словарях специальной лексики не представлялось возможным, поскольку этот список является теоретически неисчерпаемым, а практически – весьма обширным. В данной работе мы ограничились рассмотрением только наиболее распространенных способов представления выделенных нами типов информации в переводческих словарях.

Значительное влияние на содержание словаря оказывают источники и методы работы с ними. Работа с источниками включает в себя ряд задач: 1) выбор типов источников; 2) отбор материалов, которые будут использоваться в качестве источников; 3) выбор методов извлечения, обработки и сохранения информации; 4) собственно стадия извлечения, обработки и сохранения информации; 5) фиксация информации об источниках словаря (для внутреннего пользования и/или конечных пользователей).

В ходе планирования словарного проекта следует составить иерархию типов источников с точки зрения их соответствия задачам данного словаря и условиям проекта. Оценку типов источников лучше всего производить по таким базовым признакам, как достоверность, общепринятость, хронологическая адекватность, понятность и уровень затрат на получение и обработку информации. Эти базовые критерии могут быть при необходимости уточнены или дополнены другими, специфическими для данного проекта. При ранжировании типов ис-

точников следует отдавать предпочтение тем из них, которые обладают наилучшим сочетанием заданных параметров.

Объем выборки зависит от особенностей выбранного ЯСЦ, а также от задач словарного проекта. Анализ ряда примеров позволил вычислить средний объем выборки в терминологическом проекте – около 200–250 тыс. словоупотреблений. При обработке электронных источников целесообразно пользоваться специальными программами для работы с корпусами, например, конкордансами, а при внесении информации – терминографическими процессорами.

В заключение подраздела об источниках словаря обсуждаются вопросы фиксации источников в словаре, а также проблема авторских прав. В отношении юридической стороны заимствования материала из других словарей мы были вынуждены констатировать, что этот вопрос нуждается в дальнейшей проработке. С одной стороны, авторских прав на факты, в том числе языковые, быть не может, но с другой стороны, многие словари представляют собой по подбору или расположению материала результат творческого труда, а подобные произведения относятся к объектам авторского права. Мы согласились с мнением ряда авторов о необходимости уточнения статуса словарей как объектов авторского права и четкого определения понятия "плагиат в лексикографии".

В **девятой главе** рассмотрены вопросы проектирования дополнительных частей словаря. Концептуально дополнительные части предложено разделить на обложку и титульный лист, вводную часть и послекорпусную часть. Обложка и титульный лист обычно включают в себя название словаря, его выходные данные, аннотацию. Эти части оформляются по-разному в разных странах, однако в любом случае они являются "лицом" словаря и выполняют информационно-маркетинговые функции. Вводная часть обычно содержит предисловие и правила пользования словарем; возможно также наличие энциклопедических и языковых очерков. В послекорпусную часть обычно включаются приложения и указатели. В словаре могут быть и другие дополнительные части, такие как оглавление, реклама, раздел "для заметок". В главе подробно обсуждаются содержание, структура и расположение дополнительных частей словаря.

Десятая глава посвящена описанию различных приемов экономии и компрессии информации в словаре. При правильном использовании эти приемы уменьшают нагрузку на внимание, сокращают время поиска, снижают себестоимость словаря, уменьшают время работы над ним и снижают вероятность ошибок.

В одиннадцатой главе рассматриваются вопросы проектирования структуры переводческого словаря специальной лексики. Проектирование структуры целесообразно начинать с проектирования микростатей единиц словника, постепенно добавляя другие блоки информации. Результаты проектирования структуры статей полезно оформлять в виде моделей, из которых становятся понятными порядок следования полей, их повторяемость, отношения между полями и т. д.

Наши исследования подтвердили постулат о том, что для корпуса переводческих словарей специальной лексики лучше всего подходит алфавитный порядок следования словарных статей. В словарях с небогатой правой частью возможно также использование гнездования на основе формы и пермутационного порядка. Тематическая организация основного корпуса существенно замедляет работу переводчика со словарем, поэтому она не подходит для переводческих словарей специальной лексики. Тем не менее тематический указатель является полезным дополнением к алфавитному корпусу. Алфавитная сортировка часто оказывается более сложной задачей, чем это может показаться на первый взгляд. В главе подробно рассматриваются трудности, с которыми приходится сталкиваться при расположении специальных единиц в алфавитном порядке.

В двенадцатой главе описывается проектирование средств навигации в переводческом словаре специальной лексики. К навигационной информации относятся средства, помогающие пользователям легче ориентироваться в словаре и быстрее находить в нем необходимую информацию.

Навигационная информация, как правило, бывает представлена на нескольких уровнях – на уровне частей словаря, отдельных разделов, словарных статей, подстатей, микростатей, полей и т. д. При проектировании средств навига-

ции задача сводится к поиску такой комбинации графических признаков, которая позволяет быстро находить нужные элементы, но не приводит к излишней пестроте текста и повышенной нагрузке на восприятие.

В последней, **тринадцатой главе**, рассмотрены основные аспекты планирования словарного проекта и основные виды проектных документов. Во многих отношениях словарные проекты ничем не отличаются от любых других проектов, поэтому к ним применимы положения общей теории управления проектами. Управляемыми (и планируемыми) параметрами проектов являются, в частности, следующие: 1) объемы и виды работ по проекту; 2) расходы по проекту; 3) временные параметры; 4) взаимосвязи работ; 5) людские, финансовые и материально-технические ресурсы; 6) качество.

Основная цель планирования проектной деятельности состоит в построении модели реализации проекта. Результаты планирования целесообразно оформлять в письменной форме. Основным собственно лексикографическим документом словарного проекта обычно является концепция словаря, в которой детально описываются все параметры словаря. Состоятельность концепции целесообразно проверить на экспериментальном массиве – пробных статьях и подобластях.

В крупных проектах на основании концепции словаря может разрабатываться также инструкция для составителей, в которой на конкретных примерах описываются методы работы над словарным материалом и способы решения типичных проблем. До начала разработки концепции обычно создается первоначальный план словаря, в котором его основные параметры описываются в первом приближении.

При проектировании сроков, ресурсов и бюджета необходимо оставлять резерв на случай непредвиденных трудностей. Работа над экспериментальным массивом позволяет точнее определить поправочные коэффициенты. За финансовое планирование и ведение бухгалтерии в идеале должны отвечать специалисты, имеющие соответствующую квалификацию. Планирование людских ресурсов целесообразно завершать подписанием юридических документов – трудовых соглашений, договоров о распределении обязанностей, авторских

прав, гонораров и т. д. В заключение главы перечислены типичные ошибки, допускаемые при планировании проектов.

Как нам представляется, результаты исследования соответствуют заявленным задачам: 1) произведено уточнение и дополнение понятийного и терминологического аппарата, необходимого для проектирования переводческих словарей специальной лексики; 2) выявлены, классифицированы и описаны факторы, влияющие на выбор характеристик переводческого словаря специальной лексики и процесс работы над ним; 3) выработаны общие рекомендации по проектированию и составлению переводческих словарей специальной лексики. В диссертации заложены теоретические основы проектирования переводческих словарей специальной лексики и создана база для разработки нового поколения практических руководств по переводческой терминологии.

Литература

Источники на русском языке

Авербух К.Я. Терминография: традиционное и специфическое // Теория и практика научно-технической лексикографии: Сб. статей. – М.: Рус. яз., 1988. – С. 27–34.

Агеев В.Н. Электронная книга: новое средство социальной коммуникации. – М.: Мир. кн., 1997. – 231 с.

Алексеев П.М. Частотные словари: Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 156 с.

Андрющенко В.М. Вычислительная лексикография, ее возможности и перспективы // Вопросы языкознания, 1986. – № 3. – С. 42–53.

Андрющенко В.М. Автоматизация в лексикографии. Современное состояние и новые возможности // Советская лексикография: Сб. статей. – М.: Рус. яз., 1988. – С. 201–224.

Андрющенко В.М. Концепция и архитектура машинного фонда русского языка. – М.: Наука, 1989. – 196 с.

Андрющенко В.М., Морковкин В.В. Базовое лексикографическое знание и компьютер // Машинный фонд русского языка: предпроектные исследования: Сб. статей. – М.: Б. и., 1988. – С. 4–41.

Анюшкин Е.С., Анюшкина Г.К. Двухязычный переводной словарь – информационно-справочное и учебное лексикографическое пособие // Теория и практика научно-технической лексикографии: Сб. статей. – М.: Рус. яз., 1988. – С. 107–112.

Апресян Ю.Д. Лексикографическая концепция НБАРСа // Новый Большой англо-русский словарь. – Т. 1. – М.: Рус. яз., 1993. – С. 6–17.

Ахманова О.С., Минаева Л.В. О предмете и метаязыке учебной лексикографии // Словари и лингвострановедение: Сб. статей. – М.: Рус. яз., 1982. – С. 5–11.

Ахмеджанов М.С. Разработка лингвистического обеспечения автоматизированной словарно-терминологической службы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989. – 22 с.

Балабан М.А., Дорохина Л.В., Мазина И.В., Салий А.Д. Проблемы развития и функционирования отраслевого многоязычного автоматического словаря // Вычислительная лингвистика. Теоретические аспекты. Вопросы автоматизации лексикографических работ. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 132–151.

Баланаева О.В. Проблема отбора лексических единиц для юридических словарей // Вестник международного славянского университета. – Харьков, 1999. – Т. 2. – № 4. – С. 66–68.

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учеб. пособие. – М.: УРСС, 2001. – 358 с.

Бекишева Е.В. Некоторые вопросы изучения парадигматических отношений в терминообразовании (на материале английских хирургических суффиксальных производных терминов) // Лексика и лексикография. – М., 1991. – С. 3–6.

Беляева Л.Н., Герд А.С., Убин И.И. Автоматизация в лексикографии // Прикладное языкознание: Учебник. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. – С. 318–333.

Бергельсон М.Б., Ефремова И.В., Убин И.И. Некоторые результаты опытной эксплуатации автоматического словаря ВЦП // Международная конференция “Теория и практика научно-технического перевода” (Москва, 2–6 дек. 1985 г.): Тез. докл. и сообщ. – М.: ВЦП, 1985. – С. 131–132.

Бергер М.Г., Васоевич Н.Б. Об определениях терминов в геологических словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 133–139.

Березникова Р.Е. Подача номенов в словарях разных типов // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 83–91.

Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1971. – 30 с.

Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии: Словник. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 191 с.

Берков В.П. Заметки об определении терминов в филологических и энциклопедических словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 140–144.

Берков В.П. Слово в двуязычном словаре. – Таллин: Валгус, 1977. – 140 с.

Берков В.П. Двуязычная лексикография: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности “Лингвистика”. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. – 248 с.

Берков В.П. Двуязычная лексикография: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Астрель [и др.], 2004. – 236 с.

Бессонова Е.В. Лексикографическое описание геологической терминологии // Научно-техническая терминология, 1988. – № 11. – С. 5–9.

Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. – М.: Воениздат, 1972. – 320 с.

Борисова Л.И. О принципах разработки переводческого словаря-справочника общенаучной лексики // Теоретические проблемы научно-технической терминологии и практика перевода: Тез. докл. зон. науч. конф., 4–5 июня 1985 г. – Омск: Б. и., 1985. – С. 26–27.

Борисова Л.И. О лексических проблемах научно-технического перевода и переводческих словарях // Всесоюзная конференция “Подготовка и использование научно-технических словарей в системе информационного обеспечения”, Москва, 14–16 окт. 1986 г.: Тез. докл. – М.: Рус. яз., 1986. – С. 38–40.

Борисова Л.И. Об основах и принципах общенаучной переводческой лексикографии // Всесоюзная конференция “Совершенствование перевода научно-технической литературы”, 7–9 сент. 1988 г.: Тез. докл. и сообщ. – М.: ВЦП, 1988. – С. 58–61.

Борисова Л.И. Переводческие и лексикографические аспекты общенаучной лексики // Терминоведение. – М.: Моск. Лицей, 1996. – Вып. 1–3. – С. 8–11.

Борисова Л.И. “Ложные друзья переводчика”: Общенауч. лексика: Англ. яз.: [Учеб. пособие по науч.-техн. пер.]. – М.: НВИ-Тезаурус, 2002. – 211 с.

Борисова Л.И., Зайдин Д.Г. Об особенностях перевода базовой общезыковой лексики в общенаучном использовании // Международная конференция "Теория и практика научно-технического перевода" (Москва, 2–6 дек. 1985 г.): Тез. докл. и сообщ. – М.: ВЦП, 1985. – С. 75–78.

Борисова Л.Т., Донской Я.Л. Омонимия и полисемия в отраслевом терминологическом словаре // Теоретические проблемы научно-технической терминологии и практика перевода: Тез. докл. зон. науч. конф., 4–5 июня 1985 г. – Омск: Б. и., 1985. – С. 28–29.

Буторова У.В. Больше вопросов, чем ответов: Некоторые проблемы классифицирования словарей в теоретической лексикографии // Лексикография: Информационный бюллетень. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – С. 56–66.

Вазем Н. О "лишней" лексике в отраслевых научно-технических словарях // Тетради переводчика. – М.: Междунар. отношения, 1970. – Вып. 8. – С. 88–92.

Варин В.В. О "ложных друзьях" переводчика научно-технической литературы // Терминоведение. – М.: Моск. Лицей, 1995. – Вып. 2–3. – С. 165–167.

Васильева Н.В. О словарях международных терминологических элементов // Теория и практика научно-технической лексикографии: Сб. статей. – М.: Рус. яз., 1988. – С. 77–82.

Вейдемане Р.Э. О месте глагола в терминологических системах // Вопросы разработки научно-технической терминологии. – Рига: Зинатне, 1973. – С. 130–139.

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лингвистические вопросы). – М.: ИОСО РАО, 2001. – 224 с.

Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. – М., 1939. – Т. 5. – С. 3–54.

Влахов С.И. Участие иллюстративного материала в семантизации исходной словарной единицы // Magay, T. & Zigány, J. (eds) *BudaLEX '88 Proceedings: Papers from the 3rd International EURALEX Congress, Budapest, 4–9 September 1988*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990. – С. 75–81.

Влахов С., Флорин С. Непере译имое в переводе. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1986. – 416 с.

Волкова И.Н. Моделирование определений в терминологических стандартах // Современные проблемы русской терминологии: Сборник. – М.: Наука, 1986. – С. 140–162.

Волкова И.Н. Стандартизация терминологии как одно из направлений лексикографии // Теория и практика научно-технической лексикографии: Сб. статей. – М.: Рус. яз., 1988. – С. 20–27.

Володина М.Н. Теория терминологической номинации. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 179 с.

Гавинский А.Н. Теоретические основы выбора оптимальной структуры двуязычных отраслевых словарей как одного из средств упорядочения научно-технической терминологии: (На материале англ.-рус., рус.-англ. и англояз. терминологических словарей): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Киев, 1978. – 21 с.

Гак В. О двусторонней эквивалентности в двуязычных словарях // Тетради переводчика. – М.: Междунар. отношения, 1970. – Вып. 8. – С. 68–79.

Гак В.Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М.: Рус. яз., 1977. – С. 11–27.

Гак В.Г. Способы представления внелингвистической информации в лингвистическом словаре // Сочетание лингвистической и внелингвистической информации в автоматическом словаре: (Материалы Всесоюзной школы-семинара). – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1987. – С. 50–51.

Гасов В.М., Цыганенко А.М. Информационные технологии в издательском деле и полиграфии: Учеб. пособие для вузов. – М.: Мир. кн., 1998. – 639 с.

Герд А.С. Еще раз о значении термина // Лингвистические аспекты терминологии: Сб. статей. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – С. 3–9.

Герд А.С. Терминологический словарь среди других типов словарей // Современная русская лексикография, 1980: Сб. статей. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. – С. 106–112.

Герд А.С. Научно-техническая лексикография и научно-технический перевод // Международная конференция "Теория и практика научно-технического перевода" (Москва, 2–6 дек. 1985 г.): Тез. докл. и сообщ. – М.: ВЦП, 1985. – С. 11–12.

Герд А.С. Основы научно-технической лексикографии: (Как работать над терминологическим словарем). – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 73 с.

Герд А.С. Научно-техническая лексикография // Прикладное языкознание: Учебник. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – С. 287–307.

Герд А.С. К определению понятия "словарь" // Проблемы лексикографии: Сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. – С. 191–203.

Герд А.С. Словарное значение слова и смысл // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лексикографии: Межвуз. сб. науч. тр. – Иваново: Юнона, 1997а. – С. 192–198.

Герд А.С. Неспециальная лексика специальных текстов и словари // Очерки научно-технической лексикографии: Сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. – С. 146–150.

Герд А.С. Структура документа и словник терминологического словаря // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: Сб. научн. тр. – М.; Рязань: [Б. и.], 2003. – С. 71–73.

Герд А.С. Типы коллективных научных тем и проблема авторства // Ялик. Информационный бюллетень Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб., 2004. – № 57. – С. 1–2.

Герд А.С. Закон об авторском праве, понятие "плагиат" и академическая лексикография // Ялик. Информационный бюллетень Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб., 2005. – № 64. – С. 1–3.

Герд А.С. Прикладная лингвистика. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005а. – 268 с.

Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для студентов филол. спец. вузов. – М.: Высш. шк., 1987. – 103 с.

Горбис Б.И. Психолингвистика и порождающая лексикография // Тетради переводчика. – М.: Междунар. отношения, 1977. – Вып. 14. – С. 103–116.

- Городецкий Б.Ю. Семантические инвентари как основа информационных языков. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 45 с.
- Горский Д.П. Определения, их виды и правила // Логика научного познания: Актуальные проблемы. – М.: Наука, 1987. – С. 140–158.
- Горькова В.И. Некоторые методические рекомендации по разработке терминологических словарей // Актуальные проблемы терминологии по информатике и документации: Некоторые методические рекомендации по разработке терминологических словарей. Новые термины по информатике. – М.: ВИНТИ, 1980. – С. 7–26.
- Гринев С.В. Введение в терминологическую лексикографию: (Учеб. пособие). – М.: Б. и., 1986. – 102 с.
- Гринев С.В. Параметрический метод оценки терминологий // Научно-техническая терминология, 1988. – № 3. – С. 5–9.
- Гринев С.В. Учет особенностей развития терминологии при переводе и заимствовании новых терминов // Проблемы перевода научно-технической литературы. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988а. – С. 17–21.
- Гринев С.В. Введение в терминоведение. – М.: Моск. Лицей, 1993. – 309 с.
- Гринев С.В. Введение в терминографию. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: МПУ, 1995. – 161 с.
- Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
- Даниленко В.П. Терминология современного языка науки // Международная конференция “Теория и практика научно-технического перевода” (Москва, 2–6 дек. 1985 г.): Тез. докл. и сообщ. – М.: ВЦП, 1985. – С. 14–16.
- Даниленко В.П. Терминология современного языка науки // Терминоведение и терминография в индоевропейских языках: Сб. науч. тр. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. – С. 61–66.
- Даниленко В.П. Грамматический статус стандартизированного термина // Научно-техническая терминология, 1989. – № 3. – С. 7–12.
- Девкин В.Д. Очерки по лексикографии. – М.: Прометей, 2000. – 395 с.
- Денисов П.Н. Основные проблемы теории лексикографии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1976. – 43 с.
- Денисов П.Н. Системность и связанность в лексике и система словарей // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976а. – С. 63–73.
- Денисов П.Н. Об универсальной структуре словарной статьи // Актуальные проблемы учебной лексикографии / Сост. В.А. Редькин. – М.: Рус. яз., 1977. – С. 205–225.
- Денисов П.Н. Практика, история и теория лексикографии в их единстве и взаимобусловленности // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике: Сб. статей. – М.: Рус. яз., 1978. – С. 25–33.
- Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1993. – 245 с.
- Донской Я.Л. Синонимы в словниках специальных словарей и справочников // Научно-техническая терминология, 1984. – № 12. – С. 16–18.

Донской Я.Л. Словник в научно-технической лексикографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1986. – 24 с.

Донской Я.Л. Частотный параметр в терминографии // Терминография и перевод научного текста: Межвуз. сб. – Горький: ГГУ, 1989. – С. 14–22.

Донской Я.Л. Варианты и дублиеты в специальных словарях // Теория и практика научно-технической лексикографии и перевода. – Горький: ГГУ, 1990. – С. 32–42.

Дубичинский В.В. Искусство создания словарей: Конспекты по лексикографии: Учеб. пособие. – Харьков: Харьк. политех. ун-т, 1994. – 102 с.

Дубичинский В.В. Антиномии лексикографии // *Vocabulum et vocabularium*: Сб. науч. тр. по лексикографии. – Вып. 2. – Харьков, 1995. – С. 65–71.

Дубичинский В.В. Основные аспекты переводной лексикографии // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лексикографии: Межвуз. сб. науч. тр. – Иваново: Юнона, 1997. – С. 110–117.

Дубичинский В.В. Теоретическая и практическая лексикография. – Вена; Харьков: Б. и., 1998. – 160 с.

Дубичинский В.В., Самойлов А.Н. Словари русского языка: Учеб. пособие. – Харьков: Междунар. слав. ун-т, 2000. – 242 с.

Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М.: Валент, 2005. – 415 с.

Ефимов А.Н. Информационный взрыв: проблемы реальные и мнимые. – М.: Наука, 1985. – 160 с.

Жданова Г.С., Мельникова М.М., Цветкова В.А. О возможном подходе к формированию системы словарей // Теория и практика научно-технической лексикографии: Сб. статей. – М.: Рус. яз., 1988. – С. 16–19.

Журавлев В.Ф. По поводу определений в формальной логике, в сборниках рекомендуемых терминов, терминологических стандартах, толковых словарях и энциклопедиях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 114–121.

Зернова В.К. Модели словарных статей двуязычного терминологического словаря // Проблемы перевода научно-технической литературы. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988. – С. 24–29.

Ибрагимова М.Б., Мельникова М.М., Потапов И.И., Соковикова Н.К., Ратникова М.Г. К вопросу о структуре лексических полей словарей по химии и химической технологии // Всесоюзная конференция "Подготовка и использование научно-технических словарей в системе информационного обеспечения", Москва, 14–16 окт. 1986 г.: Тез. докл. – М.: Рус. яз., 1986. – С. 83–85.

Иванов С.З. О восьмизычном словаре по технологии сахара // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. – Воронеж: Воронеж. технол. ин-т, 1974. – С. 85–91.

Игнатъев Б.И. Вопросы двуязычной научно-технической лексикографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1975. – 24 с.

Игнатъев Б.И. Приложение как составная часть отраслевого двуязычного словаря // Научно-техническая информация. – Сер. 1, 1975а. – № 5. – С. 27–31.

Игнатъев Б.И. Раскрытие значения термина в двуязычном словаре // Филологические науки, 1976. – № 5. – С. 55–63.

Игнатъев Б.И. Некоторые вопросы составления терминологических словарей и подбора эквивалентов терминов // Научно-техническая терминология, 1977. – № 1. – С. 5–10.

Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С. 69–90.

Казакова Т.А. Практические основы перевода English-Russian. – СПб.: Союз, 2000. – 318 с.

Канделаки Т.Л. Работа по упорядочению научно-технической терминологии и некоторые лингвистические проблемы, возникающие при этом // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 40–52.

Канделаки Т.Л. К вопросу о номенклатурных наименованиях // Вопросы разработки научно-технической терминологии. – Рига: Зинатне, 1973. – С. 60–71.

Канделаки Т.Л. О принципах классификации терминологических работ // Всесоюзная конференция "Подготовка и использование научно-технических словарей в системе информационного обеспечения", Москва, 14–16 окт. 1986 г.: Тез. докл. – М.: Рус. яз., 1986. – С. 16–18.

Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 366 с.

Карпова О.М. Лексикографические портреты словарей современного английского языка. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. – 185 с.

Карпова О.М., Щербакова Е.В. PR: проблемы терминографического описания. – Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2005. – 183 с.

Касарес, Х. Введение в современную лексикографию / Пер. с исп. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 354 с.

Квитко И.С., Лейчик В.М., Кабанцев Г.Г. Терминоведческие проблемы редактирования. – Львов: Вища шк.; Изд-во при Львов. гос. ун-те, 1986. – 151 с.

Киселевский Л.И. Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей. – Минск: Изд-во БГУ, 1977. – 176 с.

Кияк Т.Р. Мотивированность как один из факторов межъязыковой унификации терминов в процессе научно-технического перевода // Международная конференция "Теория и практика научно-технического перевода" (Москва, 2–6 дек. 1985 г.): Тез. докл. и сообщ. – М.: ВЦП, 1985. – С. 190–192.

Кияк Т.Р. Мотивированность лексических единиц. – Львов: Вища шк.: Изд-во при Львов. гос. ун-те, 1988. – 160 с.

Кияк Т.Р. Лингвистические аспекты терминоведения: Учеб. пособие для студентов специальности 02.20. – Киев: УМКВО, 1989. – 103 с.

Климзо Б.Н. О переводе научно-технической литературы с английского языка на русский // Тетради переводчика: Науч.-теорет. сборник. – М.: Междунар. отношения, 1976. – Вып. 13. – С. 75–85.

Климзо Б.Н. О двуязычных словарях общей научно-технической лексики и принципах их составления // Международная конференция "Теория и практика научно-

технического перевода“ (Москва, 2–6 дек. 1985 г.): Тез. докл. и сообщ. – М.: ВЦП, 1985. – С. 86–89.

Климзо Б.Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. – М.: Валент, 2003. – 286 с.

Кобрин Р.Ю. О формальных критериях терминологичности и методологическом обосновании работ по унификации и стандартизации терминологии // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 174–181.

Кобрин Р.Ю. Лингвистическое описание терминологии как база концептуального модулирования в информационных системах: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1989. – 42 с.

Кобрин Р.Ю., Макарихина О.А. Нормативность словарей по терминологии вычислительной техники и программирования и языковая реальность // Всесоюзная конференция "Подготовка и использование научно-технических словарей в системе информационного обеспечения", Москва, 14–16 окт. 1986 г.: Тез. докл. – М.: Рус. яз., 1986. – С. 86–88.

Козлов Ю.В. Вопросы компрессии терминологических словников // Структурная и прикладная лингвистика. – Л., 1987. – Вып. 3. – С. 187–191.

Комарова Л.Н. О терминологической лексике в “Словаре иностранных слов“ // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 144–152.

Комарова З.И. Проблема толкования специальных слов в словарях русского языка советского периода: Учеб. пособие. – Свердловск: УрГУ, 1979. – 91 с.

Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 155 с.

Комарова З.И. Ненормативная терминологическая лексика в отраслевой терминосистеме и терминологическом словаре // IV Житниковские чтения: Актуальные проблемы лексикографирования научных исследований: Мат. межвуз. науч. конф., Челябинск, 20–21 апр. 2000 г.: В 2 ч. – Челябинск: ЧелГУ, 2000. – Ч. I. – С. 15–23.

Комарова З.И. Семантизация в терминографии // Очерки научно-технической лексикографии: Сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – С. 33–47.

Компьютерная лингвография / Галиуллин К.Р. и др. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1995. – 117 с.

Концепция "Металлургического энциклопедического словаря". – М.: [Б. и.], 1991. – [54 с.]

Котелова Н.З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 122–126.

Котелова Н.З. Семантическая характеристика терминов в словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 30–44.

Котелова Н.З. Типология лексической и синтаксической сочетаемости слова и систематизация приемов ее характеристики в толковом словаре // Современность и словари. – М.: Наука, 1978. – С. 81–100.

Крайнова Е.В. Структура словарной статьи в словаре синтетического типа // *Vocabulum et vocabularium*: Сб. науч. тр. по лексикографии. – Вып. 4. – Харьков, 1997. – С. 71–74.

Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1979. – 126 с.

Крупенникова Н.А. Справочный аппарат научно-технического переводного словаря // Книга. Исследования и материалы. – М., 1974. – Сб. 28. – С. 47–58.

Крупнов В.Н. Этапы подготовки многоязычного терминологического бюллетеня с использованием ЭВМ в ООН // Научно-техническая терминология, 1980. – № 5. – С. 15–19.

Кудашев И. Современное состояние и проблемы финско-русской терминографии // Kukkonen, P. & Hartama-Heinonen, R. (eds) *Mission, Vision, Strategies, and Values: a Celebration of Translator Training and Translation Studies in Kouvola*. Helsinki: Helsinki University Press, 2001. 109–120.

Кудашев И.С. Особенности работы над дескриптивным переводческим терминологическим словарем (на примере Финско-русского словаря по лесному хозяйству) // Научно-техническая терминология, 2006. – Вып. 1. – С. 70–72.

Кудашев И.С., Хяютин А.Д. К вопросу о формах терминоэлементов и терминов // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: Сб. науч. тр. – М.; Рязань: [Б. и.], 2003. – С. 101–107.

Лейчик В.М. Номенклатура – промежуточное звено между терминами и собственными именами // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. – Воронеж: Воронеж. технол. ин-т, 1974. – С. 13–24.

Лейчик В.М. Лексикографическая терминологическая деятельность (классификация и методика создания терминологических словарей) // Терминология библиотечного дела: Сб. науч. тр. / Сост. и науч. ред. И.М. Сулова. – М., 1975. – С. 6–15.

Лейчик В.М. Особенности терминологии общественных наук и сферы ее использования // Язык и стиль научного изложения: (Лингвометодические исследования). – М.: Наука, 1983. – С. 70–88.

Лейчик В.М. Терминологичность – комплексный показатель качества термина // Теоретические проблемы научно-технической терминологии и практика перевода: Тез. докл. зон. науч. конф., 4–5 июня 1985 г. – Омск: Б. и., 1985. – С. 93–95.

Лейчик В.М. Языки для специальных стилей – функциональные разновидности современных развитых национальных языков // Общие и частные проблемы функциональных стилей. – М.: Наука, 1986. – С. 28–43.

Лейчик В.М. Семантическая омонимия и многозначность в сфере терминов // Лексика и лексикография. – М., 1991. – С. 115–121.

Лейчик В.М. Принципы разработки фразеологического терминологического словаря // *Literatura rosyjska na emigracji, współcześni pisarze rosyjscy w Polsce, frazeologia i frazeografia: materiały konferencji naukowej (9–10 listopada 1995 r.)* / pod red. Wiktora Skrundy i Wandy Zmarzer. – Warszawa, 1996. – С. 331–337.

Лейчик В.М. Типология словарей на пороге XXI века // Вестник международного славянского университета. – Харьков, 1999. – Т. 2. – № 4. – С. 7–10.

Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2006. – 256 с.

Лейчик В.М., Дородных А.И. Некоторые принципы разработки терминологических словарей в свете тенденций к мировой интеграции // Терминоведение. – М.: Московский Лицей, 1996. – Вып. 1–3. – С. 85–92.

Лёзов С.В. Юридические понятия и язык права в современных зарубежных исследованиях: Науч.-аналит. обзор. – М.: ИНИОН, 1986. – 70 с.

Лингвистическая концепция терминологического банка данных машинного фонда русского языка: (Проект) / Белозеров В.Н., Герд А.С., Городецкий Б.Ю. и др. – М.: МГИИЯ, 1989. – 104 с.

Лингвистический аспект стандартизации терминологии: Монография. – М.: Наука, 1993. – 126 с.

Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 160 с.

Лотте Д.С. Немецко-русский автомобильный словарь. Предисловие // Татаринцов В.А. История отечественного терминоведения: Очерк и хрестоматия. – М.: Моск. Лицей, 1994. – С. 190–197.

Лунева О.В. Частотный словарь английского подъязыка специальности “Цифровые сигнальные процессоры”: Опыт составления и перспективы использования // Теоретические и практические аспекты лексикографии: Межвуз. сб. науч. тр. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. – С. 129–137.

Малаховский Л.В. Размещение фразеологизмов в словаре. Теоретические соображения составителя и интересы читателя // Теория и практика современной лексикографии: Сб. науч. тр. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. – С. 157–164.

Мальковский Г. Практика подачи количественных вариантов в англо-русских терминологических словарях // Тетради переводчика. – М.: Междунар. отношения, 1968. – Вып. 5. – С. 112–116.

Мандрикова Г.М. Учебное компьютерное лексикографирование в прикладном рассмотрении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 27 с.

Манерко Л.А. Язык современной техники: ядро и периферия: Монография. – Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т, 2000. – 138 с.

Манник С.А. Идеологически-оценочная лексика в словаре // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лексикографии: Межвуз. сб. науч. тр. – Иваново: Юнона, 1997. – С. 276–283.

Марчук Ю.Н. Вычислительная лексикография. – М.: ВЦП, 1976. – 152 с.

Марчук Ю.Н. Основы терминографии: Метод. пособие. – М.: ЦИИ МГУ, 1992. – 76 с.

Марчук Ю.Н. Основы компьютерной лингвистики: Учеб. пособие. – Изд. 2-е, доп. – М.: Изд-во МПУ “Народный учитель”, 2000. – 226 с.

Марчук Ю.Н. Многоязычная лексикография и автоматическая обработка текстов // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: Сб. науч. тр. – М.; Рязань: [Б. и.], 2003. – С. 126–131.

Марчук Ю.Н., Борисова Л.И. Об основах и принципах разработки переводческого словаря-справочника общенаучных неологизмов // Международная конференция “Тео-

рия и практика научно-технического перевода“ (Москва, 2–6 дек. 1985 г.): Тез. докл. и сообщ. – М.: ВЦП, 1985. – С. 42–45.

Маслов Г.А., Прудников Л.Н. Особенности перевода современной технической литературы по фотографии и основные требования к двуязычному терминологическому словарю. – Харьков: Харьк. гос. ун-т, 1986. – 14 с. (Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 27384 от 14.11.86).

Маткина И.В. Структурная классификация терминологических словарей // Очерки научно-технической лексикографии: Сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – С. 128–146.

Мельников Г.П. Основы терминоведения: Учеб. пособие. – М. Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991. – 115 с.

Мельникова М.М. Отбор названий химических соединений для химических отраслевых и политехнических словарей // Проблемы общей и терминологической лексикографии: Тез. науч.-метод. конф. 8–9 июня 1978 г. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1978. – С. 62–64.

Методика составления терминологических словарей. Англо-русский медицинский терминологический ключ / Сост. Дубровина Л.В. – М.: Б. и., 1982. – 160 с.

Методические рекомендации для переводчиков и редакторов научно-технической литературы ВЦП / Сост. Смирнов И.П. – М.: ВЦП, 1988. – 83 с.

Мирам Г.Э. Переводные картинки. Профессия: переводчик. – К.: Ника-Центр, 2001. – 336 с.

Мкртчян Г.А. О некоторых особенностях перевода научно-технической литературы и документации с русского языка на иностранные // Совершенствование перевода научно-технической литературы и документов: Всесоюз. конф. 30 сент. – 2 окт. 1982 г. (г. Руза). Тез. докл. и сообщ. – М.: ВЦП, 1982. – С. 66–67.

Моисеев А.И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 127–139.

Молодец В.Н. Особенности русско-немецкого словаря фонетических терминов // Термин и слово: Межвуз. сборник. – Горький: ГГУ, 1980. – С. 48–64.

Моргунов Е.Б. Человеческие факторы в компьютерных системах. – М.: ТОО "Тривола", 1994. – 268 с.

Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: Дис. в форме научн. доклада ... д-ра филол. наук. – М., 1990. – 72 с.

Морозова Л.А., Чельцова Л.К. На терминологические запросы отвечает "Служба языка" // Научно-техническая терминология, 1990. – № 4. – С. 35–43.

Мостовенко Н.П. Дефиниция в советских универсальных энциклопедиях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 121–133.

Муравьева О.Н. Техническая литература и ее перевод // Межрегиональная научно-практическая конференция "Современные проблемы научно-технического перевода (НТП) и обучения переводу", 22–24 апр. 1991 г. – Ярославль: Б. и., 1991. – С. 32–33.

Налепин В.Л. Термин и терминсистема как предмет лексикологии: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – М., 1975. – 16 с.

Научно-технический перевод / Ванников Ю.В. и др. – М.: Наука, 1987. – 141 с.

Нелюбин Л.Л. Перевод, терминология, аббревиатуры // Международная конференция "Теория и практика научно-технического перевода" (Москва, 2–6 дек. 1985 г.): Тез. докл. и сообщ. – М.: ВЦП, 1985. – С. 20–21.

Немченко В.Н. К определению понятия термина как объекта лексикографического описания // Термины в языке и речи: Межвуз. сборник. – Горький: Изд-во ГГУ, 1985. – С. 14–21.

Никитина С.Е. Информационный тезаурус как средство систематизации терминологии // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 158–167.

Никитина С.Е. К проблеме описания термина в системном толковом терминологическом словаре // Теория и практика научно-технической лексикографии: Сб. статей. – М.: Рус. яз., 1988. – С. 72–77.

Никонова С.И. Собственная и несобственная сочетаемость терминов как объект описания в учебном терминологическом словаре // Всесоюзная конференция "Подготовка и использование научно-технических словарей в системе информационного обеспечения", Москва, 14–16 окт. 1986 г.: Тез. докл. – М.: Рус. яз., 1986. – С. 171–172.

Новиков Ю.Н. К проблеме описания терминосистемы "Экология" (из опыта работы над Немецко-русским экологическим словарем) // Терминоведение. – М.: Моск. Лицей, 1997. – Вып. 1–3. – С. 169–177.

Новодранова В.Ф. Еще раз о статусе термиозлемента // Терминоведение. – М.: Моск. Лицей, 1994. – Вып. 1. – С. 46–47.

Овчаренко В.М. Концептуальная, семантическая и семиотическая целостность термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 139–153.

Основные терминологические аспекты переводческой деятельности: Метод. пособие / Разраб. Ванников Ю.В. – М.: ВЦП, 1984. – 98 с.

Павлов Г. Многоязычный словарь сокращений // Тетради переводчика. – М.: Междунар. отношения, 1970. – Вып. 8. – С. 79–88.

Павлова О.И. Проблема перевода терминов // Межрегиональная научно-практическая конференция "Современные проблемы научно-технического перевода (НТП) и обучения переводу", 22–24 апр. 1991 г. – Ярославль: Б. и., 1991. – С. 131–133.

Патрик Ю.Л. Принципы создания переводных терминологических словарей // Научно-техническая терминология, 1988. – № 4. – С. 12–14.

Пекарская Л.А. Разграничение терминов языка и терминов речи // Термины в языке и речи: Межвуз. сборник. – Горький: ГГУ, 1984. – С. 10–16.

Перевод научно-технической литературы: Обзорная информация. – Сер. 1. Теория и практика научно-технического перевода. Вып. 7: Основные проблемы научно-технического перевода. – М.: ВЦП, 1983. – 60 с.

Перевод научно-технической литературы: Обзорная информация. – Сер. 1. Теория и практика научно-технического перевода. Вып. 8: Проблемы терминологической лексикографии. – М.: ВЦП, 1983а. – 68 с.

Перевод научно-технической литературы: Обзорная информация. – Сер. 1. Теория и практика научно-технического перевода. Вып. 12: Современное состояние научно-технической лексикографии / А.Я. Шайкевич, М.Б. Бергельсон. – М.: ВЦП, 1986. – [98 с.]

Перевод научно-технической литературы: Обзорная информация. – Вып. 18: Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод / Сост. В.М. Лейчик, С.Д. Шелов. – Ч. I. – М.: ВЦП, 1989. – 40 с.

Перевод неологизмов с английского языка на русский в научно-технических текстах: Метод. пособие. – М.: ВЦП, 1987. – 114 с.

Перерва В.М. О принципах и проблемах отбора терминов и составления словника терминологических словарей // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 190–203.

Перерва В.М. Перерождаются ли термины в общем употреблении? // Современная русская лексикография: Сборник. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1981. – С. 89–97.

Петров В.В. Научные термины: новые аспекты анализа // Логика научного познания: Актуальные проблемы. – М.: Наука, 1987. – С. 172–179.

Петушков В.П., Сергеев В.Н. О классификации словарей // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 13–19.

Пиотровский Р.Г., Рахубо Н.П., Хажинская М.С. Системное исследование лексики научного текста. – Кишинев: Штиинца, 1981. – [158 с.]

Плечкайтис Р. О выявлении понятий в связи с терминологической работой // Вопросы разработки научно-технической терминологии. – Рига: Зинатне, 1973. – С. 125–130.

Пономаренко Л.А. Работа со словарем в процессе перевода научно-технического текста // Межрегиональная научно-практическая конференция “Современные проблемы научно-технического перевода (НТП) и обучения переводу”, 22–24 апр. 1991 г. – Ярославль: Б. и., 1991. – С. 13–15.

Попандопуло Е.С., Климиашвили М.А., Нарсия Т. Н. Роль переводчика в информационной работе // Международная конференция “Теория и практика научно-технического перевода” (Москва, 2–6 дек. 1985 г.): Тез. докл. и сообщ. – М.: ВЦП, 1985. – С. 268–270.

Протченко И.Ф. Словари русского языка: Краткий очерк. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во РОУ, 1996. – 125 с.

Прохорова В.Н. Русская терминология: (Лексико-семантическое образование). – М.: МГУ, 1996. – 125 с.

Пумпянский А.Л. Функциональный стиль научной и технической литературы // Вопросы языкознания, 1977. – № 2. – С. 87–97.

Пшеничнова М.Г. Лексикографические параметры и способы их формализации (на материале Словаря В.И. Даля): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – 21 с.

Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии / Пер. с англ., нем. и фр. яз. – М.: Прогресс, 1983. – С. 261–300.

Рейцак А. Терминология и номенклатура // Вопросы разработки научно-технической терминологии. – Рига: Зинатне, 1973. – С. 71–92.

Рекомендации. Разработка стандартов на термины и определения. Р 50-603-1-89. – М.: ВНИИКИ, 1990. – [54 с.]

Ремизова С.Ю. Акцентирование деталей рисунка как прием семантизации лексики в словарях // Словари и лингвострановедение: Сб. статей. – М.: Рус. яз., 1982. – С. 16–21.

Реформатский А.А. Техническая редакция книги. Теория и методика работы. – М.: Гос. изд-во легкой промышленности, 1933. – [415 с.]

Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии (Материалы Всесоюзного терминологического совещания). – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 46–62.

Реформатский А.А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии: Сборник. – М.: Наука, 1986. – С. 163–198.

Рождественский Ю.В., Лобанова Л.П. Проблема общенаучной лексики как часть теории и методики перевода научной и технической литературы // Международная конференция “Теория и практика научно-технического перевода” (Москва, 2–6 дек. 1985 г.): Тез. докл. и сообщ. – М.: ВЦП, 1985. – С. 113–115.

Розина Р.И. Новое в теории и практике англоязычной лексикографии // Советская лексикография: Сб. статей. – М.: Рус. яз., 1988. – С. 252–272.

Рузавин Г.И. Логика: Учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ, 2002. – 256 с.

Рылов А.С. Особенности микросистемы футбольных терминов // Термины в языке и речи: Межвуз. сборник. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1994. – С. 58–62.

Сафонкина С.А. Соотношение лексико-семантической и энциклопедической информации в лексикографическом описании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983. – 24 с.

Сергеев В.Н. Термины как объект лексикографии // Современные проблемы терминологии в науке и технике. – М.: Наука, 1969. – С. 122–148.

Симоненко А.Е. Некоторые вопросы разработки русской части многоязычного терминологического словаря // “Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики”, научный симпозиум. 1971 г. Материалы. Дек. 1971 г. В 2-х ч. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – Ч. II. – С. 708–714.

Скороходько Э.Ф. Вопросы перевода английской технической литературы (перевод терминов). – Киев: Изд-во КГУ, 1963. – 91 с.

Скороходько Э.Ф., Стогний А.А. Некоторые вопросы создания банка терминов: лингвистический аспект // Научно-техническая информация. – Сер. 2, 1986. – № 8. – С. 29–33.

Смирнов И.П. Периодические терминологические выпуски к отраслевым базовым словарям // Проблемы общей и терминологической лексикографии: Тез. науч.-метод. конф. 8–9 июня 1978 г. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1978. – С. 86–87.

Смирнов И.П. Научно-технический текст как объект перевода // Уровни текста и методы его лингвистического анализа: Сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1982. – С. 45–51.

Сороколетов Ф.П. Общая и учебная лексикография. Учеб. пособие. – Л.: Ленингр. ун-т, 1985. – 57 с.

Справочные издания: Специфические особенности и требования / Гольцева Э.В. и др. – М.: Книга, 1982. – 182 с.

Ступин Л.П. Лексикография английского языка: Учеб. пособие для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1985. – 168 с.

Ступин Л.П. Нормативность и лексикография // Проблемы лексикографии: Сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. – С. 20–28.

Сукаленко Н.И. Некоторые принципы составления двуязычных словарей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1971. – 19 с.

Суперанская А.В. Терминология и номенклатура // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 73–83.

Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: УРСС, 2003. – 243 с.

Табанакова В.Д. Семантизация термина в одноязычных терминологических словарях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1981. – 19 с.

Табанакова В.Д. Идеографическое описание научной терминологии. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1999. – 198 с.

Табанакова В.Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2001. – [38 с.]

Табанакова В.Д. Словарная аннотация как тип вторичного текста // Очерки научно-технической лексикографии: Сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – С. 111–118.

Табанакова В.Д., Устюжанина А.В. Структура словарной статьи общенаучного термина // Терминоведение. – М.: Моск. Лицей, 1997. – Вып. 1–3. – С. 179–180.

Тарев Б.В. К вопросу о системном характере терминологической лексики // Лексика и лексикография. – М., 1991. – С. 146–154.

Татаринов В.А. Составление локальных терминологических словарей как один из приемов подготовки специалистов по иностранному языку // Иностранные языки в высшей школе: Учеб.-метод. пособие. – М., 1982. – Вып. 17. – С. 116–121.

Татаринов В.А. Теория терминоведения: В 3 т. – Т. 1. Теория термина: История и современное состояние. – М.: Моск. Лицей, 1996. – 311 с.

Татаринов В.А. История отечественного терминоведения: В 3 т. – Т. 2. Направления и методы терминологических исследований: Очерк и хрестоматия. – Кн. 2. – М.: Моск. Лицей, 1999. – 312 с.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. – М.: РГГУ, 2001. – 796 с.

Толикина Е.Н. Термин в толковом словаре // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 45–57.

Тюльнина В.П., Хаютин А.Д. Еще раз к вопросу о терминах и терминологических элементах // Научно-техническая терминология, 2004. – Вып. 1. – С. 83–84.

Убин И.И. Общие принципы построения и использования автоматического словаря MULTILEX // Вычислительная лингвистика. Теоретические аспекты. Вопросы автоматизации лексикографических работ. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 120–131.

Убин И.И. ЭВМ и словарь: (Метод. пособие). – М.: ВЦП, 1992. – 179 с.

Убин И.И. Зачем современному переводчику компьютер? // Язык. Культура. Словари: Материалы IV Международной школы-семинара, Иваново, 10–12 сентября 2001 г. – Иваново: Юнона, 2001. – С. 72–75.

Убин И.И. Предисловие. Перевод в современном мире // Перевод в современном мире. – М.: Всерос. центр пер. науч.-техн. лит. и документации, 2001а. – С. 3–7.

Управление проектами: Учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности "Менеджмент организации" / И.И. Мазур, В.Д. Шапиро, Н.Г. Ольдерогге. – 3-е изд. – М.: Омега-Л, 2006. – 664 с.

Уткина Ю.Е. Принципы построения англо-русского словаря отрасли "Очистка воды" // Всесоюзная конференция "Подготовка и использование научно-технических словарей в системе информационного обеспечения", Москва, 14–16 окт. 1986 г.: Тез. докл. – М.: Рус. яз., 1986. – С. 103–104.

Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология: Учебник. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2001. – 414 с.

Хабарова В.А. Словосочетание в двуязычной лексикографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. – 17 с.

Хайруллин В.И. Перевод научного текста: (Лингвокультурный аспект): (Метод. пособие). – М.: ВЦП, 1992. – 126 с.

Ханпира Э.И. Краткий вариант термина или синоним? // Научно-техническая терминология, 1988. – № 5. – С. 16–19.

Харисанова Т.А. О научно-технических словарях // Научно-техническая терминология, 1988. – № 7. – С. 15–18.

Хаяутин А.Д. Термин, терминология, номенклатура: Учеб. пособие. – Самарканд: Самарканд. гос. ун-т, 1972. – 129 с.

Хаяутин А.Д. Составные термины – функциональный тип сложных лингвистических единиц (СЛЕ) – с позиций лексикографии // Отраслевая терминология и терминография: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1984. – С. 40–45.

Хаяутин А.Д. Принципы лексикографического подхода к описанию языка и типологии словарей: Учебно-метод. разработка для слушателей ФПК. – М.: Моск. горн. ин-т, 1992. – [16 с.]

Хаяутин А.Д. Очерки по истории становления лексикографии. – М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 1998. – 120 с.

Цвиллинг М.Я. О некоторых вопросах технической лексикографии // Тетради переводчика: Науч.-теорет. сборник. – М.: Междунар. отношения, 1976. – Вып. 13. – С. 115–127.

Цвиллинг М.Я. Функциональный стиль, подъязык и социальный диалект (К вопросу о соотношении понятий) // Общие и частные проблемы функциональных стилей. – М.: Наука, 1986. – С. 5–15.

Чаусова И.А. О переводных соответствиях в двуязычных и многоязычных словарях // Всесоюзная конференция "Совершенствование перевода научно-технической литературы", 7–9 сент. 1988 г.: Тез. докл. и сообщ. – М.: ВЦП, 1988. – С. 251–254.

- Черкасова Г.А. Автоматизация построения баз лингвистических знаний диалоговых систем // Материалы III Всесоюзной конференции по созданию машинного фонда русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 41–49.
- Шабес В.Я. Событие и текст: Моногр. – М.: Высш. шк., 1989. – 175 с.
- Шабес В.Я. Речь и знание: Учеб. пособие к спецкурсу "Основы речевой деятельности учителя". – СПб.: Образование, 1992. – 83 с.
- Шайкевич А.Я., Убин И.И. Взгляд переводчика и научного сотрудника на переводной терминологический словарь // Теория и практика научно-технической лексикографии: Сб. статей. – М.: Рус. яз., 1988. – С. 112–118.
- Шарле Д.Л. Достоинство термина – краткость // Научно-техническая терминология, 1989. – № 4. – С. 2–11.
- Шведова Н.Ю. Русский язык: Избранные работы. – М.: Яз. славян. культуры, 2005. – 640 с.
- Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973. – 310 с.
- Шелов С.Д. О языковой природе термина // Научно-техническая информация. – Сер. 2, 1982. – № 9. – С. 1–6.
- Шелов С.Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (К проблеме классификации специальной лексики) // Вопросы языкознания, 1984. – № 5. – С. 76–87.
- Шелов С.Д. Опыт построения терминологической теории: значение и определение терминов: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – М., 1995. – 35 с.
- Шелов С.Д. Определение терминов и понятийная структура терминологии. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. – 236 с.
- Шелов С.Д. Терминоведение: семь вопросов и семь ответов по семантике термина // Научно-техническая информация. – Сер. 2, 2001. – № 2. – С. 1–12.
- Шелов С.Д. Определение и мотивированность терминов (по данным лексикографических и текстовых дефиниций) // Очерки научно-технической лексикографии: Сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – С. 5–32.
- Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. – СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2003. – 280 с.
- Щерба Л.В. Предисловие ко второму изданию // Русско-французский словарь / Сост. Л.В. Щерба, М.И. Матусевич. – Изд-е 4-е, испр. и доп. – М.: ГиС, 1955. – С. 4–7.
- Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Т. 1. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – 182 с.
- Щукин А.Н. Картинный словарь: принципы создания и методика использования // Переводная и учебная лексикография: Сборник / Сост. Уваров В.Д. – М.: Рус. яз., 1979. – С. 225–239.
- Якимович Ю.К. Теоретические основы редактирования переводных специальных словарей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1972. – 15 с.
- Якимович Ю.К. Типология словарных изданий // Книга. Исследования и материалы: Сборник. – М., 1972а. – С. 22–30.

Якимович Ю.К. О нормативах построения словника переводных специальных словарей // Тетради переводчика: Науч.-теорет. сборник. – М.: Междунар. отношения, 1976. – Вып. 13. – С. 106–115.

Источники на других языках

Ahmad, K., Fulford, H. & Rogers, M. The Elaboration of Special Language Terms: The Role of Contextual Examples, Representative Samples and Normative Requirements. In Tommola, H., Varantola, K., Salmi-Tolonen, T. & Schopp, J. (eds) *EURALEX '92 Proceedings I-II: Papers Submitted to the 5th EURALEX International Congress on Lexicography in Tampere, Finland*. Tampere: University of Tampere, 1992. 139–149.

Aho, Jaana. Kääntäjä törmää Kilpailuvirastossa mitä erilaisimpiin aihealueisiin. *Kääntäjä-Översättaren* 8/2004. 11.

Akhmanova, O. & Agapova, G. (eds) *Terminology: Theory and Method*. Moskva: MGU, 1974.

Allain, J.-F. Psychopathologie de l'utilisateur du dictionnaire: le rapport à l'autorité. In Magay, T. & Zigány, J. (eds) *BudaLEX '88 Proceedings: Papers from the 3rd International EURALEX Congress, Budapest, 4–9 September 1988*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990. 377–380.

Algeo, J. Dictionaries as Seen by the Educated Public in Great Britain and the USA. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 1. Berlin: de Gruyter, 1989. 28–34.

Al-Kasimi, A.M. Dictionaries for Translation. In Hartmann R.R.K. (ed.) *Lexicography: Principles and Practice*. London: Academic Press, 1983. 153–162.

Al-Kasimi, A.M. Is the Dictionary of Quotations a Dictionary. In Tommola, H., Varantola, K., Salmi-Tolonen, T. & Schopp, J. (eds) *EURALEX '92 Proceedings I-II: Papers Submitted to the 5th EURALEX International Congress on Lexicography in Tampere, Finland*. Tampere: University of Tampere, 1992. 573–580.

Antia, B.E. *Terminology and Language Planning: An Alternative Framework of Practice and Discourse*. Amsterdam: Benjamins, 2000.

Atkins, B.T.S. Bilingual Dictionaries: Past, Present and Future. In Gellerstam, M. et al. (eds) *EURALEX '96 Proceedings I-II: Papers Submitted to the Seventh EURALEX International Congress on Lexicography in Göteborg, Sweden*. Göteborg: Göteborg University, 1996. 515–546.

Atkins, B.T.S. (ed.) *Using Dictionaries: Studies of Dictionary Use by Language Learners and Translators*. Tübingen: Niemeyer, 1998.

Atkins, B.T.S. & Varantola, K. Monitoring Dictionary Use. In Atkins, B.T.S. (ed.) *Using Dictionaries: Studies of Dictionary Use by Language Learners and Translators*. Tübingen: Niemeyer, 1998. 83–122.

Béjoint, H. The Use of Informants in Dictionary-making. In Hartmann, R.R.K. (ed.) *Dictionaries and their Users: Papers from the 1978 (British association for applied linguistics) B.A.A.L. Seminar on Lexicography*. [Exeter]: University of Exeter, 1979. 25–29.

Béjoint, H. The Teaching of Dictionary Use: Present State and Future Tasks. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an*

international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie. Teilbd 1. Berlin: de Gruyter, 1989. 208–215.

Béjoint, H. *Modern Lexicography: An Introduction*. New York: Oxford University Press, 2000.

Benson, M. Soviet Lexicography: A Survey. In Snell-Hornby, M. (ed.) *ZüriLEX '86 Proceedings: Papers Read at the EURALEX International Congress, University of Zürich, 9–14 September 1986*. Tübingen: Francke, 1988. 217–228.

Bergenholtz, H. & Tarp, S. (eds) *Manual of Specialised Lexicography. The Preparation of Specialised Dictionaries*. Amsterdam: Benjamins, 1995.

Bonono, R. Terminology for Translators – an Implementation of ISO 12620. *Meta*, 2000. – V. 45. – № 4. 646–669.

Bowker, L. Terminology Tools for Translators. In Somers, H. (ed.) *Computers and Translation. A Translator's Guide*. Amsterdam: Benjamins, 2003. 49–65.

Bowker, L. Specialized Lexicography and Specialized Dictionaries. In Sterkenburg, P. van. (ed.) *A Practical Guide to Lexicography*. Amsterdam: Benjamins, 2003a. 154–164.

Bowman, C., Michaud, D. & Suonuuti, H. Do's and Don'ts of Terminology Management. In *Handbook of Terminology Management / compiled by Sue Ellen Wright and Gerhard Budin*. Vol. 1. Basic Aspects of Terminology Management. Amsterdam: Benjamins, 1997. 215–217.

Brusila, Riitta. (toim.) *Typografia: kieltä vai visuaalisuutta*. Porvoo–Helsinki: WSOY, 2002.

Burkhanov, I. On the Disciplinary Status of Lexicography. *Revue de la Lexicologie* 11/1995. 49–58.

Cabré, M.T. *Terminology: Theory, Methods and Applications*. Amsterdam: Benjamins, 1999.

Castellví, M.T.C., Bagot, R.E. & Palatresi, J.V. Automatic Term Detection: A Review of Current Systems. In Bourigault, D., Jacquemin, C. & L'Homme, M-C. (eds) *Recent Advances in Computational Terminology*. Amsterdam: Benjamins, 2001. 53–87.

Charron W. Some Legal Definitions and Semiotics: Toward a General Theory. *Semiotica*, 1980, Vol. 32, № 1/2.

Cowie, A.P. On Specifying Grammatical Form and Function. In Hartmann, R.R.K. (ed.) *Lexicography: Principles and Practice*. London: Academic Press, 1983. 99–107.

Docherty, V. Dictionaries on the Internet: An Overview. In Heid, U. et al. (eds) *Proceedings of the Ninth Euralex International Congress, EURALEX 2000, Stuttgart, Germany, August 8th–12th, 2000*. Vol. 1–2. Stuttgart: Institut für Maschinelle Sprachverarbeitung, Universität Stuttgart, 2000. 67–74.

Drysdale, P.D. Etymological Information in the General Monolingual Dictionary. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 1. Berlin: de Gruyter, 1989. 525–530.

Dubois, J. Models of the Dictionary: Evolution in Dictionary Design. *Applied Linguistics* 2, 1981. 236–249.

- Dubois, J., Dubois, C. *Introduction à la lexicographie: le dictionnaire*. Paris: Larousse, 1971.
- Ekholm, Kai – Heinisuo, Rami. *Kirjoita! Kirjoittajan uudet työvälineet kohti elektronista kirjoittamista*. Espoo: Suomen ATK-kustannus Oy, 1996.
- Felber, H. *Terminology Manual* / by Helmut Felber [for] General Information Programme and UNISIST. Paris: UNESCO: International Information Centre for Terminology, 1984.
- Gačić, M. Aspects of Bilingual English-Croatian Lexicography in the Legal and Criminal Justice Field. In Heid, U. et al. (eds) *Proceedings of the Ninth Euralex International Congress, EURALEX 2000, Stuttgart, Germany, August 8th–12th, 2000*. Vol. 1–2. Stuttgart: Institut für Maschinelle Sprachverarbeitung, Universität Stuttgart, 2000. 289–295.
- Galinski, C. & Picht, H. Graphic and Other Semiotic Forms of Knowledge Representation in Terminology Management. In *Handbook of Terminology Management* / compiled by Sue Ellen Wright and Gerhard Budin. Vol. 1. Basic Aspects of Terminology Management. Amsterdam: Benjamins, 1997. 42–61.
- Galinski, C. & Wright, S.E. Copyright and Terminology. In *Handbook of Terminology Management* / compiled by Sue Ellen Wright and Gerhard Budin. Vol. 1. Basic Aspects of Terminology Management. Amsterdam: Benjamins, 1997. 281–302.
- Geeraerts, D. Principles of Monolingual Lexicography. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 1. Berlin: de Gruyter, 1989. 287–296.
- Geeraerts, D. Meaning and Definition. In Sterkenburg, P. van. (ed.) *A Practical Guide to Lexicography*. Amsterdam: Benjamins, 2003. 83–93.
- Gerzymisch-Arbogast, H. The Role of Sense Relations in Translating Vague Business and Economic Texts. In Snell-Hornby, M. & Pöhl, E. (eds) *Translation and Lexicography: Papers Read at the EURALEX Colloquium Held at Innsbruck 2–5 July 1987*. Amsterdam: Benjamins, 1989. 187–195.
- Good Dictionaries – a Call for Action: How Translators Would Like Dictionaries Prepared. *Babel*, 1978, Vol. 24, № 2. 52–54.
- Grindsted, A. Geographical Varieties (and Regionalisms) in Bilingual Lexicography. In Hyldgaard-Jensen, K. & Zettersten, A. (eds) *Symposium on Lexicography IV: Proceedings of the Forth International Symposium on Lexicography April 20–22, 1988, at the University of Copenhagen*. Tübingen: Niemeyer, 1988. 181–192.
- Göpferich, S. Levels of Comprehending LSP Texts. Hansen, G. (ed.) *LSP Texts and the Process of Translation*. København: Handelshøjskolen i København, 1998. 1–29.
- Haarala, Risto. *Sanastotyön opas*. Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1981.
- Haas, M.R. What Belongs in a Bilingual Dictionary? In Householder, F.W. & Saporta, S. (eds) *Problems in Lexicography*. Bloomington: Indiana University, 1967. 45–50.
- Haiman, J. Dictionaries and Encyclopedias. *Lingua*, 1980, Vol. 50, № 4. 329–357.
- Hanks, P. Evidence and Intuition in Lexicography. In Tomaszczyk, J. & Lewandowska-Tomaszczyk, B. (eds) *Meaning and Lexicography*. Amsterdam: Benjamins, 1990. 31–41.
- Hann, M. *The Key to Technical Translation*. Vol. 2. Terminography/Lxicography. Amsterdam: Benjamins, 1992.

Haraldsson, H. Problems of Dictionary Grammar. The Zaliznyak Solution: A Boon or a Burden? In Gellerstam, M. et al. (eds) *EURALEX '96 Proceedings I-II: Papers Submitted to the Seventh EURALEX International Congress on Lexicography in Göteborg, Sweden*. Göteborg: Göteborg University, 1996. 561–572.

Harley, A. Cambridge Dictionaries Online. In Heid, U. et al. (eds) *Proceedings of the Ninth Euralex International Congress, EURALEX 2000, Stuttgart, Germany, August 8th–12th, 2000*. Vol. 1–2. Stuttgart: Institut für Maschinelle Sprachverarbeitung, Universität Stuttgart, 2000. 85–96.

Hartmann, R.R.K. On Theory and Practice. In Hartmann R.R.K. (ed.) *Lexicography: Principles and Practice*. London: Academic Press, 1983. 3–12.

Hartmann, R. Lexicography, Translation and the So-Called Language Barrier. In Snell-Hornby, M. & Pöhl, E. (eds) *Translation and Lexicography: Papers Read at the EURALEX Colloquium Held at Innsbruck 2–5 July 1987*. Amsterdam: Benjamins, 1989. 9–20.

Hartmann, R.R.K. Sociology of the Dictionary Users: Hypotheses and Empirical Studies. Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 1. Berlin: de Gruyter, 1989a. 102–111.

Hartmann, R.R.K. *Teaching and Researching Lexicography*. New York: Longman, 2001.

Hatherall, G. Studying Dictionary Use: Some Findings and Proposals. In Hartmann, R.R.K. (ed.) *LEXeter '83 Proceedings. Papers from the International Congress on Lexicography at Exeter, 9–12 September 1983*. Tübingen: Niemeyer, 1984. 183–189.

Hausmann, F.J. Dictionary Criminality. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 1. Berlin: de Gruyter, 1989. 97–101.

Hausmann, F.J. Wörterbuchtypologie. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 1. Berlin: de Gruyter, 1989a. 968–981.

Hausmann, F.J. Typologie der zweisprachigen Spezialwörterbücher. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 3. Berlin: de Gruyter, 1991. 2877–2881.

Hausmann, F.J. & Wiegand, H.E. Component Parts and Structures of General Monolingual Dictionaries: A Survey. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 1. Berlin: de Gruyter, 1989. 328–360.

Heid, U. Syntactic Information in (Machine) Translation Dictionaries – Towards a Modular Architecture for Bilingual Dictionaries. In Hyldgaard-Jensen, K. & Zettersten, A. (eds) *Symposium on Lexicography V: Proceedings of the Fifth International Symposium on Lexicography May 3–5, 1990, at the University of Copenhagen*. Tübingen: Niemeyer, 1992. 41–81.

Heid, U. Creating a Multilingual Data Collection for Bilingual Lexicography from Parallel Monolingual Lexicons. In Gellerstam, M. et al. (eds) *EURALEX '96 Proceedings I-II: Papers Submitted to the Seventh EURALEX International Congress on Lexicography in Göteborg, Sweden*. Göteborg: Göteborg University, 1996. 573–590.

Heikkinen, Vesa – Lehtinen, Outo – Lounela, Mikko. Kuvia kirjoitetusta suomesta. *Kielikello* 3/2001. 12–15.

Hermans, A. Specialised Dictionaries: Expectation of Users, Practices of Authors and Publishers. *Language International* 7/1, 1995. 29–33.

Hermans, A. Value Analysis of Specialized Dictionaries. *Proceedings of the International Conference on Professional Communication and Knowledge Transfer (Vienna, 24–26 August 1998)*. Vol. 2. Vienna: TermNet, 1998. 355–362.

Hoffmann, L. *Kommunikationsmittel Fachsprache*. Berlin: Akademie-Verlag, 1984.

Hoffmann, L. *Kommunikationsmittel Fachsprache. Forum für Fachsprachenforschung*. Band. 1. Tübingen, 1990.

Hutcheson, H. Practical Considerations for a Term Bank: Termium. In *Handbook of Terminology Management* / compiled by Sue Ellen Wright and Gerhard Budin. Vol. 2. Application-Oriented Terminology Management. Amsterdam: Benjamins, 2001. 666–676.

Ianucci, J.E. Meaning Discrimination in Bilingual Dictionaries. In Householder, F.W. & Saporta, S. (eds) *Problems in Lexicography*. Bloomington: Indiana University, 1967. 201–216.

Ilson, R. The Communicative Significance of Some Lexicographic Conventions. In Hartmann, R.R.K. (ed.) *LEXeter '83 Proceedings. Papers from the International Congress on Lexicography at Exeter, 9–12 September 1983*. Tübingen: Niemeyer, 1984. 80–86.

Jacobsen, J. & Hjorth, E. A Taxonomy for Dictionary Data and its Use for a Scholarly Historical Dictionary. In Snell-Hornby, M. (ed.) *ZüriLEX '86 Proceedings: Papers Read at the EURALEX International Congress, University of Zürich, 9–14 September 1986*. Tübingen: Francke, 1988. 351–373.

Jacobsen, J.R., Manley, J. & Pedersen, V.H. Examples in the Bilingual Dictionary. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 3. Berlin: de Gruyter, 1991. 2782–2789.

Johnson, S. *The Plan of a Dictionary*. London, 1747.

Junkkari, Topi. Matkaviestinsanasto, TSK 29. *Kääntäjä–Översättaren* 8/2002. 18.

Kalliokuusi, Virpi. Tekeekö käsiteanalyysi sanastosta vaikeakäyttöisiä? *Terminfo* 2/1997. 17–21.

Kalliokuusi, Virpi. Ympäristösanasto – suuri haaste sanaston laatijalle. *Terminfo* 1/1998. 11–15.

Kalliokuusi, Virpi – Seppälä, Katri. Vastinetyö sanastoprojektissa. Teoksessa *Toimikunnista termitalkoisiin. 25 vuotta sanastotyön asiantuntemusta*. Helsinki: Tekniikan sanastokeskus, 1999. 77–90.

Kalliokuusi, V. & Varantola, K. User-Sensitive Lexical Databases: A Case of Lexical Knowledge Management. In Heid, U. et al. (eds) *Proceedings of the Ninth Euralex International Congress, EURALEX 2000, Stuttgart, Germany, August 8th–12th, 2000*. Vol. 1–2. Stuttgart: Institut für Maschinelle Sprachverarbeitung, Universität Stuttgart, 2000. 393–401.

Karlsson, Fred. *Suomen kielen äänne- ja muotorakenne*. Porvoo: WSOY, 1983.

Kipfer, B.A. *Workbook on Lexicography: a Course for Dictionary Users with a Glossary of English Lexicographical Terms*. [Exeter]: University of Exeter, 1984.

Kirkpatrick, B. User's Guides in Dictionaries. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 1. Berlin: de Gruyter, 1989. 754–761.

Knops, E. & Thurmair, G. Design of a Multifunctional Lexicon. In Sonneveld, H.B. & Loening, K.L. (eds) *Terminology. Applications in Interdisciplinary Communication*. Amsterdam: Benjamins, 1993. 87–109.

Koudachev I.S. *Osobennosti perevoda finskoj leksiki po social'nomu obespecheniju na russkij jazyk i principy jee leksikograficheskogo opisanija*. Lisensiaatin tutkielma. Helsingin yliopisto, Kouvolan käänntieteen laitos, 1999.

Koudachev, Igor. Ovatko kaksi- ja monikieliset erikoisalan sanakirjat kääntäjystävällisiä? *Kääntäjä–Översättaren* 4/2002. 15–16.

Kromann, H.-P., Riiber, T. & Rosbach, P. Principles of Bilingual Lexicography. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 3. Berlin: de Gruyter, 1991. 2711–2728.

Kuhmonen, Kaisa. Mitä hyötyä kääntäjälle tai tulkkille on sanastotyöstä? *Terminfo* 1/1999. 4–6.

Kudashev, Igor. Millainen on hyvä terminhallintaohjelma? *Terminfo* 2/2004. 10–11.

Kudashev, Igor. On the Treatment of Nomenclature in Specialised Dictionaries. Teoksessa Mård-Miettinen, Karita – Niemelä, Nina (toim.) *Erikoiskielet ja käänntsteoria. Vakkisymposiumi XXV. Vöyri 12–13.2.2005*. Vaasa: Vaasan yliopisto, 2005. 176–183.

Kudashev, I. & Kudasheva, I. Software Demo: The Terminographic Processor MyTerMS. In Schryver, G.-M. de (ed.) *DWS 2006: Proceedings of the Fourth International Workshop on Dictionary Writing Systems, Tuesday 5th September 2006, Turin, Italy (Pre-EURALEX 2006)*. Pretoria: (SF)² Press. 35–40.

Kühn, P. Typologie der Wörterbücher nach Benutzungsmöglichkeiten. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 1. Berlin: de Gruyter, 1989. 111–127.

Landau, S. *Dictionaries. The Art and Craft of Lexicography*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Landau, S. *Dictionaries. The Art and Craft of Lexicography*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Lara, L.F. Dictionnaire de langue, encyclopédie et dictionnaire encyclopédique: le sens de leur distinction. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 1. Berlin: de Gruyter, 1989. 280–287.

Laufer, B. Corpus-Based versus Lexicographer Examples in Comprehension and Production of New Words. In Tommola, H., Varantola, K., Salmi-Tolonen, T. & Schopp, J. (eds) *EURALEX '92 Proceedings I–II.: Papers Submitted to the 5th EURALEX International Congress on Lexicography in Tampere, Finland*. Tampere: University of Tampere, 1992.

Lejczyk, Włodzimierz M. & Biesiekińska, Luba. *Terminoznawstwo: przedmiot, metody, struktura*. Białystok: Wydaw. Uniw. w Białymstoku, 1998.

Lucky, R.W. *Silicon Dreams: Information, Man, and Machine*. New York: St. Martin's Press, 1989.

Mackaay, E. Les notions floues en droit ou l'économie de l'imprécision. *Langages*, 1979, a. 13, № 53.

Mackintosh, K. An Empirical Study of Dictionary Use in L2–L1 Translation. In Atkins, B.T.S. (ed.) *Using Dictionaries: Studies of Dictionary Use by Language Learners and Translators*. Tübingen: Niemeyer, 1998. 123–149.

Maks, I., Martin, W. & Groesz, I. The DOT Project: Data and Datastructures for a Bank of Governmental Terminology. In Heid, U. et al. (eds) *Proceedings of the Ninth Euralex International Congress, EURALEX 2000, Stuttgart, Germany, August 8th–12th, 2000*. Vol. 1–2. Stuttgart: Institut für Maschinelle Sprachverarbeitung, Universität Stuttgart, 2000. 297–303.

Martin, S.E. Selection and Presentation of Ready Equivalents in a Translation Dictionary. In Householder, F.W. & Saporta, S. (eds) *Problems in Lexicography*. Bloomington: Indiana University, 1967. 153–159.

Martinet, A. *Éléments de linguistique générale*. Paris, 1966.

Mikkelsen, H.K. What Did Ščerba Actually Mean by "Active" and "Passive" Dictionaries? In Hyldgaard-Jensen, K. & Zettersten, A. (eds) *Symposium on Lexicography V: Proceedings of the Fifth International Symposium on Lexicography May 3–5, 1990, at the University of Copenhagen*. Tübingen: Niemeyer, 1992. 25–40.

Moulin, A. The LSP Learner's Lexicographical Needs. In Hartmann R.R.K. (ed.) *Lexicography: Principles and Practice*. London: Academic Press, 1983. 144–152.

Mugdan, J. Information on Inflectional Morphology in the General Monolingual Dictionary. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 1. Berlin: de Gruyter, 1989. 518–525.

Mugdan, J. On the Typology of Bilingual Dictionaries. In Hyldgaard-Jensen, K. & Zettersten, A. (eds) *Symposium on Lexicography V: Proceedings of the Fifth International Symposium on Lexicography May 3–5, 1990, at the University of Copenhagen*. Tübingen: Niemeyer, 1992. 17–24.

Nesi, H. Electronic Dictionaries in Second Language Vocabulary Comprehension and Acquisition: the State of Art. In Heid, U. et al. (eds) *Proceedings of the Ninth Euralex International Congress, EURALEX 2000, Stuttgart, Germany, August 8th–12th, 2000*. Vol. 1–2. Stuttgart: Institut für Maschinelle Sprachverarbeitung, Universität Stuttgart, 2000. 839–847.

Ngan, Yuen Wan & Kong, Wai Ping. The Effectiveness of Electronic Dictionaries as a Tool for Translators. *Babel*, 1997, Vol. 43, № 2. 151–165.

Niemelä, Hanna. *De Motu: A Semantic and Pragmatic Framework of Motion in English and Finnish LST*. Helsinki: University of Helsinki, 2003.

Nkwenti-Azeh, B. User-Specific Terminological Data Retrieval. In *Handbook of Terminology Management* / compiled by Sue Ellen Wright and Gerhard Budin. Vol. 2. Application-Oriented Terminology Management. Amsterdam: Benjamins, 2001. 600–612.

Noël, D., Devos, F. & Defrancq, B. Towards a More Grammatical Bilingual Dictionary. In Gellerstam, M. et al. (eds) *EURALEX '96 Proceedings I-II: Papers Submitted to the Seventh EURALEX International Congress on Lexicography in Göteborg, Sweden*. Göteborg: Göteborg University, 1996. 597–607.

Nord, C. A Functional Typology of Translations. In Trosborg, A. (ed.) *Text Typology and Translation*. Amsterdam: Benjamins, 1997. 43–66.

Nuopponen, A. Concept Relations. An Update of a Concept Relation Classification. In Madsen, B.N. & Thomsen, H.E. (eds) *Terminology and Content Development. TKE 2005. 7th International Conference on Terminology and Knowledge Engineering*. [Copenhagen: Copenhagen Business School], 2005. 127–138.

Nykänen, Olli. Sanastoprojektin kustannukset kuriin. *Terminfo* 1/1993. 3–7.

Nykänen, Olli. Voiko sähköiseen sanastoon luottaa? *Terminfo* 6/1995. 13–16.

Nykänen, Olli. Kuinka piirrän käsitejärjestelmän? Teoksessa *Toimikunnista termitalkoi- siin. 25 vuotta sanastotyön asiantuntemusta*. Helsinki: Tekniikan Sanastokeskus, 1999. 16–28.

Nykänen, Olli. Sanastoprojektin vaiheet. Teoksessa *Toimikunnista termitalkoi- siin. 25 vuotta sanastotyön asiantuntemusta*. Helsinki: Tekniikan Sanastokeskus, 1999a. 62–71.

Nykänen, Olli. Teitotekniikan sanakirjoissa on eroja. *Terminfo* 2/1999b. 11–21.

Nykänen, Olli – Kalliokuusi, Virpi. Sanastotyön sanastoa. Teoksessa *Toimikunnista termitalkoi- siin. 25 vuotta sanastotyön asiantuntemusta*. Helsinki: Tekniikan Sanastokeskus, 1999. 170–183.

Opitz, K. Special-purpose Lexicography: Dictionaries for Technical Use. In Hartmann R.R.K. (ed.) *Lexicography: Principles and Practice*. London: Academic Press, 1983. 163–180.

Opitz, K. The Technical Dictionary for the Expert. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 2. Berlin: de Gruyter, 1990. 1505–1512.

Osselton, N.E. Some Problems of Obsolescence in Bilingual Dictionaries. *ITL. Review of Applied Linguistics*, 1979, Vol. 45–46. 120–126.

Pasanen, Päivi. "Roskaisia", sanoi terminologi koneella poimituista termeistä. Teoksessa Koskela, Merja – Pilke, Nina (toim.) *Erikoiskielet ja käännösteoria. Vakki-symposiumi XXVI, Vaasa 7.–8.2.2004*. Vaasa: Vaasan yliopisto, 2004. 243–251.

Pasanen, P. A Term List or a Noise List? In Madsen, B.N. & Thomsen, H.E. (eds) *Terminology and Content Development, Proceedings from TKE 2005, 7th International Conference on Terminology and Knowledge Engineering*. [Copenhagen]: Copenhagen Business School, 2005. 375–384.

Pearson, J. *Terms in Context*. Amsterdam: Benjamins, 1998.

Pelin, Risto. *Projektihallinnan käsikirja*. 4. uud. p. Helsinki: Projektijohtaminen Risto Pelin, 2004.

Picchi, E., Peters, C. & Calzolari, N. Implementing a Bilingual Lexical Database System. In Magay, T. & Zigány, J. (eds) *BudaLEX '88 Proceedings: Papers from the 3rd International*

EURALEX Congress, Budapest, 4–9 September 1988. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990. 317–329.

Picht, H. On Object and Concept Representation with Focus on Non-verbal Forms of Representation. In Draskau, J.K. & Picht, H. (eds) *International Terminological Conference on Terminology Science and Terminology Planning in Commemoration of E. Drezen (1892–1992) and International IITF-Workshop Theoretical Issues of Terminology Science: Riga, 17–19 August 1992; Riga, 19–21 August 1992*. Vienna: TermNet, Internat. Network for Terminology, 1994. 231–254.

Picht, H. Knowledge Representation in Terminology // Лексика, лексикография, терминология в русской, американской и других культурах: Материалы VI Международной школы-семинара, Иваново, 12–14 сентября 2005 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. – С. 15–23.

Picht, H. Non-verbal Knowledge Representaion of Objects and Concepts // Лексика, лексикография, терминология в русской, американской и других культурах: Материалы VI Международной школы-семинара, Иваново, 12–14 сентября 2005 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005а. – С. 23–33.

Picht, H. & Draskau, J. *Terminology: An Introduction*. Guildford: University of Surrey, 1985.

Picken, C. The Vital Role of the Generalist in Technical Translation from and into "Minor" Languages. In Somers, H. (ed.) *Terminology, LSP and Translation. Studies in Language Engineering in Honour of Juan C. Sager*. Amsterdam: Benjamins, 1996. 169–173.

Pitkänen, K. *The Spatio-Temporal Setting in Written Narrative Fiction. A Study of Interaction between Words, Text and Encyclopedic Knowledge in the Creation of Textual Meaning*. Helsinki: University of Helsinki, 2003.

Pritchard, B. Multiword Lexical Units in Maritime Dictionaries. *3rd Conference on Maritime Terminology. Lissabon, 23–24.6. 2003*. CD-ROM.

Probert, W. *Law, Language and Communication*. Springfield (Ill.): Thomas, 1972.

Pätzold, K.-M. Bilingual Lexicography: English-German, German-English. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 3. Berlin: de Gruyter, 1991. 2961–2969.

Pöhl, E. Dictionaries as Tools for the Translator: A Critical Analysis of German-Italian Dictionaries. In Snell-Hornby, M. & Pöhl, E. (eds) *Translation and Lexicography: Papers Read at the EURALEX Colloquium Held at Innsbruck 2–5 July 1987*. Amsterdam: Benjamins, 1989. 129–137.

Quirk, R. The Social Impact of Dictionaries in the UK. In Raven, I., McDavid, Jr. & Audrey, R. (eds) *Lexicography in English*. New York: Duckert, 1973. 17–28.

Review of the Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary CD-ROM. <http://www.antimoon.com/how/cobcd-review.htm>, 21.09.2005.

Rey, A. Definitional Semantics: its evolution in French lexicography. In Lewandowska-Tomaszczyk, B. & Tomaszczyk, J. (eds) *Meaning and Lexicography*. Amsterdam: Benjamins, 1990. 43–55.

Riggs, F.W. Lexicographical Terminology: Some Observations. In Hartmann, R.R.K. (ed.) *LEXeter '83 Proceedings. Papers from the International Congress on Lexicography at Exeter, 9–12 September 1983*. Tübingen: Niemeyer, 1984. 401–412.

Riggs, F.W. Terminography and Lexicography: Their Complementarity. *International Journal of Lexicography*, Vol. 2, 2/1989. 89–110.

Roberts, R.P. Methods of Bilingual Dictionary-making: the Canadian experience. In Hyldgaard-Jensen, K. & Zettersten, A. (eds) *Symposium on Lexicography V: Proceedings of the Fifth International Symposium on Lexicography May 3–5, 1990, at the University of Copenhagen*. Tübingen: Niemeyer, 1992. 91–115.

Robinson, D.F. *Manual for Bilingual Dictionaries*. Vol. 1. Textbook. Santa Ana, California: Summer Institute of Linguistics, 1968.

Rogers, M. & Ahmad, K. The Translator and the Dictionary: Beyond Words? In Atkins, B.T.S. (ed.) *Using Dictionaries: Studies of Dictionary Use by Language Learners and Translators*. Tübingen: Niemeyer, 1998. 193–204.

Romppanen, Birgitta. Suomi-ruotsi-sanakirjojen kehityksestä. *Kieliviesti* 4/2001. 5–9.

Sager, J.C. The Dictionary as an Aid in Terminology. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 1. Berlin: de Gruyter, 1989. 167–170.

Sager, J.C. *A Practical Course in Terminology Processing*. Amsterdam: Benjamins, 1990.

Sager, J.C. *Language Engineering and Translation: Consequences of Automation*. Amsterdam: Benjamins, 1994.

Sager, J.C. Text Types and Translation. In Trosborg, A. (ed.) *Text Typology and Translation*. Amsterdam: Benjamins, 1997. 25–41.

Sager, J.C. Terminology Compilation: Consequences and Aspects of Automation. In *Handbook of Terminology Management* / compiled by Sue Ellen Wright and Gerhard Budin. Vol. 2. Application-Oriented Terminology Management. Amsterdam: Benjamins, 2001. 761–771.

Sager, J.C., Dungworth, D. & McDonald, P.F. *English Special Languages. Principles and Practice in Science and Technology*. Wiesbaden: Brandesletter, 1980. (2nd ed. 1997).

Sanastotyön käsikirja. Soveltavan terminologian periaatteet ja työmenetelmät / Toimittanut Tekniikan sanastokeskus. Helsinki: Suomen Standardoimisliitto, 1989.

Šarčević, S. Bilingual and Multilingual Legal Dictionaries: New Standards for the Future. *Revue générale de droit*, 1988. (19). 961–978.

Šarčević, S. The Challenge of Legal Lexicography: Implications for Bilingual and Multilingual Dictionaries. In Snell-Hornby, M. (ed.) *ZüriLEX '86 Proceedings: Papers Read at the EURALEX International Congress, University of Zürich, 9–14 September 1986*. Tübingen: Francke, 1988a. 307–314.

Šarčević, S. Lexicography and Translation Across Cultures. In Snell-Hornby, M. & Pöhl, E. (eds) *Translation and Lexicography: Papers Read at the EURALEX Colloquium Held at Innsbruck 2–5 July 1987*. Amsterdam: Benjamins, 1989. 211–221.

Šarčević, S. Terminological Incogruency in Legal Dictionaries for Translation. In Magay, T. & Zigány, J. (eds) *BudaLEX '88 Proceedings: Papers from the 3rd International EURALEX Congress, Budapest, 4–9 September 1988*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990. 439–446.

Schelbert, T. Dictionaries – Too Many Words? In Snell-Hornby, M. (ed.) *ZüriLEX '86 Proceedings: Papers Read at the EURALEX International Congress, University of Zürich, 9–14 September 1986*. Tübingen: Francke, 1988. 63–70.

Scherrenburg, D. *The Arrangement of Information in the General Bilingual Dictionary Entry*. M.A. Thesis. University of Ottawa, School of Translation and Interpretation, 1990.

Schmitz, K.-D. Criteria for Evaluating Terminology Database Management Programs. In *Handbook of Terminology Management / compiled by Sue Ellen Wright and Gerhard Budin*. Vol. 2. Application-Oriented Terminology Management. Amsterdam: Benjamins, 2001. 539–551.

Shine, N. Dictionaries for Specialised Languages. The Situation in Denmark Today. In Hyldgaard-Jensen, K. & Zettersten, A. (eds) *Symposium on Lexicography V: Proceedings of the Fifth International Symposium on Lexicography May 3–5, 1990, at the University of Copenhagen*. Tübingen: Niemeyer, 1992. 175–187.

Sinclair, J.M. Grammar in the Dictionary. J.M. In Sinclair (ed.) *Looking Up: An Account of the COBUILD Project in Lexical Computing and the Development of the Collins COBUILD English Language Dictionary*. London: Harper Collins, 1987. 104–115.

Snell-Hornby, M. & Pöhl, E. (eds) *Translation and Lexicography: Papers Read at the EURALEX Colloquium Held at Innsbruck 2–5 July 1987*. [Amsterdam]: Benjamins, 1989.

Soininen, Pirjo. Sanastotyön tietotekniset apuvälineet. *Terminfo* 2/1999. 7–10.

Spears, R.A. Computational Approaches to Alphabetization and Routing in Phrasal Dictionaries. In Magay, T. & Zigány, J. (eds) *BudaLEX '88 Proceedings: Papers from the 3rd International EURALEX Congress, Budapest, 4–9 September 1988*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990. 347–353.

Sterkenburg, P. van. "The" Dictionary: Definition and History. In Sterkenburg, P. van. (ed.) *A Practical Guide to Lexicography*. Amsterdam: Benjamins, 2003. 3–17.

Stock, P. The Cultural Dimension in Defining. In Tommola, H., Varantola, K., Salmi-Tolonen, T. & Schopp, J. (eds) *EURALEX '92 Proceedings I–II.: Papers Submitted to the 5th EURALEX International Congress on Lexicography in Tampere, Finland*. Tampere: University of Tampere, 1992. 113–120.

Suonuuti, Heidi. Sanastotyö lyhyesti. *Terminfo* 2/1997. 15–16.

Suonuuti, Seija. Sanastotyön asema yrityksen prosesseissa. *Terminfo* 4/1998. 12–15.

Särkkä, H. Improving the Usability of the Finnish Comprehension Dictionary. In Hartmann, R.R.K. (ed.) *LEXeter '83 Proceedings. Papers from the International Congress on Lexicography at Exeter, 9–12 September 1983*. Tübingen: Niemeyer, 1984. 268–270.

Temmerman, R. *Towards New Ways of Terminology Description: The Sociocognitive Approach*. Amsterdam: Benjamins, 2000.

Temmerman, R. Innovative Methods in Specialised Lexicography. *Terminology*, 2003, Vol. 9, № 1. 117–135.

Thomas, P. Treatment of Compound Terminology Entries. In Tommola, H., Varantola, K., Salmi-Tolonen, T. & Schopp, J. (eds) *EURALEX '92 Proceedings I–II.: Papers Submitted to*

the 5th EURALEX International Congress on Lexicography in Tampere, Finland. Tampere: University of Tampere, 1992. 185–192.

Thomas, P. Choosing Headwords from Language-for-Special-Purposes (LSP) Collocations for Entry into a Terminology Data Bank (Term Bank). In Sonneveld, H.B. & Loening, K.L. (eds) *Terminology. Applications in Interdisciplinary Communication*. Amsterdam: Benjamins, 1993. 43–68.

Toimikunnista termitalkoisiin. 25 vuotta sanastotyön asiantuntemusta. Helsinki: Tekniikan Sanastokeskus, 1999.

Tomaszczyk, J. Dictionaries: Users and Uses. *Glottodidactica*, 1979, № 12. 103–119.

Tomaszczyk, J. On Bilingual Dictionaries. In Hartmann R.R.K. (ed.) *Lexicography: Principles and Practice*. London: Academic Press, 1983. 41–51.

Tomaszczyk, J. The Bilingual Dictionary under Review. In Snell-Hornby, M. (ed.) *ZüriLEX '86 Proceedings: Papers Read at the EURALEX International Congress, University of Zürich, 9–14 September 1986*. Tübingen: Francke, 1988. 289–297.

Tomaszczyk, J. L1–L2 Technical Translation and Dictionaries. In Snell-Hornby, M. & Pöhl, E. (eds) *Translation and Lexicography: Papers Read at the EURALEX Colloquium Held at Innsbruck 2–5 July 1987*. Amsterdam: Benjamins, 1989. 177–186.

Toope, M. *Examples in the Bilingual Dictionary*. M.A. Thesis. University of Ottawa, School of Translation and Interpretation, 1996.

Ulvestad, B. Рец. на кн.: Norwegian-English Dictionary. Ed. by E. Haugen. Oslo, 1965. *Language*, 1968, № 2. 378–388.

Urbanek, D. A New Model of a Translation-oriented Dictionary. In Thelen, M. & Lewandowska-Tomaszczyk, B. (eds) *Translation and Meaning*. Part 4. Maastricht, 1997. 511–516.

Varantola, K. Words, Terms and Translators. In Tommola, H., Varantola, K., Salmi-Tolonen, T. & Schopp, J. (eds) *EURALEX '92 Proceedings I–II.: Papers Submitted to the 5th EURALEX International Congress on Lexicography in Tampere, Finland*. Tampere: University of Tampere, 1992. 121–128.

Varantola, Krista. Mitä kääntäjä odottaa sanakirjaltaan? *Terminfo* 3/1998. 14–16.

Varantola, K. Translators and their Use of Dictionaries. In Atkins, B.T.S. (ed.) *Using Dictionaries: Studies of Dictionary Use by Language Learners and Translators*. Tübingen: Niemeyer, 1998a. 179–192.

Varantola, Krista. Ammattikielisen viestinnän tulevaisuus – kurkistus 2000-luvulle. *Terminfo* 4/1999. 16–22.

Varantola, Krista. Sanakirjoista ja sanakirjojen käyttäjistä. Teoksessa Oittinen, Riitta – Mäkinen, Pirjo (toim.) *Alussa oli käännös*. Tampere: Tampere University Press, 2001. 215–238.

Varantola, K. Use and Usability of Dictionaries: Common Sense and Context Sensibility? In Corréard, Marie-Hélène (ed.) *Lexicography and Natural Language Processing. A Festschrift in Honour of B.T.S. Atkins*. [S. I.]: EURALEX, 2002. 30–44.

Vasconcellos, M. Terminology and Machine Translation. In *Handbook of Terminology Management / compiled by Sue Ellen Wright and Gerhard Budin*. Vol. 2. Application-Oriented Terminology Management. Amsterdam: Benjamins, 2001. 697–723.

Vihonen, Inkaliisa. Eurokääntäjät termintekijöinä. *Terminfo* 4/1998. 16–20.

Whitcut, J. The Dictionary as Commodity. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 1. Berlin: de Gruyter, 1989. 88–94.

Wierzbicka, A. The Semantics and Lexicography of 'Natural Kinds'. In Hyldgaard-Jensen, K. & Zettersten, A. (eds) *Symposium on Lexicography III: Proceedings of the Third International Symposium on Lexicography May 14–16, 1986, at the University of Copenhagen*. Tübingen: Niemeyer, 1988. 155–182.

Williams R.B. The Problems of Bilingual Lexicography Particularly as Applied to Spanish and English. *Hispanic Review*, 1959, № 2.

Williams, J. The Question of Plagiarism and Breach of Copyright in the Dictionary-Making Process (with Particular Reference to the UK). In Tommola, H., Varantola, K., Salmi-Tolonen, T. & Schopp, J. (eds) *EURALEX '92 Proceedings I–II.: Papers Submitted to the 5th EURALEX International Congress on Lexicography in Tampere, Finland*. Tampere: University of Tampere, 1992. 561–570.

Wright, S.E. Representation of Concept Systems. In *Handbook of Terminology Management / compiled by Sue Ellen Wright and Gerhard Budin*. Vol. 1. Basic Aspects of Terminology Management. Amsterdam: Benjamins, 1997. 89–97.

Wright, S.E. Term Selection: Initial Phase of Terminology Management. In *Handbook of Terminology Management / compiled by Sue Ellen Wright and Gerhard Budin*. Vol. 1. Basic Aspects of Terminology Management. Amsterdam: Benjamins, 1997a. 13–23.

Wright, S.E. Data Categories for Terminology Management. In *Handbook of Terminology Management / compiled by Sue Ellen Wright and Gerhard Budin*. Vol. 2. Application-Oriented Terminology Management. Amsterdam: Benjamins, 2001. 552–571.

Wright, S.E. Terminology Management Entry Structures. In *Handbook of Terminology Management / compiled by Sue Ellen Wright and Gerhard Budin*. Vol. 2. Application-Oriented Terminology Management. Amsterdam: Benjamins, 2001a. 572–599.

Wright, S.E. & Wright, L.D. Terminology Management for Technical Translation. In *Handbook of Terminology Management / compiled by Sue Ellen Wright and Gerhard Budin*. Vol. 1. Basic Aspects of Terminology Management. Amsterdam: Benjamins, 1997. 147–159.

Zgusta, L. *Manual of Lexicography*. The Hague/Paris: Mouton, 1971.

Zgusta, L. Translation Equivalence in the Bilingual Dictionary. In Hartmann, R.R.K. (ed.) *LEXeter '83 Proceedings. Papers from the International Congress on Lexicography at Exeter, 9–12 September 1983*. Tübingen: Niemeyer, 1984. 147–154.

Zgusta, L. The Influence of Scripts and Monolingual Language Types on the Structure of Dictionaries. In Hausmann, F.J. et al. (eds) *Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: an international encyclopedia of lexicography: encyclopédie internationale de lexicographie*. Teilbd 1. Berlin: de Gruyter, 1989. 296–305.

Словари, энциклопедии, справочники и стандарты

Англо-русский автобронетанковый словарь. – М.: Воениздат, 1961. – 784 с.

Англо-русский дипломатический словарь: Ок. 50 000 слов и словосочетаний / Под рук. В.С. Шах-Назаровой, Н.О. Волковой и К.В. Журавченко. – М.: Рус. яз., 1989. – 856 с.

Англо-русский коммерческий словарь-справочник. Более 20 000 слов / Сост. И.Г. Анохина. – М.: Малое предприятие "Моби", 1992. – 424 с.

Англо-русский полный юридический словарь. 35 000 слов и устойчивых словосочетаний / Сост. Мамунян А.С. – М.: Рэббит, 1993. – 400 с.

Англо-русский политехнический словарь / Под ред. А.Е. Чернухина. – 3-е изд., стереотип., с доп. – М.: Рус. яз., 1976. – [647 с.]

Англо-русский радиотехнический словарь / Сост. Л.П. Герман-Прозорова, Н.И. Виноградова. – М.: Гостехиздат, 1957. – [524 с.]

Англо-русский ракетно-космический словарь: Более 50 000 терминов / Сост. А.М. Мурашкевич, А.А. Августов, В.И. Беззаботнов и др. – М.: Воениздат, 1966. – 920 с.

Англо-русский словарь-минимум психологических терминов (с указателем русских эквивалентов) / Сост. В.В. Лучков, В.Р. Рокитянский. – М.: Путь, 1993. – [80 с.]

Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике: Ок. 9000 терминов. – Изд. 2-е, испр. и доп. / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, М.Н. Михайлов и др. – М.: Азбуковник, 2002. – 640 с.

Англо-русский словарь по противовоздушной и противоракетной обороне: Ок. 27 000 терминов и сочетаний / Сост. Судзиловский Г.А. – М.: Воениздат, 1961. – 724 с.

Англо-русский словарь рекламных терминов / Сост. И.С. Седелников. – 2-е изд., стереотип. – М.: Соверо, 1994. – 288 с.

Англо-русский словарь сокращений по связи и радиоэлектронике: Ок. 30 000 сокращений / Ф.С. Воройский, В.И. Соловьев, Н.Н. Новичков и др. – М.: Воениздат, 1989. – 680 с.

Англо-русский электротехнический словарь. – Изд. 3-е., стереотип. / Сост. Л.Б. Гейлер, Н.И. Дозоров. – М.: Физмат-гиз, 1961. – 710 с.

Англо-русский юридический словарь / Сост. Командин Г.А. – М.: ТОО "СКЛ, ЛТД", 1993. – [238 с.]

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стереотип. – М.: УРСС, 2004. – 569 с.

Баскакова М.А. Толковый юридический словарь: бизнес и право (русско-английский, англо-русский). – М.: Финансы и статистика, 1998. – 688 с.

Берков В.П. Русско-норвежский словарь. – М.: Рус. яз., 1987. – 934 с.

Бернар И., Колли Ж.-К. Толковый экономический и финансовый словарь. Французская, русская, английская, немецкая, испанская терминология: В 2-х т. – Т. 1: Пер. с фр. – М.: Междунар. отношения, 1994. – 784 с.

- Блувштейн В.О. Словарь сокращений английского, немецкого, голландского и скандинавских языков: Св. 33 000 сокращений. – М.: Сов. энциклопедия, 1964. – 883 с.
- Большой англо-русский политехнический словарь: В 2 т. Ок. 200 000 терминов / С.М. Баринов, А.Б. Борковский, В.А. Владимиров и др. – М.: Рус. яз., 1991. – Т. I (А–L). – 701 с.
- Большой англо-русский политехнический словарь: В 2 т. Ок. 200 000 терминов / С.М. Баринов, А.Б. Борковский, В.А. Владимиров и др. – М.: Рус. яз., 1991. – Т. II (М–Z). – 720 с.
- Борисова Л.И. "Ложные друзья" переводчика научно-технической литературы. – Ч. I–III. – М.: ВЦП, 1989–1991.
- Борхвальд О.В. Словарь золотого промысла Российской империи. – М.: Рус. путь, 1998. – 240 с.
- БСЭ = Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах). – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1970.
- БТС = Большой толковый словарь русского языка / Авт. и руководитель проекта, сост., гл. ред. Кузнецов С.А. – СПб.: Норинт, 1998. – 1535 с.
- Володин Н.В. Англо-русский военно-инженерный словарь. – М.: Воениздат, 1962. – 784 с.
- Всё о парапсихологии и духовных практиках. – СПб.: Невский проспект, 2004. – 400 с.
- В таможене. Русско-английский справочник / Графова Л.Л. – М.: Высш. шк., 1993. – 95 с.
- Купля – продажа – оплата: Тематический англо-русский словарь / Е.Л. Гинзбург, С.С. Хидекель. – М.: Астрель; АСТ, 2002. – 144 с.
- ГОСТ 7.1-2003. Библиографическая запись. Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления. – М.: Изд-во стандартов, 2004. – 63 с.
- ГОСТ 7.47-84. Коммуникативный формат для словарей информационных языков и терминологических данных. – М.: Изд-во стандартов, 1984. – 21 с.
- ГОСТ 7.60-90. Издания. Основные виды. Термины и определения. – М.: Изд-во стандартов, 1990. – 34 с.
- Дрыгин Ю.Ф. и др. Англо-русский словарь по биотехнологии: Ок. 14 000 терминов. – М.: Рус. яз., 1990. – [336 с.]
- Душенко К.В. Афористикон, или Самый толковый словарь: Афоризмы. – М.: Эксмо, 1999. – 400 с.
- Загорская А.П., Петроченко Н.П. Большой англо-русский русско-английский словарь по бизнесу. – 2-е изд. – М.: Джон Уайли энд Санз, 1994. – 624 с.
- Кедринский В.В. Англо-русский словарь по химии и переработке нефти: Ок. 60 000 терминов. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1975. – 768 с.
- Климзо Б.Н. Русско-английский словарь общеупотребительных слов и словосочетаний научно-технической литературы: В 2 т. – М.: ЭТС, Polyglossum, 2002. – 1248 с.
- Кнышев А. Тоже книга. – М.: ЗАО ФИД "Деловой Экспресс", 1991. – 192 с.

- Краткий англо-русский технический словарь: Ок. 30 000 терминов / Ю.А. Кузьмин, В.А. Владимиров, Я.Л. Гельман и др. – М.: ММПШ, 1992. – 416 с.
- Краткий русско-английский словарь-разговорник для делового человека / В.Я. Семенкин, Л.Г. Серая. – М.: Колизей; Олимп, 1991. – 192 с.
- Краткий русско-английский терминологический словарь по коммерции / В.Ю. Дуленков, Н.Ю. Емельянов, В.Д. Черных. – М.: Слово, 1990. – 48 с.
- Крупнов В.Н. Русско-английский словарь активной деловой лексики. – М.: Дело, 1997. – 384 с.
- Куркин В.А., Новодранова В.Ф., Куркина Т.В. Иллюстрированный словарь терминов и понятий фармакогнозии. – М. – Самара: ГП "Перспектива"; СамГМУ, 2002. – 188 с.
- Курьянов Е.И. Англо-русский словарь по средствам массовой информации (с толкованиями): Ок. 12 000 терминов. – М.: Моск. междунар. шк. переводчиков, 1993. – 320 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 2002. – 709 с.
- Линдберг Г.У., Герд А.С., Расс Т.С. Словарь названий морских промысловых рыб мировой фауны. – Л.: Наука, 1980. – 563 с.
- Мельников О.А. и др. Англо-русский астрономический словарь: Ок. 20 000 терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1971. – 504 с.
- Мурашкевич А.М., Владимиров О.Н. Англо-русский словарь сокращений по авиационной и ракетно-космической технике: Ок. 30 000 сокращений. – М.: Воениздат, 1981. – 621 с.
- Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 320 с.
- Николаев Г.А. Англо-русский исторический словарь: 30 000 имен, названий, терминов. – М.: Прогресс; Лексикон, 1995. – 464 с.
- Новиков В.Д., Погребная Л.Л., Борщ В.М. Физический словарь (английский, французский, русский): 10 943 термина. – М.: РУССО, 1995. – 656 с.
- Новый большой русско-английский политехнический словарь: В 2 т. Св. 135 000 терминов / Г. Чакалов. – Т. 1. (А–М). – Минск: ELSEVIER BYELORUSSIA PUBLISHERS LTD, 1995. – [623 с.]
- Памухина Л.Г. и др. Русско-английский разговорник по внешнеэкономическим связям. – М.: Рус. яз., 1992. – 654 с.
- Петров В.И., Чупятова В.С., Корн С.И. Русско-английский медицинский словарь-разговорник. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1993. – 596 с.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
- Русско-английский дипломатический словарь: Ок. 50 000 слов и словосочетаний / Под рук. К.В. Журавченко. – М.: Рус. яз., РУССО, 1995. – 734 с.
- Русско-английский политехнический словарь: Ок. 90 000 терминов / Б.В. Кузнецов, Н.И. Перлов, Г.Н. Янковский и др. – 3-е изд., стереотип. – М.: РУССО, 1995. – 723 с.
- Русско-финский технический словарь: Ок. 100 000 терминов / Вейкко Таммилахти. – Хельсинки: [Б. и.], 1988. – 826 с.

Словарь банковско-биржевой лексики на шести языках / Сост. Ю.А. Бобылев. – М.: МаксОР, 1992. – 288 с.

Словарь по электронике (английский, немецкий, французский, испанский, русский). – М.: Рус. яз., 1988. – 560 с.

Смирнова Л.А. Русско-английский разговорник для физиков (Ядерная физика и смежные области). – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1977. – 312 с.

Солнышкина М.И. Словарь морского языка. – М.: Academia, 2005. – 280 с.

Страхование. Англо-русский словарь сокращений / В.А. Королькевич. – М.: НТК "Трек", 1994. – 48 с.

Судзиловский Г.А. Сленг – что это такое? Английская просторечная военная лексика. Англо-русский словарь военного сленга / Под ред. А.Д. Швейцера. – М.: Воениздат, 1973. – [183 с.]

Фаградянц И.В. Финско-русский экономический и коммерческий словарь: Ок. 45 000 терминов и выражений. – Хельсинки: Translatio Rustica Oy (TROY), 1998. – 1260 с.

Федотова И.Г. Англо-русский словарь-справочник по торговому праву и деловой документации: Учеб. пособие. – М.: МИКП "ИннКо", 1992. – 80 с.

Финансы и долги. Толковый словарь Всемирного банка. Англо-франко-испанорусский. – М.: Весь Мир, 1997. – 200 с.

Финансы: Оксфордский толковый словарь: Англо-русский. – М.: Весь Мир, 1997. – 496 с.

Шварц В.В. Иллюстрированный словарь по машиностроению (англо-немецко-французско-испанско-русский): 3614 терминов. – М.: Рус. яз., 1986. – 428 с.

Шегельман И.Р. Лесная промышленность и лесное хозяйство: Словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2004. – 176 с.

Частотный англо-русский словарь-минимум по судовождению / Сост. Лукьяненко К.Ф., Сергеева В.Н. – М.: Воениздат, 1978. – 197 с.

Частотный англо-русский словарь-минимум по электронике / П.М. Алексеев. – М.: Воениздат, 1971. – 304 с.

Частотный англо-русский физический словарь-минимум / П.М. Алексеев, Т.А. Матисова, Е.В. Мурмуридис. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. – 127 с.

Чмель А.В. Англо-русский словарь бухгалтерских терминов. – М.: Финансы и статистика, 1995. – 176 с.

Эзотерика: Универсальный словарь-справочник. – 3-е изд., испр. и доп. / Сост. А.И. Ивасенко. – М.: Амрита-Русь, 2005. – 384 с.

Ягодкин Н.Н. Финско-русский лесотехнический словарь: Ок. 35 000 терминов / Под ред. Ю.К. Каявы, Г.В. Котсолайнен. – М.: Рус. яз., 1984. – 504 с.

Ягодкин Н.Н., Калинин В.П. Финско-русский технический словарь: Ок. 65 000 терминов / Под ред. Ю.К. Каявы. – М.: Рус. яз., 1993. – 516 с.

Bierce, A. *The Devil's Dictionary*. New York – Washington, 1911. (Collected Works, Vol. 7).

Burkhanov, I. *Lexicography: a Dictionary of Basic Terminology*. Rzeszów: Wydawnictwo Wyższej Zszoły Pedagogicznej, 1998.

Business Dictionary. English-Russian. [Moscow]: Moscow International Publishers; L&H Publishing Co., 1994.

Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. 4th edition. Glasgow: Harper-Collins, 2003.

EnDic2000. Ympäristösanakirja / Maastik, Aleksander (toim.) Helsinki – Tartu: Finnish Environment Institute, 2000.

Flaubert, G. *Dictionnaire des idées reçues.* Paris, 1972. (Oeuvre complètes, Vol. 6).

Geoinformatiikan sanasto. Helsinki: Tekniikan sanastokeskus, 2005.

Granvik, Bror-Anton. *Puu- ja metsäteknologian peruskäsitteitä ja termejä.* Osa 2: Metsäteknologia. Helsinki: Helsingin yliopiston metsävarojen käytön laitos, 1993.

Hartmann, R.R.K. & James, G. *Dictionary of Lexicography.* London – NY: Routledge, 1998.

Hiltunen, Sinikka. *Etninen sanasto: englannin-, suomen-, ranskan-, saksan- ja venäjänkieliset etniset termit selitettynä suomeksi.* Tampere: Tampere University Press, 1998.

International Encyclopedia of Linguistics. Vol. 2. New York: Oxford University Press, 1992.

ISO 10241:1992(E). International Terminology Standards – Preparation and Layout. Geneva: ISO.

ISO 1087-1:2000(E/F). Terminology Work – Vocabulary – Part 1: Theory and Application. Geneva: ISO.

ISO 1087-2:2000(E/F). Terminology Work – Vocabulary – Part 2: Computer Applications. Geneva: ISO.

ISO 12199:2000(E). Alphabetical Ordering of Multilingual Terminological and Lexicographical Data Represented in the Latin Alphabet. Geneva: ISO.

ISO 12200:1999(E). Computer Applications in Terminology – Machine-Readable Terminology Interchange Format (MARTIF) – Negotiated Interchange. Geneva: ISO.

ISO 12615:2004(E). Bibliographic References and Source Identifiers for Terminology Work. Geneva: ISO.

ISO 12616:2002(E). Translation-oriented Terminography. Geneva: ISO.

ISO 12620:1999(E). Computer Applications in Terminology – Data Categories. Geneva: ISO.

ISO 15188:2001(E). Project Management Guidelines for Terminology Standardization. Geneva: ISO.

ISO 1951:1997(E). Lexicographical Symbols and Typographical Conventions for Use in Terminography. Geneva: ISO.

ISO 3166:1993. Codes for the Representation of Names of Countries. Geneva: ISO.

ISO 639:1988. Codes for the Representation of Names of Languages. Geneva: ISO.

ISO 704:2000(E). Terminology Work – Principles and Methods. Geneva: ISO.

ISO/TR 12618:1994(E). Computational Aids in Terminology – Creation and Use of Terminological Databases and Text Corpora. Geneva: ISO.

Kahla, Martti – Mikkonen, Pirjo (toim.) *Venäläisten henkilönnimien opas. Venäjän federaatioissa käytössä olevia etunimiä muunnoksineen ja sukunimiä.* Kolmas, laajennettu laitos. Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2005.

- Karvanen, Julia – Pesonen, Paula. *Englantilais-venäläis-suomalainen projektisanasto* / Toim. Marja Jänis. Savonlinna: Joensuun yliopisto, Kansainvälisen viestinnän laitos, 2001.
- Kiinteistöhoitosanasto*. Helsinki: Kiinteistöalan kustannus, 1995.
- Korkeakoulusanasto* / Valtioneuvoston kanslia, Opetusministeriö. Toimitus: Niina Elo-maa. Helsinki: Yliopistopaino, 2005.
- Koulutusalun sanasto: suomi, ruotsi, englantia, ranska, saksa, venäjä* / Pekkinen, Erkki – Elo, Pekka. Helsinki: Opetushallitus, 1998.
- Kudashev, Igor. *Suomalais-venäläinen sosiaalialan sanasto*. Helsinki: Venäjän ja Itä-Euroopan instituutti, 2000.
- Laine, Vuokko. *Terveysalan sanasto*. Vantaa: Helsingin yliopisto, Vantaan täydennyskoulutuslaitos, 1997.
- Metsäalan hallinnon sanastoa / Toimitus Tellervo Hyttinen. Helsinki: Edita, 1997.
- Milicevic, Milan. *Suomi-venäjä-suomi kuvitettu rakennussanasto*. Helsinki: Rakennustieto, 1996.
- Milicevic, Milan. *Suomi-englanti-venäjä kuvitettu rakennussanasto*. Helsinki: Rakennustieto, 1998.
- Nordisk leksikografisk ordbok* / Henning Bergenholtz, Ilse Cantell, Ruth Vatvedt Fjeld et al. Oslo: Universitetsforlaget, 1997.
- Oxford English Reference Dictionary* / Ed. by Judy Pearsall & Bill Trumble. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- New Oxford Dictionary of English* / Ed. by Judy Pearsall. Oxford: Clarendon Press, 1998.
- Project management / Управление проектами: Толковый англо-русский словарь-справочник. – М.: Высш. шк., 2000. – 379 с.
- Suomalaisten henkilönimien kyrillinen siirrekirjainnusopas*. Helsinki: Kotimaisten kielten keskus, 1988.
- Ulkomaankaupan erikoistermit: suomi, ruotsi, englantia, saksa, ranska, espanja, venäjä*. 5., täyd. painos. Helsinki: Kansainvälisen kaupan koulutuskeskus, 1992.
- Valtioneuvostosanasto* / Toimittanut Riina Kosunen. Helsinki: Valtioneuvoston kanslia; Edita, 2004. (Электронная версия – <http://mot.kielikone.fi/mot/valter/netmot.exe>).
- Vares, Peeter & Jermolova, Valentina. *An English-Estonian-Russian Dictionary of Diplomacy*. Tallinn: Ambassador Publishers, 2005.
- Ympäristösanasto*. Jyväskylä–Helsinki: Gummerus–Tekniikan sanastokeskus, 1998.
- Zelikman, Jaana. *Rakennusalan sanakirja: suomi-venäjä-suomi*. Helsinki: Rakennustieto, 1997.

Приложение. Список основных публикаций и докладов соискателя по теме диссертации

Публикации

1. Кудашев И. Современное состояние и проблемы финско-русской терминографии // Kukkonen, P. & Hartama-Heinonen, R. (eds) *Mission, Vision, Strategies, and Values: a Celebration of Translator Training and Translation Studies in Kouvola*. Helsinki: Helsinki University Press, 2001. 109–120.
2. Кудашев И.С. О понятии "лексикографический параметр" и параметрической типологии словарей // Научно-техническая терминология, 2002. – Вып 1. – С. 69–72.
3. Koudachev, Igor. Ovatko kaksi- ja monikieliset erikoisalan sanakirjat kääntäjäystävällisiä? *Kääntäjä-Översättaren* 4/2002. 15–16.
4. Кудашев И.С. К вопросу о типологии специальных словарей // Научно-техническая терминология, 2002. – Вып. 2. – С. 39–40.
5. Кудашев И.С. Словарь как артефакт: лексикографическое определение словаря // Человек. Язык. Искусство (памяти профессора Н.В. Черемисиной). Материалы Международной научно-практической конференции. – М.: МПГУ, 2002. – С. 160.
6. Кудашев И.С. Место переводных терминологических словарей в универсальной классификации словарей // Лексика и лексикография: Сб. науч. тр. – Вып. 14. – М., 2003. – С. 92–103.
7. Кудашев И.С. Переводные терминологические словари глазами переводчиков: результаты опроса // Теоретическая лексикография: современные тенденции развития: Материалы V Международной школы-семинара, Иваново, 8–10 сентября 2003 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. – С. 53–55.
8. Кудашев И.С., Хаютин А.Д. К вопросу о формах терминоэлементов и терминов // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: Сборник научных трудов. – М.; Рязань: [Б. и.], 2003. – С. 101–107.
9. Kudashev, I. Towards a "Genetic" Typology of Specialised Dictionaries. In S.D. Shelov & V.M. Leichik (eds) *Russian Terminology Science (1992–2002)*. Vienna: TermNet Publisher, 2004. 297–315.
10. Kudashev, Igor. Millainen on hyvä terminhallintaohjelma? *Terminfo* 2/2004. 10–11.
11. Кудашев И.С. К вопросу о терминографическом обеспечении средних и малых словарных проектов // Научно-техническая терминология, 2004. – Вып 1. – С. 39–41.
12. Kudashev, Igor. On Terminology Management Software in Small and Middle-Sized Dictionary Projects. Teoksessa Koskela, Merja – Pilke, Nina (toim.) *Erikoiskielet ja käännösteoria. VAKKI-symposiumi XXIV. Vaasa 7.–8.2004*. Vaasa: Vaasan yliopisto, 2004. 129–135.

13. Кудашев И.С. Типы информации в терминологических переводческих словарях // Лексика, лексикография, терминография в русской, американской и других культурах: Материалы VI Международной школы-семинара, Иваново, 12–14 сентября 2005 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. – С. 175–177.
14. Kudashev, Igor. On the Treatment of Nomenclature in Specialised Dictionaries. Teoksessa Mård-Miettinen, Karita – Niemelä, Nina (toim.) *Erikoiskielet ja käännteoria. Vakki-symposiumi XXV. Vöyri 12.–13.2.2005*. Vaasa: Vaasan yliopisto, 2005. 176–183.
15. Kudashev, Igor – Pasanen, Päivi. Kääntäjän ja tulkin tiedonhausta ja tiedonhallinnasta. Teoksessa Yli-Jokipii, Hilikka (toim.) *Kielen matkassa multimediaan. Näkökulmia kääntämisen tutkimiseen ja opiskelemiseen*. Kouvola: HY Käännöstieteen laitos, 2005. 75–92.
16. Kudashev, Igor. Hyvin suunniteltu on puoliksi tehty. Metsäsanakirjan laatimissuunnitelman kehityksestä (2005/2006, в печати).
17. Kudashev, Igor – Kudasheva, Irina. Terminhallintaohjelma MyTerMS terminologin aruna (2005/2006, в печати).
18. Кудашев И.С. Особенности работы над дескриптивным переводческим терминологическим словарем (на примере Финско-русского словаря по лесному хозяйству) // Научно-техническая терминология. Материалы XI международной конференции "Нормативное и описательное терминоведение". – М., 2006. – Вып. 1. – С. 70–72.
19. Kudashev, I. & Kudasheva, I. Software Demo: The Terminographic Processor MyTerMS. In Schryver, G.-M. de (ed.) *DWS 2006: Proceedings of the Fourth International Workshop on Dictionary Writing Systems, Tuesday 5th September 2006, Turin, Italy (Pre-EURALEX 2006)*. Pretoria: (SF)² Press. 35–40.
20. Kudashev, Igor. Bilingual and Multilingual LSP Dictionaries: Translators' Point of View (2002/2006, в печати).
21. Kudashev, Igor. Additional Meaning Components of Terms and their Treatment in LSP Dictionaries. Teoksessa Lehtinen, Esa – Niemelä, Nina (toim.) *Erikoiskielet ja käännteoria. VAKKI-symposiumi XXVI. Vaasa 11.–12.2006*. Vaasa: Vaasan yliopisto, 2006. 143–149.
22. Кудашев И.С., Кудашева, И.О. Особенности работы над притекстовым терминологическим словарем (на примере словаря терминов программ соседства Россия – ЕС) // Научно-техническая терминология. Материалы XII международной конференции "Нормативное и описательное терминоведение". – М., 2007. – Вып. 1. – С. 22–23.

Доклады

1. *Современное состояние финско-русской терминографии*. Slavistiikan päivät, Tampere, 25.1.2002.
2. *Bilingual and Multilingual LSP Dictionaries: Translators' Point of View*. XXII Vakki-symposiumi, Vaasa, 9.2.2002.
3. *К вопросу о типологии специальных словарей*. VIII международная терминологическая конференция "Стандартизация терминологии, новые методы и результаты исследования терминологии разных областей знаний", Москва, 21.6.2002.
4. *Словарь как артефакт: лексикографическое определение словаря*. Международная научно-практическая конференция памяти профессора Н.В. Черемисиной, Москва, 6.11.2002.
5. *Typologies of Specialised Dictionaries over Time*. XXIII Vakki-symposiumi, Vaasa, 8.2.2003.
6. *Kaksi- ja monikieliset erikoiskielen sanakirjat kääntäjien silmin: kääntäjäkyselyn tuloksia*. KäTu-symposiumi, Turku, 5.4.2003.
7. *Переводные терминологические словари глазами переводчиков: результаты опроса*. Теоретическая лексикография: современные тенденции развития. V международная школа-семинар, Иваново, 9.9.2003.
8. *Käytännön sanakirjahankkeen tarpeet ja terminhallintaohjelmien käyttö (esimerkkinä Suomalais-venäläinen metsäsanakirja –hanke)*. XXIV Vakki-symposiumi, Vaasa, 7.2.2004.
9. *On Terminology Management Software in Small and Middle-Sized Dictionary Projects*. X международная терминологическая конференция "Нормативное и описательное терминоведение", Москва, 27.5.2004.
10. *Nimikkeet: mitä ne ovat ja miten niitä voi käsitellä erikoiskielen sanakirjassa*. XXV Vakki-symposiumi, Vöyri, 13.2.2005.
11. Igor Kudashev – Päivi Pasanen: *Kääntäjän ja tulkin tiedonhausta ja tiedonhallinnasta*. III. KäTu-symposiumi, Kouvola, 22.4.2005.
12. Igor Kudashev – Irina Kudasheva: *Terminology Management Systems: Terminologists' Needs and Expectations (Case: Finnish-Russian Forestry Dictionary Project)*. Nordterm 2005, Reykjavik, 10.6.2005.
13. *Типы информации в терминологических переводческих словарях*. Лексика, лексикография, терминография в русской, американской и других культурах. VI международная школа-семинар, Иваново, 13.9.2005.
14. *Hyvin suunniteltu on puoliksi tehty. Metsäsanakirjan laatimissuunnitelman kehityksestä*. Termit ja metsä. Terminologia Suomessa ja Venäjällä –seminaari, Helsinki, 14.10.2005.
15. Igor Kudashev – Irina Kudasheva: *Terminhallintaohjelma MyTerMS terminologin apuna*. Termit ja metsä. Terminologia Suomessa ja Venäjällä –seminaari, Helsinki, 14.10.2005.

16. *Additional Meaning Components of Terms and their Treatment in LSP Dictionaries*. XXVI Vakki-symposiumi, Vaasa, 11.2.2006.
17. *Additional Meaning Components of Terms and their Treatment in LSP Dictionaries (extended version)*. Tutkijakoulu Langenetin seminaari, Kouvola, 30.3.2006.
18. Пленарный доклад: *Особенности работы над дескриптивным переводческим терминологическим словарем (на примере Финско-русского словаря по лесному хозяйству)*. XI международная конференция "Нормативное и описательное терминоведение", Москва, 25.5.2006.
19. Igor Kudashev – Irina Kudasheva. *Software Demo: The Terminographic Processor MyTerMS*. The 4th International Workshop on Dictionary Writing Systems (Pre-EURALEX 2006), Turin, 5.9.2006.
20. *Terminography vs. Lexicography Opposition Revisited*. XXVII Vakki-symposiumi, Vaasa, 9.2.2007.
21. Игорь Кудашев – Ирина Кудашева. *Особенности работы над притекстовым терминологическим словарем (на примере словаря терминов программ соседства Россия – ЕС)*. XII международная конференция "Нормативное и описательное терминоведение", Москва, 24.5.2007.
22. Igor Kudashev – Irina Kudasheva. *Specific Features of Translator-oriented Terminological Dictionaries*. Nordtem 2007, Bergen, 14.6.2007.